

Александр Протасов

+16

ПЛАНИРОВЩИК ЗАДАЧ

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Александр Протасов

Планировщик задач

СПИСОК ПРАВОСУДИЯ

Второе издание

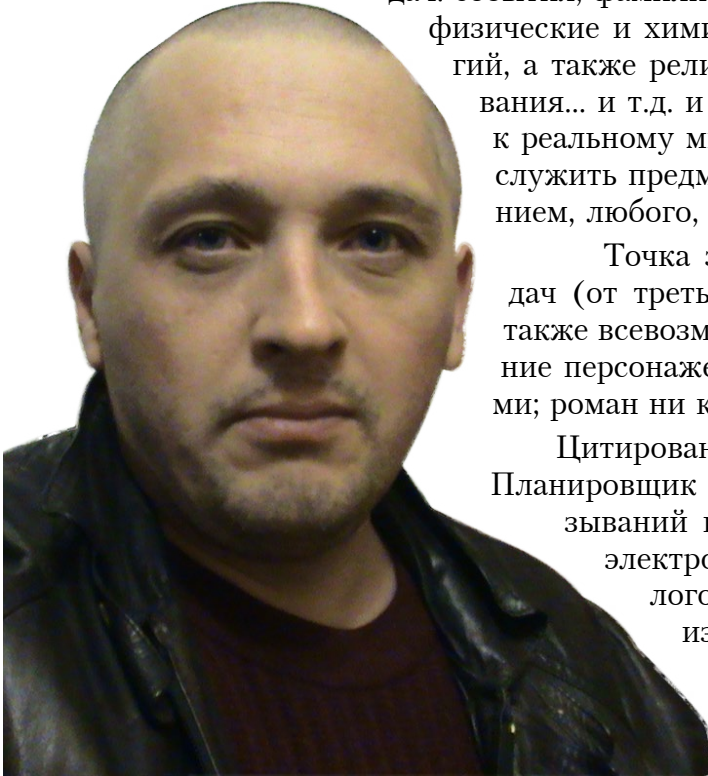
2016

Здесь может быть ваша реклама

**ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КНИГ, ИНСТРУКЦИЙ, БРОШЮР,
ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТОК И РЕКЛАМНЫХ БУКЛЕТОВ
В ФОРМАТЕ PDF - ДЛЯ ПЕЧАТИ, И ДЛЯ ЧТЕНИЯ
С ЭЛЕКТРОННЫХ ДИСПЛЕЕВ.**

PEGASDESIGN@YAHOO.CO.UK

С первой и до последней буквы романа Планировщик задач: события, фамилии, все собственные и нарицательные имена, физические и химические термины, названия планет и религий, а также религиозные высказывания и другие высказывания... и т.д. и т.п. — является вымыслом, и не относится к реальному миру; любое сходство: случайно; и не может служить предметом обсуждений: с реальным мировоззрением, любого, официального или частного лица.

Точка зрения автора, в романе Планировщик задач (от третьего лица), по любому вопросу, ее подача, также всевозможные мотивации, высказывания и поведение персонажей — игра слов и лицедейство над чувствами; роман ни к чему не призывает, не учит и не склоняет.

Цитирование, явное и не явное, любой части романа Планировщик задач: песен и стихов (полностью), высказываний и т.д. и т.п. — в интернете, книгах (кроме электронных журналов и газет, и их печатных аналогов; других, всевозможных: периодических изданий и выпусков). Разрешено — только: с указанием названия данного произведения и фамилии автора, с инициалами. Ссылка на мой блог обязательна:

poetryartblog.blogspot.com

Внимание!

Роман имеет возрастное ограничение

+16

УДК 0044.924

ББК 32.8889.268-018.2

ISBN 999-5-9775-3312-69

© Первое издание А.А. Протасов, 2014

© Второе издание А.А. Протасов, 2016

© «Издательство Pegas Design», 2016

Тираж 200 000 экземпляров (RU)

Планировщик задач

СПИСОК ПРАВОСУДИЯ

Оглавление

Пролог	7
Часть I Большой город	
Глава 1	8
Глава 2	33
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	52
Глава 6	77
Глава 7	84
Глава 8	92
Глава 9	101
Часть II Колхоз — дело добровольное	
Глава 1	118
Глава 2	136
Глава 3	146
Глава 4	155
Глава 5	164
Часть III Посылка с Марса	
Глава 1	191
Глава 2	195
Глава 3	202
Глава 4	217
Часть IV Не всегда коту масленица	
Глава 1	232
Глава 2	239
Глава 3	252
Глава 4	261
Глава 5	274
Эпилог	285

*Настанет день — сменяя ночь
Осветит луч, дитя порока
Сверкнет победный, правды меч:
Избавит плоть от злого рока*

От Автора

Пролог

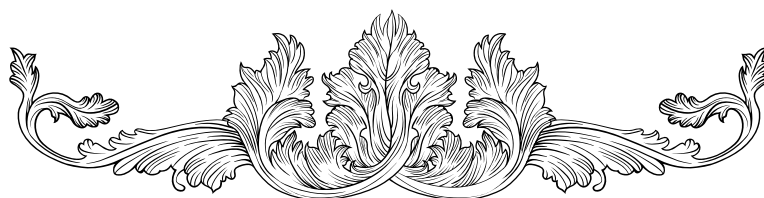
*Чернила черные померкли,
Пожаром в сердце, слог дымя
Страницы буквами изъели
Сюжет за образом маня*

*Нам книга дарит — безвозмездно:
Все тайны сказочных миров,
Подносит подвиги помпезно,
Пленив у дальних берегов*

*Бесценна жизнь — бесценно знанье
Страниц отцветших — эта суть,
Что книга — золото сознанья:
Дорого жизни в вечный путь*

Часть 1

Большой город

Глава 1

Розовый туман холодил, и без того, свежее утро: сальматийских джунглей — большое содержание кислорода в воздухе, кружило головы; а приветливая Самунга, с ее вечным летом, как всегда, восхищала: напоенным ароматом дикого леса; влажность которого — с головой и насквозь пропитала, обмундирование команды.

Джек отправил клапер на орбиту, а сам сосредоточив внимание на боевой задаче — крепко сжал протонную винтовку: зорко смотрел по сторонам.

— Гарри, прикрывай наш зад! — крикнул он в сторону здоровяка, который что-то напевая себе под нос, с треском сухого стенпона, пробирался через густые заросли джунглей, — Остальным не моргать и быть начеку. — А кто еще кроме меня, — отозвался двухметровый мужик с видом гориллы, и еще крепче сжал оружие, с силой, стукнул ногой ветку на своем пути.

Миротворческая миссия на далекой и экзотической планете — это уже третья за месяц, не предвещала особых хлопот и межгалактический спецназ под командованием Джека Сильвера взял курс в сторону поселения экумеров; боевая задача отряда: урегулирование этнических потасовок, между кланами, которые угрожают бизнесу земных дельцов; и тем самым ограничивают добычу шунгтона, из недр Самунги — делая ее практически невозможной.

— Утихомирим голодранцев: возьму недельку... и на океан: девочки, шампанское... — размышлял вслух Стелков.

— Помечтай! Помечтай! У тебя отпуск по расписанию когда?.. — перестал напевать, сразу же пробросил Гари.

Разговоры, об недельной передышки: от напряженного графика, взбодрили команду и уже через три минуты — переросли в громогласный спор; эхо гулкой болтовни, летело далеко вперед: по джунглям — рассекречивая подразделение.

— Спорите о пустом... лучше бы подумали, о том, как не схлопотать стрелу.

— Сэр... вы хоть, им подтвердите...

— Подтверждаю! Когда закончим с этим дерьмом... буду загорать на лазурном берегу: тридцать календарных дней. И пока не вернусь... — заулыбался Сильвер.

Спор в тотчас стих и в команде воцарилась тишина: доказывать Джеку свою правоту, было бесполезно и хлопотно.

Через сорок минут: черепашьего движения — спецназ вышел на равнинный ландшафт, чуждадных прерий; горизонт плыл в причудливых узорах: восходящего Морка, прорисовывая, далекие очертания — древнего города. До поселений экумеров было рукой подать: не более трех километров.

— Сейчас я им покажу... третий раз за месяц... — негодовал Гарри, сжимая строкмерский тренсвиллизатор, который он добыл в бою: как трофей, и таскал это громоздкое, но весьма эффективное оружие по всем планетам где ступал их спецназ.

— Приказ... сами знаете... одно двух распылим...

— Сэр, в прошлый раз: пятерых... и Гарри, двоих на узел завязал... не помогает — заулыбалась Саманта.

— Вы это слышали? — неожиданно произнес Лис и дал знак тишины.

— Слышали, слышали... пятью они, сегодня, точно не отделаются, — не унимался здорвяк.

— Мне или кажется, или там...

Команда повернула головы, куда прищурил глаза Лис.

Шум усиливался с геометрической прогрессией: перерастая в леденящий душу рев — клубы зеленой пыли шаром катились в сторону отряда...

— Отходим в джунгли... Саманта давай связь с Землей!..

— Хотели меня... — забурчал Гарри, поспешно разворачивая тренсвиллизатор.

— Сэр, что это?..

— Сильвер, ваш приказ: любой ценой... главное: копальни шунгтона... животные... какие еще монстры... если вы не знаете, что делать... шунгтон... шунгтон... остальное не ваши проблемы?!

— Голодранцы с левого фланга!..

Разрывая куски черной плоти, гигантских животных: загудел строкмерский тренсвиллизатор — пыль, кровь и оглушительный рев, омыли реки голубой крови; злорадная улыбка Гарри — стыла каменной печатью, оставляя след в истории Самунги.

— Это ведь, вам не война, мистер Сильвер... и мы хотим знать: не пострадает кто-нибудь еще?!

— Джек, и зачем ты трогал... будь они неладны: эти кроптаны?..

— Ваша безответность, полковник... вы поставили нас на грань войны!..

— Кто за это ответит?..

— И скажите спасибо, что на пенсию, а не под суд...

«...Копальни шунгтона, под нашим контролем...» — закричал Джек, на весь бокс и открыл глаза; холодный пот пощекотал нервы, навевая тяжелые воспоминания, которые поставили крест не его службе и горьким осадком отложились на душе; подлая подстава: с приказом о уничтожении кроптанов — загубила военную карьеру Сильвера, и сейчас, кроме как сожалеть... ничего больше не оставалось.

Кварцы промигали: пять ноль, ноль, и для столь раннего подъема: чуть свет ни заря — не было не только обходимости, но и желания.

Вчерашний день, Джек провел в сплошной нервотрепке что была связана с его новой должностью и рабочий день закончился далеко за полночь; дома он после сытного обеда: со свинцовой усталостью от напряженного дня, даже и не помнил, как отрубился мертвецким сном, под ушептывание новостного канала.

Сжав глаза и ни о чем не думая, он пролежал еще около десяти минут: слушая свое сопение, но вопреки желанию, сон не шел; бросив эту идею: вздремнуть часок — другой, Джек лениво перевернулся на спину и включил музыкальный канал. Хриплый бас: лидера группы «Mercy killing» — разорвал бокс на части:

*Кричат багряные вулканы:
Рекой кровавой реут закат*

*Не зажили все наши раны,
Что отдадим мы в долг: назад...¹*

И от сна, не осталось и следа... если это можно назвать сном; который больше напоминал, работу вычислительной машины, что выключалась на ночь: бережливым хозяином, а утром, уже сама — по заранее установленному таймеру, принималась за расчеты.

Рука лениво потянулась за «Курвепантом». Первые две тяги и аромат уритронных² сигарет, создал иллюзию курения. Сильвер в очередной раз: пытался, бросить курить, и уже, целых четыре дня, пыхтел — это чудо, новых технологий.

Он лежал на кровати и дымил сигаретой, и как не пытался сосредоточиться на работе, в голове не было ни одной стоящей мысли: с чего начать и с какой стороны подступиться.

После межгалактического скандала: об уничтожении священных животных на Самунге, Джек попал под большой политический пресс и вся ответственность за содеянное — легла на его плечи. И как ему тогда сказали «...скажите спасибо, что на пенсию, а не под суд...» — эти слова создали еще больше вопросов, на которые никто не собирался отвечать.

Не зная, чем могут пригодиться, его армейские навыки, в мирной жизни, он полгода прослонялся: без дела. И когда уже казалось... к нему, неожиданно, поступило предложение: занять должность шефа спецподразделения «Барьер», которое занимается самыми громкими и загадочными преступлениями, и имеет неограниченные полномочия; новая работа хоть и не вызывала должного энтузиазма, но на безрыбье и рак рыба: по сравнению, с мирской жизнью на пенсии — не оставили ему права выбора; и это скорее всего, как он думал, была подачка от правительства... ведь несмотря на такое резонансное дело с кроптанами, его, все равно, уважали и ценили.

Прошел месяц, как он возглавил подразделение, и снова дело всепланетного масштаба... со схожей ситуацией: только сейчас пугают отставкой. По прошествии: военных лет, Джек накопил богатый, боевой опыт, и его умелые стратегии, не раз, спасали жизни целых поселений и даже планет, — но там, в отличии от сегодняшней обстановки, был известен противник; здесь же, десятиллиардный город, который был ему чужд; все это подогревалась возможностью аналогичных преступлений... — что ярмом ответственности, немного согнуло его колени.

Эмоциональный взрыв недовольства, по всему Тронплексу, перерос в многочисленные акции протеста — горожане сплотились, требуя объяснений от компетентных органов.

Вчерашнее убийство девочки, изуродованное тело которой, нашел бомж, на заброшенном складе макулатуры: небывалое, за последние сто лет преступление — оно выбило почву под ног, многих, высоких чиновников, и те боясь потерять нагретые места, решили в очередной раз скинуть проблему на чужие плечи.

Еще одна тяга, сигарета издала громкий писк и отключилась. «Покурил называется, — буркнул Джек и положил «Курвепант», обратно в упаковку. — А если бы не отключалась, курил бы наверное... пока никотин с задницы не закапает, — подумал он и опять взяв упаковку от сигареты, внимательно прочитал на ней все надписи, которые микроскопичным шрифтом, предупреждали о вреде курения, и ставили под сомнения жизнь на Земле, без их курвепанта, — Придумывать они мастера, — улыбнулся он от прочитанного, и положил прибор обратно на тумбочку. Закурить это чудо можно было, только через два часа».

Музыка приятно ласкала уши, напрочь отбив желание спать, но на желание вставать, с нагретой постели это не повлияло... переборов приятный приступ лени, Сильвер резко вскочил с кровати, и бухнувшись руками на пол — принял упор лежа. Потом про себя, с большой скоростью, начал отсчитывать: «Раз, два, три...» — первые пятьдесят отжиманий, он выстроил

¹ Отрывок из песни «Кровавый закат», слова А. А. Протасов

² Уритрон — живая энергия, с возможностью... разработка на основе антиматерии.

будто с пулемета, затем чуть снизив темп, продолжил с таким же усердием. «Сто надо сто», — и это у него после долгих лет службы на Федерацию, сформировалась, привычка: делать зарядку со ста отжиманий. «...Девяносто восемь, девяносто девять, сто», — досчитал он до конца и резко выпрыгнул: стал на ноги. Кровь хорошо разогналась по телу, наполнив могучие мышцы груди и рук — придав коже розовый оттенок.

Мощная мускулатура, играла на пропорционально развитом теле; множество памятных знаков, что в виде многочисленных шрамов и тату: разных размеров и датировок — вдоль и поперек опоясали его существо; и они были, куда более, наглядной книгой жизни, чем идентификационная карта; по рубцам и надписям прочитывалась вся военная карьера полковника Сильвера.

Большой шрам, на левой стороне груди, каждое утро напоминал ему, о нелегких буднях службы на Федерацию, и о том плене, что он попал по стечению обстоятельств.

Дело было в созвездии Нептуна, когда туземцы прикинувшись мирным населением, подсыпали ему в еду снотворных трав: взяли в плен, и если бы он тогда послушал совет Малыша Гарри, и пошел спать на корабль, то этого можно было избежать.

Диковинная тату дракона, на правом плече — вот что на самом деле оставило незабываемые эмоции связанные с его самыми большими приключениями. Татуировка — одно название, на самом деле это намного больше чем тату; таких украшений в Тронплексе не делают, и вдобавок, Джек, единственный человек, имеющий нечто подобное из всех землян.

Делал он ее на Галакsee — далекой планете гелтов. С какого боку не посмотреть, дракон поворачивает морду в твою сторону и извергает пламя, и кажется, что вот-вот он вырвется из плеча, и точно: если не съест, то спалит. Но чудище, сделав такой выпад, разворачивается и летит прямо в глубину плеча, где облетает инопланетный горный пейзаж, и заново берет курс в твою сторону: раз за разом повторяя данный маневр. Он будто живет в плече, и кто первый раз видит тату, то с удивлением спрашивает: как ты его туда засунул?

Другие пять татуировок, он делал еще в молодости и они носят тематический характер: учеба в академии потом космическая пехота, спецподразделение «Красная стрела» ... — эти украшения, может и не претендуют на роль: произведений искусств, но они ему одинаково, памяты и дороги.

После зарядки Джек подошел к окну и стал, на лежавшие на полу, лейтропные весы, что считаются наиболее точными и не имеют, и миллионной грамма погрешности. «Сто два килограмма, семьсот граммов ...» — в тотчас произнес приятный голос, отсчитывая миллионные грамма. «Ну вот! Почти три килограмма... за месяц», — размышлял он вслух, делая шаг с весов. Для себя он считал нормой: сто килограмм и для роста метр девяносто — та самая: золотая середина, которой он поддерживается многие годы, но в условиях города — делать это, совсем непросто.

Джек расправил плечи и направился в душ. Через десять минут: свежий, как огурчик, но небритый Сильвер — в чем мать родила: прошел на кухню и заварил крепкого, зеленого чая; аромат: сектоновой добавки — наполнил бокс. Серпая обжигающий напиток, он проследовал к окну, по дороге сказал: «С6», — экран плазматрона³ украсило миловидное личико: диктора новостного канала, которая настойчиво доказывала точку зрения, по поводу: зверского убийства подростка.

И такая новость дня, не только этого, но и тысячи подобных каналов, забила эфир; все средства массовой информации, муслировали одно и тоже, стараясь надавить на правительство, чтобы получить взамен многомиллионные рейтинги; «С6» — не был исключением, но его

3 Голографический плазматрон — средство коммуникации и развлечения, совмещает в себе — телевизор, телефон, радио, компьютер, игровую приставку и т. д. и т. п.

независимость от политики и характерная черта: подавать информацию без всяких украшений и раздуваний — резко выделяла канал на фоне других массмедиа.

Хоть Джек и вел это дело, новости с плазмтрона, как он успел уже убедиться, были не последним источником, откуда иногда можно получить: совсем неожиданную информации, и мало что могли накопать эти репортеры. Особенно та — Вероника Джонсон, которая вчера, преследовала его, будто хорошая ищейка, что взяла след, и Джек тогда ели отделался от ее цепких вопросов.

«...В продолжение сказанному, хочу добавить: если правительство Тронплекса, не может обеспечить должную безопасность... то нам, простым гражданам... ничего не остается, как взять заботу: о личной сохранности, в свои руки, — вещал диктор, с экрана плазматрона, и на заднем плане виднелось множество, возмущенных людей, с транспарантами...»

Личико блондинки, что рьяно осуждала бездействие правительства: в данном вопросе — явно, не сочеталось, с манерой резко говорить, на серьезные темы.

Сильвер мельком глянул на экран, только шмыгнул носом и переключи взгляд, в окно; две тысячи пятьсот седьмой этаж, открыл сказочную панораму и получая явное удовольствия от такой картины он смакуя цедил чай — всматриваясь вдаль завораживающей вечности.

Багровый восход переливался, божественным величием жизнедарящей мощи и набирал силу, с каждой минутой; клубы из толстенного одеяла, что заблудшими овечками укрывали ночной город — с последних сил держали бескомпромиссный оплот: на пути от мрака к свету; но яркие лучи, без малейшего усилия, пробили оборону — озаряя пики башен: жилого комплекса «Celestial lantern», которые пронзали небосвод, величием тектонской архитектуры. Скользя по крыльям бронзового хаймера, что стоял на страже духовного покоя юго-восточной башни — лучезарный свет: не спеша, но уверенно, устремился вниз по выступам, зеркальной обшивке здания — принуждая тьму к безоговорочной капитуляции.

На нижних этажах была еще ночь, и свет солнца, они могли, там, увидеть только через час, но у них имелось другое преимущество, с их окон: во всем своем величии: постоянного движения — радовал глаз Тронплекс.

Тронплекс — город мечты, что раскинул свои щупальца: магистралями человеческих душ, пленив мощью и величием технического прогресса; единственное место на планете, где собралось все земное племя, которое утопает в бранных заботах повседневной жизни; не обращая внимания на эволюционные процессы в технократической элите, верховного правления мегаполисом.

Нет ни сел, ни деревень; язык общения тоже один — земной. Получив мощный импульс единой коммуникации, город развивался и развивался: поглощая новые пространства. Земное правительство переселяло из отдаленных уголков планеты, даже самые малочисленные народы, улучшая тем самым быт этих людей. И в один прекрасный день, это превратилось в гигантский организм, с супер потребностями, что занимает площадь: 1545600км². И это только жилые и административные здания, что упираются верхушками в небеса, и настолько же уходят вниз.

Мега-город окружен стеной из энергетического поля и имеет семьдесят три физических входа и выхода; шлюзы Тронплекса открыты двадцать четыре часа в сутки и тщательно охраняются.

Мысли Сильвера, в это столь раннее утро сводились к одному, о предстоящей встрече с генеральным прокурором: «Опять к Штейцу: с докладом! Только что докладывать? И встречу назначил с самого утра... или он думает, что мы за ночь: всех нашли и всех поймали... вот уже человек!» — рассуждал Джек и не спеша, посербивал горячий чай.

Чрезмерное внимание генерального прокурора, тяжелым грузом, легло на плечи новоиспеченного шефа подразделения «Барьер». И пахло очередной отставкой. Как выразился Штейц «...Неделя и не больше... нам надо кадры, которые разбираются... и сами знают, как подойти к проблеме...»

Единственное, что Джеку нравилось, это кристально ясная задача: вычислить и задержать, а потом предать правосудию — остальное дремучий лес, ведь работа в условиях города, как и сам Тронплекс... явно были не для него.

Неожиданно, два сказочных дракона, молнией пронесли, мимо окна. Джек с грустью проводил полицейские клаперы, что мельком показались его взору и в ту же секунду растворились вдали. Оставив ностальгию, о былых временах: вспомнился родной «Буран» что был родным домом и боевой клапер, который разил огневой мощью любые укрепления и был оснащен пяти мегатонной, аркилтонной пушкой, с опциями невидимости и кучей других наворотов.

Как он по всему этому скучал.

На этой должности, в его распоряжении, имелся тоже достойный клапер, но не было той, мощи, к которой он так привык.

Сладостные воспоминания прервал голос диктора:

«...Сейчас мы предоставим слово нашему, специальному корреспонденту, Веронике Джонсон, она побывала на месте преступления... Вероника, расскажите пожалуйста: что же там произошло... что известно о изувере или тех нелюдях... не дай бог, такое даже видеть... что сделали с бедной девочкой?» — задалась вопросом белокурая диктор, и рейтинг канала тотчас замигал утроенным значением.

На экране голографического плазматрона появилась молодая девушка, привлекательной внешности: та самая репортер, которая, вчера вечером, поставил Джека в тупик, своими коварными вопросами. Ее поведение и манеры вести разговор указывали только на одно: что палец в рот ей не клади — бабенка не промах и крепко знает свое дело. Даже при одном виде ее голограммы, Джек, ощутил схожее чувство, когда он попал под пресс расспросов и почувствовал себя не в своей тарелке. Весь тот напор и давление, с которым она на него наехала, для другого могли закончиться очень плачевно. Но Вероника была другой случай, и одна общая черта: достижение поставленной цели, не размениваясь на цену — ставила их на один уровень. Разница только в постановке задачи. У Джека война, а у нее сбор информации, что тоже можно приравнять к войне. Ведь сбор разведанных и получение материала в условиях мегаполиса: совсем не тривиальная задача, но война войной, а здесь мирная жизнь, свои правила и все по-другому.

Сильвер понемногу привыкал к жизни, в условиях Тронплекса, и несмотря на то, что было это, очень и очень непросто: особенно с контролированием эмоций и спец навыков, — но другого выбора у него не было.

Джек полностью сосредоточился на голограмме, и по привычке потянулся за сигаретой. Но так — как не прошло двух часов, с последней закурки, то уритронная сигарета не подавала малейших признаков «жизни». «Напридумывали, всякой херни!..» — подумал он и с злостью поломал «Курвепант», кинул его обломки на пол.

«...Нам известно, что девочке было одиннадцать лет ... — продолжала вещать с экрана Вероника. — ...Какая удача... человек в шляпе, — сказала она тихим голосом, — ...сейчас мы попробуем узнать информацию, как говорить: с первых рук... полковник Джек Сильвер, с недавнего времени возглавляет спецподразделения «Барьер»».

На экране появился Джек, который только прибыл на место где нашли труп девочки, и

выходил с клапера. И это был тот самый случай, что застал его врасплох.

«...Мистер Сильвер, пять минут вашего внимания... канал «С6» ... Вероника Джонсон, — окружила она его, своим вниманием. — Добрый вечер! Скажите пожалуйста! Вы как месяц заняли эту должность. Хватит ли у вас опыта раскрыть преступление... здесь ведь не война?! И мы хотим знать, не пострадает кто-нибудь еще?!»

Джек и сам, пока, не владел информацией, и не знал, что надо говорить в подобных случаях. Он никогда, не давал интервью, и ни разу в жизни не выступал на камеру. И только этот случай дал ему по-настоящему ощутить, что значит быть публичным человеком, которым он и стал, когда занял должность, шефа подразделения «Барьер».

«...Говорят, девочке отрезали голову, и что у нее отсутствуют пальцы на руках и ногах. Это был маньяк или может дела рук религиозной секты?..» — не унималась Вероника и привела пример столетней давности, о похожем случае с участием белой братии.

Сильвер, еще не видел трупа, и не мог знать таких подробностей, и он не совсем понимал, слова «говорят девочки отрезали голову...» «Кто говорит? Я!.. не видел тела...» — крутилось тогда у него в голове. Он только прибыл на место преступления, а эта репортерша все уже знает. И только Джек попытался открыть рот... сзади раздался голос офицера полиции: «Мэм! Полиция, на данное время, не владеет информацией, что будет полезна вашему каналу... пожалуйста, отойдите и не мешайте следствию, — сказал лейтенант, а сам протягивая ленту, которой обычно огораживает место преступления, отодвинул репортера на десять метров.

Джек тогда с облегчением вздохнул и подумал: «На первый раз пронесло. Но рано или поздно, она, меня достанет: своими вопросами». Даже сейчас когда он стоял перед плазматыром, знакомое чувство будто находишься в тылу врага, возле сейфа с ценной информацией и только осталось ее взять — пощекотало его самолюбие, наряду с неоднозначной оценкой оппонента.

Пронзительный писк, неожиданно ударил по ушам, — и новостной канал сменила голограмма, головы женщины, сверху которой была надпись: «Национальный департамент по информированию». Это был уритронный секретарь, он сообщал жителям Тронплекса: указы и правительственные новости, а также работал с госслужащими.

«Уважаемый, Джек Сильвер! — вещал секретарь. — Сегодня: на семь часов, вам, назначена встреча, с генеральным прокурором, Майклом Штейцом. Цель визита отчет о деле 234Е. Просьба не опаздывать! Приятного вам дня!»

Экран мигнул и опять затараторил новостной канал — небольшая злость навееяла чувство дискомфорта; подобные напоминания были равносильны: повторению одного приказа дважды, что не совсем укладывалось в принципиальные ценности полковника Сильвера.

День предстоял напряженный и для продуктивной работы не мешало бы основательно подкрепиться. «Чтобы такого: хорошего пожрать», — подумал Джек натягивая спортивные штаны, потом он накинул рубашу, прошел на кухню, где потирая ладонки, остановился возле похожего: на большой ящик, прибор — быстро соображая о своем завтраке. Только ящик не ящик: бока от ящика, в середине которого было пусто, а сбоку виднелось голографическое табло. Сильвер провел рукой напротив табло, послышался щелчок, следом приятный, женский голос: «Привет, Джек! Мое, видит твоё проснулся... — как всегда многословила Эрика — ...Чем сегодня, таким вкусным, твоё решил себя порадовать?..»

Уритронный бармен — вот к чему он за полгода так привык, что и не знал, как без этого обходился раньше. За долгие годы службы, армейские консерванты достаточно приелись, а здесь можно заказывать, что пожелает душа. После оформления заказа он поступает в кафе и рестораны, а также кухни лицензированных поваров, кто не прочь заработать лишний кредит. Там просто ставят блюдо в такой же «ящик» — пять секунд, и оно у вас в треkere. С дому можно вообще не выходить, были бы деньги. Управляет трекером, искусственный интеллект N6 уровня, что в силу своего несовершенства: заточен под прибор и имеет назойливый и многословный «характер».

Джек заказал: две порции риса и большой кусок парной осетрины, салат с овощей, а на десерт — мороженое с клубникой и яблочный пирог, пятьсот миллиграмм горячего шоколада.

— Что и все?.. А не желает твое?..

— Эх, твое мое, была бы ты живой... то рассказал я бы тебе: что твое, где, когда мое — как я желаю и где делаю, после того как нахожу мое удовольствие в сбывшемся.

— На вопросы не связанные с гастрономией... мое...

— Тогда твое... давай заказ, — подымал себе настроение Джек, куражась над N6 интеллектом.

— Заказ принят... грубиян... — отговаривалась Эрика.

На табло засветилось семнадцать, и это означало, количество кредитов что надо отдать за завтрак. Он снова провел рукой напротив табло, и на пару секунд задержал руку. Сканер в это время считал ДНК, и сразу послышался голос Эрики:

«Приятного аппетита!» — и на удивление, больше ни слова.

Через тридцать секунд, раздался щелчок, и трекер засветился розовым — кухню, вмиг наполнил приятный запах: горячего шоколада и паровой рыбы. Аппетит взялся ниоткуда — такой внезапный, дикий голод охватил Джека, что казалось: съел бы наверно и целого быка.

Основательно подкрепившись он прошел в зал и по привычке взял пачку с «Курвепантом», но коробка оказалась пустой, не сразу поняв в чем дело, он еще с минуту рыскал по тумбочке, пока не вспомнил, что стало с сигаретой. Желание подымить, после сытного обеда, было настолько сильным, что те два обломка нашлись в один миг. Скрепив их липкой лентой Джек попытался это закурить, — но сигарета к его огорчению не работала. «Вот блин покурил... все... надо кончать с этим онанизмом!» — злясь он нервно швырнул сигарету, в дальний угол бокса.

Кварцы отмигали пятиминутку и показали: шесть сорок — спешить было некуда — время позволяло, но само событие, как встреча с генеральным прокурором, очень напрягало и он решил прийти чуть раньше. Джек оделся, обулся и натянул любимый, кожаный плащ. Осень радовала своей погодой и день выдавался быть солнечным. Накинув на лысую макушку большую, кожаную, ковбойскую шляпу, он достал астрал.

Астрал про существования которого многие жители Тронплекса, даже и не подозревали — вдохновлял Джека; ведь прибор для пространственных перемещений имел только ограниченный контингент спецслужб и военных (только высший командный состав) остальным телепорт или крути педали на велосипеде — другие виды перемещения, только для представителей власти. А в его распоряжении имелся личный портал, при включение ручка автоматически считывает ДНК и даже если бы у него его украли или он его потерял, то воспользоваться им без подтверждения прав доступа к астралу — практически невозможно.

Телепорт или просто порт, народное средство перемещения — чудо современной техники, в любое место за считанные секунды, и не только Земли... уже более пятнадцати лет работает бесплатно. Перемещения строго и тщательно контролируют: пока прибор не считает ДНК — портировки не будет. Операция регистрации и отправки занимает секунды. Подставил руку — три секунды и ДНК считано; сказал номер назначения — шаг вперед и ты на месте; дорога на другие планеты занимает столько же времени. Но для того чтобы попасть на другую планету надо иметь специальное разрешение, но оно обычным жителям не выдается — ввиду

враждебности многих инопланетных цивилизаций; портал есть в каждом заведении, доме, парке, и других местах общественного пользования.

Сильвер набрал на приборе: ноль пятнадцать — номер порта прокурора. Рукоятка легко завибрировала, считывая ДНК и права доступа портируемого — права у Джека были куда больше, чем можно даже подумать, и при желании он мог переместиться в любое место, кроме далеких планет, на которые нужно открывать особое разрешение, и делать специальный запрос у генерала Оуэна. Но если в этом была бы особая нужда, то скорее всего уже через час у него имелся бы такой доступ, но на данный момент времени: кроме как по месту — он больше никуда не собирался.

Астрал открыл пространственный континуум, и бокс озарило розовое пятно, неправильной формы, размерами два на два метра, которое издавало еле слышное жужжание.

Джек сделал шаг в середину, и уже через секунду стоял на четыреста восемьдесят девятом этаже, правительственного учреждения.

Возле порта прокурора дежурили два пехотинца, с протонными винтовками; аркилтонная пушка, которая имела полный угол обстрела коридора, безмолвно напоминала о брэнном существовании — каменной стеной, стоя на страже, генерального прокурора.

Джек только успел ступить на вычурно украшенную дорожку, что вела к двери чиновника, как с заду, он услышал легкое жужжание и хлопок, которые обычно образуются при открытии порта; и тут же знакомый голос, за спины, окликнул:

— Ей, Джек! Ты бы снял свой доисторический наряд, и надел что-нибудь современное.

Такие разговоры о его одежде, мог позволить себе, только один человек, и неожиданное появление его возле дверей прокурора скрасило смятенное чувство тревоги по поводу предстоящей встречи.

— Мне и в этом удобно... — повернулся он на голос и расцвел в щедрой улыбке.

— Как дела? Освоился на новом месте? — поинтересовался Оуэн и подойдя ближе к Джеку, похлопал его по плечу.

Генерал Оуэн — главнокомандующий военно-космических войск Земли; тот самый человек, кто руководит дипломатическими связями с внеземными цивилизациями и является очень могущественной фигурой на политической арене Тронплекса; и что это, именно он, пристроил Джека на должность, шефа подразделения «Барьер» не является: не для кого, секретом. С Джеком у них сложились очень теплые отношения, которые как отцовские — по-другому назвать нельзя.

Про своих родителей Джек ничего не знал, кроме того, что никогда он их не имел; многочисленные попытки, что-нибудь разузнать приводили в тупик — окутав эту историю глубоким мраком тайн. Детство Сильвера прошло в военной академии, где Оуэн был раньше начальником. И Джек всегда был при нем: сначала как «сын полка» — затем с отличием окончил ту же самую академию. Со временем, Оуэн пошел на повышение и стал генералом — устроив Сильверу отличную карьеру. Нет, Джек, не был мажором — он сам всего добивался, но при отцовской заботе генерала, его способности раскрылись в полной мере: воспитал он его в лучших традициях военного дела.

— Место как место... а вы, сэр, какими судьбами здесь?

— Хочу, познакомить тебя с прокурором... на твоей должности... без этого не обойтись.

Джек, общался с Штейцом два раза: когда принимал бразды правления «Барьером» и после этого убийства девочки — но это были пятиминутные разговоры по фонотрону, где прокурор давал конкретные указания и высказав личное мнение по поводу волновавшей его проблемы, тут же отключался. Лично встречаться им не приходилось.

— Ну что, идем... Майкл, не любит когда опаздывают?!

Они подошли к двери — солдаты отдали честь; сначала генерал, потом Джек, поднесли

руку для считывания прав доступ. Правила для всех, были одинаковые: права доступа, ДНК — считывалось даже у верховного правления Земли.

Дверь засветилась розовым... но это была не настоящая дверь, а порт, и где находится кабинет не знал даже его хозяин. Портал, стоял тоже не совсем обычный — правительственные порты, заменявшие дверь, работали по принципу: туда, обратно; с них можно попасть только в кабинет, а с кабинета только к входу с охраной. С городского портала переместиться в апартаменты чиновника — невозможно, а вот с помощью астрала пожалуйста, но есть одна проблема — это точные координаты, которые, включая самих чиновников, никто не знал; как и самого места расположения кабинета, он мог находиться, где угодно: вплоть до другой планеты.

Для астрала главное координаты, вбил их, и через пару секунд ты уже там, где тебе надо, но координаты — самая большая закорючка. Малейшая ошибка при их введении и ты запросто можешь оказаться где-нибудь на дне океана или в объятьях бетонной стены.

Джек с генералом ступили в порт, и их другой шаг примял коверную дорожку в владениях прокурора. Огромный кабинет, сиял антикварной мебелью и мраморными статуями семнадцатого и восемнадцатого века. Даже при отсутствии окон, в помещении было ясно будто днем, и на удивления Сильвера: не наблюдалось какого-либо источника света — видно и все, что еще больше придавало некоторую мистичность его владельцу.

Прокурор — мрачный тип и одиозная личность, его выбрал народ на пожизненную службу: во благо справедливого суда, и поддержания конституционного строя; он никому не подчиняется и вершит правосудия в рамках закона, при этом, никогда не лезет за словом в карман — и не имеет никакого отношения к политике. И будьте уверены если он за вас «взялся», и вы при этом пускай трижды верховный правитель Земли — ваша песенка спета.

Его вчерашние слова: «Я беру это дело под личный контроль, и вы Джек Сильвер, должны ...» Вывели Джека из душевного равновесия, ведь он, во-первых, никому ничего не должен; во-вторых, поставленная задача и так ясна, а самое главное, по своей натуре Сильвер не любил, когда на него давят. Но здесь, когда он увидел прокурора совсем рядом, Штейц не показался таким уж страшным и безапелляционным. И сейчас этот вершитель правосудия был так увлечен поливом, огромного размера трипутинии, которая внеземной красотой украшала его рабочий стол, что казалось он и не заметил их присутствия; но его властный голос, с особой нотой важности поставил все на свои места:

— Вы там, пока без меня: присаживайтесь... я сейчас... любит кушать по расписанию, — сказал он будто о живом существе и продолжил нехитрые манипуляции с цветком.

Человек небольшого роста, с залысиной и большим пузом — вот что скрывается под идентификацией Майкла Штейца; два пуда жира по всему телу, наряду, с по-детски румяными и толстыми щеками — только веселят своим видом, но такое ошибочное мнение может дорого стоить... учитывая характер и твердую волю этого человека.

Присутствие генерала придало Джеку уверенности, а видок прокурора — немного разве-селил: страх прошел и он с комфортом раскинулся в большом кожаном кресле.

Неожиданно скрипнула дверь и послышались легкие шаги, что быстро приближались, за спины Сильвера. Через несколько секунд, возле них появилась пышногрудая красавица, в короткой кожаной юбке и белоснежной рубашке, через которую просвещался бюстгальтер четвертого размера. Девушка поздоровалась и поставила на стол серебряный поднос, с таким же графином, с которого струился ароматный запах кофе — большое блюдо с яблочным пирогом, аппетитно украшало декоративно отделанное серебро.

— Знакомьтесь! Моя новая секретарь Мэри. Троюродная сестра попросила пристроить... это ее старшая... где сейчас бедной девочке найти достойную работу?! — проговорил прокурор, словно оправдываясь и закончив свой ритуал с цветком, подошел, присел за стол.

Мэри улыбнулась — стояла ожидая последующих указаний. Золотая искорка лукавого взгляда блеснула из-под ее ресниц, оценивая гостей. Джек незаметно, для Штейца и генерала,

подморгнул ей левым глазом, и легкий холодок пробежал по его спине; ведь если она и вправду племянница прокурора — это одно, а если нет, то подобные знаки внимания могли бы плохо кончиться, что в данном положении дел, совсем излишне.

— Спасибо, Мэри, — выпалил Штейц. — Если нам что еще понадобится, я тебя позову.

Секретарь, не сказав ни слова, легкой походкой пропала в том же направлении откуда и появилась.

Аппетит у Джека отсутствовал напрочь: утром он плотно поел, и вдобавок заказывал себе точно такой яблочный пирог, а вот запах кофе... он не смог устоять перед тем, чтобы его не попробовать.

Тут Штейц проявляя большую активность поинтересовался:

— Ну что, господа, что нового в расследовании это зверства?! Что вы уже успели накопать, Сильвер, по этому делу?..

Не ожидая такого поворота событий Джек опять почувствовал напряжено.

— Майкл, подожди, ты напирать... Сильвер, недавно на этой должности... — прервал Штейца генерал.

Джек почувствовал некоторое облегчение, потому что не знал, что и отвечать, хоть и размышлял об этом все утро. Генерал с присущим ему стилем ведения разговора, взял инициативу в свои руки:

— ...Тело обнаружил местный бродяга... это было вчера: в семь часов вечера. После его маяка в полицию... хочу заметить, маяковать его никто не заставлял... а по имеющимся у меня данным... совсем очевидно... полиция с ним работает и время покажет. Джек, со своими орлами, прибыл туда сразу после поступления сигнала с полиции: приблизительно в девятнадцать часов пятнадцать минут, сейчас только семь тридцать утра, так что Майкл, как говорится: не гони лебедей, о результатах пока говорить рано.

Джек немного удивился как Оуэн разговаривает с генеральным прокурором. «Или он и вправду его хороший друг, или ... но и генерал шишка тоже... что значит, командующий всех войск», — размышлял он попивая кофе.

— Какая сволочь могла такое сделать... с родителями связались? — сказал Штейц уже в более спокойном тембре, и глянул на Джека, а сам взял яблочный пирог, откусил большой шмат.

Сильвер ели сдержался чтобы не засмеяться, при этом думая: «Ну точно захрюкает» И сразу сделал большой глоток кофе — как и предполагалось, кофе оказался отменным.

— Родителей мы еще вчера известили... единственная дочь в семье... — ответил Джек на вопрос прокурора, когда допил кофе. — Только семья... не совсем благополучная... сэр, Южный квартал...

Основная масса населения Южного квартала — черные, и это придает району немного криминальный оттенок. Но это ничто по сравнению с тем, когда криминал тысячами переселяли на Марс.

— ...Мать с отцом любят выпить, работает только один отец: конюшни на Ариане чистит...

— И конюшни надо кому-то чистить, — вставил свое слово Оуэн.

— ...Девочка в школе училась хорошо, и в тот день маяковала домой, что будет чуть раньше: учитель физкультуры заболел и их отпустили с последнего урока, — продолжал Джек с более серьезной физиономией.

Штейц доел свой кусок пирога и спросил: «А вы чего не едите? Спецзаказ... такого больше нигде не попробуете... все натуральное».

Оуэн сказал, что он на диете, а Джек подлил кофе, и сделав большой глоток, после добавил:

— Спасибо! Налился кофе... пирогу места нет, — и похлопал по животу.

— Тогда придется доедать, самому... не пропадать же добру, — хихикнул прокурор.

«Кто бы сомневался!» — подумал Джек допивая очередную кружку кофе. Штейц все жаловался, что с такой работой некогда и нормально поесть: времени не хватает. Он быстро разобрался с пирогом, вытер руки и рот о лежавшие рядом салфетки и с важностью большого человека — встал из-за стола: «Дела! Дела! Дела! Без меня никуда... не знаю, что и будет, когда пойду на пенсию». На что генерал пошутил: «Будет то, что и до тебя...» Они перекинулись еще парой, понятными только им, фразами и Штейц переключил внимание на Сильвера: «Надеюсь, за неделю вы решите проблему?» Джек тут же открыл рот чтобы прояснить... но Оуэн сделал ему знак, о преждевременном опережении событий, а поскольку понимал он генерала, только по одному морганию бровей — он ответил Штейцу, что несомненно: это дело будет в приоритете его подразделения.

Генерал сославшись на неотложные, марсианские дела, быстро портнулся с кабинета — Сильвер последовал его примеру, и уже через три секунды, стоял в своем кабинете.

Очень хотелось курить. Джек торопливо достал с заначки коробку любимого «Казбека», и внюхавшись в аромат Арианского табака — поспешно закурил, потом уселся в свое не сильно мягкое кресло, и закинул ноги на стол. Отрыжка, напомнила приятный вкус прокурорского кофе, которого он выпил: аж пять! — кружек. Вспомнилась Мэри и легкая фантазия подняла настроение; с трудом верилось, что у Штейца есть такая родственница; если секретарь была бы похожа на бочонок под смальца, то вопросов нет... но такую Мэри надо еще поискать. «Хотя с его чином и связями, и искать не обязательно», — подумал он, и пустил два кольца дыма в потолок.

Неожиданно в дверь постучались, и она с громким скрипом распахнулась. На пороге показалась молодая девушка, тридцати лет, спортивного телосложения.

— Сэр, быстро вы... как прошла встреча с прокурором? — сказала она, хлопнув за собой двери.

Джина — единственная женщина в подразделении, но такая женщина, которая стоит: любых двух особей, мужского пола. Ее кожаные штаны, плотно облегли талию, четко подчеркивая женское начало, и были заправлены в мощные ботинки — наподобие армейских; легкий пуловер, по плечам, туго стянули кожаные ремни, что держали кобуру магнитного пистолета.

Магнитный пистолет с облегченными функциями — с пяти метров, вырубает на два часа, и как считают полицейские начальники этого достаточно: чтобы зайца в поле загонять. Но самое главное: он не оказывает отрицательного воздействия на организм.

Такое оружие, единственно разрешенное в условиях города, навеивало Джеку неимоверную тоску; не хотелось даже брать его в руки, ведь только одни воспоминания о его верной, протонной винтовке, которая на расстоянии, с трех километров: при попадании в цель, полностью разлагает вещество на молекулы — портили ему настроение.

— Встреча, это когда: желаешь и ждешь... — ухмыльнулся Сильвер, — ... здесь же, как собаку посадили на цепь... короче, дал он нам ровно неделю, и если не управимся в срок, меня... — здесь он примолк, не зная, что и сказать. Ведь пенсию он себе уже заработал, а эта служба на гражданке, как бы и не сильно вписывалась в его жизненный ритм, и согласился он на эту должность, только ради уважения к Оуэну, — а вас премии лишат или что-то в этом роде.

— И что вы на это ответили?

— Сказал, управимся.

— За неделю?

— Ты думаешь, не осилим?

Джек затаился и пустил дым в потолок, создавая вид, что он спокойней: чем удав после обеда.

- Сомнения оставим мягкотелым... просто думаю, хватит ли нам, семи дней.
- Кто сказал, что семь! Вчера был первый, сегодня второй, поэтому пять — не семь.
- Но, сэр...

— Если желаешь что-то уточнить, иди к Штейцу, он тебе подробно объяснит, и пирога заодно попробуешь! — прервал он Джину на полуслове.

- Какого пирога?

У Джека не было желания вести подобных дискуссий, он хотел действовать, и побыстрее закончить с этим дерьмом, чтобы на выходных, на пару дней, портнуться на океан: на юга, и оттянуться по полной программе, а то это напряжение действовало на него отрицательно. Но приказ есть приказ, и он как человек военный, не собирался его обсуждать — особенно с подчиненными. «Надо быстро выполнить и гора с плеч», — размышлял он когда тушил сигарету.

— Так, Джина, ты там всем скажи, чтобы готовились на вылет, и не забудьте взять кинограф.

- Есть, сэр! — выпалила Джина. — Можно идти?

- Да, майор, вы свободны.

Джина до ее назначения в «Барьер», семь лет служила в элитном спецназе и могла дать фору не одному вояке. Вообще в подразделении не было людей: с улицы — все бойцы прошли спецподготовку, а Марк с Стивом, даже не одну войну. Всего пять человек, включая Джека и технаря — Федора; он считался знатоком по всяким там приборам и разным штучкам, на которые надо учиться пару лет, для того только, чтобы уметь ими пользоваться.

Клапер плавно набрал высоту, под молчаливые взгляды команды, они по очереди кидали взор на шефа, ожидая пояснений от его встречи с генеральным, но Джек так захлопотался, таким вниманием к его персоне... поэтому, молча надвинул шляпу на глаза — сделал вид что спит.

До места преступления было семьсот километров — пятнадцать минут лета. И несмотря на то, что они могли портироваться до места назначения через астрал — пришлось лететь на клапере, а все за вчерашней суматохи, которая сопровождалась чрезмерным вниманием различных чиновников. Многочисленное скопление средств массовой информации, наряду с обычными зеваками с улицы, что как грибы после дождя облюбовали место преступления — не давали сосредоточиться на работе. Тогда они думали только об одном: поскорей бы закончить, протокольные процедуры, и быстренько на базу, а снять координаты... не было и мысли.

Ели заметное напряжение в команде пропитало атмосферу клапера; каждый понимал: если они за пять дней не раскроют убийство, то последствия могут быть самыми печальными — генеральный прокурор не тот человек, который бросает слова на ветер. Служба в «Барьер»: для каждого из них — больше чем работа, чтобы сюда попасть, им пришлось доказывать это не одним годом службы на Федерацию; множество льгот, ранний выход на пенсию и приличная зарплата в условиях города — за это стоило держаться.

Через шестнадцать минут лета, клапер замер и плавно пошел вниз. Приземлившись прямо возле бывшего склада макулатуры, где бродяга обнаружил труп девочки — шлюз с шипением открылся, и показались ворота заброшенного строения; ржавые механизмы зияли вековой пылью, а покосившаяся створка ворот застыла в полуоткрытом состоянии, зазывая к себе нового хозяина.

Помещение в середине, прошло специальную обработку, и выглядело, будто вчера, строители сдали объект.

— Ломоносов, давай быстрее, запускай свою хреновину, — выпалил Джек выходя с шлюза клапера.

- Сейчас, сэр, одну секунду.

Марк с Стивом, под руководством Федора, вынесли с корабля большую коробку, метал-

лического цвета, и положили ее посреди помещения. Ломоносов не спеша подошел к прибору — поднес руку для считывания ДНК и аппарат считав права доступа, спроецировал голографическое табло с множеством непонятных обычному человеку функций. Дальше Федя, словно заправский пианист консерватории, побежал пальцами по голограмме, манипулируя разными опциями; потом достал с кармана серебряную карту памяти — вставил ее в прибор. Через пятнадцать секунд кинограф издал тихий писк инициализации, и в тотчас, помещение наполнила едва уловимая глазом, зеленая пелена, которая через пять секунд растворилась в воздухе, и в помещении стало: как было вчера вечером — тело девочки лежало на том же самом месте, и слышался отдаленный ропот толпы.

— Федя, звук... — сделал куда более понятный жест Джек.

Секретный прибор, под кодовым названием «КГФ:600» — записывает объекты в пространстве: точно с оригинала, включая запахи и звуки, и их можно спроецировать в любом другом месте; а последняя версия прибора, порадовала еще и новой функцией: «голографическая реальность» — воспроизводимое можно потрогать, и даже съесть.

Ломоносов, во время испытания новой функции — проглотил за день: сто семьдесят две порции клубничного мороженого, не получив при этом ни одной лишней калории и воспаления горла.

То, что запись прибора можно произвести в любом месте, Джек, знал прекрасно, но ему хотелось получше прочувствовать обстановку. Ведь вчера при записи: все те люди, что тысячами оккупировали, подходы к складу, не дали и малейшей возможности, для фиксации объекта: с близлежащей территорией, и поэтому сейчас приходилось довольствоваться, только внутренней обстановкой склада.

Обезглавленное, голое тело, лежало ногами к выходу, в метрах пятнадцати от металлических ворот. Джек присел на корточки, возле трупа девочки: «Голова... понято, но зачем пальцы отрезать...» — и его мысль сразу скользнула на родителей убиенной: «Это правильно, что тело не стали показывать... такое зрелище...» Телевидение не показало обезображенную плоть школьницы, но с мельчайшими подробностями муссировало детали, и это учитывая гриф секретности дела: А1 — без права огласки в средствах массовой информации.

И все-таки, материал: дивным образом, просочился к телевизионщикам.

«Интересно! Откуда репортерша, узнала о трупе быстрее чем я. Может она, с преступником связана. Надо бы с ней повидаться... желания большого нет. Но надо!» — думал Джек, внимательно вглядываясь в изуродованное тело подростка.

— Попрошу обратить внимание... — сказал Сильвер, и встал во весь рост, — ...или лучше, давайте начнем... — все еще не зная, как подступится, он крутил в голове, разные варианты. Команда внимательно смотрела на шефа, ожидая четко поставленной задачи. — ...Сейчас значит: всецело устремим наши взгляды на тело, и каждый выдвигает свою гипотезу... потом постараемся: слепить вместе.

— Мне кажется: крови... как-то маловато. Я еще вчера об этом говорила, — начала Джина.

— Крови мало?! — ухмыльнулся Джек.

— Сэр, вы меня не правильно поняли, в теле взрослого человека около пяти с половиной литров крови... у подростка пускай... даже если и грубо взять, то на половину...

— Зачем грубо. От трех до трех с половиной литров, но если надо совсем точно, то можно и это подсчитать. Возьмем вес тела...

— Федя! Умничать будешь, когда тебе слово дадут. И вообще... кто тебя учил перебивать: когда взрослые разговаривают! Ты смотри, какой...

— Джина, прекращай, — вмешался Сильвер и для порядка: чуть раздолбал Федора, сказав, что и до него дойдет очередь, в чем он может не сомневаться, а Джине предложил успокоиться и закончить мысль до конца.

— Значит на чем это я ... мое мнение такое: лужа крови не соответствует тому количеству, что должно было стечь... вывод: убили не здесь.

— Ели бы горло, резали ножом... сэр, гляньте на тело, на нем нет ни одной красной капли, только эти пол стакана крови... — здесь Стив замолчал, подумав, что насчет крови и так ясно.

— Ладно, с этим понятно. Ну а вы двое, что молчите, или сказать нечего?! Марк! И ты Федя, я помню хотел высказаться.

Ломоносов насупил брови: сделал недовольный вид, что мол, когда говорил надо было слушать.

— Сэр, говорить здесь особо нечего... чтобы отрезать голову ножом, надо иметь неслабую силу, и то... — выдавил с себя Марк.

Джек внимательно посмотрел на края шеи, и это вправду не было похоже на нож, он видел много тел, с отрезанной головой, да и самому приходилось... Размышляя о способе отсечения, он вдруг вспомнил, о судмедэксперте, и предложил не гадать, а связаться с их «мясником» (так он называл патологоанатома) и разузнать его мнение.

Достав Фототрон и направил его чуть в сторону, он набрал код патологоанатома. В ту же секунду появилась вспышка яркого света и перед ними предстал человек в белом халате и черных очках, на руках сияли резиновые перчатки, окрашенные кровью. Это была голограмма ведущего патологоанатома, с полицейского департамента, который был прикреплен к их отделу, и имел личную лабораторию — полностью подчиняясь руководству «Барьер», то есть Джеку.

— Добрый день, сэр, если вы по поводу девочки... я почти закончил.

— Какой ты догадливый!!! — прояснил Джек.

Сильверу не нравились люди, на подобии этого чересчур мутного типа, который был насквозь пропитан кадделином⁴, и мог спокойно поглощать свой обед, не обращая внимания на разлагающийся труп: у которого черви объели плоть до костей, а оставшиеся куски гниющей слизи — лежали в пол метре от его тарелки с пельменями.

— Ладно, давай: полный отчет.

— Начну по порядку. Первым делом, хочу заметить: по всем признакам, девочка не была изнасилована... один любопытный момент: тело исследуемого трупа не имеет крови.

— По-моему, это и дураку понятно: раз нет головы... какая кровь.

— Сэр, я не об этом... кровь начисто отсутствует, ее будто взяли и выкачали: помпой, насосом...

— Ты хочешь сказать: ее слили, потом отрезали голову, а тело доставили на склад... уже холодное?!!

— Сэр, я доношу только факты, — сказал патологоанатом чуть нервничая.

Он знал, что общаясь с Джеком лучше лишнего ничего не говорить — только по делу.

— Ну и на что, указывает твои факты?!

— На теле я не обнаружил ни одного прокола: чтобы слить кровь. Хочу заметить: слить ее полностью, нельзя. Выкачать можно, но слить нельзя.

— Интересно, интересно!

— Тщательно изучив патологическую морфологию трупа, мы пришли к выводу: кровь была откачана помпой... через сонную артерию на шее... тело осталось без крови за двадцать, максимум тридцать секунд. Потом ниже прокола, голову отсекли: чем-то тяжелым и очень острым... скорее всего, работал человек: знающий тонкости этой процедуры.

— И чем, думаешь обезглавили? — более дружелюбно спросил Джек.

4 Кадделин — средство для мумификации тел.

— Гильотина, большой меч...

— А топор, топор мог быть? — заинтересовалась Джина.

— Топор! Навряд ли. Ширина лезвия маленькая, да и рубать надо было бы на чем-то, а тогда уже точно остались бы фрагменты материала, на котором рубали... способов обезглавить тело имеется множество, вот например ...

— Мы и без тебя знаем эти способы. Ты лучше давай по существу, — буркнул Сильвер.

— Хочу обратить ваше внимание... срез идеальный, будто кто: гигантской бритвой снес голову... — здесь он глянул на Джину и потер нос, — А что насчет топора?!. Хотя...— здесь он задумался, и можно было подумать, что он там разговаривает еще с кем-то (шелестел губами). — Если топор наподобие средневекового, и руки у этого существа как у орангутанга, то это вполне, может быть правдоподобной версией. Маленькое уточнение, — поправил он очки и высморкался в красно-белую тряпку, — эту голову отсекли с одного раза, так что, ищите гильотину или человека с очень сильными руками — слабак такое не сделает... а в принципе, орудие убийства... да что угодно, лишь бы оно было острое и тяжелое.

Джек в очередной раз глянул на помятую физиономию патологоанатома и подумал, что хоть и любит он приложиться к спиртному, зато специалист хороший.

Но «мясник» не просто любил выпить, а сделал с употребления алкоголя ритуал, и без него не обходился ни один рабочий день. Водку не пил — злоупотреблял в основном спиртом, которого в лаборатории было с избытком. Чистейший продукт, потихоньку сливал с больших емкостей, в которых консервировались различные органы людей и животных, а когда разбавлять было уже нечего и органы начинали портиться — разбивал сосуд и списывал все, на издержки хранения. Единственный просчет Потапова, то, что он не учел, под началом какой организации работает. Скрытый визоотрек⁵ не раз фиксировал подобные манипуляции с заспиртованными органами, но Джек не обращал на это внимания, хотя не раз предупреждал, чтобы он завязывал.

— Как можно голову, с одного раза отрубить? Какая это надо силища, — удивлялся Федя.

— В нашей практике бывало и не такое. Например, киборг, запросто мог отрезать или отрубить голову с одного раза.

— Тебя вижу, совсем там накрыло, или уже успел накатить? Киборг маньяк! Надо же такое придумать, — ухмыльнулся Джек.

— Я на работе не пью... киборг, почему бы и нет?! Замкнуло консервную банку, вот и пошел резать: на лево и на право, — сказал патологоанатом с очень серьезным лицом

Джек громко засмеялся и сказал, чтобы он прекращал с этой ерундой и больше никому не рассказывал, потому что заменить его некому. Тот еще немного побурчал и сказал, что если есть вопросы то задавайте, а то ему надо доделывать, работу до конца, и он еще с вчерашнего дня так и не спал.

— Ты говоришь, кровь выкачали... почему тогда на полу, лужа крови?

— Маленькая лужа, — добавила Джина.

Патологоанатом глянул на Джека, потом на Джину и сказал, что ему нечего добавить, и что на месте преступления он не был.

— Кто-нибудь брал анализ крови с пола? — поинтересовался Сильвер и бросил тяжелый взгляд на каждого из членов подразделения.

Те переглянулись, и он сразу понял: прокол, но кто мог подумать, что это кровь не девочки, и что в теле нет крови. Джек поблагодарил Потапова за работу. И отключил связь.

Еще раз заглянув каждому в глаза он решил никого ни в чем не винить, а продвигаться дальше.

5 Визоотрек — средство скрытного наблюдения.

— Значит у нас начинается кое-что вырисоваться: во-первых, тело доставили сюда уже с отрезанной головой, — и здесь Джек вспомнил, что забыл спросить про пальцы; и тот как-то ничего не сказал. «Ну и хрен с теми пальцами, эти детали ничего не добавят. Скорей всего рубали одним и тем же инструментом», — подумал он и продолжил связывать свои доводы в одну кучу: — Во-вторых, через порт... труп, не могли сюда тоже пробросить...

— Велосипеды есть в каждом боксе; тачки, носилки, рюкзаки... и убили за углом, — с довольной физиономией заумничал Ломоносов.

Джек глянул в его сторону: «На счет этого ты, Федя, прав... но после вчерашнего столпотворения... даже не буду предлагать: проверять все углы. Мы пойдем другим путем: труп весит около тридцати, плюс, минус, два, три килограмма...

— Зачем около... Потапов знает точный вес... можно маякнуть и узнать, — разговорился Федор.

... Поэтому можно предположить, — не обращая внимания на реплики со стороны Ломоносова продолжал Джек, — доставили его сюда либо в большой сумке, или на велосипеде: привязав на багажник... у кого какие еще есть соображения?

— Что привезли на велосипеде... под большим вопросом, если багаж хорошо стянуть ремнями, то это с явными признаками должно было бы пропечататься на теле, а если слабо ... — развила дальше тему Джина

— Значит принесли в большой сумке, — добавил Федя. — А я бы так лучше, воспользовался тачкой.

— Можно и так, но я думаю: тачкой сильно наглядно, — высказал свое мнение Джек. — Но эту версию, отбрасывать нельзя... и здесь, вывод у нас, напрашивается сам, что преступник или преступники, обитают где-то поблизости... в радиусе... — сказал он и немного призадумался, а потом спросил: — Как далеко, можно отнести сумку, с весом в тридцать килограмм?

Стив не долго думая сказал, что километров на пятнадцать, или даже на двадцать — легко.

Джек глянул на Стива, и его физиономия расцвела в большой улыбке. Перед ним опершись на тумбочку, сидел бывший боец космической пехоты, у которого трапеция была прокачана почти до ушей, а натруженная шея, явно не соответствовала его не пропорционально маленькой голове — вес этой двухметровой «машины» для убийств, зашкаливал за сто двадцать килограмм: без каких-либо намеков на жир.

И все еще не понимая почему Джек с него улыбается, он с очень серьезным выражением лица продолжал свою версию:

— ...Ну ладно, пускай не двадцать... тридцать, а чтобы наверняка, скажу только одно: предлагаю остановиться на цифре сорок...больше сорока километров, это навряд ли — здесь надо попотеть и не слабо.

После этих слов, улыбки появились на лицах Федора и Джина.

— Ты про себя? — сказала Джина, ели сдерживаясь от смеха, — Значит будем искать человека похожего на Стива.

— С таким видом, как у тебя, мы его до утра найдем, это и к бабке не ходи, — сказал с язвительной ухмылкой, Ломоносов.

— Мне вот тоже интересно, а много ли в Южном квартале живет людей похожих на тебя?! А, Стив?! — уже прикольнулся с него Джек.

— Причем тут я! — сказал тот, и сразу понял, что его разыгрывают, и со словами: — Да ну вас! — махнул на такие приколы, сложил руки на груди, и начал смотреть в пол, не обращая ни на кого внимания.

Подразделение закатилось в дружественном смехе. Один Марк не смеялся он был такой же, как и Стив: одного пирога тесто, только шея чуть по толще. В чем смысл шутки они так и не поняли, потому что когда служили на Федерацию, подобные марш броски на сорок километров: в полном боекомплекте — вес которого превышал намного тридцать килограмм,

было обычным делом.

— Пошутили и хватит... план значит такой: берем район в округе пяти километров, и плотно работаем. Джина, ты подключаешь местных полицейских, и как всегда: рейд в народ! Марк и Стив, вам задача, найти где можно достать кровь, хотя это... — и сделал неоднозначное выражение лица. — Плохо конечно, что не сообразили взять анализ крови с пола, а то ведь и вправду: может собачья кровь. Но а я, побеседую с той репортершей — надо выяснить, где это она разузнала... раньше чем я. Завтра в девять: у меня в кабинете, и не опаздывать.

— Сэр, мне, что делать? — поинтересовался Федор.

— Не знаешь, чем заняться?! В склад не зайдешь: черт ногу сломит! Вот и займись.

Ломоносов сделал кислое лицо, а Сильвер тем временем достал астрал и уже через десять секунд стоял в офисе канал С6.

Офис «С6» напоминал муравейник: множество беспорядочно снующих в разные стороны людей, создавали вид напряженной работы. Народ терся об Джека, и каждый норовил толкнуть его посильней.

— А-а... мистер Сильвер! — неожиданный, но довольно знакомый голос, из-за спины, отвлек от других мыслей. — Что же вы не предупредили... мы бы встретили, как полагается!

«С хлебом, солью, пирогами...» — подумал Джек и повернулся в сторону голоса. К нему подходила, та самая блондинка, которую он еще утром видел по плазматрону.

— Мы вас заискались... хотели, пресс-конференцию устроить. Но даже с нашими связями — до вас не доберешься.

«Только пресс-конференции и не хватало», — хотелось сказать этой королеве плазматрона, но мысль что их разговор могут записывать, не дала волю чувствам и он сделав вид, что видит ее в первый раз сказал: — Разве мы знакомы?

— Аманда Браверман. Можно просто Аманда, — сказала девушка и протянула руку. — Ведущая этого канала. Лично мы не знакомы, но думаю по плазматрону вы меня видели не раз, а что насчет вас... вы теперь персона важная, и мы по долгу службы, должны знать про вас все.

— Прямо-таки все?! — ответил Джек, и при этом подумал, что внешность, порой, бывает обманчива, но руку он ей, так и не стал протягивать, а показательно потер ей, свой подбородок, и при этом подумал: «Не хватало еще с бабами, за руку здороваться. — и тут же добавил: — Плазматрон не смотрю: работы хоть отбавляй... времени на развлечения нет, — сорвалось с языка, первое что пришло на ум».

Аманда как настоящая блондинка, не обиделась на то, что он ей не подал руку, и профессионально перевела разговор на нужную ей тему.

— Пользуюсь случаем, мистер Сильвер?..

— Со мной можно на ты и по имени, — улыбнулся он в ответ, а сам подумал: «Недурно выглядит, эта Аманда, была бы она не с телевидения ...»

— ... Хочу, Джек, узнать: как идет расследование... убийство с расчленением... если не ошибаюсь: девочку звали Каролины Трокс? Наш канал готов на любые условия... хороший гонорар за интервью: я вам гарантирую.

— Пока сказать нечего, идет следствие...

— Знаю, знаю... — выпалила блондинка не дав до конца высказать мысль, — тайна следствия и тому подобное. Вы так все говорите, — и расцвела в соблазнительной улыбке.

Джек утвердительно кивнул: — Интервью, вы будете брать?

— Нет, я только ведущая новостей, а интервью... есть репортеры... они обычно это делают.

— Вероника Джонсон, если не ошибаюсь...

— Вероника сейчас на Марсе: готовит репортаж о жизни заключенных...

— Очень интересно! И что там заключенным: плохо живется.

— Не знаю, как у этих негодяев. Лично я была только в Марленде и мне очень там понравилось... а что насчет интервью... мы можем вам предоставить более привлекательного репортера, — умело перевела она тему в нужное русло.

— Более привлекательного?.. — не стесняясь окинул он белокурую красотку.

Блондинка ничего не ответила, а только улыбнулась в ответ, но Джек не стал переспрашивать, и уточнять, что она имела ввиду. Аманда достала с кармана визитку и вложила прямо ему в руки, сказав при этом, что если он надумает насчет интервью, то может маяковать в любое время.

— Хорошо, я подумаю. Но мне все равно надо задать пару вопросов, вашей Джонсон. Когда появится, то пускай со мной свяжется, — и через секунду добавил: — Надеюсь у нее не будет проблем меня найти.

— Обязательно передам, мистер Сильвер, — и тут же добавила: — Джек!

Дальнейшее общение с Амандой, могло привести только к одному — чего он в данном контексте событий, так старался избежать. И надо было еще не показаться, каким-нибудь сухарем или грубияном. Поэтому он вежливо попрощался и уже через пять минут: грелся в теплой ванне с сигаретой в зубах. После хотелось, чего-нибудь рубануть и пораньше лечь спать, чтобы завтра полным сил продолжить расследование.

Ситуация с убийством немного прояснилась и нервное напряжение спало. После принятия ванны Джек решил шикануть с обедом, и под назойливые советы Эрики, заказал: почки верченые заячьи, трюфеля под сметанным соусом, и еще пару названий блюд о которых он даже и не слышал. Обед обошелся в триста кредитов, и кроме разочарования, не доставил больше ничего — не говоря, что остался голодный. «Что ел что радио слушал. За такие деньги, в ресторане можно хорошо пообедать... и не одному», — подумал он, когда проглотил за один присед все трюфеля, порция которых была ровно одна столовая ложка, другие блюда не превышали этого объема. Немного поразмышляв, он заказал порцию не раз проверенного энерготоника⁶, и выпил залпом. Мысль, что перевел столько денег на еду и не наелся, немного огорчала, а вот ощущение, что обвели вокруг пальца, будто последнего лоха — грызло самолюбие.

«Может это месть за грубость: от Эрики... не-е... интеллект №6 уровня, на такое неспособен, или способен... по крайней мере: за такие деньги, могли бы и побольше налаживать, а то сколько надо порций, чтобы наесться!..» — размышлял он сидя на кухне, наслаждаясь банановым привкусом, после выпитого энерготоника.

Через пять минут накатила огромная волна сытости, что проявилась: с одной стороны, в сильном желании спать, а с другой стороны, лень было даже шелохнуть пальцем и достать с пачки сигарету. Кварцы отмигали: пятнадцать тридцать — время детское, но учитывая, что ночью он толком не спал, глаза слипались сами, и в голове, кроме как о мягкой постели, других мыслей не было. С трудом преодолевая самого себя Джек встал из-за стола, и спя на ходу побрел в сторону кровати, где с ходу плюхнулся на мягкий матрас. Только его голова соприкоснулась с подушкой, он сразу почувствовал еще большее блаженство, и мгновенно погрузился в крепкий сон.

Неприятный писк фоновотрона, червем грыз мозги: отвлекая от эротических сновидений — сон медленно отступал. «Кому там я еще надо, — подумал Сильвер, спросонья щупая по тумбочке: в поиске фоновотрона; не найдя объект угнетающих сигналов, он открыл глаза, глянул на кварцы. Те показывали девятнадцать ровно. — Поспал называется». Вставать было лень и разбитое чувство дискомфорта, что отоспаться опять не случилось — выразилось в сильном приступе лени.

Фоновотрон маяковал с коридора: с внутреннего кармана плаща. И если он бы сразу вы-

6 Энерготоник — одна порция напитка содержит: 2 724 калорий.

ташил, и как обычно, кинул его где-нибудь рядом с кроватью, то вставать с нагретой постели... «Вдруг что важное», — проскочила мысль, полностью отгоняя сон. Джек лениво сел на кровать и закурил сигарету. Он не мог собраться с мыслью: что надо пройти в коридор и взять фенотрон. Аппарат с минуту подавил на уши и смолк. «Лень-матушка — кровати батюшка, — буркнул Сильвер, и отключил прикуренную сигарету. — Наверное с работы... лишь бы не Штейц».

Джек расслабленной походкой, прошел в коридор и достал фенотрон, тот мигал ярко-зеленым светом — что означало пропущенный маяк, но есть запись; когда мигал красным — значит, маякующий на связи и ждет ответ. Подойдя к кровати, он с всего роста плюхнулся в объятия нагретого лижичка, и сразу перевернулся на спину, направил феник в сторону плазматрона. «Интересно, интересно... кто бы там...» — крутилось в голове, когда нажимал на воспроизведение.

Короткая вспышка и перед ним, предстала та самая Джонсон, на что он и не сильно удивился — расторопности репортерши.

— Мне Аманда сказала... вы хотели задать пару вопросов. Я сейчас на Марсе, — слукавила, Вероника когда сказала, что на Марсе. Ведь только она услышала от Браверманн, что Джек хочет с ней повидаться: по поводу на шумевшего дела, с убийством подростка, мигот бросила все дела в Элизииуме, и уже через двадцать минут, с мыслями о сносшибательном репортаже — сидела в каюте грузового корабля лактонцев, который транзитом следовал через Землю. — Сегодня у меня образовался свободный вечер, и мы бы могли встретиться... например, в ресторане «Золотой гусь», в двадцать один, ноль, ноль. Если вы ничем не заняты, пожалуйста отмажуйтесь, — и через секунду добавила: — Ужином угощаю я.

Джек лежал на кровати, и пожимая фенотрон, размышлял об столь заманчивом предложении. В «Золотом гусе» он ни разу не был, но много был наслышан о роскоши этого ресторана, который считался самым гламурным и дорогим местом в Тронплексе — где наряду со всеми сливками общества, показывались и правительственные, инопланетные делегации. Поэтому для большинства жителей Земли, поход в «Золотой гусь» считался больше экскурсионным мероприятием, чем посещение обычного ресторана.

«Маяковать или не маяковать. Может вызвать на завтра в кабинет и там поговорить, а вдруг подумает, что я испугался. Не-е... такого удовольствия я ей не доставлю», — перебрав одну за другой эти мысли, он тотчас начал набирать номер репортерши. Вероника в ту же секунду подняла феник: будто ожидала, его маяка.

Джек в официальном тоне поздоровался, и только успел дать свое согласие на встречу — репортерша не дав сказать ему и слова, начала говорить сто слов в минуту: что и сама хотела с ним повидаться, и про то, что он может хорошо заработать, если даст эксклюзивное интервью, и еще множество пустой информации — ручьем лились из ее уст. Сильвер не стал перебивать, он уже успел понять, что в общении с человеком, вроде этой Джонсон — ухо надо держать востро. И выяснять, такую деликатную информацию, с дальней дистанции, не было обходимости — разговор предстоял совсем не фенотронный. Они перекинулись еще парой взаимных комплиментов, и на этом их переговоры закончились. «Что проворная, так проворная... С Марса на Землю!..» — подумал он, и на его лице появилась легкая ухмылка.

В тюремной зоне Марса, порта не было по определению, и дорога на эту сторону планеты... — гости там бывали редко.

После короткого разговора, по фенику, Джек в очередной раз, убедился в коварности репортерши, ведь повидаться с ним — она хотела: не меньше чем он с ней, и это не оставляло и малейшего повода для сомнений. Ее язвительные вопросы, на которые, при его теперешней должности, надо отвечать, взвешивая каждое слово — уже не сильно пугали Сильвера, он был готов принять этот удар и раз и навсегда, поставить точку в этом вопросе, потому что он был не тот человек, что при малейших трудностях включает заднюю «передачу» — в его арсенала имелаась только одна и только вперед.

Встреча, которая еще утром могла показаться неудачной шуткой — назначена, и дороги назад нет. И сейчас его мысли сводились к одному: как показаться в самом фешенебельном

ресторане, и не ударить грязью в лицо — учитывая новую должность.

«В холе порт... плащ, шляпа, магнитный пистолет — остаются дома... нож, нож... а куда же нож, может...» — и от последней мысли его будто ударило током.

С криптонитовым ножом — который не надо было точить и что с легкостью резал все с чем прикасался — Джек не расставался ни на минуту, он обычно носил его в специальной кобуре и мог достать оттуда за считанные секунды, и отрезать любую часть тела, каждому из гипотетических врагов. Своему «другу» он доверял больше, чем магнитному пистолету, и очень дорожил им; ведь этот памятный подарок правительства, за освобождение заложников на Миранде, ему лично вручил — генерал Оуэн. Тогда Джек отличился: и их отряд спас сотни тысяч жизней мирного населения.

Одна проблема навяла другую, и сейчас волновало не менее важное: у него нет подходящей одежды — для посещения подобного заведения; сразу подумалось: маякнуть и отказаться от встречи, сославшись на неотлагательные обстоятельства. Рука потянулась к фонотрону, но характер не позволил этого сделать — решение прокачать тему по полной программе: в секунду охватило разум.

Джек подошел к плазматрону и произнес: «Сто одиннадцать». Экран блыкнул и там появилось интересное лицо с рыжими волосами, по виду которого сразу и не поймешь: какого оно пола или ориентации. Пока, смешная физиономия не произнесла:

— Добрый вечер, мистер Сильвер! Служба доставки и обслуживания. Приветствует вас!

«Ты смотри, и этот меня от куда-то знает», — подумал он вглядываясь в рыжую морду, которая нарочито улыбалась с экрана. Теперь в конопатом лице, стало угадываться мужское начало, хотя ориентация рыжего была еще, под огромным вопросом.

Джек ни разу не обращался в службу доставки, и если бы не случай с одеждой...

Рекламу богадельни, которая предоставляет многочисленные услуги, размещали все крупные каналы, а центральные улицы Тронплекса пестрили ее голографическими бордами, что с большой долей навязчивости «кричали»: «У нас есть все! Помощь в решении любой проблемы. Зачем откладывать на завтра то, что можно сказать сегодня... Скажи прямо сейчас... прямо здесь — сто одиннадцать! И ваши проблемы, станут нашими проблемами».

— Чем я могу вам помочь, — опять заговорило интересное лицо?

— Мне надо одежда, для посещения ресторана «Золотой гусь».

Джек был не в курсе, что сейчас модно и в чем ходят по подобным местам — последнее заведения общественного питания, где ему приходилось ужинать: армейская столовая при военно-космическом штабе, что рассчитана: на тысяча семьсот персон, и военный мундир там, самая подходящая одежда.

— Вам надо хороший костюм. Не вопрос! Пять тысяч кредитов.

Сильвер уже пожалел, что обратился в эту контору, ведь пять тысяч: приличная сумма.

— Подешевле, что-нибудь есть?

— Нет! Этот и так самый дешевый, — ответил рыжий, и скорчил дурацкую улыбку. — Вы же сказали в «Золотой Гусь» ... вам надо?!

Поблагодарив это создание, он уже было хотел отключаться, но рыжий, неожиданно, сделал заманчивое предложение:

— Покупать необязательно: можно взять на прокат.

Настроение сразу поднялось и Джек поинтересовался, сколько может стоить прокат такого костюма; тот ответил тридцать кредитов. Сильвер расцвел в легкой улыбке и сказал, что это другой разговор. «Мне ведь костюм надо до утра... зачем зря, тратить такие деньжища», — подумал он, и через секунду добавил: — А если...самый дорогой и до утра?

— Двадцать пять тысяч кредитов... дороже нет... с учетом всех скидок: сто пятьдесят кредитов.

Пораскинув мозгами: «Если за ужин я не плачу, то почему бы и не шикануть с костюмом — тем более «Золотой Гусь», — и отбросив все сомнения, тут же сказал рыжему, чтобы тот отправил ему самый дорогой костюм — на прокат: до утра. «Заказ принимается...» — сказала чудное лицо, но никто его не слушал; время поджигало а кварцы промигали пол девятого.

— Ваш размер, мистер Сильвер?

Как гром среди ясного неба, пронеслись слова конопатого.

— Какой размер?

— Размер вашего костюма.

Вопрос о размере поставил Сильвера в неловкое положение, если бы он только знал — этот размер. В армии они там сами знали: его размер, а когда после отставки он в магазине покупал одежду, то просто примерил и все.

— Вы можете прийти к нам и померять свой костюм, — предложил рыжий.

Время на подобные перемещения не было, и планы о вечерней встрече, начали принимать негативный оттенок, ввиду ее срыва. Неожиданно рыжий улыбнулся и предложил то, что в другой обстановке Джек мог принять только за розыгрыш:

— За дополнительную плату я могу сделать, запрос вашего размера в главной базе данных.

Что это за база данных, Сильвер даже не догадывался, но сейчас, это не сильно то, и волновало, хотя немало удивило. «Я сам не знаю свой размер, а в какой-то базе он есть, — сверкнула подозрительная мысль и мигом сменилась на деловой тон: — Сколько стоит запрос?»

— Ровным счетом чепуху: один кредит.

От такого выгодного предложения нельзя было отказаться.

— Прошу оплатить, мистер Сильвер.

Джек провел ладонью по дисплею, который находился внизу плазматрона, и прибор считал его ДНК.

— Спасибо за покупку! Мы всегда рады помочь...

После оплаты заказа Джек сразу отключил плазматрон: слушать бред, что нес рыжий — не было ни времени, ни желания

После томительного ожидания костюма в дверь постучали. Да, дверь была, но он уже забыл когда последний раз ей пользовался, ведь наличие личного астрала делала дверь ненужным элементом, интерьера его бокса. И это сильно вдохновляло, что он в момент ока, мог очутиться где пожелает, и это учитывая, что допуск имеется почти в любое место, а при большом желании — пару слов генералу, и хоть к черту на кулички.

Джек открыл двери и перед ним предстал: человек с большими зубами, что не влезали в рот — это был китаец неопределенного возраста и такой же ориентации, как и рыжий: хрен поймешь. В руках он держал большую, цветастую коробку.

— Здравствуйте! — с сильным акцентом произнес посыльный. — Ваш заказ, мистер Сильвер.

Джек, без всяких вежливостей и распускание слюней, вырвал коробку с рук китайца и быстро захлопнул двери, прямо перед его носом. Времени фамильярничать не было... сейчас даже казалось, что и кварцы, как назло, прибавили свой ход, табло отсвечивало: двадцать часов, сорок восемь минут.

Он быстро открыл коробку — поверх костюма лежал белый лист бумаги, на котором от руки, и вдобавок, еще корявым почерком, было написано, как он сразу подумал: «Чушь собачья», — и быстро пробежал глазами по тексту. Из написанного стало понятно: если он до девяти часов, завтрашнего утра, не вернет костюм, то ему придется его купить, а открыв коробу, он тем самым, подтвердил свое согласие с данным договором. То, что костюм надо вернуть до указанного времени, не вызывало вопросов — волновало другое: там не было ни одного слова

о том: куда надо его вернуть. И Джек немного пожалел, о грубом обращении с посыльными, сразу появилось неприятное чувство, о зря потраченной крупной сумме денег. Мысль о том, чтобы запросить камеры наблюдения коридоров и установить личность китайца, появилась мгновенно. Но на это надо время, а его как раз и не было.

«Вот хитро сделанная конторка. Решили... ничего разберемся!» — подумал он доставая пиджак из коробки. Костюм на самом деле оказался: гламурной вещицей и наверное стоил тех тысяч. Джек будто в армии: через тридцать секунд стоял уже при полном параде; ощущения что он сшит по нем придало уверенности, но легкая подозрительность все-таки закралась: «Интересно что эта за база данных, где есть мой размер», — подумал он вслух и швырнул коробку под кровать. Для себя же решил, что обязательно выяснит: что за база такая, и кто там снимает мерки.

Быстро набрав на астрале порт ресторана он уже через двадцать секунд стоял в холле «Золотого гуся».

Легкая музыка в вестибюле ресторана действовала гипнотически, и первое ощущение от заведения было весьма приятным. Джек осмотрелся по сторонам, но репортерши он нигде не приметил. И что здесь можно увидеть, кроме как шикарно одетых пар, вальяжно прохаживающихся в разные стороны. То, что Веронику он видел только раз, и то в курточке и вязаной шапке, и в такой же одежде, когда разговаривал с ней по фонотрону — немного озадачило. Очередной раз, пройдя, взглядом по холлу, его внимание привлекла одинокая женщина, аристократического вида — она прихоращивалась, возле большого, антикварного зеркала и одно оглядывалась по сторонам. «Пойду хоть со стороны глянусь. «А ее подожду минут пятнадцать... потом займусь китайцем», — подумал Джек и твердым шагом, направился в сторону зеркала.

Вероника в очередной раз глянула на наручные кварцы, те высвечивали: тринадцать минут десятого. «От уже козел! Пригласила за свой счет... неужели не придет!» — огорченно вздохнула девушка. Интервью, на которое она так рассчитывала: с надеждой на сногшибательный репортаж — могло неплохо повлиять на ее карьеру в «Сб». И про себя она одно молилась: «Лишь бы пришел... а там!..»

Джонсон еще в девятнадцать тридцать — с корабля на бал. И все это время, бесцельно бродила по холлу, одно крася губы и поправляя прическу. Ее сначала приняли за девицу легкого поведения и пару раз приглашали пройти в номера. На что она не сильно и обижалась, можно даже сказать, реакция была не совсем однозначна, глубоко в душе ей было немного приятно. Ведь она не уродина, а молодая и привлекательная девушка... и пока, в свои двадцать восемь лет — еще не замужем.

Ее дорогое, вечернее платье, сияло роскошью — бриллиантовое ожерелье, сверкало переливаясь разными цветами и выглядело на миллион. Но только выглядело — то что это бижутерия: качественная бижутерия, мог подтвердить только ювелир, настолько оно казалось настоящим. Да и откуда у репортера деньги на такую роскошь, но то что она репортер, никто кроме Джека, в этом заведении не знал. И в данную минуту и он даже этого не знал. Ведь сейчас перед зеркалом стояла не та Вероника Джонсон, которая брала у него интервью: джинсы и шерстяной свитер, что капюшоном вылезал под ее куртки, и вместо шарфа закрывал шею; а те большие очки в золотой оправе, что она носила для солидности, — так, неприметная серая мышка. Нет, сейчас, перед зеркалом, стоял совсем другой человек, и он не имел ничего общего с той репортершей: богатая дама из высшего общества, с очень привлекательной внешностью — пудрила свой носик, и сама дивилась, что зря у нее, дома, нет ни одного платья.

Она все раздумывала, что обязательно скажет, как нехорошо опаздывать, когда его ждет такая девушка как она.

Неожиданно, на весь холл, раздался громкий бой, и большинство из находящихся в вестибюле, повернули головы. Если ты ни разу не был в «Золотом гусе» и не видел этих — что ведут счет вечности — то такое зрелище, печатью на душе, обязательно оставит незабываемое впечатление.

Инопланетная поделка, с очень мудреным название — по земному кварцы: занимает всю левую стену холла и выглядит просто фантастически. Первое что бросается в глаза — взвездная сущность «механизма», на который можно смотреть бесконечно и восхищаться, как после хорошего, голографического фильма. Кварцы будто живые и постоянно с ними происходят дивные трансформации: инопланетные сюжеты калейдоскопом бодрят воображение, диких животных, что выходят прямо из стены, и делают причудливые движения: выстраиваясь в определенный час времени, тут же испаряются в воздухе, заменяя себя, чуждаемыми пейзажами, необычной красоты. Бой отбивают два исполина неизвестной расы, они выходят из-за внезапно прорисовывающейся двери и большими молотами бьют в зеркальный колокол, который после каждого удара превращается в огонь — потом эта картина повторяется заново.

Джек облегченно вздохнул и подумал: «Вот класс! Вовремя — не опоздал».

При первом бое, Вероника немного вздрогнула и обернулась посмотреть откуда идет весь тот звон, ведь она так увлеклась собой, что не сразу и поняла, что, то в стене: кварцы. Она думала, какая-нибудь голографическая картина, только навороченная. Репортерша ни разу здесь не была, но всегда хотела посетить подобное заведение, и не то чтобы она не могла себе этого позволить, просто за такой работой: как у нее и без подходящего кавалера...

Тут она обратила внимание на человека который двигался в ее сторону. Вероника не сразу узнала Сильвера. Еще бы! В костюме за двадцать пять кусков и без любимой, ковбойской шляпы, Джек и сам бы себя не узнал.

Костюм издавал тонкий запах дорого одеколона, его передний: маленький карман пиджака, украшала бриллиантовая роза. Тоже конечно бижутерия, но она придавала, такой интригующий вид хозяину костюма, что он был похож не меньше, чем на миллиардера, который имеет тесные связи с правительством. Джек конечно не одобрял украшение в виде цветка, но оно как часть гардероба, гармонично сочеталось с гламурным стилем костюма, а мысль: не дай бог потерять или разбить розу, оставила ее на том самом месте где ей и предназначалось быть. Рубашка что входила в один комплект с костюмом, сияла бриллиантовыми пуговицами и золотыми запонками, с краплением синих диамантов — переступить через себя и одеть бабочку, Сильвер не смог, поэтому она лежала в кармане. В другой обстановке он такой костюм даже примерять бы ни стал, но здесь... этикет требовал жертв.

Вероника при виде приближающегося мужчины подумала, что это очередной поклонник ее красоты, который по сравнению с другими, выглядел впечатляюще: могучие плечи, пружинистая походка и дорогой костюм, что хорошо сидел на атлетической фигуре мужчины — удачно сочетались с роскошью заведения. И ей молниеносно, пришла авантюрная мысль, о согласии на приглашение, знатного кавалера... может это и есть, ее звездный шанс. Когда молодой человек подошел совсем близко, она увидела улыбку на лице мужчины и сразу узнала в нем Джека, и все то, что она хотела сказать ему до этого — вылетело с головы.

— Джек Сильвер, по вам можно кварцы проверять.

— Армейская привычка: делать все вовремя, — штампом ответил Джек, а сам от неожиданности потерял дар речи. И в ту же секунду его мнение: о репортерше, сложилось не в том месте где надо.

Исполины отбили очередной удар и Вероника опять содрогнулась.

— Что же мы тут стоим? Может пригласите меня пройти? — сказала она под обескураженный взгляд Сильвера.

Джек взял Веронику под руку и они вальсальной походкой, под общие взгляды других посетителей, направились в сторону золотых ворот — на входе стояли, два, по пояс оголенных финикийца. Во всех их шести руках, блистало по большому мечу, а возле ног, каждого, сидел огромный голографический аркон⁷, который был как живой и даже немного пугал.

7 Аркон — хищное животное с планеты Финк: обладает ярко выраженной ненавистью к всему живому, и имеет интеллект сродни человеческому. Характерная черта этого существа: убийство ради убийства.

Глава 2

Тем временем, Стив с Марком, допивали по четвертой кружке пива, в одной из забега-ловок, Южного квартала, и обсуждали события рабочего дня, который прошел напряженно, но не дал нужных результатов: место где можно разжиться кровью, или хотя бы купить свежего мяса: в районе пяти километров от места преступления — обнаружить не удалось.

Южный квартал, испокон веков считался черным, что совсем не смущало эти две белые морды, которые портя местный колорит: как чирей на носу — выделялись среди завсегдатаев питейного заведения; и чувствовали себя при этом, в край комфортно — расположившись вдвоем, за столиком на восемь персон, и это учитывая, что пивнушка была переполнена с ног до головы: по пятнадцать человек на один столик.

Район черного квартала, как туго набитая бочка с селедкой, где наряду с законопослушными гражданами: бельмом на глазу — нашли себе пристанище, множество криминальных и полукриминальных элементов, которые наряду с бесцельно слоняющимися бездомными, придают, и без того, мрачный оттенок этому месту; хождение по улицам округа, опасно даже днем, не говоря уже о посещении питейных заведений.

Стив глотнул пива и сделал громкую отрыжку. «Черный бархат», как всегда, было отменное, и это несмотря на то, что место — настоящий «гадюшник».

— ...Как тебе, новое начальство? — продолжал разговор Стив.

— Ты о Сильвере? Да вроде, свой.

Они оба знали кто такой Джек, и где он раньше служил. Даже знали о его некоторых подвигах, но об этом знали все. Для них главное, что он бывший спецназ, и такой же, как и они: кремень, свой парень — за это, они его, очень уважали.

— Вот именно, свой... что мы завтра ему скажем?!

— Ты о чем? Мы же здесь... ничем подобным... даже и не пахнет.

В районе пяти километров от склада макулатуры, они подняли, чуть ли, ни мертвого с могилы, поэтому под вечер, местный контингент уже знал, что с этими парнями лучше не связываться, а некоторые узнали их даже, чуть побольше.

— Проверить то, проверили... «Ну что орлы! Нашли где можно пару ведер крови набрать... а то крови маловато?!» — сымитировал Стив голос шефа и после хихикнул.

— Именно так и скажет, — ухмыльнулся Марк и опустошил очередной бокал. — Есть какие-нибудь соображения? Если хочешь... давай... еще раз проверим! Может что и упустили.

Марк был настроен решительно, и его готовность устроить испытание местному населению: по второму кругу, «отсвечивалась» у него на лбу. Стив, в принципе, был не против, но по местным законам: любой гражданин Тронплекса, после девяти часов вечера, имеет право на личную жизнь, и может не открывать двери — 1227 статья конституции. Хотя в некоторых, особых случаях, можно было это и нарушить. Но какой был особый случай у десятков тысяч жителей Южного квартала. Поэтому, такой вариант автоматически отпадал.

Неожиданно, перебивая их беседу, сбоку от стола, послышался писклявый голос, в тонах которого четко прослеживалось изрядное количество алкоголя:

— У вас здесь не занято?!

Стив повернул голову, и его взгляду предстало, это подобие: отставной козы барабанщик — во всей своей красе. Кучерявая борода бомжеватого пенсионера, свисала до груди, и украшалась желтыми разводами табака, вокруг рта. Одет он был явно не по сезону: пиджак в большую клетку, который, как минимум, на два размера больше — висел на нем словно на палке.

Воротник украшал разноцветный: то ли орден, то ли значок такой, на военную тематику, а выдавшие виды джинсы, были подвязаны, толстой, капроновой веревкой: красного цвета — худой был, как вобла в голодный год. В руках он держал большой бокал пива, который, казалось вот-вот уронит, а следом и сам рухнет — от упадка сил.

— У вас здесь не занято? — снова пропищал старик.

— Да, отец, конечно, присаживайся! — выпалил Марк.

Но не стал отодвигать свой зад, потому что негр много места не занимал, он вообще не занимал ничего, за такой стол таких как он, вместились бы наверное человек двадцать — и место осталось.

Старик немного отхлебнул с бокала и произнес: «Да уж! Точно такой вкус, как и тридцать лет назад», — и достал с кармана сигарету, хотел закурить. Но Марк предложил ему этого не делать, и с голосом старшего брата добавил: «Отец! У нас не курят». На что тот сделал удивленное лицо и спросил: «Где у вас — сынок?» В пивной был накурено, хоть топор вешай, а бармен за стойкой, плыл в белых облаках табачного дыма, и вдобавок, сам, курил огромную сигару.

— Пускай курит, — сказал Стив, — ему здоровье, уже не пригодиться.

Едкий дым, самодельной сигареты: скрученной с окурков, которые он насобирал на улице — зарезал глаза пехотинцев.

— Зовут меня Зарк Элингтон, — завел разговор незнакомец.

Эти слова пролетели мимо ушей Стива и Марка, и они молча продолжали цедить, холодное пиво. Любые разговоры о деле, в присутствии этой антиморальной личности, не являлись возможными. Но Зарк все говорил и говорил, одно отхлебывая пиво. И сначала могло показаться, что сильно огромен для него бокал, но в нем уже было меньше половины.

— Поколесил я за свою жизнь... где только не был, — выговаривался старик.

Здесь Элингтон немного слухавил: дорога с Тронплекса открыта только на три планеты, которые контролирует земное правительство — поддерживая там должный порядок. Это: Марс, Ариана и Бета. Свобода передвижения разумеется относительная, чтобы туда попасть нужно иметь рабочую визу и обязательно работать.

На первых порах открытия Арианы и Бета, народ толпами повалил на эти планеты. И многие чтобы не работать, а вести разгульный образ жизни, начали селиться там для постоянного проживания. И жили в основном за счет местного, доверчивого населения. Пьянки и наркомания процветали полным ходом. Правительство Тронплекса мигом среагировало на беспредел, что устроили там распоясавшиеся, антиморальные личности и прикрыло эту лавочку. Теперь попасть, в чуждаемые миры, можно только для работы. Неблагонадежным категориям горожан доступ на другие планеты получить практически невозможно — даже для работы.

На «оккупированных» планетах, контроль за землянами очень строгий: все должны ходить в синих комбинезонах и иметь специальный датчик, который отслеживает их местонахождение и время пребывания на данной планете. И это только, для безопасности: дикие нравы туземного народа, редко граничат с здравым смыслом, а по указанию самодовольных императоров, можно остаться без головы на ровном месте.

Ну а Марс, стоит на особом контроле: после освоения планеты, все тюрьмы на Земле были закрыты, а от последней, оставили только одни ворота и повесили громадный, золотой замок, с художественной гравировкой билета на Марс — естественно в один конец. Замок так и висит до сегодняшних дней и никем не охраняется. На красной планете были обнаружены большие запасы: разных, полезных ископаемых и для их добычи привлекли заключенных — лучшего варианта нельзя и придумать.

Элизиум — прозвали жители Тронплекса, город-тюрьму на Марсе: сначала в шутку, а

потом оно так и прилипло. Город разбит на восемь зон влияния, которыми правят криминальные авторитеты. Крестные отцы руководят добычей ископаемых и распределяют провизию, между остальными заключенными. Провианты присылается раз в месяц — в обмен на минералы.

— ...Помню, как сейчас: орбита Марса... три бригады спецназа...

Как только Марк услышал эти слова, он тотчас повернулся к негру и спросил:

— Вы что, служили на Федерацию?!

— Да! Сорок лет назад я был вторым штурманом на «Голиафе».

Потом он начал рассказывать про свою жизнь, и то, что она не сильно к нему справедлива... Все! Для Марка и Стива: он теперь стал свой парень — бывший вояка, служил на Федерацию. Марк заказал старику два бокала пива. И теперь этот несчастный был под самой сильной охраной в этом квартале. Даже если кто бы только посмел плохо посмотреть в его сторону...

Стив с жалостью окинул тощее тело Зарка, и спросил, что не хочет ли он, что-нибудь съесть. Старик услышав эти слова, поперхнулся: «Мог и не спрашивать». На столе в ту же минуту, появилось огромное количество бутербродов — больше в этой шараге ничего съестного не оказалось. Зарк поглощал бутерброды один за другим, казалось куда они все вмещаются — это был, уже десятый, а создавалось впечатление: что он все равно голодный. Только пузо, которое стало напоминать футбольный мяч, говорило о попадании продуктов по назначению. Как потом выяснилось, старик уже не ел, четвертые сутки, а свое пиво, он посливал с недопитых бокалов.

— Извини, отец, — сказал Марк, — но кроме бутербродов здесь ничего нет.

Но негр без памяти, был рад этим угощениям. Для него главное было ни что есть, а сколько — количество еды определяло все.

— Мы бы вас угостили настоящей едой, но в этом заведении видно с мясом проблемы. Да и мясной лавки, поблизости нет... можно было колбасы купить

— Как нет?! Есть! — поглощая очередной бутерброд, промямлил Зарк. — Мясная лавка: «Готфильд и сыновья». Мне там иногда обрезки дают.

Стив с Марком удивленно переглянулись, и вопрошающе устремили взор на ободранца; то что они исколесили здесь, все, вдоль и поперек, до одного метра: в районе пяти километров, и ничего подобного не видели — это был факт, который, только что поставил под сомнение, этот бродяга.

— Чуть более пяти километров: это если пешком идти на запад, от улицы... — продолжал старик в надежде угоститься чем-нибудь мясным. — Тыфу ты черт! Совсем память плохая. Ну это где... может знаете... там еще, рядом, склад макулатуры... — вот оттуда прямо на запад, и никуда не сворачивайте.

Пехотинцы снова переглянулись, и на их лицах, появилась улыбка надежды, что время не дремлет, а новость летит. Марк достал с кармана пачку денег. Но как назло или как на счастье, мелких купюр не оказалось — только по сто, и это была хорошая сумма, и особенно для Зарка. Но Марку за такую информацию не жаль было дать и больше. Он сунул старику две сотни и сказал, чтобы тот купил себе теплую одежду, ведь скоро зима, а он еще в пиджаке ходит.

Стив запросил координаты лавки, в полицейской базе данных, и они в быстром темпе покинув пивнушку, зашли в близлежащий проулок, чтобы не привлекать внимания; там с помощью астрала открыли портал и уже через десять секунд, стояли перед витриной магазина, где красовалась вычурная вывеска: «Готфильд и сыновья».

Витрину украшала голограмма, большой, свиной головы, которая время от времени хрюкала, и на стекле через небольшой промежуток времени выскакивала надпись, написанная готическим текстом: «Мясные деликатесы».

Их взгляды совпали, о они без слов, поняли друг друга. То, что время было уже давно

за девять, не имело никакого значения. Согретые пивом души, настроились решительно, искусительный голос изнутри каждого, обворожительно нашептывал, что это и есть тот самый: особый случай.

Стив постучал в дверь. Тишина. Он постучал еще раз.

— Может там нет никого! — предположил Марк, а сам попытался заглянуть во внутрь, через витринное стекло.

Стив полез в карман и достал маленький приборчик: сказал, что сейчас откроет и можно тихо проверить, потом если что, закроем обратно. Дверь на удивление открылась быстро, и они зашли в лавку. Но не сделав и двух шагов, их ослепил яркий свет. По лестнице с верху, спускался огромных размеров негр, в его руках был большой, мясницкий топор, который зловеще сверкал в искусственном освещении магазина. Таких топоров они не видели никогда — топор, всем топорам топор.

— Сейчас я вам покажу! Грабить меня вздумали! — кричал негр спускаясь все ниже, и ниже.

— Подразделение «Барьер», — спокойным голосом сказал Стив и показал негру, с далека, свой жетон. — Попрошу, пожалуйста, опустите топор и успокойтесь, мы вам зададим несколько вопросов...

Но здоровяк не унимался, и спустившись с лестницы, замахнулся топором и кинулся на Стива. Послышался легкий хлопок и негр в тотчас, уже валялся балластом на полу магазина — это Марк вырубил его с магнитного пистолета. Потом они взяли его за ноги и потащили в глубь магазина.

— Ох, и тяжелый же этот нигер! Смотри как буржуй на мясе раскормился, — бурчал Марк.

В подсобке куда они его затащили, везде, на больших крюках, висели туши свиней и вяленые окорока с колбасой. Стив и Марк, были уже почти на девяносто девять процентов уверены, что этот здоровяк и есть тот, которого они ищут, потому что все улики: как на лицо, и вдобавок тот же самый голос не прекращал нашептывать: это — он... он... убил девочку!

То, что утром обсуждали с патологоанатомом, сходилась одни к одному: громадных размеров негр — кило под двести, и ручища, точно, как у орангутанга, а главное топор, топор, что был больше похож на гильотину; таким запросто можно снести голову, с одного раза, не только у маленькой девочки, а наверное даже и у быка.

Обыскав помещение они обнаружили в морозилке замороженную кровь, и их подозрение усилилось многократно. Кроме негра в магазине больше никого не оказалось. Стив предложил маякнуть шефу и сказать, что они взяли преступника. Марк кивнул: «Набирай!»

Настроение у обоих было замечательное. Хоть медалей, они думали, и не дадут, но что премию выпишут — это однозначно.

Глава 3

Джек с Вероникой, под руку, прошли золотые ворота холла и их взгляду предстал, сиявший роскошью — тот самый «Золотой гусь». И что Джеку, первым делом, бросилось в глаза, так это местная публика, с ее аристократическим видом, дамы этих хозяев жизни, «прогибались» под весом золотых и бриллиантовых украшений. Ресторан пестрил богатством и великолепием, и не наблюдалось, ни одного свободного столика. Сильвер по привычке, своим наметанным глазом: оценивающе окинул обстановку — в поиске, где можно приземлиться; и его взгляд случайно уловил прокурора. Да точно, это был прокурор со своей новой секретаршей: он что-то оживлено рассказывал, и одновременно разделялся с большой культяпкой от индейки. «Лишь бы он меня не заметил, — подумал Джек, — а то потом скажет, что развлекаюсь, вместо того чтобы преступников ловить».

Тут словно под земли, появился официант, он вежливо поздоровался и предложил следовать за ним. Сильвер вырвал руку из объятий репортерши, и под ее изумленные взгляды, последовал, вслед, шустро передвигающемуся лакею; тот ловко маневрировал через гущу набитых, разных всячиной столиков, а оценивающие взгляды местной публики, одно косились на Джека — через минуту, они оказались в самом центре зала. «Одну секунду. Сэр!» — сказал официант, и сделал причудливый знак рукой, в сторону обслуживающего персонала.

Джек искоса глянул на столик прокурора и сделав шаг назад, стал сбоку Вероники, чтобы тот его не заметил. Они стояли у всех на виду и неловкое чувство пронизывающих взглядов кололо со всех сторон. С далека показались двое людей, несших резной стол в их сторону, за ними шел еще один человек: нес стулья. Официант повернул голову к Джеку и с добрейшей улыбкой, кивнул, мол чтобы тот не переживал.

Их столик оказался на самых видных местах — официант поправил скатерть и услужливо подставляя стул Веронике, попросил ее присесть; Джек, неожиданно, взял репортершу за руку, сделал точно, как и тот лакей — посадил девушку с другой стороны, сам же уселся на ее место: спиной к прокурору. «Добро пожаловать. Сэр!» — проговорил официант, тараща на Сильвера удивленные глаза.

Джек не мог врубиться, как это они с ходу: оказались на лучших местах ресторана, и это при отсутствии свободных столиков; но официанта грели другие мысли и глаз у него был наметан: будь здоров — Сильвера гламурный костюм, с его бриллиантовой розой в кармашке пиджака и гламурные пуговицы белоснежной рубашки, какие сверкали бриллиантовыми запонками, не оставил у этого идеала услужливости, ни малейшего сомнения, о буржуйском происхождении его хозяина. Официант был твердо уверен, что сегодня это самая важная пара, из всех присутствующих в их заведении.

— Что будем заказывать? Сэр! — произнес официант и положил на стол два красочных буклета.

Вероника открыла меню и когда увидела цены у нее тотчас пропал аппетит: с такими ценами... и то что за ужин, сегодня, платит она — репортерша закрыла меню и ловко разыграла ситуацию:

— Заказывайте, на ваш вкус... вы ведь мужчина... я вам полностью доверяю.

А вкус у Джека был отменный. Быстро пробегая по названию блюд в меню, он сразу приметил, те самые названия деликатесов, какие еще днем, ему удружила Эрика, но цены здесь почему-то, была в пять раз дороже. Джек без сомнения совести заказал деликатесы. Остальные блюда пришлось заказывать по их звучности, потому что названия, ровным счетом ничего не говорили, а расспрашивать у официанта, было как-то неловко, и тем более что за ужин, сегодня, платил не он. «Но по крайней мере, сама напросилась», — оправдывался он перед собой, ставя галочки напротив этих громко звучащих наименований.

— Что будете пить, сэр? — произнес официант, и при этом стараясь быть чересчур вежливым, сделал очень смешное лицо.

Сильвер спиртного не употреблял: в принципе, и такой вопрос поставил его в тупик, но на его счастье, Вероника взяла инициативу в свои руки. Она уже поняла, что попала на деньги и никакой гонорар от интервью, даже в самых красочных фантазиях не оправдает, этот ужин.

— Так, значит шампанского и самого дорого коньяка.

Джек одобрительно кивнул официанту, который ожидая дальнейших заказов, не сводил с него глаз, и совсем не обращал внимания на Веронику; ведь как он думал, что все зависит, именно от Джека, и что он, очень важный магнат, правда почему-то раньше он его не видел.

— Вы хотели задать мне пару вопросов, — взяла быка за рога репортерша, когда ушел официант. Но Джек к такому развитию был готов.

— Помните вчера: возле бывшего склада макулатуры, вы мне сказали, что я думаю по поводу отрезанных: головы и пальцев.

Вероника одобрительно кивнула, и закурила длинную сигарету.

— Откуда вы узнали, что не было головы и пальцев, ведь полиция, не пускала никого, на место преступления? И соответственно, если логически рассуждать: вы не могли видеть труп.

— Но, мистер Сильвер... вы же знаете, какая у меня работа! У каждого репортера есть свои источники информации. И я бы не хотела...

— Источник в полиции или преступник с вами сам связался? — напирая, перебил ее, Джек.

— Вы же сами понимаете, — сделала тягу и выпустила дым в бок, — я не могу вам этого сказать.

— Вероника, — менее официально произнес Джек, — напоминать вам, какую организацию... я не буду, но запросто, могу вас ввести в круг подозреваемых, и тогда...

— Меня, в подозреваемые! Ха! — чуть взволновано произнесла девушка. — Бог с вами! Я репортер, и это моя работа, узнавать информацию: хоть с полиции — либо у дьявола за душу.

Джек, улыбнулся и легким кивком дал ей понять, чтобы она продолжала, а сам подумал: «Да! Эта мадам будет похлеще, даже чем можно было предположить».

— Хорошо я вам скажу, откуда узнала информацию... но пообещайте, что это, между нами.

В ту же секунду у Джека в кармане завибрировал и тихо зажужжал — фонотрон. «Кто бы это... в такой поздний час, — подумал он доставая фоник с кармана. — Хотя с этим убийством, одно сплошное напряжение. Надо побыстрее его...» Джек выставил слепой режим, чтобы не было голограммы — все-таки место общественное, да и дела тайные, и поднес фонотрон к уху.

— Полковник Сильвер, слушает.

Он не знал кто маякует, поэтому говорил официально.

— Сэр, это майор Стив Возник, — соответственный тон он услышал в ответ. — Мы задержали преступника, — выпалил Стив не дав Джеку сказать ни слова.

Вероника, краем уха слышала эту фразу: мы задержали преступника. И мгновенно, пылкая натура репортерши, закипела от эмоций, перевернув текущие мысли с ног на голову; теперь она уже не жалела, потраченных на ужин денег, а ее внезапно возникший, нездоровый азарт: с ритмом отбивал по вискам — ведь она была в двух шагах от настоящей сенсации, которую ей тут же захотелось выведать, любым путем.

Джек вставая, отодвинул свой стул, сказал: «Извините, Вероника, но я должен оставить вас на некоторое время... работа, знаете — и здесь достанут!» — и улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ. И ей пока было достаточно, и того, что она слышала. Сразу поднялось настроение и захотелось танцевать.

Сильвер не мог разговаривать в окружении такого количества людей, тем более, при этой репортерше. Он попросил Стива оставаться на связи, а сам прошел в туалет.

Кабинет задумчивости, напоминал больше белокаменные палаты, чем парашу... в уборной он осмотрелся — в сортире кроме него, не было ни души.

— Можешь говорить.

— Сэр, мы задержали преступника. Есть и кровь, и топор громадных размеров... — дальше Стив рассказал, все, по порядку.

— А ты уверен, что это он? Что говорит подозреваемый?

— Он, сэр, ничего не говорит, и будет в отключке еще целых полтора часа.

— Значит решим так... — сказал Джек и на пять секунд задумался, соображая, дальнейший ход событий. — Завтра нигера в отдел, там мы с ним побеседуем основательно.

— Сэр, можно мы с ним, сегодня поговорим... факты на лицо... думаю сильно он упираться не станет? — в приподнятом настроении спросил Стив.

Джеку очень хотелось, как можно скорее, скинуть это дело: подальше в архив, поэтому над правильностью своего решения, он долго не раздумывал:

— Хорошо, действуй! Только смотри... в рамках закона, а то я вас знаю...

— Есть, сэр! Все будет, как в лучших боксах Марленда и зазеркалья, — ответил Стив и отключил фонотрон.

Джек не сомневался, если негр и правду, тот, кого они ищут, то до утра он точно придет с повинной — эти парни крепко знали свое дело.

Все еще находясь под впечатлением, от хорошей новости, он, подошел к зеркалу, и не сразу узнал свое отображение — сейчас на него оттуда смотрел, приближенный императора... не меньше. Этот наряд — уж сильно гламурно, выглядел его костюм, что сверкал бриллиантовыми пуговицами и запонками, наряду с золотой вышивкой воротника рубахи, но покупка чрезмерно дорогого и необязательного гардероба, не входила в его планы — до девяти часов утра надо было решить эту проблему. Он поправил бриллиантовую розу и показав зубы зеркалу — вышел из сортира.

«Золотой гусь», как бы не смущали его цены, на самом деле стоил: тех цифр в меню, и очаровывал своей роскошью и непринужденной атмосферой, которая словно легкий наркотик могла пленить любого, кто сюда попал. Джек очередной раз, окинул взглядом громадных размеров зал, где в вечном празднике беззаботной жизни веселились сливки общества, и расправив плечи, направился к своему столику, в очень приподнятом настроении. Сейчас, он чувствовал себя одним из них, пускай и не на долго. Но сколько у него в жизни было похожих моментов? Их можно подсчитать на пальцах одной руки... и сейчас, вся эта праздничная обстановка, наряду с хорошей новостью — предвкусывала отличное продолжение вечера.

На столе уже не было места от закусок, и от блюд веяло не только пьянящим запахом отличной еды, но и также чувством праздника, который отдаленно напоминал Сильверу, тот день, когда они отмечали столетие свой части.

Посреди стола лежала цела осетрина, приготовленная на пару и с ее брюха вываливалась черная и красная икра. Правда когда Джек заказывал по ассортименту, то в меню не было даже и намек, на слово рыба. Названия будто кто специально закодировал, диковинными словами.

Он, с манерами большого человека, отодвинул стул и присел за столик.

— Ну как работа? Хорошие новости? — с интонацией матерого следователя поинтересовалась Вероника.

— Давайте работу оставим на работе, а сейчас просто хорошо проведем время, — с легкостью парировал вопрос Джек.

У него не было ни малейшего желания, обсуждать это убийство. Но Вероника не злилась, она и так, как ей думалось, знала уже многое. «Ничего... еще не вечер... вся ночь впереди! — подумала она и не дав Джеку сказать и слово, тут же выпалила: — Дэвид Льюис».

— Что, Дэвид Льюис? — не поняв в чем речь, переспросил Джек.

Вероника думала, что дело решено, и можно смело сдавать своего информатора.

— Вы же хотели знать, имя, от кого я получила информацию? — и закурила очередную сигарету.

— Мы с вами еще на вы, может перейдем на ты, — предложил Сильвер.

Он не любил фальшивую наигранность, и хотел придать их общению, ясности и непринужденности в отношениях.

— Хорошо, Джек, я не против.

— Ну и кто такой, этот Дэвид Льюис?

— Капитан полиции с местного отделения, он мне маякнул и сказал, что мне это будет, очень интересно... конечно не бесплатно, я ему заплатила тысячу кредитов. Поэтому... видела тело, еще до прибытия полиции... но с условием: снимать нельзя.

— Так ты даже... тело видела?! — с едва уловимой, интонацией возмущения, спросил Джек, а сам подумал: «Грубейшее нарушение протокола: допуск посторонних на место преступления! Хорошо, что снимать не разрешил...» — и наложил себе диковинного салата.

— Бедная девочка... жуткое зрелище. Ее изнасиловали? — еще надеясь получить хоть каплю информации, поинтересовалась Вероника.

Джек знал, что по этому вопросу было чисто, но ответил, как считал нужным все-таки перед ним сидела репортер: самого большого, новостного канала, а при общении с ней — ухо надо держать востро.

— Не знаю, результаты, полностью неизвестны... прояснится после криминальной экспертизы, — сказал он с уверенностью, что завтра эта Джонсон будет уже на Марсе, и возможно их дороги, больше никогда не пересекутся.

Он ясно понимал, что Вероника здесь не причем, и полицейский стукач тоже был ему не интересен — сейчас такое сплошь и рядом, за деньги можно получить практически, любую информацию: дело только в цене. Да и уровень совсем другой, кто такой Джек чтобы вмешиваться в полицейские дела. Он намного выше всего того дерьма... но для себя решил: проверить, по-любому надо.

— Ну что мистер... Джек! Может поухаживаете за дамой?! — интригуяще сказала Вероника.

Сильвер взял бутылку коньяка — в пробке торчал завернутый штопор. Ему раньше не приходилось открывать подобными приспособлением, и он с должным усилием: резко дернул за ручку пробочника, раздался звук ломающегося железа и деревянная рукоять осталась в руке. «Китайское фуфло», — хотелось ему крикнуть, чтобы все услышали, но он лишь улыбнулся в сторону Вероники, та улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. Глянув на бутылку он подумал, что наверно придется выковыривать вилкой, что не очень то, и хотелось делать. Неожиданно, Джек вспомнил о своем ноже, и тут же наклонил руку вниз к сапогу — потащил с ножен: проверенный годами, криптонитовый нож. На ноге крепилась специальная кобура для оружия, она одинакового подходила, как для ножа, так и для пистолета. И в тотчас, на глазах Вероники сверкнуло: зеркальное, двадцати пяти сантиметровое лезвие, которое как по маслу, срезало горлышко у бутылки.

— А ты сильный! — удивлялась Вероника. — Так легко срезал толстое горлышко.

Срез был на вид, будто кто его отполировал. Вероника даже и не догадывалась, что этот нож, сделан из криптонита: самого крепкого материала, что известен на Земле — и добывается он на Марсе. Ножом с одинаковой легкостью можно резать: как хлеб, так и бетон с железом, все это он режет: точно по маслу — без всяких усилий.

Поэтому криптонитовый клинок — является сверхсекретным оружием, и только немногим: из избранных — удавалось подержать его в руках.

Джек улыбнулся на комплимент и показал дарственную надпись на лезвии — самого Иван Иваныча; в двух словах объяснил откуда нож и оглядываясь по сторонам: не заметил бы кто-нибудь еще — быстро засунул его на место.

— Как это интересно! — немного завидуя сказала Вероника. — Ты наверно побывал не в одной галактике?

Она, как и большинство жителей Тронплекса была только на трех планетах.

— Немного поколесил, — поскромничал Джек.

— Расскажи... как там: народ, звери, природа...

Ей это было очень интересно и в душе она была настоящий романтик. И если имелась бы возможность: свободно перемещаться по другим мирам, она думала, что уж точно, больше недели на каждой планете не задержится.

— Если я начну рассказывать, то и месяца не хватит... а ты что там на Марсе? — с вежливости, переключился он разговор на другую тему.

Джек не только не мог рассказать ей о других планетах, он даже не имел право говорить, что он там был. Потому что, их миссии имели сугубо военное значение, с грифом: «Совершенно секретно», а обманывать, он не имел такой привычки, хотя запросто мог выдумать кучу историй, что любой другой на его месте и сделал бы.

— Нравится тебе Марс?

— Но, во-первых, я там не на отдыхе, а репортаж делаю; во-вторых, что может понравиться в тюремной зоне, это же тебе не Марленд, — сказала Вероника и отпила чуть коньяка.

Джек тоже выпил, но залпом. Он никогда в жизни до этого не пил, правда коньяк пришелся ему по душе. В груди запекло и тепло равномерно распространилось по всему телу, он быстро закусил салатом: из непонятного конгломерата продуктов, на вкус тот тоже оказался, очень даже ничего, — и в непринужденной обстановке продолжил разговор:

— Какой репортаж, ты там собираешься делать?

Про работу Вероника могла говорить часами. И про таких людей как она, обычно говорили: это у него от бога. Она закурила очередную сигарету, и с искоркой в глазах, начала изливать Джеку, проблемы тюремной зоны, о которых он знал намного больше чем она могла себе даже представить; но ее уже было не остановить, она с переживанием рассказывала: про жизнь заключенных, про их порядки, быт, и как можно жить пожизненно под «землей»: что значит люди годами и десятилетиями не видят солнца — все это, с ярко выраженной нотой протеста, констатировала репортерша, скуриив при этом три сигареты.

— А я слышал, что людей там совсем немного... в основном нелюди, — сказал Джек разливая «Цезарь» по берлитовым стаканчикам.

Коньяк он распробовал, и он начинал ему нравиться, все больше и больше. Но если бы он знал, что бутылка такого напитка стоит тысячу кредитов, то наверное ради уважения к Веронике не налил себе бы, больше и капли.

— Хочу написать правду о жизни на рудниках Элизиума, а то это окутано таким туманом секретности... никто, толком не знает, что на самом деле там происходит. А то что ты говоришь... люди там совсем нелюди... это не правда... оступился человек... — сказала она и не стала дальше развивать мысль, она точно знала какой контингент отправляют на рудники, а ее будущий репортаж о марсианской, тюремной колонии, мог просто не плохо повлиять на ее карьеру; ведь еще никому не удавалось написать, хоть что-нибудь стоящее, об этом месте.

— Тюрьма, не курорт, контингент тамошний: убийцы и наркоманы. Оступившиеся отсутствуют: напроць, только закоренелые и неисправимые. Нестрашно? — поставил все на свои места Джек.

— Почему мне должно быть страшно, охрана там хорошая, и полковник Волков сказал, что у него... — и показала кулак копирую Волкова, — вот где.

— Волков! — переспросил Джек.

— Да! Сергей Николаевич Волков.

Лицо Джека тут же расцвело в большой улыбке и он сказал, что это его лучший друг. Они вместе учились в военной академии, а потом еще три года, вместе, служили на Федерацию. После ранения Джек тогда попал в госпиталь, а когда вернулся на базу их взвод расформировали. Ему предложили перейти на службу в межгалактический спецназ, а Серегу направили на войну с лептянами. После, они так ни разу и не виделись.

Настроение сразу поднялась, и Волков не выходил из головы, ведь он был старинным другом, которого он давно не видел и думал, что уже никогда не свидятся. «Так, — подумал Джек, — надо быстро закончить это дело, взять отпуск, и пару недель на океан, а потом обязательно на Марс... Серега Волков, это же надо! Всплыл! И где?! В Элизиуме».

Тюремное поселение Марса — не то место, куда отправляются по собственной воле, но Джек по долгу службы, бывал раньше там частенько: наводя ужас на местную публику. Устранение бунтов, (те которые выходили под контроля и с ним не справлялся полицейский спецназ) было в прерогативе их отряда, и по этой причине, навидался он там немало. В последний раз когда они подавляли очередной беспредел, что учинили уголовники, а это было: чуть более — трех лет назад, то тогда было убито двести охранников. Начальника поселений взяли в плен, а потом когда заключенным на их требование, не предоставили межгалактический корабль, они перерезали ему горло — потери среди заключенных никто не считал. И это была горькая правда, о которой по видимым причинам, никто на Земле так и не узнал, как и о множестве других подобных инцидентов. Джек не собирался все это рассказывать, Веронике, а только хотел побольше узнать о своем боевом друге. Его сразу накрыла волна эмоций, связанная с Марсом и конечно же с Серегой и он глубже и глубже, стал уходить в далекие воспоминания.

— А не пригласите ли вы, даму потанцевать?! — перебила ход его мыслей, Вероника, с щедрой улыбкой на устах.

«Потанцевать!» — переспросил он сам у себя в голове. И это немного поставило его в неловкое положение. Ведь ему больше приходилось стрелять чем танцевать, и то что он в своей жизни танцевал не больше двух раз, и то еще в молодости, все это напрашивалось, как само собой разумеется, что ответ будет только один и только отрицательный. Но небольшая доза алкоголя в сочетании с располагающей обстановкой, сделали свое дело. Ничего не сказав в ответ, он молча взял ее за руку и они прошли, чуть вперед от столика, где множество пар в определенно темпе и с соответствующим ритмом — кружило вокруг них.

После первых неловких движений, Джек, быстро освоил незамысловатые телодвижения медленного танца. И дальше дело пошло: будто по маслу.

Они кружили по большому залу, и их отношения постепенно переходили из официальных, в более дружественные, и теперь в глазах Джека была уже не та заковыристая репортерша, а привлекательная и соблазнительная девушка, которой вдобавок, он тоже был симпатичен. И в этот момент их мысли были чем-то схожи, хотя каждый думал о своем — радостные чувства переполняли обоих.

Сильвер уже начал подумывать, что и в мирной жизни есть что-то, что ему некогда было познать в этой военной суматохе лет, которая называлась его жизнью, и что больше чем служба на Федерацию, он так ничего и не видел.

Вероника думала о своем о женском, что с этой работой так и не остается времени на личную жизнь, и что ей уже скоро тридцать, а она до сих пор, так и не создала семью. С ели уловимой грустью она ближе прижалась к Джеку, и в этом беззаботном танце, кружа по залу, ее мысли наполнили воспоминание с далекого детства, которые в виде обрывистых строк, стихотворений любимого поэта, всплывали в голове:

*Бежит безжалостное время,
Как танец вальса нас кружит
Под песнь судьбы ложится бремя,
И жизнь с секундою летит...*

*Под звуки музыки, игриво
Секунда тает неспеша
Кружит, пленит неумолимо
Играет красками душа...*

*Теряем миг - находим вечность
Бежим забыв о мелочах
А в них вся жизнь, любимой нежность
И слезы счастья на очах*

*Лови момент - живи лишь мигом,
Той страстью выжженных секунд...*

*Когда ты вышел с первым криком...
До смерти... может... - пять минут*

А. А. Протасов

Они танцевали три танца подряд, а усталости и не чувствовалось. Джек так вошел в чувство ритма, что ему казалось — танцевал бы и танцевал. Вся эта мирская жизнь, потихоньку начинала ему нравиться.

«Может пойдем отсюда?» — неожиданно предложила Вероника. Джек не сказав ни слова — всем своим видом дал понять, что не против продолжить вечер в более интимной обстановке. Репортерша выглядела весьма недурно, и проигнорировать такую пропозицию, мог разве что, только полный дурак или импотент — Сильвер не относился ни к одним, ни к другим. И вдобавок был еще и не женат, и это, наряду с хорошей новостью от Стива, предвещало неплохое продолжение банкета. Единственное что не давало полностью расслабиться, так это мысль, что до девяти часов утра надо вернуть костюм, но вернуть это полбеды, а вот куда...

— И где ты предлагаешь продолжить?

У Вероники такие встречи были накатаны до автоматизма, и она много чего еще, хотела вывести.

— Давай у меня!

Только Джек открыл рот, чтобы дать ей свое согласие, как репортерша ловко обвила его левую руку, и тут же потащила в сторону их столика. Она уже предвкушала, торжественные звуки фанфар, по поводу этого громкого дела, и мысль, что эксклюзивное интервью шефа подразделения «Барьер», у нее в кармане — твердо укрепились в ее сознании.

Возле их столика, Джек, вырвался из объятий репортерши и тут же, удобно уселся на мягком стуле — достал свой любимый «Казбек»; Вероника же стояла выглядывая официанта: хотела побыстрее получить расчет.

— Вероника! Садись, перекурим... до утра еще далеко, — сказал Джек, стараясь растянуть удовольствия вечера, как можно дольше, и первая тяга, наряду с дурманящим запахом, ароматизированного, Арианского табака: после плотного ужина, придала еще большего комфорта. Он взглядом окинул, переполненный разнообразными блюдами стол, и подумал: «Неплохо бы так каждый день, а прокурор тот наверно и ходит каждый день — морда такая, хоть бери и прикуривай, — и сразу оглянулся, ища взглядом Штейца, но тот столик где он видел его раньше, занимали уже другие люди. — Вот и хорошо, что не встретились».

Вероника ничего не сказав в ответ, уселась на свое место, и достав маленькое зеркальце, начала делать вид что красит губы, а сама будто заправский шпион, разглядывала заднюю панораму зала.

Несмотря на кусающие цены «Золотого гуся», ресторан полностью соответствовал, своей репутации — еда на высшем уровне, и порции здесь: словно для откорма. И если бы Джек, это учел, то можно было бы неплохо сэкономить, ведь расчеты при заказе блюд он делал, по размеру порций, его утешного опыта, когда чуть не остался голодным: от таких деликатесов.

Тут будто из-под земли, появился официант и спросил:

— Что еще пожелаете?

— Чай... зеленый, китайский, есть? — спросил Джек и сразу понял, что ляпнул глупость.

— Семьдесят восемь сортов! Вам какой?

Джек предпочитал марку: «Зеленый дракон», но не стал просить именно этот сорт. «Ведь мало ли чего здесь есть, и скорей всего здесь чай точно: как и у прокурора, кофе — спецпоставка», — подумал он.

— А вы что посоветуете?

— У меня чая попьем... нам пожалуйста расчет! — влезла в разговор Вероника, на что официант, полностью ее проигнорировал.

— Обычно заказывают...

— Пойдет, неси, — перебил его Джек. — И расчет, давай.

Побывать в «Золотом гусе» и не попробовать, какой здесь подают чай, он не мог. Официант развернулся и пошел в сторону кухни. Вдруг Сильвер вспомнил, что у него в пачке осталось три сигареты.

— Ей, Вася! — громко крикнул он официанту, в след: так что люди с соседних столиков повернули головы.

Официант удивленно оглянулся и блымая глазами посмотрел на Джека.

— Две пачки «Казбека» ... захвати, — также громко повторил он. — Две-е! — и показал ему пальцами.

Тот пометил у себя в блокноте, кивнул, и уже через пять секунд, пропал из поля зрения.

Через семь минут официант появился с большой кружкой чая на подносе, запах которого еще с далека одурманил Джека; уритронный кошелек он нес в левой руке.

— Ваш чай, сэр! Сигареты! — сказал официант и поставил перед ним, не кружку с ароматным напитком, а уритронный кошелек. На дисплее высвечивалось: пятнадцать тысяч.

И это означало только одно: поужинали они по богатому: прямо-таки по царски. «Сколько же это надо денег, чтобы ходить сюда хотя бы раз в неделю... Еще десять штук, и стоимость моего костюма», — подумал Джек, при виде всех тех цифр на табло кошелька. Официант сделал натянутую улыбку, и стоял ожидая, пока Джек положит руку для считывания ДНК, чтобы оплатить за ужин. Но платить должна была Вероника, ведь именно она, сегодня угощала, но официант этого не знал и все свое внимание сосредоточил на Сильвера. Но тот не спешил оплачивать по счетам, быстро потянулся, и взял кружку с чаем, немного отпив, сказал:

— Тьфу, ты! Совсем с головы вылетело. Принеси-ка мне, бутылочку, точно такого коньяка и пару бутылок шампанского, с какой-нибудь легкой закуской... и упакуй — с собой возьмем.

Вероника даже и не догадывалась, во сколько ей обошелся ужин; но осмысляя то, как Джек заказывает... от чего можно было и обойтись, или по крайней мере заказать через трекер, что намного дешевле — сразу навело ее на мысль: парень не промах.

Только официант «испарился», ее взору предстало табло уритронного кошелька, с астрономической суммой. Не подав вида, что для ее кармана, это просто, (!!!) ... но, делать было нечего — сама напросилась. Репортерша с видом: мол пустяк — поднесла руку до прибора, тот издал тихий писк и на табло вспыхнула надпись: оплачено. Джек подвинул кошелек до себя, и начал выглядывать официанта, тот долго не заставил себя ждать, и уже через минуту, вдалеке появилась его фигура, в руках он нес большую лампасетовую корзину, с которой виднелись: бутылка коньяка, шампанское, коробка конфет и еще какие-то свертки. Подойдя до столика он взял кошелек, что-то понажимал, и опять поднес к Джеку. На табло светилось: пять тысяч кредитов.

Джек молча подвинул руку, прибор пискнул и опять засветилось: оплачено. Он все-таки был джентльменом, и в его мыслях даже... чтобы разорить Веронику до конца.

— Спасибо за посещения нашего заведения, — сказал официант и тут же добавил: — Приходите еще. — Потом развернулся и пошел в глубь зала.

Джек затушил сигарету, встал, и одернул пиджак, огляделся по сторонам — взял в правую руку корзину, другую руку быстренько обвила Вероника; напоследок он мельком глянул на их столик — множество еды что хватило бы не неделю: праздной жизни...в другой ситуации он бы это забрал с собой; но сейчас под звуки приятной музыки, они в романтическом настроении, направились к выходу «Золотого гуся». В холле, возле порта, толпилась небольшая очередь: народ не спеша расходился по домам.

— Надо же! Кто мог подумать... очередь, — усмехнулась Вероника.

— Можешь не переживать. Нам это не грозит, — промолвил Джек и достал с кармана астрал.

Личный астрал — вот что для него было на самом деле круто, а не эта вся показная напыщенность, лившееся ручьем от этих господ. И даже имея огромные кучи денег и высокие связи — такой прибор был для них розовой мечтой, и это очень тешило Джека.

— Какие там твои координаты?

Вероника назвала адрес и с любопытством глянула на астрал. Сильвер вбил место перемещения, и отвел прибор в бок, через мгновение появилось жужжащее розовое пятно, и все, кто был в холле, точно по команде, повернулись в сторону этой пары, с завистью наблюдая как Джек и Вероника растворились в пространственном континууме. «Вот видишь, как приближенные живут...» — сказала с завистью одна видная дама, своему мужу.

Через пять секунд они стояли в апартаментах репортерши: на девятьсот первом этаже — небольшого двухкомнатного бокса, с окон которого не видно города, но чем ближе к земле тем дороже стоимость. На зарплату репортера, даже такого как Вероника, купить что-нибудь лучшее: не реально, но для нее это не имело большого значения; ведь все время она проводила на работе, а дома оказывалась только поздно ночью — поспала, а утром опять на работу.

После бутылки шампанского и сто пятьдесят грамм коньяка, Веронику немного развезло — это она на радостях от случайно услышанной информации, хлебнула свыше нормы, а то что Джек у нее дома, и с мыслями что все идет по плану: еще больше расслабило девушку.

— Какая у тебя красивая вещица, — сказала она и потянулась к бриллиантовой розе.

Но неловко взявшись за цветок, Вероника резко дернула за розу и та выскользнув с ее руки — упала на пол. Джек даже немного прояснился, ведь покупка костюма не входила в его

планы. Он быстро поднял цветок, и на его счастье он оказался целый. Репортерша сделала виноватое лицо, извинилась и сказала, что хотела понюхать. Роза хоть и была искусственная, и являлась бижутерией, но на самом деле: она сияла точно настоящее произведение искусств; помимо ее очень привлекательного вида, от нее благоухало сильным ароматом, только сорванной, царицы цветов.

— Хотела... нюхай! — сказал он и поднес розу к ее носу.

— Как изумительно пахнет.

Она не знала, что это бижутерия, а думала: бриллианты высшего качества.

— Наверное нашим воякам, хорошо платят?

На самом деле, Джек во время службы прилично зарабатывал, а по причине того что в армии деньги тратить было некуда, то за долгие годы, скопилась очень даже приличная сумма, и он мог позволить себе не одну такую вещь — даже и бриллианты, но все это он считал лишним, и это был не его стиль. Практичность вещей он ценил больше красоты, а о такой роскоши как драгоценности, никогда не задумывался.

— На жизнь хватает.

Он крутил розу возле ее носа, и неожиданно заметил гравировку, которая мелким шрифтом красовалась не стебле цветка. Джек тут же поднес изделие ближе к глазам, и увидел надпись: Ювелирная фабрика «Меркурий». И эта надпись много о чем говорила. Ведь это была одна из самых знаменитых, ювелирных фабрик по обработке золота и бриллиантов, и славилась бижутерией высочайшего качества — не было в Тронплексе человека, кто бы не слышал названия этого предприятия. «А это, уже, кое-что», — подумал он и сразу поднялось настроение.

— Что ты там рассматриваешь?

— Смотрю, есть ли на ней шипы или нет.

— Ну и что, есть?!

— Нет, — сказал Джек и засунул розу обратно в кармашек.

Душа Вероники требовала продолжения банкета и она открыв бутылку шампанского, пару раз глотнула прямо с горлышка. Потом протянула Джеку, тот тоже глотнул, да так, что газы шампанского, с силой дали ему в нос — ощущение что, засунули в рот, шлангу с кислотой: вызвало отвращение от благородного напитка.

— Не-е... эта газ-вода не для меня, — сказал он и отдал бутылку обратно, а на его глазах даже выступили слезы.

— Ты как будто, шампанского ни разу не пил. Надо маленькими... — веселилась Вероника.

Но он на это не обращал внимания, а молча потянулся за «Цезарем» — вот что ему на самом деле пришлось по душе; через пол минуты отрезанное горлышко, валялось на полу бокса.

— Давай во что налить.

— Сейчас принесу, — сказала Вероника и чуть шатающейся походкой прошла на кухню.

Джек взглядом пробежался по комнате. В боксе было чисто, и аккуратно сложенные вещи лежали на своих местах. «Не то, что у меня», — подумал он и его взгляд поймал: точно такую же — цветастую упаковку, в которую был запакован, и его костюм. Он быстро подошел и приоткрыл картонную коробку, и то, что он там увидел, только вызвало легкую улыбку: тот же лист, и с тем же почерком от руки — это была упаковка от ее шикарного, вечернего платья, к которому в комплект прилагалось «бриллиантовое» ожерелье. Джеку сразу стало понятно, что вернуть «прокат» до утра у нее точно не получится, и что аферисты работают с размахом. «Такие цены... и без возможности вернуть...» — удивлялся он про себя.

Тут послышались, шаркающие шаги Вероники, Джек быстро закрыл крышку, и отошел туда, где и стоял до этого.

— Ели нашла...

Два серебряных бокала, сверкали в ее руках. «Наверное с какого-то, дарственного сервиза», — подумал Джек, и взяв бокалы: плеснул из бутылки — на глаз. Один подал Веронике, свой поставил на тумбочку, и потянулся за коробкой с конфетами; после ее вскрытия: запах горького шоколада... мимолетной картиной, напомнил очерки из его детства. Он взял одну конфету, тут же кинул ее в рот.

— За что выпьем? — спросила Вероника, уже чуть заплетающим языком.

— Давай выпьем... за знакомство.

— Давай, за знакомство! — сказала она и они оба выпили залпом. — Кто тебя учил... столько наливать?! — возмутилась девушка, когда допила коньяк. — Удовольствие надо растягивать... придется еще одну заказывать.

— Не вопрос!

Хоть он и налил многовато, но коньяк был такого качества, что казалось, выпил бы еще: столько же и сразу. Вероника села на диван и взяла в рот конфету, еще одну она засунула Сильверу в рот. «Если хочешь, можешь принять душ», — улыбнулась девушка и кивнула в сторону ванной комнаты. «Обмундирование», в которое был наряжен Сильвер, очень его закрепощало, а чувство официальности, что придавал костюм — создало ощущение что он не в своей тарелке, поэтому Джек охотно согласился на такую пропозицию.

Вода слабым напором лилась на голову. Чувствовалось умиротворение, и приятное тепло равномерно расходилось по телу, что в совокупности с принятой дозой алкоголя подняло собственное чувство достоинства до небес, и такой ход событий предвкусал, дальнейшее, приятное времяпровождение; ведь там в комнате, его ждала молодая и красивая женщина, и он с мыслями о маленьких мирских радостях, растягивал удовольствие — не спешил выходить с душа.

Джек вышел с ванной комнаты одетый в розовый халат, и такие же розовые тапочки, с бубенцами наверху.

— А ты не желаешь... освежиться? — крикнул он с далека, и хлопнул дверьми душевой. Попрыгав на одной ноге с наклоненной головой, Сильвер три раза надавил ладошкой на ухо, — и чувство глухоты, с приятным теплом стекающей жидкости, вернули его слух в нормальное русло. Потом он прошел в комнату и увидел Веронику, она лежала торсом на диване, а ее ноги свисали на пол.

— Вероника! Не желаешь освежиться? — повторил Сильвер, но ответа так и не услышал.

Подойдя ближе, он увидел, что она крепко спит. В туже секунду подумалось то, что он и не собирался делать. Но так или иначе, надо было что-то решать — ведь он в чужой квартире, в чужом халате, и вдобавок на голое тело; а раз поразвлечься не получилось, оставался только один вариант: портироваться домой. Но его случайный взгляд на бутылку «Цезаря» — в ней оставалось еще ровно пол литра коньяка — сменил его планы. Он аккуратно взял Веронику на руки и отнес в спальню. Там положил на кровать и накрыл, лежавшим рядом, шерстяным одеялом. Потом вернулся обратно в зал, взял бутылку, включил плазматрон, и увалился в большое, кожаное кресло. «Даже может быть и к лучшему», — подумал он и глотнул прямо из горлышка.

Теперь время позволяло, как следует обдумать план дальнейших действий: по возвращению костюма — двадцать пять тысяч кредитов на дороге не валяется. Переключив плазматрон на полицейский канал, Джек сделал запрос о местонахождении ювелирной фабрики и взял точные координаты их главного офиса. Потому что с утра он собирался, вплотную заняться этим делом.

Глава 4

Мэтью, открыл веки и его мысли запрыгали как в калейдоскопе, а по глазам ярким цветом переливались зеркальные мушки — голова кружилась и очень болела; сам же он висел вверх ногами: на крюке для свиных туш; дикая боль, начиная с кончиков пальцев, судорожно пробежалась по всему телу — ноги пекли и сильно чесались. Попытка приподнять голову, чтобы хоть немного, дать крови отойти от его свинцовой головы, успеха не имела — тело слегка качнулось, а боль в ногах только еще больше усилилась.

В метрах шести, от того места где он висел, он заметил тех самых людей, что ворвались в его магазин. У одного из них был большой армейский нож, которым он нарезал свиной окорок, что вялился четвертую неделю и был заказан для свадебного банкета.

— Да, мясо чертовски вкусное! — сказал Марк отрезая тонкий ломоть окорока.

— Сейчас бы еще, по пару-тройке бутылок пива, — добавил Стив.

Стив и Марк уже предвкушали победу, и что именно они раскроют это преступление: сомнений не было, и поэтому позволили себе немного расслабиться.

Мэтью не совсем понимал о чем они там говорят, прилившая к голове кровь не давала сосредоточиться, вдобавок, еще и сильно кружилась. Еще бы, с таким весом как у него, а весил он что хороший кабан на откорме — быть привязанным за цепь ногами — неслабое испытание, для человека которому чуть больше, чем за пятьдесят.

Грабят думал Мэтью, лишь бы не убили, ведь у него жена, дети.

— Берите что хотите, и уматывайте отсюда вон! — прохрипел негр.

Стив с Марком оставили их наслаждение деликатесом и подошли к Мэтью. Тот болтался как огромный балласт на воздушном шаре. Множество свиных туш висело вокруг него, и его большое рыхлое тело, колоритно дополняло эту панораму. Толстенная цепь с тали впиалась ему в ноги так, что за два часа подобного висения, на штанах уже начала выступать кровь.

— Денег, у меня здесь нет. Но я заплачу, сколько скажите.

Стив взял его за волосы и сильно приподнял голову, ткнул в лицо свой жетон: «Подразделение «Барьер»! Что ты на это скажешь... ублюдок?! Зачем убил девочку?»

«Если это не грабеж, то что здесь делает «Барьер», — посетила Готфильда тревожная мысль. И он точно знал — эти парни пустяками не занимаются, и что это не полицейские от которых, запросто можно откупиться.

— Никакой девочки я не знаю... и никого не убивал.

— Ты что, плазматрон не смотришь? Или дураком решил прикинуться?! — сказал, подойдя вплотную к нему Марк, и тут же, со знанием дела, ударил негра по печени. Потом наклонился и громко закричал, прямо ему в лицо: — Зачем убил девочку?! Давай признавайся! — и сделал угрожающую гримасу. — До утра, ты у нас, навряд ли дотянешь... что там у тебя больное, и от чего обычно умирают в твоём возрасте?! — сказал он потом уже более спокойным голосом, по тону которого можно было определить, что он не шутит.

Тут Мэтью, полностью осознал шаткость своего положение, теперь он понимал про какую девочку говорилось, ведь только слепой и глухой, мог не знать о таком шумном деле. Все новостные каналы, наперебой: с утра до ночи, тараторили одно и то же: «Новость века», «Убийство с расчленением», «Секта в городе» — и свою невиновность, этим парням, надо было еще доказать, ведь просто так, они от него не отстанут. Серьезность намерений этих людей он только что прочувствовал на своей шкуре, и с его больным сердцем, ему это не казалось шуткой. Но в голову как назло ничего путного не лезло: чтобы хоть что-то, можно было сказать в свое оправдание.

— Давай его для начала, по полицейской базе пробьем, — предложил Стив, доставая фототрон.

Прибор автоматически считал ДНК для подтверждения прав доступа, и через секунду появилась голограмма, уритронного полицейского: «Доброй ночи, сэр! Вы обратились в базу данных: «Преступлений и наказаний» — Федерального департамента, главного, полицейского управления. Какая информация вас интересует?»

— Мне надо данные, на подозреваемого в убийстве.

— Пожалуйста, предоставьте ДНК подозреваемого!

Стив взял руку негра и поднес к фототрону, через три секунды прибор издал специфический щелчок, и уритронный полицейский поблагодарил, за то что он обратился в их базу данных, и в ту же секунду его голограмма начала медленно вращаться по кругу часовой стрелки. Через некоторое время она исчезла, и вместо нее появился этот негр: в полный рост и без одежды, а рядом отсвечивалась вся подноготная этого человека.

Мэтью тем временем потерял сознания.

— Так, так, так! Что тут у нас, — подойдя к голограмме и манипулируя данными про-изнес Стив, — Мэтью Готфильд: пятьдесят два года, женат, жену зовут Жозефина Готфильд. Имеет двое детей: Алекс и Филипп. Отслужил на Федерацию два года... учеба в высшем специализированном заведении... технология приготовления пищи. После учебы взял ссуду в банке, и открыл собственный бизнес: мини цех по изготовлению мясоколбасных изделий — «Три толстяка», который потом был переименован в «Готфильд и сыновья». Приводов и нарушений не имеет. Продукция Мэтью Готфильда, шестнадцать раз завоевывала первые места, на конкурсах производителей мясоколбасных изделий... «Готфильд и сыновья» в двадцатке лучших производителей Тронплекса... — читая это, у Стива все больше, и больше, росло сомнение о причастности этого человека к убийству. — Что-то тут нестыковочка: вроде примерный гражданин... неужели, на старости лет крышу сорвало?! — сказал он глянув на Марка.

— А топор! А кровь в морозилке! Или ты уже забыл, как он на нас кинулся?!

— Я то не забыл... давай лучше... и побеседуем в нормальной обстановке!

Они сняли Мэтью с крюка и посадили в угол цеха — оперев об стену. Марк похлопал негра по щекам, но тот в себя не приходил. Тогда он сказал: «Сейчас», — и уже через минуту, показался с полным ведром воды, которое сходу вылил на голову Готфильда.

Мэтью пришел в себя от холода. Открыв глаза он ощутил, тысячу стальных иголок, что ледяной водой прощупали его тело.

— Вроде очнулся, — улыбался Марк и поставили ведро сбоку от подозреваемого.

— Что ты такой слабенький, а на вид даже и не скажешь? — буркнул Стив.

Голова у Мэтью по-прежнему кружилась, но уже не так. Ноги гудели словно деревянные и болели. Он смотрел на Стива безразличным взглядом и в голове не было ни одной мысли.

— Рассказывай! Почему кинулся на нас с топором?

— Испугался, думал, грабить будете, — неуверенным голосом произнес Мэтью.

— Что делаешь ночью в магазине?..

— Сейчас заказов больше чем ожидалось. И мы с женой не успели... работы много... бизнес у нас то семейный: посторонних мы не нанимаем.

— А дети... дети что не помогают, написано ведь: «Готфильд и сыновья»? — продолжал допрос Стив.

— Вывеска делалась давно, а сейчас бизнес на нас с женой плечах.

В головы Стива и Марка уже закралось большое сомнение, что этот человек мог совершить такое. Он уже не был похож на того маньяка, как им тогда показалось, когда он несся на них с большим топором, и его объяснения по крайней мере звучали логично. Сейчас он производил жалкое впечатление: жертвы, стечения неблагоприятных обстоятельств.

— Кровь, зачем в морозилке хранишь? — спросил Марк с надеждой, что сейчас, он вот-вот: точно проколется.

— Как зачем?! Кровь — это скоропортящийся продукт, который надо сразу использовать или замораживать. Я обычно замораживаю. Потом мы по необходимости размораживаем и делаем колбасу, и еще пару фирменных блюд.

После услышанного оправдания, головы пехотинцев продернула тревожная мысль, что, вот тут-то, они и лоханулись: когда маякнули Сильверу и доложили о задержании преступника. И их хорошее настроение, в тотчас, сменилось чувством собственной неполноценности, ведь завтра утром Джек спросит: «Ну что орлы! Где наш подозреваемый?», — и им на это надо будет, что-то ответить.

Стив встал со стола, на котором сидел и подойдя к Мэтью предложил ему кружку ледяной воды, тот отказался, ссылаясь: «Сейчас мне только глотку, осталось застудить, — а самому так и хотелось сказать: — Сам дружок хлебани этой водички». Но Стив как будто услышав его слова, взял и выпил эту воду: «Хорошая водичка, аж в зубы заходит».

— Ладно, с твоей правотой... разберемся, а что насчет крови... много собираете? И не продавали ли вы, кому-нибудь замороженную или свежую кровь? — подойдя и присев на корточки перед негром, спросил Марк, в более дружелюбном тоне.

— Мы кровь не собираем и не продаем. Я ее сам покупаю, как и те туши, что вы здесь видите.

Лицо Стива показывало полное удивление:

— И где ты, Мэтью Готфильд, покупаешь эту кровь?!

— Да здесь, недалеко... в километрах трех от сюда, есть бойня. У меня с ними контракт на поставку: туш свиней и коров... а также крови.

Стив поставил кружку на разделочный стол и подумал, что не так все и безнадежно, как могло показаться на первый взгляд. Но идти на бойню было уже поздно, ведь ворваться вдвоем на большое предприятие, и еще ночью — не реально, и тут надо действовать согласно закону. Маяковать Джеку, после того что он ему наговорил, не было ни малейшего желания.

— Хорошо!.. — сказал Стив, и поразмыслив с секунды три, добавил: — Вы, Мэтью Готфильд, остаетесь подозреваемым в убийстве Каролины Трокс. Вы обязаны явиться туда, куда вам скажут, в тот же момент, когда вас попросят... вам все ясно?

— Ясно все! Только это куда и кто должен попросить? — сказал Мэтью, еще не совсем понимая: вправду ли это с ним происходит, или это сон. — Проснусь и будет как прежде, — думал он.

— Тебе же сказали... сообщат: куда... — злился Стив и достал с внутреннего кармана курточки, плохо гнущийся шнурок. — А пока, я вам надену стик, чтобы вы не надумали никуда сбежать. — сказал он, и в быстром темпе, зачитал негру, как и требовал закон: — Мэтью Готфильд, вы обвиняетесь в убийстве первой степени... вам запрещается покидать Тронплекс... вы имеете право... Если вы покинете город... прибор вырубит вас на десять часов... после, если вы через пять минут не зайдете обратно — это повторится... Каждый ваш шаг нам будет известен!

Стик, которым пользуется полиция и другие силовые структуры имеет именной номер. И когда полицейский застегивает у кого-нибудь на шее прибор, то номер стика и координаты преступника тотчас появляются на дисплее диспетчера — он оформляет правонарушение, — а спец-система автоматически заводит уголовное или административное дело: по выставленному на приборе коду; и тогда уже сам подозреваемый обязан прийти в полицейское отделение, и как можно скорее (человеческий фактор сведен к минимуму), но не позже чем через сутки; если этого не происходит, то тогда особое подразделение берет на себя все формальности по транспортировке правонарушителя и дальнейшей организации следствия, но такая доставка очень большой минус для подозреваемого, в последующем расследовании его дела.

Зачитав негру его права, и выставив код правонарушения, Стив защелкнул на шее Готфильда, это «ожерелье». Прибор пискнул и засветился слабым, желтым светом: пульсирующая, синяя точка, побежала по окружности прибора.

— Надумаешь снять... разлетится твоя маковка, и следов не останется, — прояснил по-простому Марк, и извинившись за столь поздний визит, объясняя чрезвычайной важностью дела, они пошли к выходу.

Мокрый с ног до головы, Мэтью сидел в углу холодного помещения. Он взглядом провожал этих парней, и по телу прошла приятная, теплая волна, похожего на эйфорию чувства. Этот ночной кошмар, как неожиданно для него начался, так же быстро и закончился — по крайней мере, ему хотелось в это верить; накативший прилив умиротворения, навеял сильное желание спать, встать он даже и не пытался; глаза сами закрылись и он в ту же секунду заснул на кафельном полу цеха.

Марк и Стив вышли с магазина. Стив своим приборчиком закрыл дверь и они молча побрели по ночной улице Южного квартала. Каждый думал про свое, но мысль что утром говорить Джеку, перебивала другие мысли, и как тот червяк точила их сознание — не давая им, ни на минуту расслабиться.

Глава 5

Джек, проснулся от непреодолимого желания — жутко хотелось отлить; пустая бутылка «Цезаря» валялась на полу, — а он так всю ночь, и проспал в кресле.

Плазматрон передавал концерт, неизвестной ему рок группа, чья музыка резко была по ушам. «Кому-то нравится... — подумал он и тут его будто, кто облил холодной водой; голограмма показывающая время, в углу плазматрона, замигала: семь, ноль, ноль, — От черт! Когда я все это успею... еще надо домой, переодеться... на работу: к девяти... костюм, будь он неладный!..»

Джек быстро нырнул в ванную комнату, и уже через считанные секунды, полностью голый, стоял слаживая костюм. Одевать его не было смысла, потому что портировался он, прямо себе в бокс. Заглянув на последок в спальню, он увидел, валявшееся на полу шерстяное одеяло, Вероника скрутилась калачиком — тихо похрапывала. Он сделал шаг вперед, чтобы ее накрыть, и замер. «Вдруг проснется, — скользнула мысль, — а я тут, как тут: во всей красе. На самом деле ведь ничего не было... только этого мне и не хватало, — и он потихоньку, закрыл за собой дверь».

Не прошло и минуты, как он был уже дома. Первым делом оделся, потом аккуратно сложил костюм — времени не было, даже заварить чая; достал астрал — начал быстро набивать координату «Меркурия», но суетливая мысль о цветке, заставила чуть промедлить — он снова открыл коробку с костюмом, достал оттуда розу, положил ее в карман плаща.

В офисе ювелирной фабрики, секретарь директора сидела и наводила маникюр. Внезапно перед ней появилось большое розовое свечение, и с него вышел Джек, с большой коробкой в руках. Положив ее на стол, он достал жетон: «Подразделение «Барьер»! Где директор?» Женщина от неожиданности открыла рот и с таким же растерянным видом, пилочкой для ногтей, показала на дверь, не произнеся при этом ни слова.

Джек взял коробку, и вошел в кабинет.

«Я принимаю с девяти... разве Маргарита вам не сказала?» — произнес маленький, толстый человек, с залысиной на голове. На глазах у него красовались очки, которые выглядели будто произведения искусств: золотая оправа, инкрустированная множеством бриллиантов, переливалась разными оттенками.

— Подразделение «Барьер»! Джек Сильвер! Мне надо кое-что у вас уточнить, — произнес Джек, и показал жетон.

Директор сразу вышел из-за стола и сказал:

— Пожалуйста, присаживайтесь! Чем могу быть полезен, такой уважаемой организации?

— Спасибо! Но у меня нет времени, — сказал Сильвер, и достал с кармана розу. — Ваша работа?

Тот взял цветок, поднес его к очкам, и сказал, что может и наша.

— Что значит может... на ней клеймо вашей фирмы?!

— Значит наша, — спокойно ответил директор, и положил розу на стол, потом спустил очки чуть на нос и добавил: — Поймите меня правильно, я же не могу знать о всей продукции нашей фабрики, тем более если учитывать, что это еще и бижутерия! Если бы вы показали мне изделия из золота или бриллиантов, то я вам бы точно сказал... как вы наверное знаете: по закону, все изделия из драгоценных камней, а также золота, продаются только при аутентификации ДНК... И наша компания, потому и лучшая... марку мы держим: ни одного грамма и даже и пол карата... не ушло на черный рынок, — с гордостью констатировал директор.

— Не знаю, какие там правила продажи бриллиантов... я от этого далек, но так или иначе, вам придется дать мне подробную информацию об этом изделии, — сказал Джек, думая при этом, что навряд ли, что больше узнает.

— Чем могу, тем помогу, — сказал тот, и прошел за свой стол, там понажимал на дисплей коммуникатора; через пять секунд в дверь постучались, и вошла секретарь.

— Да, сэр! — улыбалась Маргарита.

— Андерсона, ко мне, срочно!

Секретарша услужливо кивнула и быстро удалилась.

Через пять минут в кабинет вошел человек в белом халате. На голове сияли специальные очки с мощными линзами, которые крепились на резинке от трусов, и были натянуты на лоб. Прическа на голове соответствовала его виду, и называлась: взрыв на макаронной фабрике.

— Вызывали, сэр? — сказал Андерсон и поковырялся пальцем в ухе.

— Это наш ведущий специалист, если и он ничего вам не скажет, то тогда уж, извините, — потом директор взял розу со стола, и поднес ее к лицу Андерсона: — На глянь... что скажешь?!

Ювелирный мастер, взял розу, и не глядя положил на стол.

— Смотреть нечего! Сэр, изделие не серийного производства, и мы их, недавно, изготавливали на заказ: в экземпляре десяти штук.

Услышав эти слова Джек немного взбодрился и его плохое настроение стало чуть лучше.

— Кому изготавливали?

— Постоянный клиент: Дэвид Прохоров, закупает нашу бижутерию... лет с пять... в основном: изготавливаем по специальным эскизам... по его эскизам.

— Предоставьте господину Сильверу, данные об этом Прохорове. Мистер Сильвер из подразделения «Барьер».

— Не вопрос!

— Я чем-то могу, быть еще полезен? — сказал директор.

— Нет. Пока все. Спасибо. Если что надо будет уточнить, я потом с вами сам свяжусь.

Через некоторое время Джек уже выходил из порталного облака, в том самом месте, где указал координаты Андерсон. Благодаря тому, что у фирмы «Меркурий» с Прохоровым был подписан официальный договор, то теперь имелась вся нужная информация об этом человеке.

Только Сильвер успел сделать первый шаг, на ту сторону порта, как на него налетел и чуть не сбил с ног, тот самый китаец, что приносил костюм. «На ловца и зверь бежит», — мелькнуло в голове, но узкоглазого мелькнуло другое; поэтому он не растерялся, мигом свернул в сторону, и почти уже было пропал за дверью. Но возможность сбежать, от Джека, у него была минимальная, можно даже сказать, сведенная к нулю. Мощным хватом руки он схватил его за шиворот, и подтащил к себе.

— А ну, дружок, не поспешай!

— Здравствуйте, — корчил гримасу китаец.

— Где Прохоров?

— Какой Прохоров? — не снимая дурацкой «маски» с лица, продолжал посыльный.

— Дэвид Прохоров! — более строгим голосом, повторил Джек, и тряхнул узкоглазого за шиворот: — Если у тебя что-то со слухом... ты только скажи?!

— Не знаю никакого Прохорова.

Сильвер положил коробку на пол, и достал жетон — с силой упер его в нос китайцу:

— Подразделение «Барьер»! Слышал о таком?

Китаец тотчас помрачнел и прекратил улыбаться.

— Если хочешь, мы можем поговорить и в другом месте. Там ты расскажешь... и уши заодно почистим... есть у нас специальный ушной врач... чистит на раз, — сказал Джек и еще сильнее сжал куртку его воротника.

— Не надо, не надо врача... все скажу, я ни в чем не виноват, — перепугано бормотал он с сильным, китайским акцентом.

— Ты и так все скажешь, но для начала... где Прохоров?

— Сейчас, — сказал тот, и засунул руку в карман... через секунду в его руках засверкала какая-то вещь.

Как потом оказалось — уритронная, записная книжка. Китаец шустро забегал, своими маленькими ручонками по дисплею и через мгновение: голограмма высветила неизвестные координаты.

— Вот! Вот! Его там, — нервничая затараторил посыльный и сунул в руку Сильвера, этот прибор.

— Так, ты пойдешь со мной, — сказал Джек набирая одной рукой координаты на астрале, другой же он держал китайца, который дергался со стороны в сторону, и пытался вырваться.

— Я не могу, мне работать надо...

— Твоя работа, подождет, а если будешь, и дальше, плохо себя вести... одену стик.

Розовое пятно с типичным жужжанием, предварило пространственный мост телепорта и Джек не теряя времени, швырнул это чудо в середину, потом взял коробку и шагнул следом. Когда он выходил с другой стороны, опять споткнулся об китайца.

Помещение оказалось не очень просторным: посреди бокса находился стол, который занимал половину этой богадельни, напротив его: дорогушая камера, с функцией уритронный магазин; левый угол конторки украшал огромный шкаф.

Лицо Прохорова показывало большое удивление, и Джек был ему будто гром среди ясного неба. Китаец, что-то перепугано бормотал, что он не виноват и его заставили, но Сильвер не обращая внимания на его слова, подошел к камере и отключил ее. Потом с явным облегчением, кинул на стол, коробку с костюмом:

— Вот, брал на прокат!

Прохоров небрежно заглянул в коробку, и язвительно улыбаясь, протянул:

— Извините, мистер Сильвер, но вам придется его купить! Костюм мятый, и в пятнах, — рыжий машинально вывернул на изнанку рукав пиджака, указал на пятно, то ли от мороженого, то ли от торта: будто знал о его существовании, заранее.

— Я не знаю, что это за пятно, и как оно там появилось, — пытался оправдываться Джек.

Но рыжий его не слушал и продолжал говорить, что ничего не знает, и договор есть договор.

— Какой договор... я не заключал с вами... попрошу забрать ваш костюм: обратно?!

— Как это, мистер Сильвер, не заключали... у нас задокументировано?!

Их беседа, больше напоминала хорошо режиссированный спектакль, и Джек уже начал сомневаться, что стоит ли продолжать общение — с этим бог знает кем... или взять быка за рога, и показать: кто здесь главный.

Неожиданно, рыжий открыл ящик стола и достал оттуда лист бумаги, с гербовым оттиском — и небрежно кинув его на стол, тут же воскликнул: «На смотри! У нас все по закону, и здесь стоит твоя подпись». Когда Джек взял и внимательно присмотрелся к псевдо-документу, он сначала не поверил своим глазам. Там говорилось, что он, с этим Прохоровым, заключил сделку о покупке костюма: за двадцать пять тысяч кредитов; сам договор был заверен голографической печатью, в виде джокера, — а в нижнем правом углу, красовалась подпись Сильвера.

В соглашение каждая буква стояла на своем месте, и сразу чувствовалась рука профессионала: при любом развитии событий, товар невозможно было вернуть — продумали до малейших мелочей. «Видно в этой конторе могучий покровитель... и размер они откуда-то мой узнали», — подумал Джек и глянул на обратную сторону документа.

Рыжий тем временем, заговаривал зубы и будто радио: монотонно отыгрывал свою роль, но Джеку такой спектакль... набил оскомину, и то что сейчас ему говорила эта рыжая морда для него уже не имело никакого значения. Он просто хотел вернуть свои деньги, и в девять часов быть на работе, но поняв, что делов дальше не будет, а это пустословие никогда не кончится, его рука сама потянулась до Прохорова: мощный хват, взял Дэвида за душу — через пять секунд он болтался в воздухе, размахивая ногами и руками, и угрожающе кричал:

— Что вы себе позволяете, мистер Сильвер! Я буду жаловаться, и вы еще об этом очень пожалеете.

Общение с рыжим удивляло, все больше и больше: то что Прохоров смахивал, бог знает на кого — это одно, а то что этот карлик болтался сейчас в его руке...

— Ты не прав: мой рыжий друг, жалеть будешь ты, что надумал со мной в игры играть, — и сунул ему в лицо свой жетон.

Рыжий мигом притих и успокоился, и перестал угрожать. Неожиданно, Джека, что-то толкнуло по ногам, и он теряя равновесия чуть не упал вместе с карлушой.

То был китаец, который подобрав удобный случай, кинулся к двери при этом он громко кричал:

— Это се Прохор! Моя не виновата! Это се он!.. Се он!

Джек не стал преследовать китайца — то что он пешка в чей-то хитрой игре и навряд ли что-нибудь знает — было очевидно; на данный момент больший интерес представлял, Прохор.

От потери равновесия, Сильвер с трудом устоял на ногах, а карлик крутнулся, в его руке: вверх тормашками, и рыжая голова этого дельца упала на пол. «Что за!..» — чуть смутился в мыслях Джек, но мигом сообразил: парик.

На голове карлуши, показались, черные как смоль, с короткой завивкой, волосы, которые вызвали немалое удивление, больше даже чем, сам факт, что это чудо карлик — подобного вида кудри могли быть только у представителя негроидной расы. Джек положил Прохора на стол и дернул за воротник: его розовой, цветастой рубашки. Пуговицы разлетелись по сторонам, и оттуда показалось: черное и волосатое тело.

Чего-чего, но такого — он точно не ожидал.

Сильвер внимательно присмотрелся к рыжему лицу карлика, и на голове где проходила черная линия волос он заметил края флузелиновой маски. «Флузелиновая маска! Не может быть!» — подумал он и не представлял себе что делать дальше, ведь это совсем, другой табак.

О применение секретной технологии, под кодовым названием «Маскарад», он знал не понаслышке, даже много раз пользовался этим сам, но только в военных целях, и только по приказу генерала Оуэна — флузелиновая маска вне закона. Уже только за одно ее применения можно получить огромные неприятности. Шкура наносится специальным прибором и им же снимается. С помощью «Маскарада», можно, реально, заполучить: лицо любого человека или инопланетного существа, главное — сходство антропометрических данных.

Сама технология, древняя как мир, и была завезена с далекой Клайпетры, даже сверхсекретность, не остановила, от ее просачивания в криминальные структуры, и правительство отправило не одного в Элизиум, только за одно ее нанесения.

Неожиданный поворот событий, еще больше подтвердил догадку Сильвера, о могучем покровителе в этом бизнесе; с такими ценами и рекламой на каждом углу Тронплекса, афера судя по всему приносила немалые барыши; ведь каждый второй согласен взять на прокат дорогую вещь — за маленькие деньги. Хоть цена на товары завывшалась многократно, но от такого искушения...

— Ну что, Прохоров, как на счет путешествия на Марс, или ты не Прохоров?!

— Я ничего не знаю, и требую адвоката, — тихим голосом сказал карлик.

Что Прохор, подставной, Джек уже не сомневался.

— Требовать будешь у жены, если она у тебя имеется, — усмехнулся Сильвер. — Так, дружок, а что насчет моего костюма?

Дела: делами, но Джек помнил, что его сюда привело и твердо был уверен — когда эта канитель закрутится: плакали его денежки.

— Я могу все уладить, — оживлено произнес Прохоров.

— Надо было сразу улаживать, а сейчас у тебя есть пять минут, и я не собираюсь тратить на тебя... больше, ни минуты, — сказал Джек а сам подумал: «Вот незадача: без двадцати девять, а тут этот карлуша со своим магазином... флузелиновая маска... откуда он взялся!»

Он отпустил негра и тот сполз, со стола на пол — быстро подбежал к шкафу и поднес руку для считывания ДНК. В тот миг послышался едва уловимый щелчок и створки шкафа открылись; в середине все светилось загадочными индикаторами и мерцало разноцветным светом — три больших голографических экрана, занимали большую часть этого пульта управления.

Джек за спины Прохора глянул на начинку шкафа — но не стал ничего расспрашивать, то что он там увидел было ему не знакомо, и честно говоря: мало интересовало. Он думал только об одном: вернуть свои кровные, и побыстрее на работу.

— Готово! Деньги не будут сняты с вашего счета, и еще, в виду того, что вы оказались миллионным клиентом... вы выиграли приз в размере девятьсот пятьдесят тысяч кредитов.

— Миллионным за год или за месяц, или может за день?! Зря стараешься. Я никогда взятки не брал... и это тебя не спасет, — закуривая сигарету сказал Джек.

— Причем тут я! — оправдывался карлик. — Система сама вас выбрала, и деньги уже поступили на ваш счет, мистер Сильвер.

Джек только мог догадываться, откуда были переведены кредиты, скорее всего с какого-нибудь секретного счета, что принадлежал его тайному покровителю, и который с большей долей вероятности имел связи с большими чиновниками, или сам таковым и являлся. И как правило, такие транзакции, проследить невозможно, и по этой причине Сильвер не стал больше говорить на эту тему. Он думал, что если это всплывет, то он просто-напросто отдаст деньги, и все. Тем более что, покрывать карлушу никто не собирался, а бегать по начальству и кричать, что ему по ошибке перевели почти миллион — было бы глупо.

Вдруг Джек вспомнил о той коробке, которую видел у Вероники.

— Вчера у тебя заказывали вечернее платье, с ожерельем... Вероника Джонсон... а ну, глянь?

— Секундочку, — засуетился карлик. — Да! Да! Есть такая: Вероника Джонсон... даже с доставкой на орбиту Земли...

— Куда-куда?!

— У нас, мистер Сильвер... я только, оформляю заказы, а доставка: не мое, — уже чуть не забылся Прохор, с кем разговаривает.

— Ну и размеры тоже же не твои? — выбивать с этого чуда признание Джек не собирался, а решил, что после того, как с ним поработает полиция, он по-любому это узнает. — Ты там давай... пошустрей!

— Понял! Понял, сейчас сделаю. Готово, деньги сняты не будут, а платье она может оставить себе в подарок.

— Подарок, это хорошо... а она, ничего не выиграла? — туша сигарету об стол, поинтересовался Джек.

Карлик сделал непонимающее лицо — нет, он конечно понимал, что если бы ему сказали, что надо дать миллион этой девушке, то он даже дал бы наверное и два, только бы все уладить.

Джек опять схватил карлика за шиворот и поставил на стол.

— Я тебе предупреждал... покрывать тебя никто не будет?!

В ту же секунду на шее Прохора появился стик. Прибор пискнул, и засветился слабым желтым светом: пульсирующая синяя точка побежала по его окружности.

— Знаешь, что это такое?

Деляга утвердительно кивнул и сел на стол, при этом уныло опустил голову.

— Смотри: не балуй, а то останешься без своей кучерявой!

Более-менее разобравшись с хитроделанной конторкой, а самое главное: уладив проблеме с финансовым вопросом — Джек достал астрал и набрал координаты своего офиса. Дело с костюмом было улажено, даже лучше, чем предполагалось. «А на счет карлика, надо наверное, связаться с Оуэном, — думал он входя в розовое облака порта, — доверится больше некому».

На работе все ждали шефа: Марк что-то оживлено рассказывал и команда дружно смеялась. Увидев вспышку астрала в кабинете начальства, их лица сразу сделались серьезными.

— Пойду узнаю, — сказала Джина и слезла со стола, на котором сидела.

Джек снял шляпу, повесил на вешалку. В дверь постучались и вошла Джина.

— Сэр...

— Ты можешь дать, мне хоть, спокойно раздеться.

— Извините я ...

— Через десять минут, все, у меня в кабинете, — перебил он Джину.

— Есть, сэр! — выпалила девушка и быстро удалилась.

Джек не любил суеты, а любил ясность в приказах и расписанный по минутам распорядок дня. Он включил чайник, и поудобней усевшись в кресло, закурил. За последние сутки с ним произошло столько событий, что голова кругом шла, — но и это была капля в море, перед тем что еще предстояло сделать: связаться с генералом Оуэном и сдать того карлика, — а убийство подростка, его расследование, вообще, не требовало спешки и чтобы не запутаться в действиях ему нужен был четкий план, которого пока не было.

«Если Стив с Марком, на самом деле, взяли кого надо, то уже завтра утром, моя шкура будет трещать под лучами тихоокеанского солнца, на горячем песке Сатонского пляжа... или может в Марленд мотнуть... там говорят...» — размышлял он, пуская кольца дыма, в потолок.

Засвистел чайник.

Джек взял в столе фарфоровую банку с зеленым чаем и отвинтив крышку: с наслаждением вдохнул тот аромат, что под напором вырвался наружу — учинив всплеск эндорфинов в его голове; столовая ложка заварки на триста пятьдесят грамм кипятка, — и аромат пахучего чая, разнесся на весь кабинет.

*Шумок, душок — дракон пахучий,⁸
Пробрался в душу и молчок
Заваркой, чай — с величием набухший,
Пыхтел нектаром в потолок*

*Напиток — дар: венец природы;
Лугов цветущих благодать
Смакуем чаем от невзгоды,
Под папирску поболтать*

*И нет еды, но есть заварка,
Еще немного сахарку
Не страшен голод, лихоманка:
Под запах терпкого чайку*

Не дожидаясь пока пройдет десять минут, которые он отвел себе, чтобы собраться с мыслями — он с парящей кружкой чая в руке, сдувая клубящиеся пары ароматного напитка — прошел к двери и открыв ее нараспашку, жестом головы показал, что могут заходить. Сам не спеша, прошел и уселся в свое кресло, а ноги положил на стол.

Подразделение, организованной толпой, ввалилось в кабинет. При входе Марк шепнул на ухо Стиву: «Готовь вазелин». Тот в ответ сделал кислое лицо и ничего не ответил. Команда была в сборе и каждый занял свое излюбленное место.

Джек сербнул, приятно обжигающий напиток и сказал: — Всем доброе утро! — и с довольной физиономией глянул сначала на Стива потом на Марка. — Ну что орлы, можно вас поздравить?! Излагайте, что там у вас!

Стив был старше по званию чем Марк, и вся ответственность за выполнение задания, лежала на его плечах. Он по порядку воспроизвел, события вчерашнего вечера — единственное о чем не упомянул, так это то, что посещению лавки «Готфильд и сыновья», предшествовала долгая посиделка в местном баре.

— ...Сэр, с ним надо еще работать и работать: проверить сыновей, поговорить с женой, на бойню заглануть... тоже обязательно надо. И вот что... ордер на обыск... — заговаривал зубы Стив, на недовольный взгляд шефа.

Джек затаился и затушил окуроч. Сначала он хотел раздолбать этих ... — на тот момент у него даже не было слов, с чем можно их сравнить. Но подумал и решил, что начинать надо не с их, а себя, ведь именно он виноват, что так поспешно и легко-важно отнесся к делу. Ведь сейчас бы они затащили этого Готфильда в их бункер, и имелся тысячу и один способ, заставить сказать его правду, конечно если он на самом деле был причастен к убийству, что теперь уже вызывало большое сомнение.

— Но вы с ним и его семьей... работать больше не будете... ваша работа... — Стив только попытался оправдаться, но Джек с явной нотой недовольства, вставил свое слово: — А ордер я возьму! Возьму!.. ...С Готфильдом и его семьей — ты Джина, будешь работать... кстати, что дал опрос населения?!

— Сэр, можно сказать, ровным счетом ничего. Полицейский департамент выделил двести офицеров и мы до девяти часов вечера ходили по боксам, и как всегда: никто ничего не видел, а многие просто не открывали дверь. Хотя один мальчик видел, как он сказал: «Большой дядя с большим рюкзаком». Который был в спортивном костюме и трусцой бежал по дороге, что вела в сторону бывшего склада макулатуры.

— То мог быть любой спортсмен, здесь их...

— Вот я и говорю... лица он не видел, да и мальчик: от роду пять с половиной лет... для него любой мужчина: большой дядя.

— Я например тоже бегаю с рюкзаком, — вдохновенно промолвил Марк.

— Так что, может ты сам во всем сознаешься, или ... — пошутил Джек и не дождавшись запоздалой реакции, добавил: — Ладно, сейчас я свяжусь с прокурором и выясню на счет ордера, — и одним глотком допил, оставшийся чай, набрал номер уритронного секретаря.

Связаться с прокурором без департамента по связям он не мог, и не только потому что не знал его номер — вся связь с чиновниками в Тронплексе, ведется только через уритронного секретаря; разговоры записывают, и насчет этого очень строго. Да и пропуска в кабинет прокурора тоже нет, а без него...

— Добрый день, мистер Сильвер, чем я могу быть вам полезна, — сказала внезапно появившаяся голограмма секретаря.

— Мне надо встретиться с прокурором, Майклом Штейцом: выписать ордер на обыск бойни, что в Южном квартале на улице DF567. Это по делу, с расчленением трупа девочки, на бывшем складе макулатуры.

По всем правилам Сильвер должен брать ордер, у прокурора того района, где и произошло преступление, но эта процедура могла затянуться на целую неделю, а так-как, генеральный прокурор контролировал расследование... ордер должен быть готов: не более чем через час, размышлял Джек, о шефском начале Штейца.

— Ожидайте! — сказала секретарь и голова ее голограммы, закружилась по часовой стрелке.

Меньше чем через тридцать секунд она остановилась.

— Вам назначено на завтра, в пятнадцать, ноль, ноль.

— Вы ему сказали, что это срочно?

— Генеральный прокурор занят, и все его встречи расписаны на месяц вперед.

— Так, скажите...

Секретарь не дослушав Джека вежливо попрощалась, и связь отключилась.

— Ну что это такое! Сами просят давай быстрее... еще временные рамки ставят!!! Если бы я знал его координаты, то и с вами бы не связывался, — громко возмущался Джек и ходил с стороны в сторону, по кабинету, при этом закурил очередную сигарету.

— Да-а! Времечко бежит! И не в нашу пользу, — подметила Джина.

— Сэр, а вы вчера к нему через порт, или астрал перемещались? — слышался голос притаившегося в углу Федора.

— Туда через порт, обратно через астрал. А что?

— А то, что астрал держит в памяти последние сто портировок... но для простых смертных, функция записи: перемещений, золочена, — констатировал факт Ломоносов и тут же добавил: — Ведь не для кого не секрет: через астрал можно портироваться, в любое место, лишь бы знать точные координаты — права доступа... это только для... но все что я сказал: государственная тайна.

— Ты не сказал, а наговорил... даже в голову не влазит... я допустим ничего не знал, — забасил Марк.

— Если это государственная тайна, то откуда ты это знаешь? — недоверчиво буркнул Стив.

— О! Я там проработал целых два года и три с половиной месяца! И как у нас, там, тогда говорили: если бы я знал координаты бога, то с тобой бы не разговаривал.

— Так что, может ты и мой астрал разлочишь? — неожиданно предложил Джек

— Спасибо за доверие, но охота еще здесь поработать, ведь за это по голове никто не погладит, скорей наоборот.

— Можешь не переживать, никто не узнает. Даю слово.

Федор знал, что Джек слов на ветер не бросает, и еще краем уха слышал, что их шеф имеет могучего покровителя, в лице генерала Оуэна. И по причине того, что Федора, законная сторона вопроса несильно волновала — только техническая, то он не стал особо задумываться о правовых нормах: «Хорошо, давайте ваш астрал, — а потом, так, невзначай, добавил: — Свой я уже давно разлочил».

Услышав такое, Марк с Стивом, забасили в один голос:

— Эй, Федя! Мне тоже.

— Хватит здесь базар разводить. Это информация останется между нами, и кто надумает болтать лишнего тому я собственноручно отрежу язык... в прямом смысле слова, — обломал их Джек.

Пехотинцы без лишних слов прикусили языки, а Федор взял астрал и уже через несколько минут был в свой конуре, которую в шутку прозвали «Хижина дяди Феди», но он на это не обижался, а только, в отместку: никого туда не пускал, установив кучу разнообразных датчиков и замков и даже — от напора Стива с Марком — поставил на входе: для охраны, боевого киборга, за что получил по шее от Джека.

В тех тоннах инвентаря, что присутствовали в лаборатории, он чувствовал себя как дома и был там полноправным хозяином; ведь он единственный в подразделении, кто в тонкостях разбирается в технической стороне вопроса и вдобавок: под расписку отвечает за доверенное ему хозяйство; где наряду с обычным хламом — присутствует сверхсекретное и высокотехнологическое оборудование. Но хозяйского отношения к вещам у Федора не наблюдалось, в помещении бардак: что сам черт ногу сломит — обширная квадратура, складского бокса, сплошь и рядом, напичкана сложнейшими приборами и станками, беспорядочно лежащие бухты проводов, как змеи вьются по ногам, со своих распустившихся концов, а с десятков голографических мониторов, круглосуточно производят загадочные расчеты, которые известны лишь Ломоносову — все это, больше походит на детскую комнату с игрушками, только с одной разницей: игрушки здесь для взрослых.

Через десять минут, Федор с довольной физиономией, положил астрал на стол шефа.

— Готово, сэр!

— Такая полезная вещь, и так просто, — с чувством восхищения и в тот же время и небольшой зависти, высказался Марк.

— Для кого просто, а для кого и высшая математика, — ответил Федор и одарил: сначала Марка потом Стива, едкой усмешкой.

Марк сделал злую гримасу, но при Джеке не решился ничего говорить, а только угрожающе покивал.

— Нажмите на эти две кнопки, — продолжал Федор, — и удерживайте три секунды.

Джек сделал как он говорил и тотчас, появилось небольшое, голографическое табло, на котором отсвечивались координаты последних десяти портировок, с точным временем того перемещения — остальные девяносто, высвечивались только при нажатии на соответствующие иконки.

— Всем оставаться на местах, и никуда не расходиться... я сейчас... — сказал Джек и выразил немое восхищение технарю, за новооткрытую функцию астрала, — навещу нашего «контролера» и обратно.

Не прошло и минуты, как он стоял в кабинете прокурора.

— Мистер Штейц, это я Джек Сильвер, по поводу убийства Каролины Трокс, — сказал он вполголоса и оглянулся по сторонам: высматривая прокурора.

Ответа не последовало и в кабинете стояла гробовая тишина. Джек не зная зачем, прошел и заглянул под стол — никого; он еще раз, но уже громко дал знать о своем присутствии: «Мистер Штейц! Если вы заняты я могу зайти в другой раз», — опять тишина.

Пройдя взад-вперед по огромных размеров кабинету, Сильвер не знал, что и делать дальше, но тут он вспомнил о Мэри, и о аппетитном кофе: «Значит должна быть дверь. Откуда-то она вышла», — и начал взглядом бегать по кабинету, в поисках двери.

Дверь четко вписывалась в стенной интерьер кабинета, и сразу определить, что там дверь было невозможно, но по следам на полу, Джек, безошибочно распознал место, откуда могла появиться секретарь. Он постучал и толкнул стену рукой, дверь легко пошла и приоткрылась. «Мистер Штейц! Это я, Джек Сильвер!» — прокричал он в открытую щель двери; и выдержав двадцатисекундную паузу еще раз оглянулся по сторонам, потом с должным усилием распахнул двери настежь, зашел в середину.

За столом сидела Мэри. Джек очень обрадовался когда ее увидел.

— Здравствуйте, Мэри! А мистер Штейц, когда будет?

Секретарь сидела будто набрала в рот воды и смотрела вперед.

— Мэри, это я Джек Сильвер. Узнали?! Я был с генералом... — сказал он и подойдя ближе, тоже глянул туда, куда она сосредоточила свой взгляд, но там была пустая стена.

Девушка ни на что, не реагировала — продолжала пялиться в одну и ту же точку. Сильвера это очень насторожило. Он глянул ей прямо в глаза, и ее взгляд пробил его насквозь, будто он был человек-невидимка. «Что за чертовщина? — подумал он и тут же щелкнул пальцами перед ее глазами: реакции не последовало, — Эй, Мэри! — сказал он уже более громким голосом, и похлопал ее по плечу, а сам подумал: — Может под наркотой или... да нет, не может быть!»

И тут ему вспомнился случай с его армейской молодости, когда он пытался давать указы киборгу, который только что пришел с наряда, и по своей программе, тотчас отключился, и также ни на что не реагировал; даже удары прикладом, протонной винтовки не заставили его включиться. Тогда Джек полностью вывел киборга из строя, а сам: с месяц, был поводом для насмешек, у целой дивизии. Но те киборги были не такие, хотя тоже полностью были похожи на человека, и узнать кто есть кто, можно было разве что по их поведению. С ними только начнешь говорить, сразу ясно что это киборг, они постоянно спрашивали, что им делать, и во всем предлагали свою помощь — как маленькие дети. Но тут, да!

Джек решил еще раз все проверить: мало ли что — может и правда, Мэри под воздействием наркотиков. Он отколол у себе с рубашки булавку, распрямил и потом чуть присев, воткнул ее почти всю, в ногу этой красотки, реакции не последовало, и секретарь продолжала сидеть, как в ничем не бывало. Когда он ее вытащил, та сверкала и блестела, как и его крипто-нитовый нож: от клейкой и тягучей субстанции, что равномерно укрывала бреликтовую сталь булавки.

— Точно киборг, — в голос сказал Джек и встал во весь рост: рассматривая вещество, которое переливалось в искусственном свете и издавало: специфически, неприятный запах, — Технический прогресс меня не ждет... а запах... если прокол, то наверное, за километр можно учуять!

Он повернул голову, в сторону Мэри, и взгляду, предстала роскошная грудь секретарши, и это было именно то, чем он с трепетом восхищался, когда увидел ее в первый раз, на приеме у прокурора. Джек оглянулся по сторонам и не долго думая, дал волю своим рукам — с большим удовольствием прощупал ее четвертый размер. Дрожжевая грудь Мэри, дышала жизнью и на удивление оказалась живой во всех отношениях. «Те что в армии... холодные, будто лед... но здесь...» — продолжал восхищаться Сильвер, но дальше исследовать тело он не стал, правда мысль такая, присутствовала.

Он стоял и смотрел на этого миловидного киборга, и сразу вспомнились те мысли, когда он первый раз увидел ее в кабинете Штейца, и уже было хотел договориться о походе в кино — сейчас только от одной мысли, стало неловко. «Конечно, если бы таких продавали, точно купил: себе, такую Мэри... даже с вторым номером купил бы, — очередной раз он оценивающе окинул роскошную «мадам», и с возбуждением подумал: — Одну не одну, а парочку девиц... и разговора нет, — и чтобы убедиться, что не спит, опять прощупал ее четвертый размер».

Жаль только, что такие киборги, почему-то не продавались, а купить можно только тех, что были у них в армии, но естественно, не с военным алгоритмом поведения, но качество исполнения хозяйских роботов: на порядок ниже армейских.

Все эти друзья человека, что предназначаются для хозяйственных нужд: спросом не пользуются; киборги постоянно глючат и ломаются, а их обслуживание стоит очень дорого.

Напротив, с правой стороны, стола Мэри — стоял шкаф, приоткрытая дверца которого, зазывающе манила наблюдательный взгляд Джека; и он ради любопытства, подошел и заглянул в середину — с низу до верху, шкаф был набит яблочным пирогом, а с боку стояло множество банок, того самого кофе. «Ну, и аппетит, у человека!» — подумал Сильвер и ухмыльнулся... сразу закрыв дверцу шкафа, чтобы не поддаваться искушению, а именно: тем кофе — запах дур-

манящего напитка, до сих пор бороздил его сознание. В трех метрах от шкафа Джек заметил дверь, которая наверно вела... и опять-таки, ради любопытства, потянул за ручку двери, она с легкостью открылась, и за-за двери, прямо перед ним, неожиданно предстал Штейц.

— Сэр, я по поводу убийства девочки. Мне надо ордер на обыск бойни... — перепугано выпалил Сильвер, явно не ожидая увидеть за дверью, генерального.

Неожиданное появление прокурора, в дверном проеме, высадило на сильную измену: «... Стоял и потихоньку наблюдал за мной, а я узнав тайну секретаря: теперь, нежеланный свидетель... при любом развитии... меня подчистят», — проскочила тревожная мысль а за ней и холодный пот, на лбу, который предательски выдавал сильное волнение. Но прокурор стоял молча, и его сквозной взгляд, пробил последние сомнения. Джек не верил своим глазам: «Неужели и этот...» — подумал он, но для надежности, решил проверить. Как говорится: глаза бояться, а руки делают — Сильвер взял прокурора за руку, и делая вид что хочет поздороваться, — будто невзначай, дернул его с полу-силы за кисть. Штейц как стоял, так и упал: прямо на него — со всей своей высоты, только отменная реакция спасла Джека; и генеральный в тотчас, оказался в его мощных руках. Поставить тело на место, быстро не получилось: прокурор оказался точно литой кусок свинца, который весил наверное целых пол тонны. Джек держал Штейца в своих объятиях и думал только об одном: «Лишь бы не упустить... лишь бы не упустить...с пола я его точно не подыму». Перехватив эту «свинцовую» плоть поудобней, он с третьей попытки поставил «манекен» на место. «Напихали... бог знает, чего... ото так и воняет», — подумал полковник, тяжело, переводя дыхание.

Те киборги что были у них в армии, весили: на немного более, чем человек, и он не раз, еще в молодости, сотнями закидывал их в клапер, когда тех отправляли на ремонт: менять перегоревшие микросхемы, — но этот!..

Джек засунул булавку в руку прокурора, а сам не мог даже и поверить... но подобная субстанция, что и у Мэри, только подтвердила его подозрения. Сильвер не стал вытирать блестящую слизь, а нашел маленький пакет, на столе у секретаря, и вещественное доказательство, через две секунды, лежало в глубоком кармане его плаща, и это было единственное подтверждение, чтобы ему поверили.

Промокнув салфеткой Мэри, пот с лица, он в очередной раз бросил взгляд на объект страстного желания — достал фонотрон: механически набрал Оуэна, и тотчас, его охватило сильное чувство смятения: «А вдруг, и генерал киборг?» Не зная, что и делать с хлопотливой информацией, Сильвер нервно подавливал на фонотрон, с мыслями, что стоит ли вообще, с кем-нибудь делиться: новостью не новостью, — а его смертным приговором: это точно... «Карманный, генеральный прокурор... куда круче... но кто им управляет... то что, не Гена Пупкин из пятого «Б» — это наверняка?!»

Рассуждения о полученной информации, явно усугубили отношение к делу, и по цепочке: от одной логической мысли к другой, по потоку выходящей информации из мозга — превратили Джека контролируемое чувство смятения, в леденящую душу панику; ведь только с последней мыслью его умозаключений, он по-настоящему понял, ту серьезность и ответственность, которая непосильным грузом обрушилась на его плечи: в виде запустившегося таймера от открытого им секрета. Потому что: марионеточный, генеральный прокурор, с помощью которого можно любого человека, отправить на рудники Марса или распылить только по одной его декларации — это одно; а то что дело принимало всепланетный масштаб, и было уже не больше, не меньше, как заговор против всех жителей Земли, и то что это могла быть только верхушка айсберга — он даже боялся об этом подумать.

Но и не реагировать на такое событие, тоже нельзя, и не только нельзя, а с его новой должностью, он просто обязан: разобраться — со всей строгостью закона и предать правосудию тех умников, что закрутили такую махинацию; и без доли сомнения поставить общественность Тронплекса в известность.

«Это будет даже похлеще, того трупа, на складе макулатуры... не говоря уже о рыжем. И надо же... именно тогда, когда я поступил на эту должность. Пенсия хорошая! Попробуй еще доживи до пенсии! Это ведь вам не война... — сразу вспомнились слова, той репортерши.

— Да, здесь будет, похлеще чем война! — гонял мысли Джек».

С одной стороны, если хозяева или хозяин киборгов узнают, что он раскрыл их секрет, то это понятно: скорее всего он уже не жилец; с другой стороны, надо принять меры и поставить, хотя бы правительство, в известность, ведь если не так — то зачем он тогда протирает штаны на этой должности. «Правительство, правительство — вот там та, меня и хлопнут... нет, здесь без верховного правления не обошлось. Такие технологии... доступны только Иванычу и его подлабузникам или инопланетянам, или... — здесь ход мыслей: об этих киборгах, инопланетянах, и еще неизвестно бог о ком — окончательно зашел в тупик. — Попал так попал! А если верить Федору: на счет портировок... теперь мне точно: не отвертеться!»

Джек подошел к столу Мэри и начал внимательно изучать его содержимое: какие-то ордера, голографические печати, правительственные документы — стол битком, был завален разной документацией.

Вдруг слева от Мэри он увидел стопку золотистой бумаги. Джек взял бланки, и начал по очереди, быстро их просматривать, а напечатаны там были указы этому прокурору: во столько то часов, с таким-то, таким-то — встретиться, или выполнить, то-то и то-то задание. Листая дальше он увидел то, что полностью, как ему тогда показалось, рассекречивало его планы, на золотистом листке красовалась надпись: Встретиться с Джеком Сильвером... — и указано дата, время, и повод для встречи. Джек инстинктивно порвал лист и положил его в карман.

Сейчас в голове мелькали тысячу мыслей и столько же планов, а то что ему надо расследовать убийство девочки и еще что-то делать с тем Прохором — будь он неладен; ведь то чудо осталось сидеть на столе, да еще с его именным стиком, — напрочь вылетело из головы, и было уже не столь важно; серьезность открытого им только что секрета, говорила сама за себя, и ничто и рядом не могло стоять, с таким делом, как подменна генерального прокурора; а мысль что ситуацию он не контролирует, еще больше не давала сосредоточиться. «Так, надо продолжать свои дела, а об этом забыть и никому не рассказывать... От блядь! Ну, надо же! — не скрывая эмоций проронил он на весь кабинет. — Порвал лист с своим приглашением, а как же ордер... ох, это ненужная спешка?! — подумал Сильвер и от злости сжал кулак».

Потом он, без разбору, начал открывать все ящики в столе Мэри, и рыться в ее бумагах, и со стороны можно было подумать, что домушник проник в чужой дом и ищет драгоценности, но на самом деле он ничего не искал, а просто думал, что может что-нибудь интересного и нарвет. «Даже может и пульт управления от этих киборгов, где-нибудь запрятан», — наивно думал Сильвер, перелопачивая, все подряд, что видел.

В нижнем ящике он обнаружил большую пачку, точно таких же золотистых листков. Джек покрутил их в руках, и они ему явно показались какими-то странными, во-первых ничего подобного он раньше не видел, а во-вторых, выглядели они очень подозрительно: на ощупь будто клеенка — на вид золотая фольга, но самое интересное, когда он взял со стола карандаш и попробовал написать на листке, то с этого ничего не вышло — тот скользил словно по льду. Тогда Джек, подумав: «Что за лажа: написать ничего нельзя», — скомкал лист и кинул его, тут же на стол, но листок мгновенно распрямился и стал таким, будто кто, прошелся по нему утюгом. Дальнейший эксперимент со странной «бумагой» оказался просто потрясающим, листки: невозможно было порвать, они не горели, и когда со лба Джека случайно упала капля пота, то с листа пошел дым — он весь скомкался и превратился в труху. «Но почему тогда порвался использованный бланк?!» — подумал он и эта мысль, затмила, другие мысли, по поводу азартных экспериментов.

Он взял на глаз, штук двадцать листков, положил их в внутренний карман плаща, и подумал: «Мало чего, может и пригодятся». На столе Мэри стоял обычный аппарат для печатания, на который он как-то сразу не обратил внимания; Джек ради любопытства, вставил туда один золотистый бланк, и попробовал печатать, на его удивление буквы начали отбиваться на золотом фоне листка и были точной копией тех: с указаниями. Тогда он вытащил этот листок, и бессознательно: скомкал, кинул на стол — тот лежал и не распрямлялся. Руки сами потянулись к нему, и он в туже секунду, был порван на множество маленьких кусочков.

«Да, уж!» — только подумал Джек и вставил чистый листок в печатную машинку, и не долго думая решил воспользоваться ситуацией, тем боле, что терять ему было нечего.

Двумя пальцами он начал набирать текст своего указа: «Выдать, Джеку Сильверу, ордер на обыск! Место проведения: скотобойное предприятия, на улице DF567... Южный квартал. Для выдачи постановления, выявить реквизиты и установить собственника коммерческого имущества... — немного задумавшись он допечатал: — Срочно, по мере поступления!»

Такие надписи он видел на других золотистых бланках, и поэтому выстукивал полностью соблюдая стиль; закончив с набором, он положил свое распоряжение, сверху остальных указов, и сразу достал астрал. «Теперь надо от сюда делать ноги. Но куда? Если эта канитель завертится... — нервно пожимая астрал, размышлял Сильвер. — К генералу?.. Даже если меня и отследят, Оуэну все равно доложат первому, а он меня точно не сдаст... только если он, не киборг».

К генералу он мог заявиться в любое время и без всяких приглашений, главный штаб военно-космических войск был его вторым домом, и он там провел бесчисленное множество часов за кружкой чая, беседуя с генералом. Но после увиденного, в кабинет прокурора, Джек уже не знал, чему и верить; на свой страх и риск, он все-таки решил портироваться к генералу. Ведь с тем карликом, мог помочь только он. Но мысль что Оуэн может быть киборгом, прочно засела в его мыслях. С одной стороны, это была боязнь проколоться, с другой стороны, если генерал киборг, значит настоящий Оуэн скорее всего мертв, а об этом он, даже боялся подумать — ведь генерал ему словно отец.

Джек шел по военной базе — какое все, тут родное: идущие навстречу вояки отдавали честь; и не имело значения, что он без формы и уже более полугода как на пенсии — его помнили, и гордились таким знакомством. Навстречу, трусцой, пробежал отряд киборгов, в полном боевом снаряжении, что вызвало еще большее чувство ностальгии и стереотипные мысли: «О, пушечное мясо! Опять куда-то закидывают». Подойдя к большому ангару, он по привычке отдал честь, двум пехотинцам, которые несли вахту на входе этой псевдо-двери:

— Доложить генералу Оуэну: Джек Сильвер, срочный пакет!

Связавшись по рации с кем надо, один из пехотинцев, тотчас выпалил:

— Ожидайте, сэр!

Пропуска не было, поэтому кидать бисер перед охраной: бесполезно — все равно не пустят. Раньше он запросто мог пройти порт, по своему ДНК, или портнуться через астрал, но сейчас его ДНК заблокировано, а физический ангар, на той стороне, имеет подвижную основу, и каждый час меняет свои координаты: в радиусе десяти метров, следовательно портировка через астрал — равносильна игре в русскую рулетку.

Джек не раз просил генерала, чтобы он оставил его ДНК в базе данных пропусков, или хотя бы скидывал координаты перемещения, но тот как-то странно игнорировал эти просьбы, но сам постоянно говорил, что они редко стали видаться.

Через пять минут портал ангара засветился и показалось знакомое лицо, это был майор Тарасов: адъютант генерала.

— Проходите, сэр!

В ангаре штаба, как всегда было людно, множество солдат и офицеров, занимались своими делами. Везде стояли военные межгалактические корабли. И еще с далека, Джек сразу заметил, свой родной «Буран», на котором он поколесил не по одной галактике, и он словно магнитом тянул его до себя.

— Сэр! Генерал в шестьдесят четвертом секторе, — отвлек от сладостных воспоминаний, голос Тарасова.

Джек кивнул, и свернул в нужном направлении. Голос Оуэна он слышал еще с далека, когда его самого нельзя было различить в той толпе военных, которая собралась возле гигантского, военного корабля, что показался Сильверу больше, даже чем сам «Голиаф».

Главнокомандующий стоял в окружении множества высших, военных чинов, и в своей манере, что-то громко говорил и жестикулировал руками. Подойдя совсем близко, Джек соблюдая субординацию выпалил:

— Разрешите обратиться, сэр!

Генерал повернулся, и его суровое лицо в ту же секунду сделалось радушным и расцвело в приветливой улыбке.

— А, Джек! Это ты... рад тебя видеть! — сказал генерал и пожал ему руку, а другой похлопал по плечу.

Окружение генерала, скупое поприветствовало Сильвера: молча кивнув ему, и это несмотря на то, что знали они его практически «всегда», а с многими из них, еще связывала и многолетняя дружба, но при начальнике штаба, никто не решился на более приветливую встречу.

— Давай ко мне в кабинет, там поговорим, — сказал Оуэн, и тут же, повернув голову к офицерам, выпалил: — Никуда не расходиться, скоро буду!

По дороге к резиденции генерала, Джек всю дорогу размышлял, о том как бы поэтичнее проверить, папика на человечность, мысли принимали порой самые необычные способы подобной проверки; но усердные старания что-нибудь придумать, вмиг, свелись на нет, табличкой на двери: «Генерал Джерольд Оуэн» — часовые на входе отдали честь, и они зашли в помещение.

В кабинете, Оуэн снял берет и кинул на стол, сам уселся в большое, мягкое кресло над которым красовался портрет Иван Ивановича.

— Что ты это, старика совсем забыл: редко так заходишь? Присаживайся!

Джек не знал с чего начать: с магазина или сразу с прокурора.

— Сэр, я, тут раскрыл аферу... с магазином, но там похоже замешаны правительственные чины... без вашей помощи мне не обойтись.

Потом он рассказал Оуэну все по порядку: о прокате, о негре в флузелиновой маске, и о своих догадках про баснословные суммы в этом бизнесе...

— Какой там у тебя номер стика... сейчас мы туда зашлем: кого надо?! — деловито потирал ладонки генерал. — Чего стоишь, как засватанный... чаю не хочешь, твой любимый: зеленый? Только для тебя и держу.

— Не откажусь.

— Ты давай, там... сам похозяйничай, а я пока организую...

Генерал нажал кнопку коммуникатора, который будто панель управления боевого корабля — занимал почти весь стол — сразу вошел майор Тарасов.

— Тарасов, вот тебе номер стика. Возьми с собой двадцать бойцов из роты Грога и по полной боевой — подозреваемого к нам в карцер... сам потом допрошу... а ту конторку: опечатать и выставить караул. И смотри, полицию не пускать, а если будут сильно настаивать... мигом маякуй мне. Уровень секретности максимум. О выполнении задания доложить лично. Все ясно?

— Так точно, сэр!

— Чего стоишь? Тебя уже как пять минут не должно здесь быть, — шутливо сказал адъютанту, генерал, и тот пулей покинул кабинет.

— Ну а ты, что, рассказывай, как на новой работе?! Освоился?

— Э-э! — махнул рукой Джек. — Там и осваиваться нечего... только это все не для меня... вы бы меня обратно, куда-нибудь взяли, — сказал он и налил себе чая.

— Мне тебя тоже не хватает, но ты же сам знаешь, что после тех кроптанов... будь они не ладны. Пусть немного уляжется, а там мы что-нибудь придумаем... а чем тебя не устраивает новая должность? Зарплата хорошая, постоянно в городе: среди людей, считай, как в отпуске... отдохнешь по-человечески.

Джек закурил. Хоть генерал и не курил, но ему он разрешал.

— Вы же знаете, что мне надо свобода действий, а тут постоянно по сто указов и приказов, еще этот прокурор ...

— Что тебе прокурор... твоё начальство, ведь не Штейц?

Это был подходящий случай, чтобы рассказать о ручном прокуроре, который неизвестно кем был приручен и внедрен, но Джек так и не решился раскрыть тайну — пока не будет уверен в генерале на все сто.

— Да что, что... постоянно старается давить, и делает с меня какого-то новичка, который первый раз держит протонную винтовку.

— А как ты хотел... привыкай?! Ты теперь личность публичная, то что мог себе позволить раньше, можешь об этом забыть... — сказал Оуэн и тактично перевел разговор, на интересные его темы. — Еще может женишься, семью заведешь, а там смотри и детишки пойдут, и эта работа будет тебе, самый раз: кстати.

Джек уже не слушал что говорил ему Оуэн, потому что говорил он ему это последние десять лет: одно и то же — сейчас мысли занимал другой вопрос: как проверить генерала, но как на зло, путевого ничего в голову не шло; ведь не мог же он: подойти, и ни с того ничего — всадить в него целую булавку. Поэтому про прокурора и его секретаря решил оставить до лучших времен, как говориться: время покажет.

— Ты всегда появляешься так неожиданно, хоть бы предупреждал. Я бы выделил часок, другой, а то время... график расписан по минутам, даже ночью покоя не дают — одевая берет сказал генерал. — Сейчас у нас испытание нового космолета... видел? Совсем замотался.

— Хм, такое разве: не увидишь... мне кажется, что он даже больше...

— Больше, больше... только теперь это и есть «Голиаф».

— А...

— Тот мы порежем на металлолом. Теперь это наше будущее и настоящее, — не дал сказать Джеку, и слова, генерал и в патриотическом стиле провел ему маленькую политинформацию.

Голиаф — «живая» легенда, всех времен и народов: с начала покорения космоса, что увековечил себя не только со стороны военного прошлого, но и прочно занял место в школьных учебниках, как легендарный покоритель чуждальных галактик и мысль что его можно порезать на металл, не улаживалась у Сильвера в голове. Но подобные дискуссии, с генералом: были бесполезны, в виду его твердолобости по поводу его же решений, и тогда чтоб не терять попусту время, Джек решил сменить тему и порешать вопросы, в которых без Оуэна не обойтись.

— Чуть не забыл. Сэр, мне бы пропуск на Марс: в тюремную зону.

— Туда обычно не просят... а просят, — пошутил генерал?

— Никто не просится... там, Серега Волков, начальником Элизима. Давно не виделись, вот хотел...

— Это не тот Волков что с тобой в одной группе был?

— Тот самый.

— И как он там?

— Не знаю, сам его очень давно видел.

— Хорошо, когда соберешься скажешь. Мы тебя туда... и глазом не успеешь моргнуть: доставим... заодно наш новый «Голиаф», на дальние расстояния испытаем; а сейчас, извини... больше времени тебе уделить не могу, надо идти: ждем делегацию гелтов.

Джек сказал, что и у него работы невпроворот, и весь их отдел — зарывается с этим убийством, и хорошо, что Оуэн взял на себя дело с карликом, а то и не знает, чтобы он и делал; и тут же подумал о прокуроре — легкие мурашки, по спине, пощекотали нервы: «И Оуэн,

вроде настоящий... жаль... не проверил». Генерал на прощанье похлопал Джека по плечу и сказал, что когда он закончит с расследованием убийства, то он за него обязательно похлопочет: перед Иван Иванычем, но ничего не обещает. «Похлопочет... сразу надо было хлопотать...» — подумал Джек, и достал астрал, начал набирать координаты своего кабинета.

На работе команда уже ждалась шефа, расслабляющая скукотища повисла на кварцах — стараясь, как можно подольше тянуть время: «Сказал: туда и обратно... а сам ...» — думала Джина нервно крутя в руках, зеленый карандаш.

Внезапное появление Джека подняло настроение.

— Долго же вы были, сэр, — взбодрилась Джина.

— Заскочил тут, в одно место...

— Что будем с собой брать, — выпалил Федор.

— Куда брать?

— Вроде собирались на бойню... или как?! Пять минут назад пришел ордер, подписанный генеральным прокурором.

— Хорошо иметь большое знакомство... с самим генеральным! — позавидовал Марк.

Джек промолчал. Убийство девочки спряталось на второй план, по крайней мере для него. Мысли о том, что когда закрутится этот водоворот: сначала с рыжим, а следом с прокурором киборгом — не давали покоя. Но пустить самотеком резонансное убийство он тоже не мог, а рассказать подразделению: то, что узнал — было очень рискованно, ведь знал он их всех, без году неделя, да и подставлять под такую мельницу своих подчиненных — не в его правилах.

— С собой берем сканер. И всем одеть бронежилеты.

— Жилеты зачем? — переспросил Стив.

— Преступник или преступники могут быть вооружены... даже не могут, а больше чем уверен... за всех вас я отвечаю лично, поэтому, вопрос не обсуждается. Джина! Свяжись с полицией, надо чтобы они оцепили периметр бойни, а то еще случайно проскользнет какой-нибудь репортер или зевака с улицы: тогда уже точно горя не оберемся. Так, через пятнадцать минут — в полной боевой! Всем все ясно?! Если вопросов нет, встречаемся в клапере.

Одобрительные кивки со стороны команды, напомнили Сильверу былые времена.

— А тебя, Федя, попрошу остаться!

— Слышишь, Федор, ты что-то там говорил, что все портирования фиксируются?! — поинтересовался Джек, когда они остались вдвоем в кабинете.

— Не только фиксируются... каждые двенадцать часов сбрасывается дамп портирований, после чего куб данных, под расписку извлекается... и архивируется в сейфе с трилоктонным полем защиты, — ввел шефа в техническую суть дела, Ломоносов, на что у Сильвера сразу скользнула тревожная мысль, что теперь ему точно не отвертеться. Но с идеей: мало ли чего, он тут же поинтересовался:

— Федя! А нельзя ли, мои портирования: стереть, что ли, с этого... как ты там говорил?

— Если прошло меньше чем двенадцать часов, то не вопрос. После... только с аркилтонной пушки, — сказал Федор и расплылся в улыбке до ушей.

— С пушки не надо, а вот по-тихому... три моих последних портирования, это само оно.

— Но, сэр!

— Мы же с тобой договорились: если что, вали на меня.

— Хорошо, давайте ваш астрал.

— Подожди! Полетел... вот тебе булавка, сделаешь полный анализ вещества, которое сверху, и еще... смотри: между нами. Понял?!

Тот открыл рот, — но Джек, не дав сказать и слова, поставил точку в данном вопросе:

— Так надо, Федя! Надо!

Технарь вышел с кабинета, а Джек подумал: «Слава богу пронесло или нет... если я там не был... через центральный портал не входил... значит следов портирования... и если оно так, и есть, то... тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! — и постучал кулаком по столу».

Утешив себя этими мыслями он полез в карман за сигаретой. Где его рука нащупала еще что-то непонятное.

— Что за?.. — и тотчас, переливания золотистой «бумаги», из его кармана, согрело душу: «А я про вас совсем забыл: золотые мои листочки, может и пригодятся!» — подумал он и аккуратно положил их в ящик стола.

Времени на чаепитие, уже не оставалось — Сильвер в темпе накинув плащ и шляпу, вышел с кабинета, взял курс в сторону ангара с клапером.

До бойни добрались быстро. Джек первым подошел к массивным воротам, которые преграждали их путь, на территорию предприятия, и сильно постучал: сначала кулаком, потом ногой. Через минуту окошко в двери открылось и хриплый голос спросил:

— Чего надо?

— Подразделение «Барьер», у нас ордер на обыск. Давай открывай!

— Мне что до этого... барьер не барьер... да хоть: господь бог. Велено никого не пускать, — прохрипело с той стороны, и окошко захлопнулось.

— Если не откроешь, ворота разнесем: в пух и прах, а ты пойдешь по статье, за оказания сопротивления властям. Давай открывай!

— От тормоз: полнейший! Эй чудо, давай открывай, а то греха не оберешься, — резко бросила Джина.

В ответ ни звука.

— Где эта полиция? Когда надо никогда вовремя не приходят.

— Сэр, позвольте мне, — обратился Стив.

Джек утвердительно кивнул.

Ворота, точно с какой цитадели — острием двухгранных пик: вверху ворот — подымались, почти, до уровня четырех метрового забора и были откованы с толстого метала. С середины предприятия не доносилось каких-либо звуков рабочей обстановки, и казалось, будто там, все вымерли.

Марк подсадил Стива через ворота, и тут же раздался громкий звук свистка, который через пять секунд прервался и звон битого стекла наряду с шлепаньем чего-то тяжелого на землю: поставил ситуацию под контроль — кованые ворота чуть шатнулись, и с лязгом металлического засова: дверь на территорию бойни, с скрипом распахнулась.

— Добро пожаловать! — улыбался Стивен, стоя в проходе ворот.

Тело сторожа с разбитым носом, лежало возле двери каптерки. Это был мексиканец лет под сорок пять, с большими усами, которые уже успели на половину пропитаться красной юшкой.

Джек небрежно ткнул охранника ногой и сказал:

— Давай вставай: свистун! Где твое начальство?

Мексиканец с трудом поднял голову, и все еще пытаясь препятствовать подразделению, глянул на рядом валявшийся свисток.

— Чего ты это свистишь? Тебе же сказали: подразделение «Барьер»! А ты начинаешь препятствовать: Федеральному расследованию. Нехорошо!

Но тот ничего не ответил, и как загнанная собачка — бегал глазами со стороны в сторону; и тут же, подобрав удобный случай: молниеносно подхватил поломанный свисток, и начал дуть в него что есть мочи, но кроме громкого шипения воздуха, тот ничего так и не издал.

— Сэр, да он под кайфом, гляньте на его бешенные глаза, — сказал Федор и мимоходом, предложил мексиканцу, свистнуть еще кое-куда...

Неожиданно, сверху, раздался одиночный гул полицейской сирены, и прямо во двор бойни, плавно опустился полицейский клапер.

— Как всегда вовремя! — иронично подметила Джина.

— Вы мне свисток сломали, и я подам на вас в суд... будете новый покупать, — затараторил мексиканец, и засвистел ртом, стараясь подражать звуку свистка.

Здесь уже стало, совсем очевидно, что с этим охранником что-то не так: запаха алкоголя не было, а его глаза чуть не выскакивали из орбит.

«Сэр, капитан Далатян. Какие будут указание?» — услышал Джек, за своей спины.

С клапера, тем временем, вышло двадцать человек в камуфляжной форме и при полном боевом снаряжении — это был полицейский спецназ. Ордер, по указу Сильвера, сработал хорошо, и он был этим доволен, думая, что хоть таким способом удалось решить проблему с обыском.

Джек повернулся и поприветствовал Далатяна и по ходу, рукопожатия, распорядился:

— Так, усача, на медицинское освидетельствование, на ворота охрану, и никого не впускать и не выпускать! — и еще раз, окинув территорию, добавил: — Не нравится мне это: рабочий день, а кроме сторожа... интересно, кто живой тут еще есть... или только это чудо?! Значит, вот что, капитан: вы пока разузнайте обстановку... — а мы тем временем со своим «барахлом» разберемся.

— Есть, сэр! — выпалил Далатян и уже через несколько секунд от него и след простыл.

Огромных размеров двор предприятия: более двух гектар, наряду с впечатляющим забором, что окутан шипованной системой «Еж», по всему периметру — наводил только на одну мысль: про недвижимость, в чертах Тронплекса; которая даже по самым скромным меркам: только одна ее аренда — должна обходиться в круглую сумму, что не совсем характерно, для такого бизнеса, как бойня.

— Чего стоишь, или особого приглашения надо...давай разворачивай сканер?! — повернув голову к Федору буркнул Джек, тот в ответ кивнул, что мол понял и теми же самими словами сказал Марку с Стивом, чтобы несли сканер, что лежал возле каптерки усача, и ставили его в том месте где он покажет.

Полицейский спецназ работал оперативно, и сразу было видно военную подготовку. С стороны здания, трусцой, приближался Далатян, который подбежав к Сильверу, с ходу, начал докладывать обстановку:

— Сэр, мы все обследовали: на входе один порт, больше входов и выходов не обнаружено, как и окон, — тут он на секунду примолк, а потом улыбнулся и добавил: — Признаков жизни, не обнаружено!

— Вот это и подозрительно: что не обнаружено! Такое предприятие и только этот торчок, — сказал Джек, и сделал озабоченное лицо. — Капитан, что вы сейчас увидите является государственной тайной, и я попрошу, чтобы вы сами: у своих, взяли подписку о неразглашении.

— Не вопрос! Если надо, будут вам подписки.

По интонации капитана, чувствовалось, ели заметное, недовольство, на счет приказа: взять подписку о неразглашении. И что, как наверное, думал Далатян, что кому-кому, а ему

он просто обязан доверять. Но на самом деле Джек доверял не только ему, но и каждому из его команды, ведь это было элитное подразделение, главного полицейского департамента, и надежность этих парней не вызвала сомнений.

Причина меркантильности крылась глубоко в сознании Сильвера, и там не было места ни анархии, ни панибратству, когда идет речь о соблюдении протокольных норм: спецификации подразделения «Барьер»; ведь девяносто процентов оборудования, что было на их вооружении, носило гриф «Совершенно секретно», и в основном предназначалось, только для военных целей, а также в их арсенале присутствовали такие вещи, что, даже большие военные чины, и не догадывались о их существовании.

Через две минуты, черный предмет, что был похож на ящик от боеприпасов, и не имел каких-либо опознавательных знаков, стоял в центре двора бойни. Ломоносов подсоединил к нему прямоугольный прибор с голографическим табло — ящик издал писк и открылся, потом с него плавно вылетел зеркальный шар: размером с футбольный. Который за одну секунду поднялся на десять метров: горизонтально вверх, и тут же засветился синим светом. Площадь предприятия на считанные доли секунд покрылась сиреневым туманом, что с такой же быстротой, как и появился — растаял будто его и не было; шар продолжал висеть на той же высоте, при этом совершая вращательные: движения по часовой стрелке.

— Сэр, готово, — с довольной физиономией, потер руки Федя.

— Чем бы дитя не тешилось лишь бы не плакало! — ухмыльнулся Джек в сторону технаря, который полностью сосредоточился на опциях сканера.

Федор нажал на что-то там еще, и перед ним возник огромный, голографический экран, с диагональю не меньше трех метров, по которому можно было рукой сдвигать картинку изображения, и управлять разными опциями в пространстве. На дисплее показался полицейский клапер и все те, кто был во дворе бойни.

— Давай передвигайся в здание! — скомандовал Сильвер.

Тот начал сдвигать голограммы сканера в сторону помещения, а потом полностью углубился в середину бойни. Далатян с восхищением смотрел на работу этого чуда техники, и думал, что его спецназу такой бы тоже не помешал; и только тут до него дошло, почему Джек сказал ему взять подписку о неразглашении. Федор словно бог пространства и времени, прошел через портал и очутился в очень странном помещении, координаты которого тотчас высветились на экране, а потом отодвигая бетонные плиты рукам, он начал детально исследовать внутреннюю обстановку. В здании оказалось, еще три подземных этажа. Также было выявлено двадцать пять визеотреков, по всей территории предприятия, что как грибы прорисовались в отдельной опции сканера, и их координаты, тотчас замигали бирюзовым цветом.

— За нами, оказывается, еще и наблюдают! — произнес Далатян, а сам будто замороженный смотрел на голографический экран.

— Пока наблюдают. Федя...туши свет! — сказал Джек закуривая.

Шар на секунду сверкнул чуть больше и тот же самый туман, загадочной синевой растаял в лучах солнца, а в опциях: на экране, где мигали иконки визеотрека, прорисовались красные крестики.

— Уже не наблюдают, сэр, — заулыбался Федор.

Сканер вырубил приборы, в которых присутствовала хоть малейшая толика электричества: по периметру бойни — магнитные пистолеты подразделения, были в опциях разрешены, и остались работоспособными. Да и к счастью, полицейский спецназ, имел на вооружении протонные винтовки, армейского образца.

Дальнейшее исследование здания показало, что первый этаж пуст, также, как и первый подземный. Второй и третий этажи переполняло множество людей, которые старались двигаться в глубокой темноте: на ощупь.

— Федя, глянь, что там у нас с оружием?!

— Секундочку! Сэр... тридцать две боевых единицы старого образца: равномерно по двум этажам, и пятьсот семь единиц, подобного добра, скоплены в одном месте — наверное, склад.

Преступные элементы обходились оружием, их прадедов: свинец и порох; патроны изготавливали вручную на подпольных заводах.

— Может военных подключим? — спросил Далатян.

— Что очко играет? — сорвалось с языка у Сильвера.

Но капитан оказался с неробкого десятка и сопли жевать не стал, а ответил в той же манере:

— Чувство самосохранения присуще всем теплокровным существам, но на спецназ «Булава», это не распространяется.

Джек улыбнулся в ответ и сказал:

— Другого от тебя я и не ожидал. Сейчас Федор настроится на твою частоту и будет вести вас, как лучший лабрадор в этом городе, — потом он повернул голову в сторону Ломоносова, который увлекся сканером так, что ни на что больше не обращал внимания. — Федя, открывай «двери»: посылаем гостей, — и легонько похлопал его по плечу.

Полиция быстро растворилась в проеме порта. Джек и его команда остались во дворе предприятия. Без оружия и приборов ночного видения там им делать было нечего. Да и этот полицейский спецназ крепко знал свое дело, поэтому их помощь была излишня.

Федор сидел на связи: вел команду Далатяна, указывая на возможные засады. И если какой-нибудь зевака: со стороны, увидел Ломоносова за сканером, то он бы, наверное подумал, что тот играет в обычную, шестимерную, голографическую игру.

Со сканера слышались выстрелы автоматического оружия, и за ним последовала яркая вспышка протонной винтовки. Голографический экран давал картинку в цветном и объемном виде: четко просматривались черты лиц и даже испарины на лбу преступников, которые были, явно обескуражены, внезапным появлением полиции, и стреляли беспорядочно, не понимая откуда на них, все это свалилось.

Далатян словно матерый, боевой пес, шустро продвигался по коридорам заведения, оставляя после себя, оплавленные фрагменты тел бандитов.

— Внимание! В пяти метрах, за правым углом еще двое: один с автоматом, у другого помповое ружье, — сообщил Федор, Далатяну.

Экран скрасила очередная вспышка протонной винтовки и теперь вместо угла был уже прямой проход, а от преступников остался только запах горелой плоти.

— Если мы бы знали... можно было взять у Феди: со склада, пару киборгов, они бы с ними за пять минут закончили, — деловито высказался Стив.

Джек с грустью наблюдал за ходом событий, по дисплею сканера, и сожалел только об одном: что нет его проверенной подруги — протонной винтовки, которой он мог пользоваться получше любого полицейского.

Спецназ тем временем спускался на третий этаж. Сканер показал множество безоружных людей: в белых халатах, которые лежали на полу и бормотали, что они сдаются. Вдруг, что-то вспыхнуло, и прогремел громкий взрыв — два полицейских упало на пол.

— Федя! Ты что уснул?! — гневно выпалил Джек.

— Сэр, очень много людей, сразу не с ориентируешься от куда...

— Наверно граната, — предположил Марк.

Через секунду, в ответ, ослепительная и беззвучная вспышка протонной гранаты, скрасила экран и девять силуэтов, в дальней комнате, растворились в воздухе, как и те вещи, что там были — учитывая еще две межкомнатных перегородки, что исчезли тоже бесследно.

— ...Это они в оружейной комнате... развернулись... идут обратно. Давай, включай свет!
— скомандовал Джек и дал маяк, чтобы все следовали за ним, сам же быстро побежал в сторону входа в бойню.

Они вбежали в порт и сразу очутились в середине этого заведения. Первый этаж зиял открытыми нараспашку: створками дверей — признаки производства, не говоря уже о мясе, напрочь отсутствовали; помещения меркли в многолетней паутине и толстом слое пыли на полу.

— Интересно! И где здесь бойня... не вижу даже и намека? — подумал вслух Стив.

— По-моему это и по сканеру, можно было еще заметить. И вообще, лучше смотрите по сторонам, а то выпрыгнет чудо с обрезом... — на всякий случай предупредил Сильвер.

Команда, держала на изготовке свои магнитные пистолеты. Хоть Далатян со своими орлами здесь и поработал, и Федор был на связи, но чем черт не шутит: на войне как на войне. И Джек в подобных ситуациях обычно рассчитывал, только на себя. Спускаясь по лестнице, вниз: подземных этажей, они столкнулись с Далатяном, который не спеша подымался по ступеням.

— Жаждались, жаждались. Пришлось самим разобраться, — сказал он с довольной физиономией.

— Потери есть?

— Слава Богу... пронесло: только двоих, чуть зацепило. Плодятся как мухи... вторая лаборатория за полгода.

Джек давно понял, что бойня, это лишь прикрытие, для изготовления наркотиков, и те горы белой смерти, что он видел по сканеру, завели его расследование в тупик: «Наркота, наркотой, но откуда тогда мясо? Ведь Мэтью точно сказал, что мясо и кровь именно от сюда. Наверно, что-то скрывает, ведь чем-чем, а мясом... и не пахнет — пахнет, но не тем. ...Или может, все-таки, для прикрытия и приторговывали?..»

— Кто у них, здесь, за главного? Хочу пару вопросов задать.

— Мы пятнадцать человек взяли живыми, а остальные приказали долго жить, — шутил Далатян и его отличное настроение передалось и Джеку, — но, сэр, это ничего вам не даст... они бояться своих дружков больше, чем закона, а когда попадут на Марс их там за сотрудничество с Федералами, точно пришьют.

— До Марса надо еще дожить, — усмехнулся Сильвер, и не удовлетворившись ответом, прошел вниз: на другой этаж.

Второй уровень заведения, рябил, от сплошь и рядом: напичканного разнообразным химоборудованием, металла и стекла — колбы и пробирки, а также горы синтетического наркотика на столах, создали ощущение, что попал на фармацевтическую фабрику.

После выведения особого вида тли, что питается: наркотическими растениями. На Земле уже через два года, не наблюдалось ни одной плантации зелья, а то что высаживалось дельцами преступного мира, в зародыше съедало это генно-модифицированное чудо, под названием «Красный пузырь», которое после того, как доест последний листочек коки или коробочку мака: через трое суток умирает с голоду — нарко-паразит ничем другим больше не питался.

Выращивание наркотиков стало бессмысленным делом, и по этой причине нарко-дельцы перешли на синтетику.

На полу лежали перепуганные китайцы в белых халатах. Джек поднял одного за шиворот и спросил:

— Кто тебя нанимал? Кто деньги платит?

Китаец, с испугу, такую чушь, которая не могла уложиться в голове, ни у одного здравомыслящего человека и слова Далатяна о бесполезной затее: насчет допроса — приняли твердую форму. Сильвер решил оставить идею с опросами узкоглазых, по крайней мере на

время; ведь с ними должна поработать сначала полиция, а там как он думал: «Обязательно: что-нибудь всплывет», — но как это может повлиять на ход его расследования он даже не мог и представить.

— Ей, Далатян! Пойдем, мы... без меня разберешься... наркота — это не наше... и еще: про нас в рапорте, упоминать не обязательно... короче, сам знаешь, что делать.

Джек вышел во двор, следом шли и остальные — Федор все еще забавлялся со сканером, и с далека можно было определить, что исследовал он уже не это помещение, — а шастал по тем местам: о каких, и стыдно сказать.

— Федя, упаковывайся и на базу... сейчас от полиции и репортеров: места мало будет всем.

В офисе слушали жужжание комара и никто не ожидал такого поворота событий — дело опять зашло в тупик.

— Или лавочник слукавил, на счет места где он делает заказы на поставку мяса и крови, или ... — прервал тишину голос Джека.

— Какой ему смысл обманывать... мы бы по-любому, это проверили, — перебил Стив.

— И то верно.

Неожиданно, в кармане Сильвера завибрировал фонтрон. Он отвел его в сторону и нажал на «связь», тотчас появилась голограмма: секретаря департамента по связям.

— Мистер, Джек Сильвер, вам в пятнадцать, ноль, ноль, сегодняшнего дня, назначена деловая встреча с генеральным прокурором: Майклом Штейцом. Цель визита: государственная тайна. Просьба не опаздывать!

Джека словно током ударило, и защекотала тревожная мысль: «Неужели засветился». Но не подав виду, что волнуется, он сказал:

— Опаздывать... опаздывать... с чего бы мне, еще опаздывать!

Секретарь не сказала больше ни слова и ее голограмма тотчас растворилась в воздухе.

— Значит на сегодня план такой: Джина, займешься мясником и его семьей, только попрошу тебя, аккуратней...

— Когда я что-то делала?..

— Дело не в тебе... есть человечки: в нашем отделе... — сказал Джек и посмотрел на Стива с Марком, а те виновато отвели взгляд.

— Что-то не так, сэр? — не понимая в чем дело, Джина глянула: сначала на пехотинцев, потом на шефа.

— Нет, все нормально.

— Для вас, особое задание. Этого сторожа... — здесь Сильвер на пару секунд примолк, — разрешаю любые методы. Приводите усатого в чувства и чтобы точно узнали... — тут он опять задумался: насчет того, чтобы мог знать, тот мексиканец, — узнайте у него все, что он знает, а там разберемся. Сейчас я вам выпишу разрешение... тащите его в наш бункер... и никакой самодеятельности!

— Да мы его, сэр!.. — вдохновился Стив.

— Расскажет, что ему на семьдесят пятую годовщину бабушки, снилось, — выпалил Марк.

— Дважды повторять не буду, но учтите: он еще и для полиции ценный свидетель. Федя, ты займись тем, о чем мы с тобой утром говорили... а я по делам, завтра буду после обеда.

Джек хотел хорошо выспаться, а то скопившаяся усталость, наряду с большим, нервным напряжением — мешали работе. Кварцы отмигали час дня и время позволяло: как следует, обдумать дальнейшие действия, — и перекусить: тоже бы не мешало.

Он портнулся домой: кинул плащ и шляпу на кресло, и прямо в сапогах улегся на кровать: «Полежу пять минут... затем чаю заварю», — и включил плазматрон.

Мелодия домашнего фонотрона, заставила содрогнуться расслабленно тело Сильвера. Он, как в тумане, резко вскочил с кровати, с множеством тревожных мыслей: «Неужели заснул и проспал встречу с прокурором. Подумают, что испугался и пустился в бега... А вдруг меня уже ищут...» — и включил «связь». Сменяя новостной канал, появилась голограмма секретаря, с департамента по связям.

— Мистер, Джек Сильвер, через пять минут у вас встреча с генеральным прокурором: Майклом Штейцом. Просьба не опаздывать!

«Слава Богу...» — подумал он, и от такой встряски даже немного разболелась голова. Быстро накинув плащ и шляпу, он начал набирать координаты прокурора. Там с ходу прошел аутентификацию, и портировался в апартаменты Штейца.

В кабинете все было готово для его приема. Мэри, сервировала стол, кофейным сервизом, с фирменным блюдом прокурора: яблочным пирогом. Составив сервиз, она повернулась к Джеку и сказала: «Добрый день, мистер Сильвер». Джек в ответ улыбнулся. Управившись со своими обязанностями он не стала дожидаться каких-либо указаний — зацокала высоким каблуком в сторону своего кабинета, а по дороге: лукаво подморгнула их гостю и расцвела в соблазнительной улыбке. «Ох, Мери, Мери... знал бы, я где тебя можно купить... то и жена не надо! Управилась дома по хозяйству — отключил и в шифоньер, сделала супружеский долг — и в шифоньер... на выходные блондинка — в понедельник брюнетка, а среди недели... Жаль не продают!» — с чувством прошедшей молодости подумал Джек, взглядом провожая это прекрасное создание.

— Чего вы там стали: у входа, проходите! Джек! Можно я буду вас так называть?

— Да, не вопрос, — ответил он, а сам подумал: — Какой вежливый киборг; и так до него не докопаешься: кофе пьет, пироги ест... с женщинами на публике показывается; интересно... — и сразу в его голове всплыл образ Мэри.

— Присаживайтесь, пожалуйста! — сказал прокурор и указал рукой в сторону сервированного стола.

Джек присел за столик, и запах того самого кофе, не по-детски возбудил его аппетит.

Он теперь воспринимал прокурора совсем по-другому и был очень встревожен этой встречей. Ведь он и не догадывался, о цели такого приглашения — может ловушка, и его специально заманили чтобы по-тихому устранить. Сильвер по привычке чуть распахнул плащ, чтобы если что, быстро выхватить нож. «Просто так им, меня не взять — живым это уже точно...а этого я вскрыю, как консервную банку», — подумал он и еще больше напрягся.

— Угощайтесь! — сказал Штейц и налил ему кофе.

Сделав глоток, Джек взял кусок пирога. И такое угощение, на его урчащий желудок — оказалось весьма кстати.

— Хочу вас, Сильвер, поздравить: такое дело раскрыли!

— Какое?.. — только успел сказать Джек, а сам подумал: «Замкнуло видать эту консервную банку; ведь до раскрытия... как до Марса рачки...хм, поздравляет с его окончанием».

— Ну хватит, вам скромничать! Об этом уже знают все: мошенничество с использованием флузелиновой маски... ох, и пакостный народ!.. все им мало... мало... — в духе патриотизма высказался прокурор.

Джек про себя облегченно вздохнул и немного расслабился.

— Афера в масштабах Тронплекса. Аферисты крутили, просто астрономическими суммами, а благодаря вам... Джек... наша казна пополнилась... и существенно пополнилась! — под черкнул прокурор. — Теперь, вам положена государственная награда.

Чего-чего, но такого поворота событий, он точно не ожидал, и на радостях доел весь пирог.

— Ешьте-ешьте, Мэри еще принесет.

— А что с тем карликом?

— Ему не повезло! Пытался снять стик и когда прибыли военные он был уже без головы.

— А кто заправлял... счета чьи?

— Счета анонимные... а Прохорова нет, так следы и вовсе обрываются, — будто чему-то радуясь, ответил прокурор.

— Да-а, следы заметать они мастера, — подумал Джек, подливая кофе.

— Но вы, Сильвер... Джек! свою работу выполнили на высшем уровне, и правительство Тронплекса, теперь у вас в большом долгу, можете просить, чего пожелаете. Да! Да, чего хотите, — выпалил он на попытку уточнить.

Эти слова, что правительство теперь у него в долгу, еще не полностью переварились в сознании, но чувство душевного комфорта наряду с мыслью о безбедной старости — ведь теперь не надо заботиться о тех деньгах, которые перечислил ему Прохор — вселили огромную надежду на счастливое будущее: он разбогател, и правительство в долгу — чего можно было еще желать.

— Мне бы назад: на службу, — неуверенно спросил Джек.

— Я знаю о вашем деле. Но если хотите, не вопрос. Закончите дело, Каролины Трокс, и мы вас восстановим в любую часть: в том же самом звании, а там смотри... что я даже не сомневаюсь, и до генерала дослужите.

Такие комплементы, совсем выбили твердую основу из непредвзятых суждений Сильвера — зайдя сюда, он был готов на все: только не на это. Проблемы решились, сами собой, будто по повелению волшебной палочки. Даже генерал, не мог его восстановить, а этот раз... и такой поворот событий, лишь очередной раз подтверждал догадку, что киборгом управляют очень и очень серьезные люди... или не люди, — но тоже с амбициями: всепланетного масштаба.

— Вот вам мой личный номер фонотрона, и если что, то сразу маякните.

«Теперь еще и генеральный свой «человек», не много ли для одного дня?!» — подумал он и взял презентационную карту Штейца.

Джек выпил все кофе и съел весь пирог. То ли это с голода, то ли от нервов, но это было уже не важно, бояться было нечего, и как ему тогда показалось: жизнь продолжается в нужном направлении, и теперь обязательно все станет на свои места.

— Спасибо мистер, Штейц. Кофе у вас отличный.

— Спец поставка! Может еще хотите?

— Нет, спасибо. Наелся больше некуда.

Хоть пирог и кофе были очень вкусными, набивать этим живот он не собирался — надо было поесть: что-нибудь существенное. Сославшись что с этим убийством у него много дел он покинул кабинет прокурора: портировался в городской сад. Хотелось немного побродить и обдумать дальнейшие действия.

Гор-сад — живописнейший уголок на Земле, что находится вне стен Тронплекса, в удачно подобранном месте и занимает двести тридцать квадратных километров, горнолесного ландшафта. Кроме птиц и белок, которых детвора кормит прямо с рук, диких животных здесь нет. И это излюбленное место отдыха для всех жителей Тронплекса, где можно побродить среди девственной природы, или просто полежать: позагорать — ведь здесь всегда лето.

Джек снял плащ — закинул его на плечо, шляпу взял в левую руку — медленно побрел по аллее, по бокам которой журчали фонтанчики с минеральной водой.

Он шел и мечтал, что каких-то день два — пускай неделя и он снова на коне: соберет новую команду и опять будет бороздить, необъятные просторы галактик. Сильвер даже, прямо сейчас, хотел все бросить и кинуться на поиски этого уroda или уродов — не чувствовалась ни усталость, ни то напряжение, что скопилось за последние два дня — желание идти в бой: загорелось новой искоркой. Еще он хотел пригласить Веронику в тот самый ресторан, только уже за свой счет, и продолжить прерванное знакомство.

Он присел на лавочку — очень хотелось курить, но здесь это запрещалось и было строго. Жара давала о себе знать, и с каждой минутой все больше и больше овладевала Джеком: ноги в сапогах чувствовали себя будто в духовке, а по спине проскользнула первая капля пота. Отдыхающие в гор-саде люди с удивлением смотрели на чудака, что в теплом свитере и сапогах пекся под знойным солнцем. Одет он был по-осеннему, а здесь жара двадцать семь градусов, но снять теплую одежду и носить в руках, желания не было. Внимание, со стороны злорадствующих, ощущалось с каждой новой каплей пота, и их дурацкие улыбки и хихиканье, начали делать такой отдых напряженным. «Так, надо отваливать, а то еще подумают, что я в не себе», — прошла умная мысль и он уже через минуту был дома.

Глава 6

Общественный порт Южного квартала засветился оранжевым свечением, отбивая блики на кожаной курточке Джины. До лавки «Готфильд и сыновья», было около двадцати минут ходьбы, и это та толика времени, которую она могла себе позволить, чтобы пройтись по свежему воздуху и обдумать дальнейший план действий; ведь Готфильда уже допрашивали, и он мог бы ей сказать, тоже самое, что раньше говорил Стиву с Марком.

Возле порта, по обычаю, толпилось множество бездомных, и это было излюбленное место наркоманов и алкоголиков.

— Ей красotka, не хочешь развлечься?! — неожиданно забасил здоровенный негр и стал у нее на дороге.

Джина конечно могла показать жетон и на этом, все бы кончилось, но это был явно не ее стиль.

— А ты решил, что тебе надо пары спустить? — резко бросила она в ответ.

Со спины Джины, подошел хмельной мексиканец, который с показным умилением, внюхался в запах ее волос: «Я тоже не против, спустить пары», — трепещущим голосом прошептал он ей на ухо.

— Очень не люблю, когда стоят сзади!

Здоровяк, трюкнул молнией, на ширинке штанов, и почесав кадык, пробасил:

— Любить будем мы, а ты... красotka... зря время не трать... работы у тебя хоть отбавляй. Главное не бойся, расслабься... и получишь удовольствие.

С стороны других бродяг, что кружили возле порта, слышался смех, а с заду стоявший мексиканец, в ту же секунду, взял ее руками за зад; негр схватил Джину за волосы и потянул вниз.

— Насчет удовольствия... ты это прав! Давно такого не было... а вот про ваше удовольствие, — сказала она и ловко освободилась от захвата, — придется позабыть: в виду сильного напряжения...

С разворота, ее локоть влетел в глаз, с заду стоящего мексиканца; тот как стоял, так и упал: в полной отключке. На лице негра сияла самодовольная улыбка, которая в тотчас сменилась гримасой ужаса; Джина вывернула ему руку, и от удара ногой, его локоть с большим хрустом и с видом кровавой кости, вывернулся в обратную сторону. Негр громко закричал: «Сука, поломала мне руку!» Только он успел это сказать, как ее пятка была в его нижней челюсти. Тело отлетело на два метра и с громким шумом упало на чалконскую плитку, которой была устлана вся площадь. Прибор здоровяка торчал наружу, а с окровавленной руки, кровь лилась ручьем. Джина подошла и стала ногой, между ног негра, и придавив пяткой, сделала движение: будто хочет, что-то раздавить.

— Будешь помнить это удовольствие до конца жизни. Урод!

Увидев подобное развитие событий, возмущенные кореша, повскакивали с нагретых мест и кинулись по на правлению к Джине. Но когда она била негра ногой, кобура с пистолетом вылезли из-под ее короткой, кожаной куртки. И кто-то из того сброда, увидев это, крикнул: «Атас! Эта сука, полицейский». Бродяги сразу остановилась, и через двадцать секунд возле порта лежали только эти два тела — все рассосались в одно мгновение. Они знали: что с минуты на минуту, появиться полицейский клапер. И тогда уже не поздоровится многим: нападение на Федерала — прямая дорога в Элизиум.

Джина достала два стика и через десять секунд, ожерелье заиграли пульсирующей точкой, на шеях любителей клубнички, потом она выставила код правонарушения, и направилась в сторону лавки Готфильда, а формальности с инцидентом решила оставить на завтра.

Джина зашла в лавку. За прилавком стояла немолодая женщина, за спиной которой огромный негр передвигал картонные ящики. По «ошейнику» она сразу поняла, что, то был Мэтью.

— Добрый день! Подразделение «Барьер», — сказала Джина и показала свой жетон.

— Мой муж, вашим, уже все рассказал, — истерично выкрикнула женщина, из-за прилавка.

— И добавить мне нечего, — буркнул, с далека, Мэтью.

«Какой же он здоровый!» — подумала она про себя. Джине, надо было как-то развести эту пару на общение, и она начала импровизировать:

— Я вот по какому поводу... пара формальностей. Если информация подтвердится... снимем вам стик.

— Это вы правильно: снимайте-снимайте... на честного человека... как на собаку. Мэтью добропорядочный гражданин: мухи в жизни не обидел.

— Никто и не сомневается, — улыбнулась Джина. — Но сначала мне надо кое-что уточнить... несколько вопросов... как я уже говорила: простые формальности.

— Тогда быстрее задавайте ваши вопросы и снимайте эту штуку... — на два тона ниже, сказала Жозефина.

Негр молча стоял сзади, а говорила только его жена: про награды, про лавку, какой он хороший семьянин... — понос ненужной информации, лился ручьем с ее уст.

— У вас, на вывеске написано: «Готфильд и сыновья». Сыновья где?

Женщина резко замолчала и глянула на Мэтью. Но Джине эта информация давно была известна. Она чтобы не допускать ошибок, которые сделали Стив с Марком — основательно подготовилась к встрече, и знала всю подноготную о их семействе.

— Филипп с нами видится редко: живет в другом конце города, а Алекс погиб на Марсе. Вы и без меня это знаете, а все равно спрашиваете, — тихим голосом произнес Мэтью.

По данным полиции: Алекс и Филипп служили на Марсе — охраняли поселения заключенных. При очередном бунте Алекса убили, а Филиппа тогда взяли в плен: как заложника. Там его пытали, а потом он еще был контужен, и только чудом остался живым. После этого его списали со службы по состоянию здоровья: ввиду большой, моральной травмы — психика не выдержала, тех испытаний, что устроили ему зеки.

— А где я могу поговорит с Филиппом?..

— Не надо с ним говорить. Больной человек. Что вам надо от нашей семьи? Убирайтесь отсюда вон! — разгневалась Жозефина, и ее интонация с каждым новым словом, перерастала в крик.

Мэтью молча вышел за прилавка, и в его руках блеснул огромный, мясницкий топор.

— Филипп ни в чем не виноват. Он недавно проходил очередное лечение, и не надо тревожить старые раны, — сказал Готфильд и попробовал топор на остроту.

— Никто его не винит... по протоколу я должна... порядок оформления такой. И пока он... придется его тогда пригласит в отдел.

— Каких вам надо еще вопросов... отделом она пугает?! Вам же говорят: больной человек и справка есть! — в нарастающем тоне продолжала Жозефина.

— Где он был во время убийства?

— У нас дома был, и соседи его видели.

Джина в этом не сомневалась, и ей тоже не сильно хотелось тревожить больного человека, но правила на то были и правила, и нарушать их она не собиралась. Но этот большой топор Мэтью — она не знала, как на такое реагировать, вроде бы и семья порядочная, хоть немного и нервные; и тут как не крути, но сложившаяся ситуация: немного-немало, напрягла Джину, и она ни на секунду, не сводила внимания с топора. «Мало ли что? Зачем он его взял? Мясо то

не рубал: ящики двигал. И с Филиппом видятся редко, а тут раз, и был у них дома... С женщиной ясно, как любая мать, защищает своего сына...» — множество мыслей перемешались в голове, а обстановка тем временем, становилась все более неконтролируемой.

— Ладно, я для себя уточнила... завтра придете в полицию вам там снимут стик.

— Вот это, правильно! Куда приходите... во сколько? — на весь магазин гремела Жозефина.

Семейство и не догадывалось, что стик который одел сотрудник подразделения «Барьер», мог снять только его сотрудник, и только тот, кто его одел — полиция как нижестоящая организация даже при большом желании не могла его снять.

Обстановка в лавке начала напоминать игру «Железные нервы», и стало совсем очевидно, что узнать больше, чем Джина узнала в полиции: вряд ли получится — разговор потерял смысл — и сейчас главное было не переборщить и вовремя ретироваться. Она повернулась и пошла по направлению к выходу, и не оборачивая головы назад, громко крикнула: «Мы с вами сами свяжемся».

Прямо перед ее носом, дверь неожиданно распахнулась, и в дверном проеме показался парень, с большой коробкой в руках. Это был молодой человек негроидной расы, по размерам он был такой же огромный, как и Мэтью; его бугристое тело рельефно проступало через легкую спортивную куртку; голову плотно облегал подростковая фигура: с бубенцом на макушке и голограммой черепа и костей на лбу.

— Па, я заказал подарочные упаковки. Но дали одну коробку, остальные три, сказали будут готовы послезавтра...

Джина только подумала: представиться, и ее тотчас пробила согревающая мысль, что не надо и искать и на этом можно закончить все формальности, и со спокойной душой отчитаться перед шефом. Как вдруг, толстая негритянка с истерикой закричала: «Что вам надо от моего мальчика?! Большой человек... когда же все это кончится?!» Джина не успела и глазом моргнуть, как коробка, из рук Филиппа, с большой силой полетела в ее голову. Джина отлетела на три метра, к стене магазина, и сильно ударившись затылком о прилавок, тотчас потеряла сознание.

Придя в себя она ощутила сильную боль в голове — оглянулась по сторонам, и даже не сразу и поняла: где находится. Яркий сожаровый свет резал глаза, а сырая свежесть помещения, пробрала до костей. Из одежды был только бюстгальтер и плавки; руки пекли от туго связанной веревки, на которой она болталась: подвешенная на крюк, где обычно висят туши коров и свиней — рот, крепко стянула липкая лента. «Вот сука, попала! Ну надо... и еще в мирное время...лоханулась так лоханулась!» — и это была первая мысль, что прояснила ее сознание.

Джина прошла четыре плена, но к ней там относились по всем правилам, и полностью соблюдали межгалактическую конвенцию по содержания военнопленных; а здесь больной на голову урод, от которого можно ожидать: не дай бог чего; и он уж точно не знал этих правил — если конечно это плен: в полном смысле этого слова

Дверь хлопнула, и в помещение где он висела, ввалился раскачанный негр; суровые черты лица, наряду с отрезанными ушами и поломанным носом Филиппа — заставили, что-то екнуть, в душе Джины. При первой встрече в магазине, его спортивная шапка скрывала эти уродства, и он ей тогда показался: более приветливым — сейчас же, она очень жалела... да и откуда ей было знать: лицо врага — ведь она не на войне... и что такое может случиться, в стенах благополучного Тронплекса...

— Ну что, красотка! Замечталась, о таком парне как я... а вот и я?! — хлопнул он в ладоши и тут же их потер, потом быстро подошел и резко сдернул липкую ленту с губ Джины — жгучая боль вокруг рта, напомнила далекие события Триллианской войны.

*Прошла война и волк голодный.⁹
Следами смерти пробежал
Зарей в небе ворон черный:
Живых он криком воскрешал*

*Кому война, кому родная,
Кому слеза — кому хвала;
Всхлипнет лишь мама дорогая
И проклянет ее всегда*

— Я тоже не женат, — продолжал нести бред нигер.

В его кобуре виднелся, армейский нож, и он был бы ей: «Ой, как кстати», — думала она.

Сильная боль от впившейся веревки, которую он затянул с знанием дела: резала до кости — ноги он связал еще туже чем кисти. «Все — аминь: придется, наверное, сначала потерпеть ужасу, а потом он меня точно погромсает по кускам, как и ту девочку! — сомнение, что Филипп Готфильд, именно тот, кого они и разыскивают, отпали сами собой. — Ничего... наши знают куда я пошла... и в магнитном пистолете... маячок... — успокаивала себя Джина. — ...Рано или поздно... найдут... найдут... только тело или меня?... — тревожные мысли полностью овладели сознанием и ни в одной из них, не предвиделось хорошего конца».

Филипп с улыбкой до ушей, достал нож, и в ту секунду: дверь в подвал скрипнула и зашел Мэтью.

— Сынок, не надо! Не трогай ее, она полицейский, и ничего тебе плохо не сделала.

— Нет, папа, она мне нравится, и будет моей женой, видишь какая красивая. Родит тебе внуков. Кушать здесь у нас хватит на долго...

— Филипп, отпусти ее ради мамы. У нее друзья такие же полицейские, как и она... и то что они ее будут искать... не делай глупостей... полежишь: немного подлечишься, и тебе за это ничего не будет! И мы с мамой, найдем тебе, еще лучшею жену — глянь на эту... даже взяться не за что: сами мышцы!

— Я здоров! Мне лечиться не надо. Лечиться надо тебе: с той черной, толстой дурой! — громко и с большим возбуждением, проронил Филипп. — Давай иди отсюда, не мешай мне общаться с моей невестой... мышцы ему не нравятся мышцы... Во-о!.. Во-о!.. — прохрипел он, напрягая, свои бицепсы и грудь, — ...Я же тебе сказал, что мы с ней пара... и зачем мне свиноматка... ха-ха-ха...чтоб я купался в ее поте... да, никогда?! — сказал он и чмокнул губами в сторону Джины.

— Мэтью, вызовите полицию! Все знают куда я пошла, и вы можете стать соучастником, — взволновано крикнула Джина в след уходящему Мэтью и сразу напряглась, качнулась — ударила двумя ногами, в грудь, приближавшегося к ней Филиппа. Тот на пол метра попятился назад, и в ответ, ударил ее кулаком в живот.

— Опять, ты мне все портишь! — закричал он повернув голову в сторону отца. — Она тебя стесняется. Иди отсюда! — забасило подвальное эхо, в то время когда Филипп подбежал и вытолкал за дверь, последнюю иллюзию Джины. И следом, задвинул засов.

И ей, вдруг, по-настоящему стало страшно. Нет, смерть ее не пугала, но до смерти — надо дожить; а сейчас — сейчас ее судьба в руках человека с одной извилиной в голове, и то воспаленной с самого рождения. Джина со всех сил начала дергать руками в попытке развязать веревку, или хоть бы соскочить с крюка. Веревка еще больше впилась в руки, и сильная боль пронзила тело.

9 Стих «Война», автор А. А. Протасов.

— Ты, урод, тебя рано или поздно поймают, и будь уверен: распылят и глазом не успеешь моргнуть, если конечно доживешь до публичной смерти... о Элизиуме даже можешь и не мечтать!

— Дорогая, не нервничай! На Марсе я уже был и больше мне там делать нечего, а вот женат... ни разу не был! Тот крендель ушел, теперь нам никто не помешает.

Он положил нож на стол, который стоял приблизительно в трех метрах от того места где она висела. И Джина взглядом, зафиксировала его положение — и если бы ей удалось, хоть бы соскочить с крюка, то даже с связанными руками: она в совершенстве владела ножом, и тогда... Но крюк, к сожалению, имел крутой изгиб, а ноги болтались в полуметре от каменного пола.

«Какая ты красивая!» — сказал Филипп, подойдя в плотную к девушке, и глянул ей прямо в глаза. Джина чуть качнулась, и всем ртом, со всей силы: укусила его за нос. Зубы крепко впились в плоть Готфильда, красная юшка на половину с соплями, в секунду, наполнила ее рот, а она еще сильнее сдавила челюсти — кровь, брызгами окропила лицо Джины; но она как бойцовый питбуль: с трепетным азартом, возбудилась от запаха крови — издала грудной хрип, закрыла глаза, и яростно закрутила головой в разные стороны.

Пронзительный крик жениха, эхом пролетел по помещению, и в ту же секунду мощные удары кулаками, начали сотрясать голову Джины. И сейчас ее дух грела только одна мысль: не отпускать — и она держала хват до последнего, пока эти зверские удары, полностью не выбили из нее сознание.

Резкий холод, иголками прощупывал тело, Джина приоткрыла глаз — второй заплыл от гематомы и ничего не видел. Взору предстал Мэтью с большим, медным ведром — это он окатил ее ледяной водой, а сам стоял и злорадно усмехался:

— Ну что, невеста! Говорил я тебе... не надо его трогать: контуженый он... и много настрадался.

Оглянув подвал по сторонам, она не увидела Филиппа, и подумала, что самое время поговорить с этим Мэтью.

— Развяжите веревку и вызывайте полицию!

— Хе-Хе... Не могу: посметь. Ты же единственная невеста: моего единственного сына.

«Неужели и этот умом тронулся», — подумала она и последняя надежда ушла, и не оставив и следа.

— Меня будут искать. И то что я пошла до вас...

— Пошла, но не дошла... — хихикнул Мэтью. — Может где еще заблудилась.

— Он придурок, и вы с ним за одно. За это вам придется ответить... и поверьте мне... Элизиум вам раем не покажется.

— Деточка, ты это о чем... он хоть и придурок, — здесь Готфильд примолк на секунду, а потом на подвышенных тонах добавил: — Зато мой единственный сын! Другого вы забрали.

— Никто его не забирал, а погиб: исполняя долг.

— Какой еще долг! Какой долг! — закричал он на весь подвал, — не было бы вашей службы он был бы живой. И этого хотите забрать?! Ничего у вас не выйдет! Деточка! Я уж об этом позабочусь.

После гибели Алекса, Мэтью, получил сильный психологический шок. Он полгода ни с кем не разговаривал. Через год, вроде бы, отошел, но стал нелюдимым: сам себе на уме — и всего себя посвящал Филиппу.

— А тебя, детка, никто не найдет. После того как он с тобой нагуляется, я с твоей крови сделаю первоклассную кровянку, а сама пойдешь на колбасу.

У Джины после этих слов: выступил холодный пот. Что ее будут искать она не сомневалась, но вот что поспеют... даже на ее холодное тело — вопрос автоматически перефразировался, в ее мыслях, на известное высказывание: «жить или не жить — вот в чем вопрос!»

И она для себя решила, что это: все конец, и с жизни надо уходить достойно. В тот миг, от страха не осталась и следа: жизненные показатели пришли в норму, и поднялось настроение, и тогда она начала с того, что сюда ее и привело:

— Каролина... та девочка... ваша работа? Почему с нее, тогда, колбасу не сделали?

— То был ребенок, а я человек верующий... и был против ... детей трогать: большой грех! Но, не усмотрел! За ним попробуй усмотри, — сказал он о Филиппе, словно о шальном коте, — а когда он это натворил, пришлось заметить следы.

— Колбасу бы и сделали, и никаких следов, — напирала Джина, в надежде: побольше узнать информации.

— Я же сказал...детей трогать: большой грех! — разозлился Мэтью, и в тот же время, с него как будто сняли маску, и он в очень приподнятом настроении добавил: — А вот с тебя, колбаска, будет высшего сорта: полу-копченная, по четыреста семьдесят грамм в упаковке — «Готфильдская».

У Джины сразу сменилось настроение и суровая реальность, неподъемным грузом легла на ее плечи. Сработало чувство самосохранения, и она опять задергалась: как тот червяк на крючке, но это было сделано инстинктивно и к ожидаемому результату не привело — привязали ее на совесть.

— Подергайся! Подергайся, и вообще, советую моего сына не злить, а то испытаешь то, что испытал он, и я еще помогу.

— Ты такой же больной, как и он. Еще и верующий. И во что ты интересно веруешь: в святую сыро-копченную, или трех дневную вареную?!

— Ты мою религию не трогай! Поживи с мое потом узнаешь.

Дверь громко распахнулась и ввалился Филипп, который пыхтя тащил что -то большое и тяжелое. На его носу точила кровавая повязка: бинты крест на крест, через всю голову, держали эту марлю. Сейчас он походил на героя из комиксов: без ушей — да еще, с этой повязкой на пятаку. Джина попыталась улыбнуться, но это только принесло боль.

— Что ты наделал?! Придурок! Это же твоя мать, — с слезами на глазах промолвил Мэтью.

Филипп кинул окровавленное тело Жозефины посреди погребка и подойдя к Мэтью сказал: «Эта старая дура, собиралась маяковать в полицию. Совсем с ума вышла!» — и сделал еще более комичную гримасу.

Мэтью плача подошел до тела женщины и стал на колени.

— Жозефина, прости его. Он не ведает что творит. Это все они виноваты! Они!.. Они!.. — и потыкал пальцем в сторону Джины. — Но он наш мальчик, и я о нем позабочусь. Обещаю... его им я не отдам... не отдам!.. — и стал бормотать что-то невнятное.

— Так, ты, козел набожный! Давай вставай, и помогай... слюни тут распустил: бу-бу-бу, бу-бу-бу! — кривлял его Филипп.

Мэтью вытер слезы рукавом и под мощный хват Филиппа: за воротник — встал с пола, потом они вдвоем кинули массивную Жозефину на разделочный стол; тело с большим грохотом плюхнулось на металлическое покрытие.

— Сейчас, значит: с этой разберемся, а невесту я оставлю на завтра. Ты! Иди и готовь оборудование!

Мэтью утирая слезы, молча вышел с подвала — захлопнув за собой дверь. И в тот миг, в руках его сына, сверкнуло лезвие мясницкого топора.

Большое и рыхлое тело Жозефины, напоминало свиную тушу, что привезли с бойни на разделку. Хотя некоторое время назад, это была беспрельдно чувственная мать, которая была готова в любой момент: отдать жизнь, за свое любимое чадо. Джине сразу вспомнилось как она его защищала, и все это, не укладывалось у нее в голове.

Кто следующий?

Филипп со знанием дела, начал разделять тело матери. Хруст ломающихся костей, с приглушенным отзывом по мозгам, наполнил помещение; брызги плоти вперемешку с кровью, летели по сторонам. Странное чувство: будто все это не на самом деле, а на грани сна и яви, посетило Джину. После всего пережитого, даже ее страх приобрел не столь выраженное очертание «Не ужели это не сон, и я буду следующая?» — спросила она сама у себя в мыслях, и тотчас потеряла сознание.

Глава 7

Легкая музыка, наряду с комфортной обстановкой: дорожущего бара, в центральной части Тронплекса — хоть немного, разбавила напряженную обстановку. Джек раскинулся на кожаном диване и под дрыганье, соблазнительных девиц на подиуме — поцеживал, так полюбившийся ему, тот самый «Цезарь».

Беседа с прокурором, сильно возбудила его воображение, и то что недавно казалось непостижимым, теперь было совсем рядом: какой-то... пускай любой промежуток времени — и он опять на любимой службе. И не имеет значения сколько ждать — главное, что зеленый свет для него включен и в скором времени он снова будет на страже интересов, своей нации: бороздить просторы вселенной.

Сильвер заказал множество, дорогих закусок, и с чувством собственного достоинства, оттягивался по полной программе — повод для этого был: лучше не придумать, и под такое настроение — денежные средства, с избытком, жали его карман.

«О чем мечтал: все рядом... закончу с этим дерьмом...» — подумал он и достал с упаковки, большую и ужасно дорогую сигару. Дурманивший запах, элитного табака, придал свою долю комфорта, в сочетании с дорогим алкоголем и уютным ресторанчиком. «Хорошо жить, а жить хорошо — еще лучше!» — с небольшой завистью, подумал он о тех баловнях судьбы, которые живут на широкую ногу и не считая денег, и не сильно беспокоясь о их зарабатывании — имеют все что пожелают. Глотнув немного коньяка, он с наслаждением дымнул сигарой и откинулся на мягкое ложе дивана. Перебивая весь кайф, неожиданно, завибрировал фонотрон. Джек лениво достал фоник и выставив слепой режим, официально произнес: «Полковник Джек Сильвер слушает».

— Добрый вечер, сэр, это Николай Потапов. Извините, что так поздно... но я подумал... вам будет интересно.

В голове сразу закружилось: «Кто такой Потапов? Откуда у этого Потапова мой номер? — на ум так ничего и не пришло. — Какой еще Потапов?»

— Я насчет вскрытия трупа девочки, — слышался голос в фонотроне.

— А-а... так бы и сказал.

Для него он в первую очередь: мясник, а потом уже тот, чью профессию не сразу то и выразишь: без ошибок.

— Ну что, разделал? — с насмешкой спросил Сильвер.

— Здесь всплыла интересна вещь, — не обращая внимания на тон шефа, продолжал Потапов.

— Только давай без своих намеков и заумных словечек.

— Девочка все-таки была изнасилована!

— Ты же сказал, ничего не было.

— Вот и говорю: интересная вещь. Изнасиловали ее в задний проход уже мертвую, можно сказать: совсем холодную. И насиловали после того, как тело было обескровлено: вот почему, я сразу и не заметил...

Патологоанатом замолчал и налил себе спирта, с банки, в котором бултыхалось, чье-то, законсервировано сердце. Потом залпом, осушил сто пятьдесят грамм чистейшего продукта, и после занюхав рукавом — бухнул: «Ух!» — и сморщил лицо.

— Ей, Потапов! Что замолчал — ты там живой?!

— ...Говорю, значит... насиловали тело, не меньше трех раз, — переведа дух продолжил эксперт.

— Не понял!

— Сэр, скажу прямо: удовлетворялись ее плотью, не меньше часа. Запрос о ДНК спермы отдал на анализ. Ответ будет завтра.

— Почему завтра?

— С лаборатории... все давно дома, а у меня нет доступа к полицейской базе данных... да и время то уже...

«Все-таки маньяк! И с напроочь отбитой головой: насиловать мертвую три раза подряд... не меньше часа!.. От если, репортеры дознаются... или Штейц, — подумал он и укусил себя за язык. — Упаси бог».

— Потапов, ты еще там?

— Да, сэр, у аппарата.

— У какого еще аппарата? Ты мне смотри: если кто об этом узнает, сам будешь в банке под спиртом... понял?

— Какой разговор, сэр, медицинская этика... — с немного заплетающимся языком бормотал патологоанатом.

— Эти басни оставь своим друзьям, — грубо перебил Сильвер. — Тело под замок... и в морозилку, документы о вскрытии в сейф, и ни с кем не разговаривать!

— Конечно, конечно, я же давал клятву...

— А ты наверное и закусываешь: с банки? — спросил Джек, а сам подумал, что хоть специалист он и хороший, но рано или поздно: все это, его увлечение спиртом, до хорошего не доведет, но по большому счету ему было на это наплевать: делает свою работу, и черт с ним.

— Вы что, я вообще не пью.

— Ладно тебе, расслабься, можешь себе там налить спирта и побольше. Поработал хорошо. Молодец!

Подобное одобрение прозвучало неспроста: на столе у Джека оставалось уже меньше чем полбутылки коньяка и он успел изрядно расслабиться. Но Потапов услышав такую солидарность тут же выпалил: «Рад стараться!» — и глотнул обжигающей жидкости, прямо с банки, а заспиртованное сердце при этом, уперлось ему в нос.

Такого поворота событий Сильвер не ожидал. И дело с маньяком — это вторая бомба не его голову и чтобы этого не случилось: информация не должна просочиться дальше их отдела, а вот когда они поймают, трупных дел мастера — то другой разговор. «Вот возьмем... тогда пожалуйста, а пока рот на замок, — подумал он и опустошил очередную стопку, — завтра составлю новый план: когда будет готова ДНК спермы, и станет ясно кто... остальное дело техники, — раздумывал он о дальнейшем ходе развития событий и еще долго сидел, гоняя мысли, по поводу последних обстоятельств; все выходило складно, и праздничная обстановка способствовала ходу мыслей, поэтому домой он попал далеко за полночь».

Дома врубив на всю громкость музыку, он так всю ночь и прободрствовал: пил чай, курил дорогие сигары, и даже заказал себе час с девицей легкого поведения.

Утром Джек заварил очередную кружку крепкого чая, и переключив плазматрон на «С6» — комфортно уселся в мягкое кресло.

«Полицейское управление Южного квартала, с успехом провело операцию, по ликвидации нарколаборатории, задержаны...» — тараторила голограмма диктора и ведущий еще долго разъяснялся: об оперативной работе полицейского управления, что Джек даже успел выпить весь чай; ему это было не интересно, и он с мыслями: «Провели бы вы без меня...» — переключил на музыкальный канал.

На работе он появился раньше всех, потому что хотел, чтобы этот, и если понадобится, то и последующие дни, прошли по случаю: как можно скорей — мыслями он уже был на своей старой службе.

Первым пришел Федор, и сходу поинтересовался:

— Что это вы, сэр, сегодня, так рано; говорили, будете после обеда?

— Не спалось, рано встал... и планы у нас поменялись. Сегодня, надеюсь все кончится и мы задержим преступника, поэтому тянуть с этим нечего. Раньше начнем: раньше кончим, — с энтузиазмом произнес Джек.

— А вы знаете, кто преступник?

— Пока нет. Но скоро узнаю. Ладно, а ты что: анализ вещества сделал?

— Сделал не сделал, но пытался... ну и вонь... где это взяли?! — Сильвер ничего не ответил, а дал знак: чтобы тот продолжал. — Вещество похоже на нашу кровь, только похоже по назначению, а не по составу... неизвестный элемент, содержит в себе всю химическую таблицу элементов: в закономерных пропорциях... а два элемента — явно, не Земного, и даже не Марсианского происхождения... Объяснить не могу — сам не знаю... даже в голове не укладывается... но воняет! — хихикнул Ломоносов. — Давайте я отдам в химлабораторию... у меня там товарищ... вот они, думаю скажут точно: откуда веет такой запах.

— Не укладывается, и не надо. Забудь! А образец уничтожь!

— Сэр, а где вы это взяли? Может это что подскажет... образец, так вот: у меня в кармане... для анализа, ведь, много не надо.

— Тебе сказали... забудь! И не вздумай кому-нибудь трепануться... давай сюда образец! Сам разберусь.

Джек понимал, что если информация просочится в ненужные уши, то не поздоровится многим — это в лучшем случае. О худшем он даже боялся подумать.

— Что я маленький мальчик: сам не понимаю. Как скажете, так и сделаю, — промолвил Федор и достав с кармана пакетик с булавкой, который он обмотал еще и липкой лентой: положил его на стол.

Сильвер взял образец и небрежно кинул в стол ящика.

О чем-то споря, в дверях, появились Стив с Марком.

— Чего опаздываете?

— Мы...

— Джина где? Обычно она с вами приходит.

— Об этом, мы и хотели сказать, что ее ждали, поэтому и задержались, — за двоих отчитался Стив.

— Ладно, сейчас я вам скажу информацию, с которой пока не стоит ни с кем...

— Сэр, мы не смогли допросить мексиканца, он повесился в полицейском участке, — выпалил Стив, перебивая речь шефа.

— Или его повесили, — добавил Марк.

Джек с явным безразличием глянул на Стива и сказал:

— Это уже не важно! Важно совсем другое... и больше никогда меня не перебивай, что позволено мне... тебя это тоже касается, — и строго глянул на Марка.

Стив тотчас извинился и сказал, что больше этого никогда не повторится, а Марк всем видом показал, что полностью с ним солидарен.

— ...Значит на чем это я ... так вот, девочка была изнасилована и есть образец спермы, поэтому сидим и тупо ждем анализ ДНК, который должен быть, уже, наверное готов... ну а остальное, как говорится: дело техники.

— Микола, вроде говорил, что не насиловали.

— Ты даже знаешь, как его зовут?.. хм! ...голову себе пустым не забивай. Сказал же понятным, земным языком: сидим и тупо ждем результат ДНК, — и сразу добавил: — А ты Джине, маяковать не пробовал?

— На счет чего?

— Проехали, — сказал Сильвер на круглые глаза Стива и достав фоник, набрал Джину — фонотрон засветился желтым светом, что означало: недействительный номер. — Что за бред!

Он набрал еще раз, потом еще — тоже самое.

— Федя, а ну ты набери, может у меня что с фоником.

Попытка Федора, и Стива с Марком — дали схожий результат: прибор показывал, недействительным номер.

— Сэр, может сделать запрос координат, фонотрона, — предложил Федор.

— А что, есть повод? Или ты хочешь узнать с кем Джина провела ночь? — и с усмешкой глянул на Стива с Марком, те в поддержку шефа, ответили ухмылками в сторону Федора. — Не надо никаких запросов. Джина у нас девочка большая: найдется.

Время тянулось медленно, и выжидание результатов ДНК утомило не на шутку. Первый час продлился, как могло показаться: вечность, и еще через пятнадцать минут, Джек томясь от такого чаяния, сказал: «Сколько можно ждать?! Этот мясник наверное давно уже забыл, о чем мы с ним вчера говорили. Все, маякую сам!» Он достал фонотрон, но тот сам, сразу замигал красным — маяковал Потапов.

Лицо патологоанатома напоминало: мягкое место, столетней девственницы, а его черные глаза, как фонари отсвечивали историю прошедшей ночи.

— А я подумал... спирт не свежий... всю память стер?

Тот в оправдание начал что-то говорить о порядке запроса ДНК, и всех тех бумажных волокитах, но Джеку это было неинтересно.

— Давай не тяни!

— Как показала, экспертиза проведенная...

— Кто?

— Филипп Готфильд, — тяжело вздохнул, будто после ночной смены: по разгрузке руды, Потапов и утер лоб.

Джека посетило сильное чувство тревоги: за Джину; ведь вчера она должна была идти в логово Готфильдов, и по его приказу все там разузнать, а сегодня почему-то она не вышла на работу, и ее фонотрон тоже не отвечал. И это только наводило на мысль о худшем развитии событий, о которых не хотелось даже и думать.

— Потапов, смотри, никому ни слова. Можешь опохмеляться и давай домой. Если кто-нибудь тебя о чем спросит. Скажешь, что у тебя секретная работа для меня. Понял?

— Да, сэр!

— Федя, бегом запрос координат...

— Может... сразу туда? Теперь этот котлетник Мэтью, просто так от меня не отделается. Отбивную с него я уже точно сделаю, — гневно высказался Стив.

— Это не Мэтью, а Филипп Готфильд, живет он не с родителями, а бог знает где. Да и в лавке его может и не быть, а если и там, то надо... надо обдумать, а Джину он мог переправить в любое другое место, или...

— Что значит или?!

— Стив! Ты мне, хоть, мозги не парь! Я знаю не больше твоего. А вот с этим Филиппом у нас могут быть проблемы: по данным полиции, он бывший военный, вдобавок еще с больной головой... три подхода: больше часа.

— Не вопрос, сэр. Вылечим! — буркнул Марк. — За пять минут... и за один подход!

— Федор, ну что ты там возишься?!

— Сэр, фонотрон не идентифицируется в сети.

— Что это значит?

- Два раза молотком... и будет тоже самое... нет, сэр, фонотрона.
Тревожная обстановка в офисе накалялась с каждой секундой.
- Магнитный пистолет... там вроде тоже маячок?
- Сейчас сделаю запрос... Ага! Есть... Та-ак!.. вот они: наши родимые.
- Ну что ты там тянешь?
- Секундочку... лавка: «Готфильд и сыновья». Полицию подключать будем?
- Ни в коем случае! Если Джина в магазине и еще живая, то полиция с ее понтами, может только навредить.
- Как, живая? — с лицом, проснувшегося посреди зимы медведя, забасил Марк.
- Покакаешь дома, — буркнул Джек. — На разговоры времени нет. Вас двоих там знают, и вам туда соваться нельзя. Для начала просканируем магазин, и узнаем где Джина, если она там, то я захожу под видом покупателя... дальше по обстоятельствам. Другое развитие пока не обсуждаем. Надеюсь, все будет нормально.

Они взяли клапер и уже через пятнадцать минут, висели на высоте пять тысяч метров: над магазином. Сканер нельзя было использовать при людях, и приходилось соблюдать конспирацию.

- Ломоносов! Мать твою... что ты там возишься... быстрее запускай эту хреновину?!

Через двадцать секунд — колдовства Федора: над сканером, из него вылетел переливающийся шар и через люк клапера устремился вниз — к магазину. Остановившись в метрах десяти до крыши здания, он закрутился и кратковременная вспышка сиреневого тумана на считанные миллисекунды окутала, строение, затем субстанция с такой же быстротой поглотилась атмосферой — сканирование заняло доли секунды.

— Готово! Картинка есть. ...Девять помещений, два подвальных... туннель какой-то, — бормотал под нос Федя. — Сэр, дальше сканер не зафиксировал... надо бы, просканировать и соседних два дома: проверить куда ведет тот ход.

- Времени проверять нет, давай листай дальше.

- ...Три силуэта: двое в этой комнате, еще один в подвале... включаю детализацию.

Федор включил детализацию, и в тотчас картинка на дисплее стала, будто в голографическом кино: наилучшего качества — Мэтью с Филипом, занимались приготовлением колбасы: набивали кишки мясом. Пройдя дальше по помещению, на дисплее показалась Джина, она висела подвешенная руками за крюк, без каких-либо признаков жизни, но сканер четко показал: ее сердцебиение, давление, и другие жизненно важные показатели, что очень обрадовало команду.

Подобное кино, хоть и обнадежило, но на его просмотр и дальнейший разбор полетов... — раздумывать не приходилось: надо было действовать. Джек вместе с пехотинцами портнулся за угол ближайшего дома и дав им приказ: без сигнала не врываться — вставил в ухо передатчик — пошел по направлению к мясной лавке.

Мэтью с Филипом уже почти закончили с Жозефиной, как сверху, со стороны главного входа: в магазин, они услышали непонятный грохот, это Джек дергал за ручку двери, пытаясь зайти в середину. И то что на двери висела вывеска «Санитарный день» — совсем его не беспокоило. Он глянул в середину через витринное стекло — в помещении было пусто... и с мыслями: «Даже не знаю, что и делать, а если не откроют? Штурмом брать... рискованно: Джина может пострадать», — он постучал об раму двери, так, как стучат: когда приходят за долгом.

— Кого там еще принесло?! Написано ведь: «Санитарный день». Подойду посмотрю, — проворчал Мэтью.

- Не ходи! Постоят, постоят, и пойдут.

Джек еще сильнее затарабанил по двери, но уже ногой: по нижней части створки и в голове начал зреть план штурма, этой лавчонки.

— Нет, все-таки, пойду посмотрю.

Филипп крепко взял отца за руку, и одернул назад.

— Что?!. Скажу, что сегодня не работаем. Внимание привлекать... не стоит, — вырвался он с крепко хвата и тщательно вытер руки об фартук — кинул его на близстоящий стул.

Мэтью шел к двери и громко кричал:

— Сейчас иду! Хватит там мне двери ломать. Чего надо? — всматривался он в далекий силуэт, думая: «Кого там, еще черт принес». — Санитарный день: приходите завтра, — сказал Готфильд через стекло двери.

Джеку надо было зайти в середину, любым способом, но после подобных слов, стало ясно, что он его не пустит. Мысль что говорить, пришла сама собой:

— Я не за покупками.

Мэтью насторожился, и оценивающе окинул нежданного посетителя.

— Пожалуйста, покажите мне показание сквозэнергии! — продолжал Джек.

— У меня уплачено: на той недели проверяли.

— Поступила жалоба, что вы воруете сквозэнергию. Хочу сверить показания счетчика...

Мэтью стоял и не знал, как реагировать — пускать незнакомца, желания не было.

— Или я сейчас вызову полицию, и мы вместе с ней проверим показания счетчика.

— Ладно! Ладно! Заходите, — сказал негр и послышалось щелканье замка, — но имейте ввиду: сквозэнергию я не ворую, это все наговоры.

— Сейчас проверим. А вы в магазине сами?

— Да кто тут еще... конечно сам. Жена что-то приболела... вот я и сам...

Банальную проверку на вшивость — Готфильд не прошел, но подобный разговор нужен был не для получения информации, а с целью: развести негра на общение. Ведь сейчас Джеку приходилось контролировать каждый свой шаг, чтобы не возникло даже и малейшего подозрения на его действия, хотя на обдумывание времени не было — импровизация чистой воды.

— Так, так...посмотрим... третий вызов за день... я бы к вам и не зашел, но... — сказал Сильвер открывая дверцу счетчика, и с видом матерого сквозэтрика глянул на начинку. — А почему у вас вчера свет мигал? Что-то подключаете незаконное?

— Когда мигал, ничего не мигал?!

— Мигал! Мигал! Соседи видели, вот нам и маякнули.

Федя услышал это по рации и сразу сообразил, что надо делать. В магазине, тотчас, замигал свет.

— От видите, а это что такое?

Мэтью стоял сзади Джека и видел, что тот ни к чему не прикасался.

— Понятия не имеа.

Вдруг откуда-то с низу послышался голос:

— Па, что с светом?

Мэтью чуть отступил назад, а свет опять замигал.

— Что ты там делаешь? Хочешь нашу новую мясорубку спалить?! — послышался голос с низу, а за ним и топот приближающихся ног.

Неожиданно, Готфильд бросился на Джека и схватил его своими натруженными ручищам, прямо за горло. Сильвер даже не успел ничего понять, как ему перехватило дыхание, и перед глазами замелькали мушки, и он словно речной карп, которого поймали рыбаки — жадно глотал воздух; тело не подчиняясь голове, в автоматическом режиме, начало делать — годами отработанные действия: рука сама полезла в кобуру за ножом, и уже через секунду, левая рука Мэтью, была отрублена по самое плечо, и валялась на полу; другим ударом ножа, вторая рука этого нигера, упала, с другой стороны.

Мэтью стоял и громко кричал, а с его обрубков, которые были отсечены с хирургической точностью, кровь лилась ручьем.

Джек с жадностью, начал глотать воздух, но не успел он как следует отдышаться, как из-за угла вбежал Филипп, и со всей силы ударил его ногой в бок. Не ожидая удара, Сильвер потерял равновесия и отлетел на три метра; нож выпал с руки и забренчал под прилавок, а Филипп не теряя времени кинулся в сторону Джека. Но тут в магазин ворвались Стив с Марком. И летевшая в сторону Сильвера нога Филиппа, сделала крюкообразный выкрутас — он развернулся и резким броском, нырнул в бок: в открытую дверь, и быстро закрыл ее с обратной стороны на замок.

— Сэр, с вами все в порядке?! — спросил Стив, когда подбежал к шефу.

— Давайте за ним, а я в подвал за Джиной.

Деревянные двери затрещали от дубовых ног пехотинцев и уже через двадцать секунд летели вниз по лестнице, Стив с Марком пулей последовали за преступником; Мэтью что-то крича и истекая кровью бросился следом.

— Федор, давай мигом полицию и медицину! — сказал Джек всовывая в ухо выпавший передатчик.

— Ай момент! Только сканер запакую, а то сейчас начнется... движение: мама не горюй.

Джек вытащил нож, под прилавка, и взяв его в боевое положение последовал по направлению к подвалу. То, что в помещении кроме его и Джины, не считая... он знал наверняка, но инстинктивная осторожность: при выполнении боевой задачи, была у него в крови, и он всегда ожидал, что вот-вот, на него, кто-нибудь, обязательно нападет — подобная предусмотрительность, не раз спасала ему жизнь.

Впереди показалась полуоткрытая дверь, что с громким хлопком, после его удара ногой, распахнулась настежь.

Высланное плиткой помещение, пропитал знакомый запах, которого он нанюхался по лазаретам военных госпиталей: на всю оставшуюся жизнь; даже большое количество специй не могло забить... — мясного цеха; повсюду висели туго набитые кольца колбасы, с сырым мясом. Пройдя в глубь, он обратил внимание на металлический ящик — стойкое отвращение от увиденного, в середине, набившей оскоминой, вскрыла потертые воспоминанию: службы на Федерацию. Человеческие кости с скрупулезно обрезанной плотью, заставили усомниться в психической полноценности, того, кто это сделал. Сверху их укрывало... он сначала и не понял, что, пока не поднял и не всмотрелся — голова черной женщины, с отблесками пережитого ужаса: стеклянными глазами резала душу Сильвера — душу которая обливалась скорбью о любой безвинной жертве, но ввиду с ее закалкой: в семи адах вселенной — закрылась на сто замков, от подобных эмоций. Джек с отвращением бросил голову обратно, в ящик, и легким бегом направился в сторону подвала. Он быстро спустился вниз по лестнице и оказался в полутемном месте — путь преградила железная дверь, что без каких-либо лишних усилий с его стороны, заскрипела и пошла; холодная ручка и сырой воздух подвала, навевали не совсем радостные: реминисценции прошлых лет. Вдали показалось тело полуголой Джины, которая будто, большая отбивная, висела на крюке для свиных туш и не подавала и малейших признаков жизни.

— Джина, держись, сейчас я тебя отвяжу! — крикнул с далека Джек и стремительно направился в ее сторону.

Но только он сделал второй шаг, как послышался, довольно знакомый, приглушенный щелчок. «Где-то я уже это слышал», — мелькнула мысль и он не придавая ей должного значения, сделал последующий шаг, и в ту же секунду: помещение содрогнул громкий хлопок, и ослепительная вспышка осветила каждый уголок подвала; взрывной волной Сильвера откинуло на три метра, и он с огромной силой ударившись об стену: брюхнулся на бетонный пол. «Попался... как новичок... сам, тысячами ставил... и попался», — подумал он, и его сознание чуть затуманилось, а острая боль в правой нижней стороне сковало все тело.

Джек перевернулся на спину и протянул руку к ноге — кроме голой кости, что царапала пальцы: он ничего не нащупал.

Ногу оторвало — под самый корень. Сильвер поднял руку и с улыбкой посмотрел, на темно красные сгустки крови, что каплями стекали на его одежду.

— ...И в самый ответственный момент! Теперь и меня надо спасать, — сказал он в голос.

Но больше всего его сейчас беспокоило даже не то, что он может умереть от потери крови. Главное, что ему теперь: все, конец — всем его службам. Теперь он инвалид. Какой бы протез не поставили, на службе можно ставить: большой и жирный крест. ...И когда казалось, что еще один шаг, и жизнь опять вернется на свои круги. Один выход, что на тот момент времени казался ему самым правильным: пуля в висок и поминай как звали. А там смотри где-нибудь и появится памятная табличка, что был когда-то, такой один хороший солдат, Джек Сильвер. Но сейчас, и это оказалось проблемой — огнестрельного оружия по близости не было, а магнитным пистолетом нанести какой-нибудь вред здоровью: не реально, и даже нож, который он хотел вонзить себе в сердце, как назло: находился неизвестно где.

Прерывая мрачные мысли, в подвал вбежал Марк, и увидев окровавленного шефа, на каменном полу, тут же подбежал до него:

— Сэр, что с вами?

— Не смертельно. Готфильда взяли?

— Ушел. Как и говорил Федя... подземный ход... железную дверь не смогли открыть, но ничего, сэр, не переживайте, сейчас прибудет полиция, вырежем... далеко не уйдет.

— А Мэтью, что там?

— Сэр, молчите вам говорить нельзя.

— Я сам знаю, что можно, а что нельзя.

— Мэтью как Мэтью: был да сплыл.

— Не понял!

— Большой, неповоротливый: упал, а когда падал, — заулыбался Марк, — шею свернул.

— Нечего без рук по лестницам бегать! — через силу улыбнулся Джек и попытался повернуться вбок. Резкая боль прошла, каленным стержнем, через брненное тело Сильвера. Стерпеть это было невозможно, и леденящий вопль ужаса, на весь подвал, мурашками пробежал по телу Марка.

— От черт! — буркнул Марк и быстро кинув шефа на плечо, пулей выбежал из подвала и побежал по ступенькам вверх, к выходу.

На встречу спускался Стив.

— Что с ним?

— На противопехотную мину попал. Ты там в подвале, смотри осторожно. Может еще какие сюрпризы... тот урод подготовил.

В глазах Джека мелькали разные предметы, и где-то вдалеке, послышалось, приглушенное завывание полицейской сирены; сознание отказывалось воспринимать реальные вещи и все было будто во сне: свет в глазах становился темнее и темнее, и в следующей минуту он погрузился в объятия Морфея.

Глава 8

— Сергей Николаевич! Обещали экскурсию устроить, а сами... почему мне нельзя поговорить с заключенными?

— Вероника, мы же с тобой договорились: можно просто Сергей, а экскурсию, как и обещал... но позже. Кончится буза... накажем зачинщиков... тогда... — улыбнулся он репортерши и предложил чая, — работать не хотят, вот и бузят...но ничего серьезного. Перебесятся, и через пару дней... не бери в голову... наберешься ты еще, своих интервью?

Волков лукавил когда говорил, что ничего серьезного и все под полным контролем. На самом деле, беспорядки только начали набирать обороты и первые жертвы в виде семи убитых охранников — открыли счет, очередному беспределу. Да и сам, он много чего еще не знал, единственное о чем ему доложили: это то, что заваруху затеяли, Мирон с Хромым. А что не поделили эти два авторитета, было известно только одному богу. Других подробностей пока не было, но спецназ с Земли он уже вызвал.

— Ты же вроде хотела на Землю лететь: брать интервью у Джека.

Вероника нутром чуяла, что здесь тоже, происходит что-то интересное, но в Тронплексе, это дело с колбасной лавкой она считала важнее, и при любом раскладе — она не могла разорваться на две части; повидаться с Джеком: хотелось не меньше.

— Я туда и обратно: ты даже и не заметишь. А потом, Сережа... пообещай мне, что когда я вернусь: дашь мне полный доступ ко всей информации, и организуешь интервью с главарями банд.

— Не вопрос, как и договаривались: с пылу жару... с первых рук, — в приподнятом настроении пошутил начальник.

Волков уже знал: повторное разрешение на посещения тюремных рудников, никто ей ни даст — по приказу, с Тронплекса, в Элизиуме ввели чрезвычайное положение, и репортер оказался здесь совсем не кстати.

Колония на Марсе: обычный подземный город — большой город. Рудники красной планеты — это не наказание, а смертный приговор; ведь здесь не живут, а доживают и не просто коротают часы в фантазиях любимого сериала, под плазматроном, а искупают вину перед обществом, в виде добытых минералов.

Недра Марсианской колонии — это царский сундук с драгоценностями, полезные ископаемые которого сыплют через край, и на первом месте стоит, конечно же криптонит.

Заключенных в Элизиуме, особо никто не контролирует: бежать некуда. Но чтобы не было беспредела — присутствует охрана в количестве: трехсот, специально обученных солдат, и это только в самом городе; сам же Марс, а точнее его орбиту, уже белее трех веков, утюжит легендарный, боевой, межгалактический корабль «Голиаф». Который прошел множество войн и миротворческих миссий, и в свое время был ноу-хау Земных, военных технологий.

Как и в любом другом городе, жизнь здесь бурлит и днем, и ночью, но бурлит своей — пропитанной особой атмосферой житухи. Денежные средства, в виде земных кредитов, ходят только в расчетах за контрабанду, и только между главарями банд; иметь деньги — означает подписать себе смертный приговор: сразу заберут и убьют; поэтому деньгам — предпочитают бартер. Все что имеет, хоть малую ценность: можно обменять и выменять, и это самый лучший вид взаиморасчетов, для местной публики.

Расчет правительства был прост: заключенные должны добыть определенное количество руды, — взамен провизия и одежда. Если план не выполняется, то поставки, заметно сокращаются, а если бунт, то в течении двух месяцев: живи как хочешь — проблемы негров, шерифа не касаются.

И во время такого продуктового «штиля» — смертность превышает обычный порог в десять раз, а по причине того что, продовольствием управляют авторитеты, то обычному зеку достается обычно не много; и чтобы не сдохнуть с голода: приходится трудиться в поте лица — другого выбора нет, и бунт как правило не приветствуется ни одним из главарей банд; для подобного рода бузы, должна быть очень и очень веская причина.

Руководство тюрьмы, как правило не вмешивается в местные распри, и придерживается односторонней политики: если эти уроды друг друга перебьют — это уже хорошо. Выход охраны в рабочую зону приравнивается к вылазке в тыл врага. По этой причине здесь служат только бывшие военные, другие категории граждан, на службу не набираются.

В тюремной зоне Марса — периодически и с постоянной регулярностью, возникают потасовки, между поселенцами, которые стараются разжиться харчами, за счет таких же бродяг, как и они. И многие заключенные, научившись этим горьким опытом, делают себе тайные запасы еды: на всякий пожарный, — но такой случай, здесь, практически каждый день; и все, кто не в банде — выживает как может. Особенно сильно прочувствовать: быт Элизиума, приходится новоприбывшим, которые с сытой земной жизни, в первые месяцы нахождения в колонии, питаются хуже, чем собаки. А пройдя так называемый карантин, они должны сделать выбор: вступить в банду — с условием, что ты им подходишь, или полагаться только на себя.

Анархия и власть денег, делают жизнь избранных заключенных очень даже комфортабельной. Подкупы охраны, как обычное дело вписались в повседневную жизнь Элизиума; незаконная доставка контрабанды с Земли: водка, наркотики, холодное оружие и даже огнестрельное — потоком плывут в руки авторитетов. Но если охрана находит у кого-нибудь оружие, а это как правило, допотопное огнестрельное, того без суда и следствия, распыляют с протонной винтовки — на виду у всех. Так что большого хождения оно не имеет, но опять, таки, это касается только обычных зеков, у которых нет связей с охраной и отсутствуют кредиты. Все авторитеты имеют до зубов вооруженную охрану.

Мирон Твердохлебов попал на Марс за организацию рабовладельческого строя на Ариане: люди похищались и их силой заставляли работать на сельскохозяйственных работах. Лицензия на бизнес у него была официальная, а ввиду слабой развитости цивилизации на дикой планете — дело процветало. Вертевшиеся астрономические суммы денег, полностью притупили зрение местных императоров и управляющих провинций; тысячи замученных и забитых до смерти — были только верхушкой айсберга, чем занимался Мирон. В его наполеоновских планах зрел захват всей Арианы, чтобы стать там единственным императором — вот эта бредовая идея и привлекла внимания земного правительства. И в итоге он потерпел полное фиаско: с бурным обсуждением, в средствах массовой информации.

Получив прописку на Марсе, Твердохлебов сколотил банду и заслужил немалый авторитет. Заработанные на Ариане миллионы сделали его группировку самой могущественной. Ведь большинству его подельников, с того кровавого бизнеса: удалось, хоть и чудом, избежать наказания; и за то что он их не сдал, друзья-лиходеи в благодарность, регулярно снабжали его всем необходимым — сделав жизнь Мирона полной халвой.

— Значит, завтра, по моим данным: утром подтянется спецназ. И захватить репортершу... можно забыть. Мои люди в охране, дали коды шлюзов... и у нас есть десять часов... — говорил Мирон, и ходил взад-вперед по тюремному боксу, в окружении преданных ему людей, — чтобы порешать эту проблему.

Элизиум для амбициозных планов, такого человека как Мирон, был мал и не привлекателен и учитывая его аппетит — рудники не то место, где можно развернуться. Его план побега, не отличался особой изобретательностью и продуманностью, и был до банальности киношный: захватить репортера самого большого, новостного канала, а там, как думал этот прохвост «Можно и поторговаться». Но он тогда еще не знал, что торговаться с ним никто не будет и смерть одного репортера... капля в море, по сравнению с пятой мировой

— Слышь, Мирон! А если спецназ прибудет раньше... нас тогда всех?! — сказал Баклан и провел рукой по горлу, — ...отсюда ведь еще никто... да и за бузу... отвечать надо.

За долгую историю тюремной зоны, не было ни одного прецедента подобного везения (только во сне), а сама обстановка с такой щекотливой ситуацией, как прекращение поставок продовольствия, требовала: минимум как, объяснений, перед другими авторитетами; ведь пока еще, никто кроме Хромого не знал, что ситуацию Мирон высосал из пальца — и это предвещало серьезные разборки.

— Твое дело, Валера, делать, а думать буду я. Сказал, что спецназ утром, значит утром! И за базар отвечать... ну никак, не тебе! — ответил он с властной интонацией. — Разберемся... и на «Голиафе» у меня есть надежные люди! Но это уже запасной вариант... думаю, он нам не пригодится, и все пройдет, как надо.

Подкуп охранников большими суммами денег, сделал жизнь Твердохлебова такой, что в ней потерялось слово «Нет». Семьдесят процентов, от тюремной охраны Элизиума, на регулярной основе — получает получку: лично, с рук Мирона. Вербовка, фантастической суммой денег... передача кредитов, целования в десны: после распитого на брудершафт шампанского... — визеотрек записывал спектакль в голографическом качестве — после демонстрации которого, начинался самый обычный шантаж, и охраннику ничего не оставалось, как работать на Мирона, и уже за намного скромные цифры. И что им перепало от заоблачной суммы — только поддержать, и то обманку; а страх перед разоблачением: танкерной цепью приковал их души к тюремному боксу Мирона. Ведь за взятку и контрабанду, они могли оказаться там же, только уже не в роли охранников... а учитывая расположенность местного контингента к Федералам...

Авторитет Твердохлебова сомнений не вызывал, а вырваться отсюда — это больше чем мечта, для каждого, поселенца Элизиума.

— Наша главная задача пускать понты, чтобы никто, ничего не заподозрил. И пока народ в непонятках... надо порешать с Хромым, а то этот чухонский кот... делить мне с ним нечего... и то что, то была подстава... он мужик не глупый!..

Воевать с Мироном Хромой не собирался: силы не равные... да и повода не было — подставу: с перехватом посылки, что предназначалась Твердохлебову — склеили на соплях... и чтобы прояснить ситуацию, он попросил остальных главарей банд собрать сходняк: для урегулирования конфликта.

— Но за него ведь подпишутся, и остальные, а особенно, с Бубуинами, связываться... Храни Боже наши души! — покрестился Удав.

— Бубуины сами по себе, и если их не трогать... Саняба, не сы в компот, все будет чики-пуки! — в явно приподнятом настроении сказал Мирон, и дал понять, что у него продуманно и схвачено: до малейшего, но объяснять не стал.

Криминальная группировка Бубуинов не давала расслабиться ни одному авторитету, не говоря уже об обычных заключенных, и слыла полнейшими отморозками. Которые во время прекращения поставок, не чурались человеческого мяса, и если кто к ним попал, то возможность остаться в живых равнялась нолю. Их существование — это большая головная боль: для любого зека; за счет, которого эта братия жировала на фоне полуголодной жизни Элизиума, наводя ужасный трепет на все лагерное поселение. Члены этого сообщества, выделяются не только цветом своей шкуры, а и особым состоянием души — раскрепощенной от каких-либо сдерживающих, моральных принципов: на пути к полной деградации человеческой сущности. И даже Мирон, имея такие связи в тюрьме, никогда не вступал с Бубуинами в открытый конфликт.

— Твое дело Саша... понты, понты и еще раз понты. Пускай, эта канитель закрутится. Меньше внимания будет к нам, а с Хромым сделай так: будто Бубуины его и замочили, — подытожил Твердохлебов.

— Легче сказать, чем сделать. Слышь, Мирон, твой план, конечно: оно понятно, но у Хромого человек двадцать охраны, и вооружены они не палками с камнями... так что, по-тихому тут: ну никак, не получится!

— Говоришь им, говоришь! Ты или глухой или!.. Я же вроде бы сказал, понятным, земным языком... никакой стрельбы! Все должно быть тихо и по-умному. Поведут Хромого... через час двадцать... — в последний момент, открыл карты Мирон и глянул на наручные кварцы, — как бы, на допрос к начальнику... есть еще, доверенные люди в охране, — хихикнул Твердохлебов и потер ладошки. — Вот тут, вы его и возьмете! Теперь понятно.

— Чего сразу не сказал... а с охраной, что?..

— Федералов... ты мне дурных вопросов... больше не задавай, — под дружный смех коллектива, усмехнулся Мирон. — Так, ладно, время идет, и не в нашу пользу. Сегодня у них сходняк, и Хромой ни в коем случае не должен туда попасть. Если нас раскусят раньше времени... весь наш план: пойдет коту под хвост. Фрэнк! Доставай оружие и всем быть на чеку. Лысый! Ты обеспечиваешь тылы, чтобы к нашему сектору, и на сто метров: муха не подлетела — сразу стреляй! Баклан, ты со своими, пойдешь со мной: за репортершей... и засеките у себе на лбу: дороги назад нет! Ну, а теперь, парни, за дело... покажем лопухам, кто настоящий хозин! — в ту же секунду послышались одобряющие выкрики в сторону Твердохлебова.

Удав и еще пять головорезов сидели в условленном месте. Вдалеке показались два охранника, которые конвоировали Хромого: на беседу с начальником.

— Во, ведут! Вы двое, по моему сигналу, с заду: нападете на охрану. Потом ты, Микола, и ты, хватаете рыжего, и в этот подвал. Только без стрельбы, а то Мирон нас на ремни порежет, — чуть нервничая распределил роли Удав и закулив папиросу, вышел навстречу конвою.

— Эй, лошара! Давай с дороги! — крикнул с далека охранник.

Федералы были не в курсе, и даже не догадывались, что их слили.

— А что, ходить нельзя? Иду мимо... никого не трогаю.

Хромого охватила непонятная тревога, он знал, что Удав, это человек Мирона, но мысль: «Мало ли чего», — дала понять: простое совпадение.

— Ну ты, козел! Кому сказали... вали копыта?! — крикнул другой охранник. — Видишь, Гена, человек не понимает, всему это быдло надо учить! — и направился в сторону Удава.

Саша специально споткнулся и упал — прямо в ноги охранника; тяжесть армейских сапог с лихвой прочувствовалась на его ребрах. Следом подбежал и второй охранник, и они начали утюжить его, по полной программе. В тотчас, с заду, стремительно выбежали два человека, и Федералы уже с перерезанным горлом, валялись на красном грунте Марса. Хромой не успел даже глазом моргнуть, как Микола вырубил его с одного удара.

— Давайте быстрее всех в подвал, а то спалимся! — вполголоса прохрипел Удав, перепугано осматриваясь по сторонам.

Он ясно понимал, что если что пойдет не так, то это будет его смертный приговор: с любой стороны.

— Давайте шустрее... времени мало, а работы много.

— Хромого что живьем резать?! — пробубнил Микола.

— И ты не знаешь, что делать?! — побелел от злости Удав. — Постоянно тебя надо учить. Когда ты уже сам, начнешь думать! — и следом достал нож: за три раза отрезал голову. — Последний раз показываю, — проворчал он сквозь зубы и кинул рыжею маковку Хромого, под ноги Миколы.

План Мирона состоял в том, чтобы подстроить убийство рыжего — будто это сделали Бубуины, а значит: мясо забрать, а кости и головы кинуть на видном месте — для быстрой раскрутки событий.

— Вот мешки: мясо сюда! Микола, возьми кого-нибудь и идите ройте яму! Плоть надо закопать.

— Слышь, Александэр! Может мясо себе оставим, все-таки два месяца без поставок.

— Ну и какой же ты, Федя, дурак! Дурак и на всю голову дурак и ни какое лекарства тебя уже не спасет! Завтра нас здесь уже не будет, а если у нас ничего не выйдет, то за Хромо-

го сами на мясо пойдем... или придется, лопатой, рыть ход: на другую сторону Марса, — излил он на Миколу в три этажа.

— Насчет туннеля в Марленд... ты это не плохо придумал, — на полном серьезе, и с дурацкой улыбкой, тупил Микола.

На противоположной стороне Марса находится другой подземный город, в котором добropорядочные жители Тронплекса работают по контракту, и условия созданные там, нашим правительством, не входят ни в какое сравнение с земными. И идея рыть туннель в страну грез — обыгрывалась в фантазиях каждого зека, по многу раз, но правдоподобность данной затеи... могла вызвать только улыбку; а если кто намеревался... а такие попытки присутствовали в суровой реальности Элизима — тому вешали клеймо «Шибик» и если человек или группа не унималась: с этой глупой затеей, их тогда, из жалости: убивали сами зеки.

Искусственно созданный ландшафт Марленда — так официально звучит название этой колонии на Марсе, в большей степени похож на Земной: парки, лесополосы с небольшими озерами и даже берег тихого океана, который имеет более десяти километров пляжей и на три километра уходит в глубину, в сочетании с правдоподобным закатом солнца — никого не оставит равнодушным. От множество театров, кафе и других развлекательных заведений, пестрит в глазах. Все это и многое другое, сделало Марленд излюбленным местом, земных и инопланетных толстосумов.

Правительство, строило город в качестве альтернативы, жизни на Земле, ввиду экологических проблем, которые с каждым годом: все больше и больше, приобретали устрашающий характер. Но с техническим прогрессом и открытием планет с климатом похожим на Землю, стройку века «забросили», так на Марсе и остался этот «рай», с высокооплачиваемой работой. Устроиться на которую не легко, если точнее сказать, то практически невозможно: если у вас нет связей с большими чиновниками, а лучшей связи чем деньги пока еще не придумали. Но работа не главная причина, что тянет людей в Марленд. Свободное посещение, инопланетными цивилизациями, с невиданной силой разжигает страсти жителей Тронплекса, некоторые из которых готовы почти на все, чтобы хоть разок, потрясти конечность, какому-нибудь, одноклазному Валийцу или усладиться в грехопадении с представительницей априконской расы, у которой...

Для инопланетных персон, регистрация в Марленде намного проще, и сводится к обычной формальности, хотя, и среди чуждедальних цивилизаций: имеется, немало видов, которым вход через портал категорически воспрещен, по причине врожденной агрессивности или других, несовместимых реалий, жизненного уклада, человеческой расы.

По городу свободно ходят, летают и прыгают — множество причудливых созданий, которым Марленд понравился, и они решили связать с ним всю оставшуюся жизнь. И это учитывая, что среди чуждедальних постояльцев, есть и такие, чей жизненный цикл превышает тысячу лет. Что еще больше разжигает интерес сильно любопытствующих, которым не дано, право посещения Марленда.

И на все доводы землян, чиновники только отшучиваются: с другой стороны, всегда открыто — добро пожаловать: в любое время!

Жителями Тронплекса подобный ответ не приветствовался, и даже проходили многочисленные акции протеста. Где народ требовал объяснений: что это правительство с чиновниками создали сами для себя город, а им даже глазком не дают глянуть, не говоря о работе. Правительство же объясняло, с своей колокольни: поселение в Марленде — это крупномасштабный эксперимент по налаживанию контакта с внеземными цивилизациями, и никто не знает, как сложиться дальше. Но на самом деле: с этим экспериментом, очень затянулось, и для большинства горожан не получило дальнейшего развития, а может так было и задумано, с самого начала.

Тем временем Мирон с Бакланом и еще шесть членов банды, вооруженные огнестрельным оружием, стояли возле шлюза ведущего к административному корпусу

— Так-так-так! Сегодня пароль, значит... — бормотал под нос Мирон и набирал на табло шлюза комбинацию с двадцати знаков.

«Код доступа правильный. Подтвердите пожалуйста запрос и предоставьте ваше ДНК: для аутентификации», — послышался механический голос.

Твердохлебов полез в карман и достал целлофановый сверток — там был палец дежурившего сегодня охранника, который достался ему за сущие копейки, а мог принести столько пользы.

— А на это, что ты скажешь?! — сказал он и сунул палец в идентификационное поле.

«Запрос подтвержден!»

В ту же секунду послышался звук скрипящего металла и сто тонный шлюз, с сильным шипением воздуха, открылся — все быстро вбежали в административную часть тюрьмы.

— Мирон, а что дальше? Куда идти? Тут если узнают, что мы здесь... через минуту вся охрана соберется... с этим пукалками... нам точно хана, — не давал покоя, своей метушней Баклан.

— Не бзди! Усе идет за планом.

Они прошли метров пятьдесят, в глубь тоннеля, ведущего от шлюза к админ боксам, и остановились.

— Мирон, Мирон... там кто-то есть.

— Только не дергаться! Свои, — послышался голос с далека.

— Свои дома сидят и чай хлебают, — кинул в ответ Мирон.

— Да это я! Барабанов!

— Поняли мы, Толя! Поняли, что ты! А то давно бы уже дробью накормили.

К ним приближался охранник в полном боевом, и с протонной винтовкой на изготовке.

— Мирон, чего так долго? Мне ведь тоже возле шлюза светиться не охота. Обстановка то напряженная: ждем спецназ.

— Немного задержались, ничего страшного.

— Мирон, ты деньги взял?

— Взял, взял, ты лучше давай веди, а деньги потом получишь, когда репортерша будет у нас.

— Мы так не договаривались. Уговор был только провести через шлюз.

— С тобой, Барабан, никто и не договаривался. Если работаешь на меня, то делай что говорят, и будешь в шоколаде. Кстати, догадываешься, что тебе может быть если узнают, что ты нам коды передал... или за твоего товарища, которому ты палец отрезал? А где он сам... кстати? — Ха-ха-ха, — Давай веди! Деньги потом получишь, ты ведь знаешь: кредиты для меня ничего не значат.

— Следуйте за мной и не вздумайте разговаривать. Через пять минут будем возле бокса начальника...

— Нафига нам начальник?..

— ...Репортерша у него, — сказал Барабанов, и было видно, что он сильно нервничает.

— Вот видишь, Анатолий... приятно с умным человеком побеседовать, — и повернув голову к своим: — В наше время: умный — значит долгоживущий, — усмехнулся Мирон, и они взяли курс к боксу начальника.

Волков лично для себя, хотел, чтобы Вероника осталась, как можно дольше, но с другой стороны — вся эта напряженная обстановка, и указ о чрезвычайном положении — был только один вариант: как можно скорее избавиться от этой пронырливой репортерши.

— Через два часа «Голиаф» тебя заберет: что там надо, собирайся, а то потом времени не будет, — сказал Волков.

— Вещи... какие там вещи: свитер на пол сумки и... все остается здесь, ведь я только на денек, два... и сразу обратно. Ты еще не забыл, о нашем уговоре?!

Волков промолчал, чтобы она ничего не заподозрила. И тотчас сменил тему:

— Тогда предлагаю перекусить... дорога у тебя не близкая... и на голодный желудок...

— Я не против.

— Миша, сообрази нам покушать и бутылочку вина захвати, — передал Волков по рации. — Еда конечно... как ты уже поняла: одна консервация.

— Ничего страшного, я в еде не привередлива.

— Хорошо солдатам, отбыл вахту: и домой, на домашние харчи, а я здесь постоянно, — с грустью сказал Волков. — Знаешь, не на кого это хозяйство и оставить! Забыл когда последний раз в Тронплексе был... — еще долго изливал душу начальник.

В бокс постучали. Волков нажал на пульте, чтобы открыть дверь, и сказал:

— Миша, давай заходи...заждались.

Дверь распахнулась и в кабинет ворвался Мирон, с помповым ружьем на перевес.

Протонные винтовки и другое вооружение полиции и военных, работает только при считывании прав доступа: ДНК занесено в специальную базу данных, и обновляется раз в неделю. Передатчик Грохмана, который вросся во все вооружении Федерации: каждые пять секунд отправляет свои координаты в спец отдел, при военно-космическом штабе, — и это только добавляет хлопот и делает всю мощь, сверхсовременного оружия, для бандитов: бесполезной.

— Смотри начальник, без шуток, а то оба ляжете!

Следом ввалился Баклан, толкая перед собой тележку с обедом.

— Повара, затаскивайте сюда... двери закрывай, — крикнул Твердохлебов и отпустил подзатыльник, Охламону.

Мирон! Слышь! Давай деньги и я пойду: пока тихо, — без боязни перед Волковым, слышался голос Барабанова. И он твердо был уверен, что если начальник и репортерша попали в руки Мирона, то они уже не жильцы, и особо об этом тревожиться не стоит.

— Сука, ты продажная! — гневно крикнул в его сторону Волков.

— Ты там гонор сбавь! Козлина полицейская! — выпалил Мирон. — Баклан, хорош жрать! Отдай товарищу долг! Мы его больше не смеем задерживать.

— Понял! Ван момент, — сказал тот и подошел до охранника. — Хорошо поработал. Молодец!

И незаметно достав нож — вонзил его в печень Барабанова, а для надежности еще и прокрутил. Толя медленно сполз по стенке на пол.

— Обманули тебя родимый. Обманули. Кому легко! — улыбался Баклан вытирая нож об вильтоновые салфетки.

— Мирон, это твой конец. Через час здесь будет спецназ и вас всех распылят, и я об этом позабочусь в первую очередь.

После таких слов Мирон, молча, подошел и саданул Волкова в глаз, да так, что тот потеряв равновесия — мигом очутился на полу.

— Ты, начальник, смотрю...герой. Лапшу будешь вешать своим собакам. Спецназа не будет не только через час, а даже и через два... и до его прилета... попробуй еще доживи. И если ты не в курсе... то скажу: мой билет от сюда уже оплачен, — и демонстративно достал нож, поднес к бороде Вероники.

— Не трогай ее, скотина! — крикнул Волков и попытался встать.

— Слышь, Валера... научи начальника добрым манерам, а то этот дядя плохо себя ведет.

— Это я с удовольствием.

Баклан быстро подбежал до начальника и нанес ему ударов восемь — своими массивными ботинками. Со рта Волкова полилась густая юшка крови.

— Ну что понял, как надо разговаривать? А если не понял... — и уже было замахнулся для очередного удара, как Твердохлебов, в повелительном тоне сказал: — Хватит! Он нам живой больше пригодиться, а сейчас лучше позабавимся с этой бабенкой.

У Вероники от страха свело дыхание и глотая слова она тут же выпалила:

— За меня... Канал... Большие деньги... Я ценная... Пожалуйста, не трогайте меня!

— Барышня наверное уже уписалась от страха, — громко засмеялся Мирон. — Сейчас я это проверю, — сказал он обернувшись к своей банде. — Какие мы нежные, — и под одобрительные выкрики коллектива, полез рукой под ее юбку; кореша подбивали его на решительные действия, и между собой завели спор: кто следующий.

Сердце у Вероники забилося будто у загнанного зайца и на ее глазах появились слезы, которые быстро скатились по ее румяным щекам — закрыв глаза и прикусив нижнюю губу она ожидала самого наихудшего, что могло произойти с честной девушкой в обществе такой компании.

— Мирон, прошу тебя! Не трогай ее. Что тебе надо я все сделаю, — сказал с полу Волков и закашлял кровью.

— Охламон, помоги Баклану... а то что-то, начальник, не по теме разговорился.

— Щас заделаем!

Волков тотчас попал под град тяжелых ботинок — удар в висок, металлической набойкой, от Охламона чебота — выбил из него последнюю мысль о справедливости. Последующие пинки он уже не ощущал, потому что валялся без сознания, в луже крови, под столом своего бокса.

Глава 9

Джек открыл веки и первое, что он увидел — это то, что существо с треугольной головой: облаченное в красный комбинезон, которое не имеет ни рта, ни носа... — только одни огромные глаза; пристально вглядывается ему в глаза.

— Как ваше самочувствие, Джек Сильвер? — слышалось у Джека в голове, как будто кто с ним разговаривает.

Сильвер сразу узнал гелта, и это немного его смутило: ведь попасть на их планету — немного-немало, событие всей жизни.

— Вроде бы нормально, — подумал он в ответ.

— Не нормально, а превосходно. Вовремя вас доставили: с такой потерей крови... ваш вид обычно не выживает.

У Джека ничего не болело, и он, на самом деле, чувствовал себя превосходно.

— Давно я здесь?

— По вашему времени шестнадцать часов, а по-местному четыре скварка.

Галаксея — далекая и загадочная планета гелтов: где он был три раза, и делал себе тату дракона; находится, по земным меркам, в другой части света; где не действует наше представление о времени и пространстве. И чтобы сюда попасть... посещение планеты возможно, только с разрешения их сената — существам у которых интеллект ниже чем у аропов: посещение Галаксеи категорически запрещено. И особям, вроде Сильвера, чтоб получить разрешения для подобного визита, надо иметь очень вескую причину: железная аргументация — убедительно разъяснить в необходимости визита; но убедить, в чем-либо, существо имеющее интеллект, во много раз... и соответственно такое посещение: возможно только по протекции земного правительства. У которого с гелтами дипломатические связи; и те из немногих: из избранных, везунчиков, кому по счастливой случайности удавалось здесь побывать. До конца своих дней помнили посещение этой высокоразвитой цивилизации.

— А где мои костыли? — спросил Сильвер и опираясь на руки приподнялся с кровати.

— Какие костыли? Вам этого ничего не надо.

Джек инстинктивно пошевелил пальцами: своей правой... работают... подергал ногой, — и это прошло как по маслу.

— Протез поставили?! — с чувством неполноценности подумал он

— Протез вам могли поставить и дома. Теперь у вас новая нога, и сейчас у вас только одна проблема, что она и вас переживет.

Необычайно-продвинутый прогресс, этой древнейшей цивилизации — достиг невиданных высот, не только в виде: совершенных технологий, а и на уровне сознания, что с одной стороны выражается в отказе от естественной формы репродукции, с ее заменой на сложные биотехнологии; и разделения общества на иерархические модели, классовой принадлежности: по уровню интеллекта — с другой стороны. Предпочтение, развитию морального духа, вывело сообщество галаксейцев: на высший уровень развития — общаются они с помощью телепатии, с абсолютным контролем мыслей, который с помощью совершенных биотехнологий, выделился в постоянный, видовой признак.

Джек засунул руку под «простыню», и осязание его пальцев, нащупало: твердую как сталь, тепловатую ногу — чувство смятения, вызвало неоднозначные чувства, ведь те воспоминания, что с ним произошло: буквально, считанные часы назад, еще не успели выветриться с головы.

— Чего лежишь? Давай вставай! Здоровым здесь не место, — всплыл голос гелта, у него в голове. Но это был не чужой тембр, а больше схожее, на раздвоение личности, ощущение, которое параноическим разговором: с самим собой — разными интонациями, слегка напрягло психику; и придало странное чувство отрешенности, наряду с тревожными мысли о душевном состоянии; ведь на Галакsee он был последний раз, три года назад и подобный опыт, транзакций мыслями, давно уже успел забыться.

Джек боялся вставать — картинка роковых событий, застыла в его сознании; те ощущения которые он пережил при взрыве: с чувством страха на подсознательном уровне, навязчиво стучали ему по вискам: с предостережением о невыносимой боли, что может повториться снова. Но самочувствие говорило само за себя и прилив энергии: будто, он, два месяца отдыхал на курорте — лил через край.

Сильвер сел на кровать, и выставил перед собой, сначала левую, — а потом и правую ногу... и вдруг, что-то очень яркое блеснуло в его глазах, он даже прищурился — зеркальный свет правой ноги, переливом, величественно засверкал, в искусственном освещенном: туземного лазарета.

«Криптонит... Да! Точно — криптонит!» — восхищенно подумал он и сразу узнал этот металл, но почему-то он гнулся, так, как он сам хотел и напоминал живой кусок железа, что только при одних его мыслях: вот так бы надо, или так поставить — изгибался как в сказке или научно-фантастическом романе. Нога цвела жизнью и чувствовалось каждое ее движение.

— Технология: живая сталь... а криптонит мы вам поставили, по особой просьбе генерала Оуэна. Также вживили в ногу искусственную нервную систему... правда, с некоторыми ограничениями, — неожиданно сменилась мысль, его вторым я. — Вы будете ощущать только легкую боль, для сигнализации каких-либо посторонних давлений: другой боли не будет. А пока привыкайте... вас ждет много сюрпризов.

Джек не обращал внимания на информирование гелта — все мысли были заняты ногой. Он встал с кровати и трусцой пробежался по помещению: взад-вперед. Затем легко подпрыгнул, а когда приземлялся решил подставить новую ногу — проверить не отходя от места, а вдруг... Как сразу с большой силой его подбросило до потолка, и он больно стукнувшись головой о твердое перекрытие: упал на пол.

— Вы поаккуратней: с своей новой ногой, а то вы нам здесь все ломаете. И вообще вам пора домой.

— Как домой?! Мне тут надо... кое-куда зайти, — почесал макушку Сильвер, и буркнув: «От, гадство», — посмотрел на потолок.

По случаю пребывания на Галакsee, он хотел сделать: еще одно тату.

— К сожалению, в виду вашей склонности к насилию, — гелт развел рукоподобные хенды, — посещение нашей планеты вам разрешено только в медицинских целях, и то, по особой просьбе вашего правительства.

В прошлый раз, Сильвер здесь хорошо повеселился и как всегда был в центре внимания. Но сейчас его новая нога, затмила все остальное, хотя здесь и было на что посмотреть. И он бы с удовольствием приобрел бы тут пару сувениров. «Лишние» денежные средства с избытком жали его большой карман.

— Одевайтесь, Джек Сильвер... портируем вас домой, — и кинуло ему такой же красный комбинезон.

Сильвер с должным энтузиазмом и с темпом, как он привык одеваться после боевой тревоги: в армии — напевая, про себя, любимый мотив, одел такой же красный комбинезон; а на вопрос о его старой одежде он получил логический ответ, с явным преобладанием чуждальной философии, который так и не ответил: где же его плащ и любимая шляпа.

Джек прошел через порт и оказался в огромном, обложенном мрамором помещении. Впереди его стоял длинный, квалитоповый стол, за которым восседали десять человек, а во его главе: в резном троне — Иван Иванович, глава правления, верховного совета — города Тронплекс и планеты Земля. «Почему я здесь? Непонятно? Неужели все всплыло?» — закрутились тревожные мысли при виде «дяди» Вани.

— Ну как вам, мистер Сильвер, лечение у гелтов: поправили здоровье?

— Спасибо, Иван Иванович. Будто только с курорта.

— От и хорошо. А то мы тут слышали, что вы желаете вернуться на службу, — сказал Иванович, и выдержав интонационную паузу продолжил: — Нам такие солдаты нужны. Поэтому, с завтрашнего дня, вы поступаете под командование генерала Оуэна.

«На службу я всегда хотел, да и старую покидать не собирался. Что это он прикидывается, будто ничего и не было. — подумал Сильвер и тотчас поинтересовался: — А что там с этим колбасным цехом... задержали подозреваемого? — и сразу посетила мысль, рассказать про прокурора, но как пришла, так и ушла: испытывать судьбу, без ведения личного расследования, он не стал».

— Можете не беспокоиться, там уже без вас справятся. Лучше готовьтесь принять командование нового подразделения.

— Сэр, но у меня тут есть небольшой должок, — сказал Джек и стукнул ногой о пол, и сразу на весь зал раздался сильный грохот, и большая мраморная плита на полу, дала трещину.

— Ей, Джек, ты там осторожней... со своей ногой, — заулыбался Иванович, — а то ты нам, тут все разнесешь: к ядерной фени!

— Извините, сэр... еще не привык.

— Хорошо, отдавай свои долги, а потом Оуэн введет тебя в курс дела. И со своим «костылем» ... желательно... хихикнул дядя Ваня, — пол Тронплекса захотят себе такой же. Сегодня... не сегодня, а завтра пойдешь и нанесешь флузелиновую шкуру... ордонанс по этому поводу, я уже выписал... а уважаемый, Ахмед ... проконтролирует! Ахмед заулыбался, но ничего не сказал.

Контроль со стороны, шефа, секретной службы безопасности Тронплекса — чуть охладил хорошее настроение Сильвера, ведь их (имя из четырех инопланетных знаков) ... имеет, пожалуй, большей полномочий, чем даже сам Иванович. И его скверный характер, наряду с цепким хватом и криптонитовой волей, присущей только альтонской расе — может испортить, не только настроение, но и всю жизнь.

Что не скажешь о дяде Ване, который в отличие от других членов правления всегда был расположен на общение и его отношение к Джеку, имело доброжелательный характер; но аура верховного правителя, как гипноз, каждый раз при их встрече, сковывала волю Джека; поэтому и очередной прием прошел кратко и официально; а воспользоваться случаем: попросить что-нибудь, лично для себя, ведь по словам прокурора: правительство у него в долгу — он посчитал зорным делом.

Домой Сильвер портнулся в приподнятом настроении. Снял чудной комбинезон и кинул на пол, потом открыл шифоньер — хотел быстро одеться и на работу. Вид полупустого гардероба с единственным: парадным мундиром в пластиковой упаковке — прояснил бытовую проблему с одеждой; ведь на покупку новой, времени не было. «Сейчас главное — поскорей разузнать обстановку, а остальное...» — думал он одевая белоснежную рубашку с золотыми знаками отличия на погонах. Парадный мундир, придал его хорошему настроению, еще и ощущения праздника — настоящего праздника, потому что одевал он его: семь раз в своей жизни и то, на знаменательные события; например, как сто лет их части или трехсотая годовщина военно-космических войск Земли.

В рабочие апартаменты, Джек портировался при полном параде. Марк и Стив увидев вспышку портала в кабинете шефа: удивленно переглянулись и тотчас последовали разузнать: кто бы это там, мог быть — за ними просеменил и Федор. Открыв двери, они со спины увидели человека в военном костюме и подумали: новое начальство; но когда Сильвер, повернулся и предстал перед их удивленными физиономиями, во всем своем величье: парадного мундира, то они даже открыли рты — пехотинцы при виде погонов полковника, встали по команде смирно, а удивленный Федор, рассуждающее протянул:

- Похож на шефа, только...
- Только что... не ждали?
- Сэр, это вы? — сказал Стив в приподнятом настроении.
- Нет, мой дедушка.
- Вроде вчера... ногу мы с собой забрали?!

Джек округлил глаза, и сильное чувство любопытства: глянуть на его кровинку — пощекотало свербящим зудом, и он только открыл рот...

- У Ломоносова на складе лежит, — прояснил Стив
- Лежит... пускай лежит... у меня теперь... — хотел сказать нога, но... — Протез, Стив! Протез! Сейчас такие технологии: меняются быстрее, чем мухи размножаются.

— Технический прогресс... медицина не дремлет!!! — восхищенно сказал Марк и сделал чрезмерно умное лицо

- Мы уже думали, что никогда вас больше не увидим, — произнес Федор.
- Рано меня со счетов списывать. А что там Джина?
- Отходит... сегодня взяла день, а завтра сказала, что будет... вовремя мы успели... пошла бы наша Джина... в серебряной упаковке — заулыбался Марк.
- Сэр, а вы при полном параде? Куда-то собрались?
- Собрался Федя, собрался: собрался сначала поймать этого мясника, а там видно будет! Давайте рассказывайте, что тут без меня... только поподробней.
- Я когда сканировал магазин... два раза, по-моему, всем сказал: туннель надо проверить...

- Пока полиция срезала двери. Его и след простыл, — разочаровано добавил Марк.
- Тебя Ломоносов и просить не надо... знал, что надо... почему не проверил! — риторически наехал Джек.

— Сэр, это не совсем туннель... обычный проход, в ресторан. Готфильд выкупил смежные помещения и сделал ход, для быстрой доставки своих изделий, — высказался Стив.

- Ясно... значит ничего.

— Его арест... дело времени: портнуться он не сможет... и полиции нагнали: мама не горюй... а то что, морда этого уроды не сходит ни с одного канала... про листовки: по всему Тронплексу, я уже молчу... — как всегда информативен, был Федя и не скрывал радости, что наконец-то, с громким делом покончено, и распорядок их подразделения, снова войдет на свои круги.

— С таким вознаграждением, что назначил за него дядя Ваня... разве что безногие... — вставил свои пять кредитов Марк.

— Я так понял: будем сидеть и ждать пока поймают?! Такой подход к делу меня не устраивает.

Джек, в доказательство своей правоты, уже было, хотел стукнуть ногой о пол, и показать этим: что за подобное, надо бы и ответить, но вовремя опомнился — демонстративно выставил правую ногу вперед:

- Небольшой должок... надо бы отдать...

— Сэр, мы полностью вас поддерживаем. Какие будут указания? — выразил свою солидарность Марк, и через секунду добавил: — Деньги думаю, тоже, никому не помешают.

— Насчет «пиротехники» ... выяснили?

— Противопехотная мина V56. И это далеко не все... полный арсенал автоматического, и не знаю зачем: двадцать протонных винтовок... и пока, не известно: продавал или нет... Еще, сэр... ваш нож.

Марк достал из кобуры нож шефа, и его зеркальная поверхность, световым зайчиком, согрела душу Джека. И на лице появилась щедрая улыбка — вот, за чем, он соскучился: по-настоящему, ведь тяжесть боевого друга, с которым он, ни на минуту, не расстается: последние тринадцать лет — придает уверенности больше, чем все те «безделушки», что выдали ему на новой должности. И по привычке военных лет: он до сих пор — кладет его под подушку, когда ложится спать.

Взяв у Марка нож, Сильвер хотел засунуть его на старое место... «Так, надо срочно покупать новую одежду», — блеснула мысль, а рука еще крепче сжала рукоять ножа.

— «Волшебный нож», сэр! А с чего он сделан? — поинтересовался Марк.

— Будешь хорошо служить, и может у тебя когда-нибудь такой будет, — сказал Джек и положив нож в ящик стола, сразу сменил тему. — Так что ты там говорил об оружии?

— Ничего неясно... наверное когда служил на Марсе имел дела с заключенными. Проще говоря, известно только одно: он при полном боевом и сдаваться не собирается...

— Сэр, нам бы что-нибудь посерьезней, — добавил Стив и достал свой магнитный пистолет, — а то эти «пукалки», — и покрутил им рукой в воздухе.

— Я поговорю с прокурором. Думаешь меня это устраивает?!

— А еще, мы там такое, нашли!.. Думаю, просто так это дело не закончится.

— Давай не тяни. Как кончится так закончится: поживем увидим, — Джека хорошее настроение говорило само за себя.

— Так вот, нашли мы замаскированное подвальное помещение... тысячи людских скальпов, — продолжал Марк.

— Вроде, столько убитых было только в пятую мировую, — пошутил Сильвер и достал, с ящика: начатую пачку «Казбека».

Первая тяга и горячий дым арианского табака, деря горло, прошел дальше в легкие. Специфический запах дыма ароматизированных сигарет наполнил кабинет. «Вот это класс! А я как дурак: целую неделю дул ту безделушку, — наслаждаясь дурной привычкой: Джек пускал кольца дыма в потолок».

— Нам тоже так сначала показалось. Пока не сделали анализ ДНК, — поддержал разговор Федор.

— Что это у вас... так шустро?

— Сэр, никто еще не спал. В Тронплексе введена чрезвычайная ситуация: патрулирование улиц... и остальные прибабасы. Горожанам рекомендовано оставаться дома: и даже нос в окно не высовывать... короче, полный аврал. И еще, этот Штейц, постоянно маякует и напрягает: не по-детски, — с нотой недовольства высказался Стив.

— Еще бы, сумасшедший и вооруженный до зубов маньяк бродит по улицам города... — прояснил и так понятную ситуацию Ломоносов.

— Спасибо, Федя, что объяснил! Но мне бы: о ДНК скальпов... и поподробней?

— Пожалуйста, сэр, — на полном серьезе, под усмешки Стива и Марка, сказал Федор. — ДНК... интересная штука: скальпы то не местные... колхари с Арианы... Хе-хе...

— А колхари... что не люди?

...Люди-колхари... Хе-хе... — веселился Ломоносов, — ...Так вот: проверили мы Готфильда, и оказалось: у него официальный договор на закупку мяса.

. И он со своим сыном частенько посещал Ариану, а то что там... жизнь и кредита не стоит... вы это и сами знаете. Закупали немного свинины с говядиной, а остальное добывали человечинной: вот откуда — эти призы и награды. Затраты нулевые. И если бы не больной на голову сынок...процветали бы...не только внуки, а и внуки, внуков.

— Хороший бизнес. Теперь понятно почему его колбаса самая вкусная и цена вне конкуренции.

— Все... ни вареную, ни пареную... ни какую есть не буду, — категорически заявил Марк.

— Но окорок, что не говори, у него классный. Я бы еще съел... или ты хочешь сказать, он тебе не понравился?

Марк сделал гримасу отвращения и плюнул прямо на пол: в кабинете шефа, но Джек в это время ставил заваривать чай и подобная оплошность осталась не замеченной.

— Помнишь, как нас с лягушками подкололи. Когда не знаешь... остальное не имеет значение. Лишь бы вкусно было, — с усмешкой продолжал подкалывать Марка Стив.

— Знаю... знаю... тебе что ни дай...

— Хочешь сказать, что ты, и пирожки в Южном квартале не ел? Там ведь на улице нет ни одной собаки, ни кота...

— Хватит! Хватит, здесь анихею разводить. От усталости, ваши мозги работают не в нужном направлении. Значит распорядок такой: всем по домам и хорошо выспаться, а мне надо еще, зайти одежду купить, а то в этом только на парад ходить.

— Зато красиво.

Джек грозно глянул на Федора, и тот отвел взгляд.

— По домам, по домам: отсыпаться, и завтра не опаздывать! — повторил он уже в приказном тоне и снял кипящий чайник: заварил чай.

Команда в быстром темпе покинула кабинет, а Сильвер еще минут сорок переваривал информацию: гонял чай, курил и одно крутил ногой — на свое удовольствие.

Потом посетил, тот самый магазин, где он приобретал плащ и шляпу, и купил себе точно такую же одежду: что и раньше. Только сапоги теперь были сделаны с борского мафригама — звучало по крайней мере убедительно, и это несмотря на то, что даже он, не слышал о таком животном, но невзирая на баснословную цену — обувь выглядела достойно. Продавец так рекламировал кожу мафригама, что Джек не смог устоять — не горит, не промокает, нельзя порвать, нога не потеет... «Еще бы сами ходили за него на работу...» — думал он когда подносил руку для считывания ДНК.

Домой Сильвер портнулся в отличном настроении, руки были заняты множеством коробок: чувство праздника подбило на многочисленный покупки, и трата кредитов, без подсчета финансовых средств, оказалась весьма приятным времяпровождением — подобного вдохновения он не ощущал никогда в жизни.

Кинув покупки посреди комнаты он, по привычке, включил плазматрон, и побыстрей расстегнув верхнюю пуговицу рубахи, облегченно вздохнул. В праздничном мундире Джек чувствовал не совсем ловко, все время стараясь его не помять или дай Бог запачкать; поэтому он первым делом подошел до шкафа и с нетерпением начал освобождаться от закрепощающего костюма — снимал и бережно развешивал его на старое место, где он и висел до этого.

«...Полиция Тронплекса и значительные, армейские силы, брошены на поимку «Аламского»¹⁰ чудовища. Горожан просьба при встрече с Филиппом Готфильдом не вступать с ним в контакт, и не пытаться задержать. Преступник вооружен и очень опасен...» — вещала голограмма диктора.

10 Аламское чудовище — из мифологии нового города. Которое питается душой человека и имеет...

«Насчет этого, Федя наверное прав: долго ему не продержаться. Может до утра, или еще раньше, с этим делом будет покончено», — подумал Джек и закрыл шифоньер.

«...При указании места нахождения преступника. Наше правительство объявило награду в размере двести тысяч кредитов... И вот поступили, самые последние новости, с Элизиума. В тюремном блоке тридцать четыре, сектора двадцать восемь: массовые нарушения порядка. Точных данных о пострадавших пока нет...» — продолжал диктор.

«Пока нет! Не пока нет... данных захотели... не дождетесь», — чуть ли не в голос подумал Джек. Информация что поступала с марсианских рудников четко контролировалась и это скорей всего была утечка. Сильвер знал, что на Марсе Вероника, и наверное, как он думал, что ей удалось, что-то там пронюхать — ну, а что делать с подобными новостями она уже точно знала, получше любого репортера.

«...Опять чрезвычайное происшествие, — сказал диктор и покачала головой. — Что за неделя такая, наверное на Солнце магнитные бури... ну и денечки: одни происшествия... но об прогнозе погоды, мы узнаем чуть позже, а сейчас дадим слово нашему корреспонденту... с места очередного происшествия! Боб, мы вас внимательно слушаем. Расскажите пожалуйста нашим зрителям подробности этого зверского проявления агрессии.

— Возле портала МЗЗ, что в Южном квартале были убиты три человека, без определенного места жительства. По предварительным данным, умерщвлены они без применения какого-либо оружия: у двоих сломаны шеи, а причина смерти третьего короля помойки, пока не известна. И я не могу сказать, со сто процентной уверенностью, был ли это — Филипп Готфильд или это была местная разборка. Когда что прояснится вы узнаете первыми. С вами был Боб Сусанов.

— Спасибо, Боб, за то что вы...» — громкие новости, по всем новостным каналам Трон-плекса, как под копирку, походили друг на друга, и это уже, немного начало утомлять Джека: со всей их важностью и чрезвычайностью.

День пролетел в пустых заботах и многообещающих ожиданиях

Сильвер лежал на кровати и щелкал с канала на канал: не было ни кино, ни музыки — объявили траур и ничего развлекательного плазматрон не транслировал.

Попытка заснуть, в столь поздний час, к успеху так и не привела: ведь после лечения у гелтов, энергия валила с избытком. И наверное, даже марш бросок: в полном боекомплекте, на сорок километров, показался бы для него легкой прогулкой; а новая нога, только подбросила дров в разгоревшееся воображение о фантастических мечтаниях и еще больше возбудила нервную систему. Джек крутил ей в разные стороны, и одно удивлялся уму этих треугольных и их технологиям — криптонит сверкал на весь бокс: «Чудо, так чудо! И ощущение, будто родная», — думал он и продолжал вращательные движение ног: со стороны в сторону. — Если Готфильда к утру поймут, то в обед я уже буду в распоряжении Оуэна, а там... — всем своим нутром он был далеко на военной службе».

Неожиданно, перебивая его мысли, фонотрон зажужжал и замигал красным. «Интересно, кто это в двенадцать часов ночи...» — мелькнуло в голове. Он запросил данные о маяке — высветился личный номер генерального прокурора.

— А-а..., включился со своей подзарядки! Это он как раз вовремя: попрошу протонных винтовок, — сказал Сильвер в голос и нажал на дисплей фонотрона.

— Джек, я тут поздно, но дела не требуют промедления.

— Ничего страшного, сэр... я еще не спал, — а сам подумал, что пока не забыл, надо спросить об оружии. — Нам бы, пару протонных винтовок, а то преступник вооружен, а мы...

— Поэтому и маякую. Планы сменились и обходимости в оружие вам нет, можно сказать даже наоборот. Готфильд сбежал на Ариану, и вашему подразделению, с самого утра, надо следовать... — не дал высказаться Джеку, прокурор. — И на все про все, у вас три дня.

— Интересно, как это он смог портироваться на Ариану... и еще с оружием?

— Кто тебе сказал, что он вооружен? Филипп Готфильд переместился, под чужой аутентификацией, и в чем мать родила.

— Разве такое?..

— Сейчас это маловажно: можно, нельзя, — интригуяще проронил Штейц. — Главное, что преступник на Ариане и тебе надо...

— Сэр, а...

— Именно, так и было, — будто прочитав его мысли, продолжал прокурор. — На Ариане он был чаще, чем можно было бы, себе представить... официальная лицензия на закупку мяса и обширные контакты с фермерами с Земли — это сыграло на руку преступнику. Подстерег Фреда Горина, а с ним: к слову — у Готфильда старшего, заключен договор на закупку мяса... и отрубал предпринимателю левую руку; ДНК убиенного, открыла порт на Ариану Порты мы заблокировали, а вам... я уже распорядился... у вас особый допуск: можешь начинать собирать вещи.

— А фермеры... что на работу?..

— То не твои заботы... на Ариане вирус гриппа...разве не слышал... эпидемия, — ухмыльнулся Штейц.

— Сэр, но планета большая, и население... не маленькое. Учитывая, что Готфильд там хорошо ориентируется. Не знаю, хватит ли нам три дня.

— Операция по ликвидации преступника... закончилась! Нечего будоражить население! И вы должны костями лечь, но чтобы через три дня!.. — сказал с непонятным подтекстом прокурор. — Переключи плазматрон на С6... сам поймешь.

Джек не придал большого значения: гонору прокурора — он знал, что «консервная банка» сама ничего не решает, и разговаривать с ним по этому поводу: бесполезное дело. Он молча переключил на С6 и удивился, как этот киборг знает то, что будут показывать по плазматрону в данную минуту. «И этот его поздний маяк: будто знал, что я не сплю... а может за мной следят?» — сверкнули подозрительные мысли и появилась небольшая тревога.

«...Наш репортаж с места задержания Филиппа Готфильда, — сказал диктор, и в тот миг по экрану замелькало окровавленное тело похожее на Филиппа.

Хотя Джек видел лицо преступника только раз и то в такой суматохе, сразу появилось сомнение, но как появилось, так и испарилось; тут же на весь экран: крупным планом, предстала физиономия этого типа, с отрезанными ушами.

«Преступника заметил, бдительный взор небезразличного патриота, своей нации, который сразу вызвал полицию. Представьте пожалуйста, и расскажите нам: что же на самом деле здесь произошло? — продолжал вещать плазматрон.

— Меня зовут Зарк Элигтон! Дело было позднее... захотелось по нужде: по-маленькому, а тут он, — сказал старик и его хмельная фигура шатнулась от слабого порыва ветра. — Память то у меня хорошая: фотографическая, и вы на меня так не смотрите, ведь я не всегда много пил и мало ел, — сказал Зарк и подморгнул, ели сдерживающейся от смеха, репортерше. — Значит, узнал я его сразу, а потом сообщил куда следует, и если бы я был, таким как в молодости, то я с ним и сам бы справился, — сделав большую отрыжку и пригладив желтую от табака: грязную бороду, проговорил оборванец; репортер уже не скрывая своих эмоций громко засмеялась: — Кто бы в этом сомневался! — и извинившись перед многочисленной публикой, вытерла выступившие от смеха слезы. — Спасибо вам за комментарий. И ответьте пожалуйста

еще на один вопрос, который я думаю, интересует многих. Теперь вас ждет целая куча денег. Что вы собираетесь сделать с вознаграждением, сумма ведь очень даже приличная? Наверно первым делом хорошо покушаете?!

— Да я и так, сегодня, подъел до отвала, — ответил Зарк и похлопал себя по непропорционально вздутому животу...»

— Теперь я думаю тебе ясно... все должно быть в полном секрете? Возьмешь расписку о неразглашении: уровень секретности А0. Ну ты сам понимаешь, — сказал прокурор.

— Если я верно понял, то и императоры не в курсе.

— Правильно вы мыслите, Джек Сильвер! И еще... есть одно обязательное условие: минимум технических средств и приспособлений... и никаких синих комбинезонов! Вас официально там нет, так что смотри, если какой прокол, помощи не будет. А тебе, Джек, с твоей ногой и оружие не надо, — сказал Штейц и улыбнулся.

«И этот откуда-то знает об моей ноге, а сам ведь, даже в правительство не входит, — подумал Сильвер и поинтересовался: — И как, без техподдержки, мы там, его найдем?»

— Старым проверенным способом: как раньше искали.

— Когда раньше?

— Да, еще можешь с собой Шарика взять. Может ты научишься им управлять, — сказал прокурор не обращая внимания на всю ту озабоченность, которую проявлял Джек в данном вопросе.

— Что еще за Шарик? Мне собака не нужна. Я сам как собака.

— Ты сильно не переживай, это не совсем собака, и не совсем обычная, а немного странный подарок гелтов. Мы когда-то оказали им небольшую услугу... но не мы лично, а наши предки, и этот подарок уже лет пятьсот пылится на полицейском складе; и как они тогда сказали: «Это» — будет надежной защитой вашей галактики от вражески настроенных цивилизаций. Но этот Шарик, — и тут на физиономии прокурора появилась добрейшая улыбка, — наверное это была такая шутка гелтов, которую мы до сих пор, так и не поняли. Ладно, ближе к делу: Шарик сейчас находится на базе полицейского спецназа. С Далатяном кажется вы знакомы.

— Было дело.

— Но вот он вам, и объяснит... более подробно. Маленькая деталь: твоя одежда, Сильвер, сгодится для посещения Арианы, а вот твоей команде, придется... и три дня не больше: время пошло.

— Так точно, сэр, — сказал Джек, а сам подумал: «Вот консервная банка, я же я ему не говорю, что у него место крови: херня разная, которой наверное можно было бы хорошо костры разводить. Одежда моя ему... Ух! Была бы моя воля разобрал бы по винтикам. Но ничего я до тебя еще доберусь!» — негодовал Джек.

Одежда Сильвера — камень преткновения, который возник с его поступлением на новую должность, и любые доводы о старомодности и официальном этикете... только генералу Оуэну он разрешал подобные реплики. И то, что так уже лет триста, никто не одевается, совсем его не волновало: главное, что ему в ней комфортно.

Фонотрон отключился и Джек с злостью кинул его на кровать.

— Шарик какой-то! По мне бы так пару протонных винтовок: совсем не помешало. Вот... консервная банка! — никак он не мог успокоиться, и нервно закуривая прошел на кухню, чтобы заварить чая.

По личному опыту Джек мог лишь догадываться, на что может быть похожа та собака: на все что угодно, только не на собаку.

Технологии гелтов опережают Земные не на сто или двести, и даже не на одну тысячу

лет. Даже их «животные» во много раз умнее чем человек. И если бы их смокт¹¹ сел играть в шахматы с нашим лучшим гроссмейстером, и ему бы помогали обсчитывать ходы, пускай все гроссмейстеры мира, то не позднее, чем, сорок пятого хода они бы обязательно, кинули белый флаг. Шахматы на Галакsee считаются мало-интеллектуальной игрой, и в нее играют только домашние «животные», но это животные в классификации землян. На самом деле: нет там никаких животных, а планету населяют два видовых класса — высокоразвитые гелты и развивающиеся аропы.

К аропам относиться больше сотни, разных видов существ, и что самое удивительно, что среди аропов есть полнейшая копия гелтов, и с первого раза, да и даже со второго, и последующих раз — обнаружить отличия невозможно, хотя они сами, сразу и безошибочно, определяют: кто ароп, а кто гелт.

Видовая и классовая организация и сам быт гелтов, не говоря уже о материальных или духовных ценностях — не сможет уложиться ни в один человеческий мозг и после первых двух посещений, Джек был в полном тупике, от всего там происходящего, да и сейчас он от этого ненамного продвинулся.

Всю ночь он проворочался на кровати, гоняя мысли, что делать дальше. С новым заданием вроде прояснилось и вопросов не возникало. Но вот марионеточный прокурор, его секретарь, и неизвестно, кто еще — это очень озадачивало и в ту же секунду пугало Джека. С его характером: уйти обратно под крыло Оуэна, и не разгрести такое дерьмо — он не мог, но подобная чистка сулила немалые хлопоты, и еще надо было придумать способ, чтоб проверить на «человечность»: самого генерала.

То, что тревожные мысли отгоняли сон, это одно, но та энергия, которая была с него, после лечения у гелтов, это было очень странное чувство: праздника и неиссякаемой энергии. Что вкололи ему галаксейцы он не знал, но ощущал, что если бы его попросили разгрузить, вручную: грузовой корабль руды, то наверно и этого оказалось бы мало, чтобы сбить оскомину, его не дюжей энергии — здоровье лилось через край.

Утро так и не дало нужных ответов на его вопросы, но Сильвер не стал этим сильно заморачиваться, а решил, что время покажет и сходу такие проблемы не решаются. Переключив мозг на бытовые проблемы он: по старинке¹² побрился, потом плотно поел и заварив, чая покрепче — посмаковал минут десять, дымя сигаретой.

На работу Джек портнулся на полтора часа раньше.

Заварив себе очередную чашку чая, он удобно уселся в кресле, закинул ноги на стол: задымил любимый «Казбек» — и с чувством, раскрутившегося динамо, дожидаясь остальных членов подразделения.

Эта была уже пятая кружка «Зеленого дракона», как дверь хлопнула и через окно кабинета, он увидел Джину, и тотчас сделал жест рукой: чтобы зашла к нему. Еще при входе Джини в кабинет он заметил две большие гематомы на ее лице, и чтобы не акцентировать на этом свое внимание, Сильвер включил плазматрон, но звук убавил до ели понятного бормотания.

— Взяла бы больничный... отлежалась: где-нибудь, на пляже, пару недель. А то прям сразу, и на работу!

— Обойдусь... бывало и похуже.

— Чай будешь?

— Не откажусь. Только мне без сахара.

— Я сам забыл когда с сахаром пил.

11 Смокт — по классификации гелтов, относится к классу аропов. «Животное» имеет высокоразвитый интеллект и его, очень отдаленно, можно сравнить: по-своему «значению» (видовой иерархии), с земным котом.

12 В эпоху заоблачных технологий: данная процедура утратила актуальность, ввиду минутной трэнсквазии по удалению гена, который отвечает за рост волос на лице мужчин.

Джек налил ей большую чашку зеленого чая, и зная, что с ней произошло, у него даже в мыслях, не было, доставать ее глупыми вопросами, вроде: что, да как — и он при общении, одно переводил, свой взгляд на экран плазматрона.

— А вы, сэр, быстро себе ногу наладили, обычно с таким надо не меньше месяца в госпитале проваляться.

— Сейчас новые технологии, раз, два: протез и можно опять в бой. Да и месяца у меня лишнего нет, — шутливо ответил он.

— Хороший чай. Вы чего не пьете?

— Я уже, — и похлопал себя по животу, — налил им достаточно.

Разговор не клеился, но Джина, вдруг, сама начала говорить о своем плене.

— Если бы вы не подоспели вовремя: хана бы мне... вот урод!

— Ты молодец, хорошо держалась.

— Да я от злости заснуть не смогла, думала поймать его, и как следует... как таких земля носит!!!

— Не одна, ты такая, — сказал Джек и выставил правую ногу, а потом для демонстрации стукнул по ней кулаком. То, что она сделана из криптонита, совсем вылетело у него из головы.

Дикая боль свела руку, но Сильвер не подав вида — еле терпя, сковывающую судорогу: встал и подошел к окну, открыл рот и в мыслях громко закричал, и сразу подумал о словах того гелта: «Вы там поаккуратней со своей ногой...» Джина все говорила и говорила, изливая душу о своем плене, но Джеку было не до этого: рука так болела, что он уже было подумал: «Не хватало еще руку сломать». Боль понемногу стихала, и он опять вернулся в свое кресло. Джина на секунду замолчала и глянула прямо ему в глаза, и с небольшой нотой беспокойства поинтересовалась:

— Вы себя хорошо чувствуете, сэр?

— А что?

— Что-то вы бледный, стали.

— Все нормально: тебе показалось.

Джина продолжила говорить, что очень сожалеет, что не она первая достала того уroda, и ему сильно повезло, быстро умереть. Джек сначала хотел ей все рассказать, но решил, дождаться остальных, а уж потом ввести в курс нового дела и заодно взять подписку о неразглашении, как и велел прокурор.

— Но как увидела по плазматрону его труп, даже расстроилась... а у нас что в плане нового?

Сильвер только открыл рот, как дверь в бокс хлопнула, и зашли Марком с Федором, которые по обычаю, о чем-то спорили, увидев с далека Джину, они напрямик направились в кабинет шефа.

— Вы это видели?! Ну вы, это видели?! Опять вся награда этим полицейским. Одно радуется, что Зарк премию получит, может жильем обзаведется, — не успев зайти, с порогу, затараторил Марк.

— Пускай твой Зарк, для начала, умом обзаведется, — громко засмеялась Джина.

Учитывая состояние девушки, Марк сделал вид что не услышал.

— Где ты Стива потерял? — спросил Джек.

— Вчера вечером маяковал, сказал задержится.

— Джина, а ты чего не дома? Иди отлеживайся, работы все равно нет... — заулыбался Ломоносов.

— Кто тебе сказал, что нет? Проблем: два грузовых отсека и еще половина, — немного прояснил ситуацию Сильвер.

— Этому Готфильду чрезвычайно повезло, что смерть его к себе позвала, а то бы я ему показал, что такое настоящая боль, — сказал Марк и глянул на Джину.

— Будет еще возможность, проявить свои способности.

— Не понял, сэр?

— Что сейчас вы услышите: является государственной тайной... и со всех вас... прокурор велел взять подписку о неразглашении. Филипп Готфильд жив и сбежал на Арину.

— А-а...

— Б! Портировался по чужому ДНК... отрубал руку бизнесмену с Арианы... Федя, а ну проясни... можно ли портнуться: подобным способом?

— Исключено, сэр. Если молекула ДНК: совпадает... только рука бы и переместилась, а учитывая протектор Мабранта в скванцевой... — загрузил научными терминами Ломоносов, и дал понять абсолютную, даже теоритически, невозможную суть данного, либо, какого другого: нечестного способа перемещения.

— Ха-ха-ха... от за это Федя и ценю, — похлопал его по спине Марк, да так, что того даже шатнуло; и развил мысль дальше, об одноруких и одноногих с одноухими, без кое-чего еще.

— Но так или иначе: нашему подразделению поставлена задача в трехдневный срок и с соблюдением всех правил конспирации: обезвредить Готфильда.

— Сэр... — попытался переспросить Марк.

— В плен можно не брать... для всех он и так мертв, — окончательно прояснил ситуацию Джек, прочитав вопрос пехотинца, только по одной его физиономии.

На лицах команды появились радостные улыбки и сразу поднялось настроение. И впервые подразделение радовалось тому, что преступник был жив; ведь у каждого их них, имелось минимум по три вопроса к этому Готфильду.

— Еще прокурор сказал, взять с собой, какую-то собаку: Шарик, по-моему. И сейчас нам надо на полицейский склад... он вроде там, на цепи сидит.

— На цепи, сэр: точно не сидит, а скорей сидит в кресле и пьет кофе, — сказал Марк и через секунду добавил: — Только не Шарика!

— Ты смотри, уже успел с ним познакомиться, — удивленно спросил Джек, и не понял ту шутку с креслом и кофе.

— Брали мы его на задания: целых два раза... толку ноль. Одна нервотрепка!

— Просто для тебя он сильно умный, — подколола Джина.

— Точно так же, как и для тебя, — злорадно ответил Федя.

— Правда, сэр, он своими нравоучениями... — добавил Марк, и было видно, что он всеми фибрами против этой собаки. — Постоянно ему, что-то не так: учит, и учит... ей богу, словно в академии первого уровня, а сам ничего не делает, только всю дорогу: говорит и говорит.

— Кто говорит? И кто пьет кофе сидя в кресле? Разговор вроде бы, о собаке по кличке Шарик, — никак не мог врубиться Сильвер в чем речь.

— Шарик, сэр, только Шарик, — засмеялся Ломоносов, — Еще он сказал, что изучил: всю нашу глобальную сеть, и пришел к выводу что нам надо, пятьдесят шесть тысяч лет, чтобы хоть немного поумнеть. Проще говоря, ему где-то на кафедре: вместо профессора, лекции читать, прославится точно... и не отключишь! Хе-хе...

— Зато с ним не соскучишься. Хоть от кого-то на Ариане услышим, что-нибудь умное, — сказала Джина, глянув на Марка, потом на технаря, и по-дружески подморгнула.

— Хорошо, что кормить еще не надо, — продолжал дискуссию Федя.

Сильвер слушая разговоры, о этой: минимум странной собаке, даже не знал, как на это и реагировать; ведь он пока, с Шариком не встречался и мыслей по этому поводу у него не было; но то что это создание было с Галаксеи, он с большей долей вероятности, был готов к подобному сюрпризу, и ожидал нечто... но только не то, что собака будет говорить — потому

что на Галакsee, не только никто не говорил человеческой речью — там вообще никто не говорит: какой-либо речью.

— Не знаю, будет с него толк, или нет, но у меня приказ: взять Шарика на Ариану. Еще прокурор, сказал, что может я научусь им управлять.

Дружный смех с нарушением норм субординации, и репликами по этому поводу — градом посыпался в сторону Джека, на что он не обиделся, а принял как дружественный шарж от его команды:

— Да, сэр, уж точно научитесь.

— Будете с ним на охоту ходить.

— Выставки там разные собачьи, вычесывать будете, а в старости он вам будет собака-поводырь...

В кабинет зашел Стив и еще не понимая, почему все смеются, с ходу сказал:

— Как вы ржете, я еще в коридоре услышал.

— Новое дело тут у нас, образовалось, и приказано Шарика с собой взять, — сказала Джина и вытерла слезы, которые выступили от смеха.

— Значит зря спешил. Если теперь Шарик с вами, тогда я вам точно не нужен.

— Ладно, посмеялись и хватит. Мне надо на часок в одно место: кое-какие дела уладить, — с мыслями о нанесении флузелиновой шкуры, сказал Джек. — А вы пока переоденьтесь, чтобы быть похожим на жителей Арианы, а то прокурор сказал, никаких синих комбинезонов.

— У меня ничего подобного из одежды нет, — буркнул Марк.

— Федя, у тебя там пустой мешок случайно на складе не завалился? — продолжала веселиться Джина.

— Есть и не один. А зачем тебе?

— Ну надо же нам Марка одеть. Дырок понаделаем и одежда готова, а кусок веревки где-нибудь там найдем.

— Идея... еще у меня, в складе, краска серебряная завалилась, можно что-нибудь нарисовать: карманы там например, или ...

— Да пошли вы! Что я должен покупать одежду... один раз одеть, а потом выкинуть... и цена на такие лохмотья...

— Покупай, покупай, а то придется в мешке. Выбора у тебя нет, — усмехнулся Сильвер.

— Вам лучше всех, вам и покупать ничего не надо, — ляпнул Марк не подумав.

Сильвер всем своим видом показал, что зря он это сказал, и только... но Марк, почуяв неладное, быстро ретировался и сменив разговор: затараторил, что у его троюродной бабушки: был когда-то дедушка... и осталась одежда, и ему надо срочно идти ее забирать, а то потом до старухи не достучишься... старость, сонный час, еда по расписанию... На что Джек в след ему крикнул, что если через час его не будет, возле полицейского склада: в правильной одежде, то пусть пеняет только на себя.

— Мы куда-то отправляемся? Я думал, прикол! — удивленно спросил Стив.

— Джина введет тебя в курс дела. Объяснять, нет времени...через час встречаемся у Дала-ляна.

— Сэр, подождите. Брать с собой... что будем?

— Приказ: минимум спецсредств. Поэтому думаю, что рациями и приборами ночного видения... магнитный пистолет, на Ариане, все равно не работает... на этом и ограничимся. Как сказал великий и могучий: «Старым проверенным способом».

— Интересно, а это как?

— Этого он мне не сказал, может тебе скажет...

— Федя, у тебя рогаток, на складе, случайно нет?

Джек строго посмотрел на Стива.

— Понял! Нельзя значит нельзя, мне хватит и моего ножа, чтобы с того урода ремней нарезать.

Сильвер не стал продолжать дальнейшую дискуссию по поводу старого проверенного способа, а быстро портнулся, наносить флузелиновую шкуру.

Через час: как и договаривались, все кроме шефа, стояли возле ворот, неприметного, и больше похожего на сарай, здания, но это никого не смущало; каждый из них знал, что это, обычная конспирация, чтобы не привлекать внимания. Сам склад имеет площадь: гигантских размеров и по слухам находится — даже не на Земле.

Время шло, а Джек почему-то не появлялся, и это совсем не было похоже на Сильвера. Через десять минут, томительного ожидания, появилось розовое пятно порта, с которого показалась довольная физиономия шефа.

— Извиняюсь за опоздание. Обстоятельства вынудили задержаться: от меня это не зависело. У них там свое расписание, — сказал он и показал пальцем в небо.

Джек подошел к порту ангара и поднес руку для аутентификации:

— Допуск только у меня: постараюсь быстро.

В складе, он сразу наткнулся на Далатяна.

— За Шариком? — сказал тот и улыбнулся.

— Да, что вы все, так его любите?!

— Скоро и вы полюбите, сэр.

Они спустились шестьдесят этажей вниз на лифте, прошли еще два порта и оказались у банковского сейфа: размером с небольшой однокомнатный бокс.

— Теперь мы на месте.

— Мне говорили, что этот Шарик сидит в кресле и пьет кофе! — пытался шутить Джек.
— Если он такой бесполезный, зачем такая охрана и секретность.

— По словам гелтов, Шарик: это вовсе не Шарик ...

— Знаю, знаю...рассказывали... спаситель мира.

— Вот именно, но как мы не пытались с него, что-нибудь «выжать»: толку никакого. Может у вас это выйдет. По крайней мере с ним не соскучишься.

После манипуляций с кодами и аутентификацией ДНК — дверь сейфа: без малейшего скрипа и шума открылась, и в тот миг, по всему телу, волнами, жужжа — прошла едва уловимая вибрация. Посредине сейфа в каком-то неизвестном Сильверу, энергетическом поле, зависла рыжая собака, средних размеров.

— Гелты сказали, что после выполнения задания, его надо обязательно помещать в это поле, только не сказали зачем, — с серьезным лицом сказал Далатян.

— И это есть Шарик?! — с большим чувством разочарования сказал Джек.

— Он самый: собака системы дворняга! — гордо, но в тоже время шутливо произнес Далатян.

— Я думал, что Шарик, это что-то большое и толстое. И уж точно не дворняга!

— Когда я отключу: защитное поле, он активизируется. Готовы, сэр? Отключаю!

— Далатян, подожди не отключай. К чему я должен быть готов?

— Вы должны будете дать считать ему свое ДНК, и тогда он будет признавать вас за «хозяина».

— И что, я могу давать ему команды?

— Хе-хе... команды... если вы сможете командовать рыжим, то тогда вы первым узнаете для чего он был создан. Скорее всего, он будет вами командовать. Извините меня за туфтологию, но... скоро сами все поймете.

— В каком смысле, смогу командовать. Это разве не киборг?

— Я честно говоря и сам не знаю. Известно одно: интеллект у Шарика намного выше человеческого. И естественно, чтобы управлять высокоинтеллектуальным существом... однозначно: надо быть умней. Гелты ведь создали его для своих нужд... по крайней мере, инструкции к нему не было, и я думаю вам уже сказали, на сколько древнее «Это»: пятый век пошел... и это только, на Земле... времечко летит, — усмехнулся Далатян. — И еще смотрите, не знаю какое у вас там задание, но вы должны это учитывать: на вид то, он и не большой, только почему-то весит пятьдесят тонн.

— Не может быть?

— Мы сначала и сами не поверили. Кто-то из моих, хотел его на руки: на спор взять и не смог — каждый попробовал и ничего... даже с места не смогли сдвинуть. Тогда мы его заманили в бокс, где вместо пола были весы и они показали пятьдесят тонн, а может быть и больше: других весов не нашли.

— Почему заманили?

— Я же вам говорю, управлять им невозможно. Он как будто с вами, но в тоже время сам по себе, и сам решает, что ему надо делать, но почти во всех случаях из ста, ничего не делает: зато все знает — нонсенс! Хе-хе...

Далатян отключил поле и по помещению прошелся громкий и резкий хлопок: Шарик бухнулся на пол диковинного хранилища, и виляя хвостом выбежал наружу.

— Шарик, планета Земля в огромной опасности, и у тебя новое задание! Полковник Сильвер имеет дальнейшие инструкции. Рыжий подбежал к Джеку из его глаз блеснул зеркальный луч света, который прошел с ног до головы, обдав тело, приятным теплом.

— Аутентификация прошла успешно: я готов спасти ваш мир, — сказал Шарик, четко поставленным, дикторским голосом. — Джек попрощайтесь с Далатяном, а то пока мы здесь, там могут развиваться неблагоприятные обстоятельства, что может потребовать дополнительных, человеческих ресурсов.

— Да, да... мир в опасности, Джек Сильвер не теряйте зря время: враг не дремлет! — сказал шутливо Далатян.

Сильвер вышел с полицейского склада, а за ним виляя хвостом бежал рыжий кобель.

— Подразделение «Барьер»! — сказал Шарик. — Человеческие индивидуумы, которые подвергают свою плоть смертельной опасности, ради жизни других людей: похвально, и приятно иметь совместную, боевую задачу.

— Шарик, мы тоже рады тебя видеть, — поприветствовала его Джина.

— Без памяти... прям все рады, — буркнул Марк.

— Джек, перед выполнением боевой задачи я должен знать: суть нашей миссии, четкий план действий и временные рамки задания, — повернул голову в сторону Сильвера Шарик.

— Плана пока нет ...

— Что значит, нет плана?! Любая военная операция, без четкого планирования: приведет к неминуемому проигрышу, и потере человеческих ресурсов, в виде подразделения «Барьер». Настаиваю! Незамедлительно составить план действий и сообщить мне о нашей боевой задаче.

— Сэр, если вы продолжите с ним обсуждать наши планы, то мы и в неделю не уложимся.

— Майор, Стив Возник, вы являетесь младшим офицерским составом, разработка стратегии и плана действий не в вашей компетенции, — высказался рыжий.

— Сэр, Стив прав, — вставил свое слово Федор. — то что Шарик у нас за генерала, это не для кого не секрет, но сделав то что он говорит, потом надо будет делать по цепочке за ним следующее, и так до конца его светлых мыслей, и думаю, что где-то: на третьем или четвертом условии — это все закончится, и не в нашу пользу.

Джек выслушал обе стороны, но рассудил по-своему:

— Шарик, боевая задача имеет гриф «Совершенно секретно», поэтому мы тебя сразу не известили. Полученный из штаба, пакет с заданием, будет вскрыт на месте выполнения боевой операции, и ты, в первую очередь, будешь уведомлен о нашей миссии. А пока у тебя свобода действий, — говорил он выдумывая на ходу.

Придумывая отмазку, Джек ясно понимал, что если у Шарика, интеллект намного выше чем у него, то пренебрегать общением с ним не стоит: по крайней мере глупо. И чтобы не говорили о нем другие, он решил избрать собственную тактику общения, с дивным «существом».

— На девяносто пять процентов, полковник Сильвер, моя логика усомнилась в вашей компетенции, но теперь вопрос снят, и ваш авторитет, в командовании... не вызывает сомнения. Знайте Шарик всегда готов прийти на помощь.

— Ну тогда, поехали?! — сказал Сильвер доставая астрал, начал набрать координаты Арианы — доступ для их команды был открыт.

— Джек, какие координаты места назначения.

— А ты что Шарик, не с нами?

— Я не пользуюсь вашими портами. Технологии землян не совершенны, и я не хочу подвергать свою компетенцию: в плане, пространственных перемещений — обсуждению со стороны...

Сильвер так и не понял, о чем он там говорит, но не стал, заострять на этом внимание, а просто назвал ему координаты, и Шарик в мгновение ока, растворился на глазах удивленного подразделения. При виде подобного зрелища, Джеку тогда в голову пришла мысль, что рыжий обязательно пригодиться, но не знал только как.

— Сэр, пока его нет, — сказал Ломоносов и оглянулся по сторонам. — Вы с ним лучше не спорьте, а то потратите уйму время и ничего не докажете... говорить с ним можно на любую тему: бесконечно.

— Я это уже понял, но если... — хотел сказать он Федору, все что думал про инопланетное «существо», но решил промолчать, ведь остальные с ним уже общались, а он видит эту собаку первый раз. «Может, оно так и есть, что они про него говорят» — сверкнула мысль, но где-то в глубине души, ему казалось, что их мнение ошибочное, и если гелты создали «Это», то...

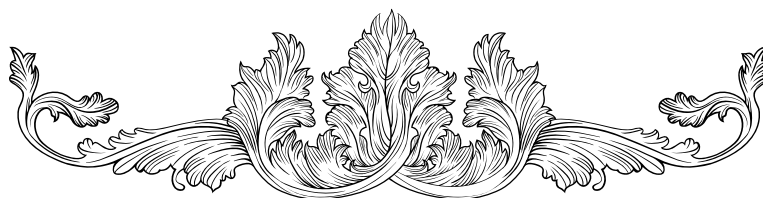
Сильвер открыл портал и подразделение: по очереди, растворилось в загадочном свете, пространственного континуума. И их другой шаг в неизвестность, был уже далеко: на далекой, с дикими нравами — такой близкой Ариане.

*И нет пути, но есть дорога,
И в ней вся суть и бытие;
Когда стоишь ты у порога:
В мечтах постигнуть житие*

*Шагай смелей — не бойся доли!
Она разыграна давно
Судьба согнет не раз до боли:
Пока поймешь, что суждено*

Часть 2

Колхоз — дело добровольное

Глава 1

Подразделение «Барьер»: один за другим — вышли с порта, на землю Арианы; Шарик был уже там и ждал дальнейших указаний.

Ариана — Аркадская идиллия инопланетного композита, что раскинула богатства своих плодородных «земель», среди безграничных простор чужедальних миров; она подобие огромного парка, с таким же зоопарком; в котором гармонично уживаются местные формы жизни, а дикая природа является полноправным хозяином этой планеты. Даже многочисленные, сельскохозяйственные угодья и животноводческие хозяйства, земных предпринимателей — это капля в море, для планеты которая в двадцать семь раз, больше Земли.

За длительное время «оккупации» Арианы, земная речь стала родной для каждого из ее жителей и встретить человека, владеющего каким-либо другим языком: дикой планеты — практически невозможно.

По приказу земного правительства, предприниматели и вольнонаемные рабочие, кто ступил на Ариану, обязан одевать: синий комбинезон, с надписью на спине «Земля»; специальный прибор: транскоммуионный браслет, который считывает координаты местонахождения, и время пребывания на планете, как закон для всех Землян. Такие правила не являются рекомендательными, а есть не что иное, как условие для посещения чужедальней цивилизации, что были придуманы для блага и безопасности самих же жителей Тронплекса. Потому что, убийство на Ариане — обычное дело, и достаточно на словах объяснить свою правоту управляющему, или просто дать ему немного денег, и ты уже не виноват; а у кого денег нет или его речь звучит неубедительно: в большинстве случаев ждет виселица.

Смысл бытия инопланетного мира: кто сильный, тот и прав — и это основной повод для строгого контроля, со стороны нашего правительства, и поэтому подразделение «Барьер» очень рисковало, когда было принято решение маскироваться под местное население, да еще и без оружия; но это был приказ, и он не обсуждался.

По причине сильного суеверия и чтобы не пугать население — вмешиваться в планетарный ход событий, который может повлиять на эволюционное развитие арианцев: категорически запрещен; на использование любых технических средств, кроме оросительных систем водо-полива и мелких удобств в животноводческом хозяйстве — наложено табу.

Но и это оказалось не самой главной проблемой — кто бы мог подумать, что с портами будут такие осложнения: наивные крестьяне, усмотрев чарующее действия, современных средств перемещения — создали из портов идолов; одни на них молились, другие пугали детей: придет большой лохматый и заберет тебя туда, — говорили они своим детям. И со временем, эти единичные случаи, как-то незаметно, переросли в большое, религиозное движение, со всеми атрибутами зарождения новой религии: порты украшали цветами, а возле них проводили свои оргии, члены этого вновь образованного и быстро набирающего обороты религиозного движения. По этой причине, место портов постоянно меняется, с соблюдением всех правил маскировки — за разглашение места нахождения портала: крупный штраф и лишения права доступа на Ариану, на три года.

Земные деньги здесь не ходят — клепки, единая валюта на всей планете, не считая золота и драгоценных камней. Джеку выдали целый рюкзак клепок, на непредвиденные расходы, а также на закупку провизии.

Сильвер всей грудью вкусил чужедальнего бытия и с ностальгией по былым временам, огорченно вздохнул, но этого никто не видел, да и навряд ли бы понял.

— Начнем с главного: предельное внимание и осторожность. Особенно в общении с местным населением, — сделал вводный инструктаж Джек, и поправил шляпу.

То, что он и его подразделение были без оружия, не считая криптонитового ножа — это очень осложняло дальнейшую операцию по поимке преступника, и лишь в какой-то мере, компенсировалось привычной ему обстановкой: он теперь знает кто его враг и поставленная задача не вызывает вопросов — поймать и обезвредить.

— Цель миссии нашего подразделения, до сих пор не определена. Требую четко поставленной задачи с обозначением приоритетов! — услышал Джек, от рыжего и немного призадумавшись.

— Какая там цель... бегай рядом и все, — ответил за шефа, Стив.

Но Шарик сделал вид будто Стива здесь нет, — продолжал с той же настойчивостью:

— Полковник, Джек Сильвер! Без незнания поставленной задачи, ее выполнение является невозможной. И по причине того, что вы являетесь командиром боевой единицы... вы обязаны мне, как члену вашего формирования, предоставить детальную информацию о нашей миссии.

— Только собирался это сделать, — потер нос Джек. — Пакет с заданием был вскрыт, прочитан, и чтобы не достался врагу уничтожен. План значит такой...

— План, ничто, главное в нашем деле: логическая карта действий, с последующим... надо составить четкое планирование всех окончаний, из любого направления: развития событий, — перебил он Джека и немного поставил его в тупик: всей той продуманностью, которая извергалась из его пасти.

— Какое окончание?! Мы даже еще и не начали, — усмехнулся Федор.

Джек и не знал, что говорить, Шарику в ответ: ведь в отличие от других, он воспринимал его очень серьезно, и тогда он решил сказать первое что пришло на ум:

— Шарик, мы приманка: уготовленная врагу... враг угрожает всему миру: во всем мире; твоя задача нас прикрывать и как только появляется угроза... ты всех спасешь: вот тебе и весь конец, конца всех планирований.

— Поставленная задача ясна... в моей компетенции, можете не сомневаться: предотвращение планетарной угрозы, моя специализация.

«Да, с ним уж точно не соскучишься, — подумал Сильвер и оценивающе глянул на Шарика, но кроме рыжей дворняги он больше ничего так и не увидел, а потом чтобы зря не тратить время, на пустые разговоры, сказал: — Планирование такое: преступник вышел именно с этого порта... ближайший населенный пункт, город Эдем... ну а там по обстоятельствам, —

потом он еще раз окинул Шарика, и эта говорящая собака, никак не могла «уложиться» в его голове, даже по сравнению с населением Галаксеи — явный перебор».

Крепость раскинула свои флагштоки в восьми километрах от портала, и по местным меркам — это обычное поселение, где располагается резиденция императора.

Эдем — столица империи Семена 33, что как под копирку схожа с другими подобными: двадцатью четырьмя столицами соседских империй. Город огорожен кирпичной стеной, высотой более десяти метров, под основанием которой тянется глубокий ров с водой, что со временем превратился в речушку, и оброс густым камышом. По приказу императора, в водоем запустили всеядных, и не перебирающих харчами — клоритов. Что упростило проблему с пищевыми отходами, которые, жители города скидывают прямо со стены в ров; ребятишки же кидают туда: бездомных собак и котов; зрелище, как от большой дворняги за считанные секунды не остается даже костей — очень веселит местных засранцев.

Массивные, деревянные ворота крепости днем открыты, и вход свободный, но на ночь: под засов и выставляется караул — зайти в город после десяти, если не знаешь охрану...

Шарик бежал впереди команды и вел, как заправский, дворовой пес. Джек смотрел на этого рыжего компаньона, а сам удивлялся: «Как это он с таким весом, и не оставляет следов». Собака виляя хвостом, первой вбежала в ворота города — деревянный мост ведущий через ров, даже не скрипнул. «Может Далатян пошутил...пятьдесят тонн...Хм! Но на него это не похоже», — подумал Сильвер, идя по мосту, который даже под его весом: скрипел и прогибался, а некоторые бревна имели явно ветхий вид.

В Эдеме царила: тишь да крыш, что имело место не только для этого города, но для тысячи ему подобных: люди, скот, и огромное количество диких животных на улицах — напоминало средневековую картину знаменитого художника, которая вдруг ожила. Запах навоза сильно бил в нос, и бродячие собаки одно нападали на рыжего, но тот гордо подняв голову бежал впереди, и не обращал на их провокационный лай: никакого внимания.

По устланной кирпичом дороге, подразделение шло просто вперед — где искать Готфильда... мысли отсутствовали. И то что, преступник, запросто, мог быть уже где-нибудь за двести километров от этого места, или например: прятаться в лесу — навеивало дурные мысли не только Джеку.

— Сэр! Ну что, куда дальше? — спросил Федор.

— Куда! Куда... где нет труда! От куда я знаю, куда. По одному ходить и показывать рисунок Готфильда опасно. Видишь, как на нас, тут зыркают: в таких местах чужака видно за километр.

— Может для начала, давайте куда-нибудь зайдем, и перекусим? А там заодно и узнаем, — предложил Марк.

— А что, идея неплохая! Надо же, с чего-то начинать.

Пройдя еще с метров сто они увидели вывеску, где красовалась надпись:

«Самогон-Шаурма Вино-Шашлыки Пиво-Раки».

Все же, одно вмешательство, в ход местной цивилизации произошло, и как-то самой собой. Когда бурлило нашествие туристов с Тронплекса: рецепт самогона попал в руки местных дельцов, и процесс был уже не обратим — этот крепкий напиток, пришелся по душе, простоватым жителям Арианы, и стал главным атрибутом почти каждого дома. Это был самый большой и единственный просчет земного правительства.

— Смотрите, с местными поаккуратней: спасти нас не кому, — предупредил еще раз Джек, при входе в кабак.

В заведении стоял сильный гул, хмельных завсегдатаев и по залу ходили полуголые девицы. Подразделение прошло за стойку бара, потому что, все места за столами были заняты.

— Собака ваша? — с отвращением буркнул бармен

— Да, моя! Есть проблемы? — в подобной манере ответил Сильвер.

— Нет, но могут быть... эй, Джованни, а ну выгони дворнягу! — тотчас крикнул он, недалеко стоящему пацану.

Шарик не стал дожидаться пока его начнут пинать, шмыгнул в открывающуюся дверь — навстречу, в драбадан упитому крестьянину, который полетел кувырком: споткнувшись о собаку.

— Дайте на по шашлыку... или кто, может будет... другое? — обратился он к остальным.

— Марку, шаурмы закажите, — злорадствовал Стив. — Он ее сильно любит!

— Сам себе закажи, — выпалил тот, и подумал: «И сюда эта хрень просочилась». — Мне пива, и раков побольше, уже очень тут они аппетитно выглядят, — пробасил Марк, провожая взглядом по пояс обнаженную официантку; барышня несла на подносе три огромных рака, весом больше килограмма каждый.

— Что и все?! Вино... пиво — только вчера завезли... все свежее... а может первачка желаете?!

— Спасибо, пока хватит и этого! А вместо пива еще раков.

Марк сделал кислое лицо, но настаивать на пиве, не стал.

Местная публика с подозрением смотрела на чужаков. Даже на мгновение стих тот гул, который был когда они сюда зашли.

— Жопой чувствую... рихтону: не одну челюсть, — хрустел пальцами Стив.

— В конфликт... только в случае острой необходимости, — предупредил Сильвер.

Джина достала портрет Готфильда и показала бармену:

— Вы случайно, здесь, такого не видели?

Бармен небрежно — мельком, глянул на рисунок, и тотчас ответил:

— Не знаю. Может и видел! Мне что с этого, много ли тут разного народу ходит? Что я должен всех помнить?!

Джек достал рюкзак с клепками... кинул ему пару бумажек: «Припомни, припомни». Бармен от увиденного количества денег: пустил слюну и открыл рот.

— А чего вы его ищите?

— Друг наш, — вставил свои пять кредитов Федор.

Бармен взял рисунок и поднес к глазам, начал внимательно рассматривать.

— Может и видел, сразу и не упомнишь, — сказал он и положил его обратно на стойку, а потом подозвал к себе мальчика: что-то шепнул тому на ухо, он кивнул в ответ, и быстро куда-то побежал.

— Если этот Готфильд и здесь начнет: зажигать огни большого города ... народ может подумать, что мы с ним за одно. Тогда нам, уж точно не поздоровится, — сказала Джина тихим голосом, повернувшись к Джеку.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Может это и опасно: ходить по одному, но с таким коллективом, как у нас... мы еще больше привлекаем внимания, чем если кто бы, заехал сюда на слоне...

— Вот ваши раки и шашлыки.

Шашлыки приятно пахли и порции оказались весьма внушительны. А знаменитые Арианские раки — это было что-то: размер этих «слонов» местной фауны: поражал своими размерами.

— Ох, не нравится мне это место! Не нравится...

— Слышишь, Ломоносов... ты тут еще будешь...хорош каркать, молча ешь и все, — грубо сказала Джина.

— Место как место. Шашлык тоже даже ничего. Сэр, может по маленькому бокальчику пивка? — будто невзначай проронил Марк.

— Я тебе дам пивка. Или ты уже забыл, что на работе?!

— Да я просто так спросил. Вы же сами сказали, что надо соблюдать конспирацию, а тут все бухают, и я подумал, что к такому мясу...

Прерывая мысль Марка, дверь заведения громко распахнулась, и в нее ввалилось двенадцать небритых рыл — одеты они были в кожаные плащи, а их головы покрывали такие же кожаные шляпы: в ту секунду, в заведении стало тихо.

Пройдя чуть вперед, от двери, они замерли: в стойке пойнера — пристально высматривая интересующий их объект. С заду, лохматого коллектива, выбежал Джованни, и в мгновение ока скрылся за стойкой бара — побежал на кухню.

Усач, который стоял впереди той компании, взглядом поймал Сильвера. Глаза этого ковбоя горели страстным желанием, а самого овладела горячка легкой наживы. Не теряя ни минуты он быстрой и уверенной походкой, подошел и сел за стойку — прямо возле Джека. Его коллектив последовал следом и стал с заду — окружив подразделение плотным кольцом.

— Кирилло, а ну пива, и поживей! — сказал усач и хлопнул рукой по стойке бара.

Потный бокал холодного пива, вмиг оказался на прилавке. Усатый подхватил пенное, немного хлебнул и крутнув свой зад в сторону Джека — демонстрационно сдул белую шапку с пива, прямо ему в лицо. Сильвер скрипя сердцем, утер лицо и как в ничем не бывало: стянул зубами очередной кусок мяса:

— Кирилло, а ну налей и мне пива, а то что-то мясо у тебя суховато.

Но тот стоял как вкопанный, потирая руки о фартук, и даже в мыслях не собирался делать то, что попросил его Джек.

— Я в этом городе знаю всех. А вас, что-то... не могу припомнить! — завел разговор усатый.

— Мы здесь проездом: ищем друга, — сказал Джек, и достал рисунок Готфильда. — Если ты всех знаешь, не видел такого? — протянул ему портрет.

Усач взял рисунок, и не глядя — со смехом, скомкал бумагу: кинул ему в лицо.

— Мне какое дело, что ты, кого-то там ищешь?! У нас недавно купца одного ограбили... а он мне денег должен. И говорят: грабители, как две капли, на вас похожи. То, что вы его бомбанули, мне до одного места, но его должок: вам придется вернуть!

— И много должен?

— О-о... и Василию с Петрухой и бородавочнику ... — указывал он пальцем на своих товарищей, а те одобрительно кивали.

После этих слов, все сомнения, что разговора дальше не будет — отпали сами собой. Джек стянул с шампура очередной кусок мяса: прожевал хорошенько, потом взял пиво, что стояло около усатого, и залпом, осушил его бокал — до дна. После вытирая рот рукавом сказал:

— Пиво здесь и в самом деле отменное.

— Да он оказывается, еще и шутник! — сказал усач повернув голову к своей банде. — Ты клоун, гони клепки... и может до старости и доживешь!

— У меня только мелкими купюрами. Такие пойдут?

Усатый улыбаясь смотрел на Джека, и уже в уме потратил все его деньги — подобный вид заработка являлся для него нормой и стилем жизни. В тот же час, как этот конюх, хотел еще что-то сказать: бокал под пива, оказался на его голове, и с звонким треском, битого стекла,

разлетелся в разные стороны — только ручка и осталась в руках Сильвера.

Небритая морда, ковбоя, с характерным шлепаньем: мешка с дерьмом, вмиг оказалась на полу, с разбитой головой, и не подавала каких-либо признаков жизни. Тут завязалась самая настоящая бойня — местные выпивохи стали на сторону банды усатого. Но драка быстро угасала, по мере того, как Джек и его команда, только начали входить в азарт. Увидев такое, бармен крикнул мальчику:

— Джованни, беги быстрее, зови Архипа!

Через некоторое время в заведении не было ни одного целого стола или лавки, все выглядело словно после нашествия диких животных на лагерь туристов: везде валялись и стонали, побитые «клиенты» бокала-стопочного заведения — бабы зажав сиськи руками, забились в угол и визжали, будто их резали.

— Да уж, не получилось по-людски, — подытожил Джек

— Сэр, но вы его и так долго терпели, — сказал Стив. — Я бы честно говоря...

— От ты честно говоря, и есть, кто ты есть... честно говоря, — сказал с пылу Сильвер, не хотел обидеть Стива, а потом небрежно достал с рюкзака горсть клепок, кинул их прямо в лицо перепуганного Кирилла: — Это, тебе за шашлык! И так еще: порядок наведешь.

Пообедать и не говоря уже о получении информации — не случилось. Подразделение в чуть подмятом настроении, направилось к выходу. Неожиданно, дверь резко распахнулась, и закрывая собой, дверной проем — ввалилось тело, что больше напоминало медведя, чем человека. В проходе зияла детина огромного роста и веса: рукава на рубаше были закатаны выше локтя, а по его волосатым и натруженным рукам — словно пожарные шланги — переплетались толстые вены, которые от сильного волнения еще больше прорисовывались, придавая громиле, и так безмерно, угрожающий вид. Из одежды на нем, еще были, брюхонские шаровары: заправленные в красные сапоги и кожаный фартук, подпоясанный широким ремнем — он крепил увесистую кувалдочку. Первое впечатление, что произвел кузнец: богатырский конь, на котором пахали двадцать четыре часа в сутки, кололи стероиды¹³ и кормили на убой.

Та первобытная сила, что излучал этот человек, ощущалась даже без ее демонстрации. И связаться с ним бы решился только, чтобы разве, больной на голову, и то бы, наверное, сначала подумал; у Джека и его команды даже в мыслях не было... Но эта горилла перекрыла выход из этого шалмана, и по его лицу можно было прочесть, что он пришел, именно по их души.

Кузнец еще постоял с минуту, тяжело переводя дыхание. «Наверное бежал», — подумал Джек не сводя взгляда с его кувалды ... и ему: ой, как не хотелось, связываться с этим типом.

— Кирилло... они?! — все еще громко сопя носом, голосом будто с винного бочонка, пробасил кузнец.

Бармен выглянул из-за стойки бара: утвердительно кивнул.

— Что это вы разбойничать в наших краях надумали?! — снова послышался голос словно из громкоговорителя, и кузнец медленно двинулся в сторону подразделения.

Ответить ему было нечего, да и навряд ли бы это их спасло: парень в голове был абсолютно пуст и их объяснения могли только еще больше разозлить его.

— А ну отойдите. Хоть и не моя весовая категория... — пробурчал Стив и кинулся на кузнеца.

Тот поднял руку, сжатую в кулак, и она маленькой наковальней опустилась на голову Стива, тот сразу упал без чувств, у его ног. Следующая попытка Марка с Джиной тоже не увенчалась успехом. Два прямых удара кулаком отправили их в нокаут и они отлетели до стойки бара. Джек вынул нож и принял боевую стойку. «Зачем я его достал. Если он достанет кувалду, то меня это не спасет», — подумал он. Нож засверкал в искусственном освещении, и

¹³ Стероиды — химические препараты, влияющие на ускоренный рост мышц (признаны допингом и запрещены для употребления спортсменами; используются в животноводстве при выращивании скота)

световой луч отраженный, зеркальной поверхностью, блеснул по глазам кузнеца.

— Это еще что за чертовня?! — забасил кузнец, а сам будто прочитав мысли Джека: взял кувалду наизготовку.

Ломоносов попятился за спину шефа и подумал: «Конец... этой кувалдой он точно... как пить дать...» — и теряя всякую надежду, громко закричал:

— Шарик, спасай... убивают!

Рыжий вбежал в открытую дверь и остановился сбоку кузнеца.

— Шарик, наша жизнь под угрозой, планета, галактика... все в большой опасности: сделай что-нибудь! — кричал перепуганным голосом Федя.

— Не вижу прямой угрозы для вашей жизни, — спокойно сказал тот и вильнул хвостом.

— Ты что слепой?! Глянь в бок.

— У этой особи нет ни малейшей возможности, противостоять Джеку: моя помощь здесь будет лишняя.

— Если ты так шутишь, то твои шутки сейчас не уместны, — произнес Сильвер.

Кузнец, глядя на Шарика, перекрестился три раза подряд, и голосом как у попа сказал: «А ну нечистый сгинь! Дьявол рыжий!» — потом он со всего размаху, нанес кувалдой удар в сторону собаки. Но Шарик ловко отскочил в сторону и кувалда пройдя мимо, врезалась в большую деревянную колоду, которая подпирала крышу питейного заведения. Послышался треск ломающегося дерева, и колода разлетевшись на две части, упала на пол — крыша посыпалась, и пять увесистых досок свалилось на голову Архипа. На что тот никак не среагировал, а только что-то громко рыкнул и подняв голову: посмотрел вверх — опять перекрестился и громко сказал: «Врешь нечистый! Не возьмешь!», — и кинулся на рыжего.

В погоне за Шариком, кузнец разошелся не на шутку — кувалда летала со стороны в сторону грома все, во что попадала. Заведение уже не спас бы никакой капитальный ремонт. Рыжий ловко маневрировал с места на места, не давая неповоротливому громиле, ни малейшей возможности: в его погоне за ним. После десятка удачным перемещений по заведению, Шарик прыгнул на барную стойку и сказал:

— Джек, заканчивай с этим цирком.

Кузнец в ту же секунду, с криком: «А-а!.. Нечистый!» — разнес барную стойку в пух и прах: бочки с вином летели в разные стороны, будто это были не двухсот килограммовые емкости, а пустые ящики под картофеля, а Шарик тем временем, был уже с противоположной стороны — спокойно наблюдал, за представлением.

Утомившись в бесперспективной охоте за собакой: кузнец повернул свой дикий взгляд в сторону Джека, и насупил брови — лицо стало красным и казалось, что вот-вот, из его носа и ушей, пойдет пар. Переложив кувалду в другую руку, он с воплем: «Имела жаба гадюку!» — кинулся в его сторону.

Джек уже не думал, что делать дальше, все происходило в автоматическом режиме: отработавшем за долгие годы службы на Федерацию. Он подпрыгнул и его правая нога полетела в сторону головы кузнеца, не ощутив и малейшего сопротивления она пронеслась прорезая воздух — Сильвера развернуло на сто восемьдесят градусов, и он не удержав равновесия упал прямо в ноги Архипа. «Это же надо, промахнулся: наверно старею. Ну вот и все: конец. Сейчас он меня своей кувалдой: точно добьет... но на прощанье... автограф оставить придется», — множество тревожных мыслей промелькнуло за одну долю секунды. Джек поднапрягся и нанес удар: ножом, чуть выше колена.

Мозг оказавшись в экстремальной ситуации, работал на сто процентов; тело сгруппировалось, и неожиданно сам для себя, Сильвер, от легкого толчка ногой, резко выпрыгнул в сторону, на три метра — два раза перекувыркнулся и уже был возле стены: в безопасном месте.

Тело Архипа, с треском сухого дерева, доломало с заду стоящий стол — легкий туман половой пыли отбил контур, брэнного тела. Нога этого «богатырского коня» будто вкопанная, осталась стоять на том же самом месте.

Джек после минутного выжидания, с осторожностью, направился до тела громилы, и был готов на все; и то что кузнец может неожиданно кинуть в него свою кувалду, тоже не исключалось, но Архип лежал спокойно и не подавал признаков жизни. «Может заманивает поближе», — думал Сильвер ступая размеренными шажками, в его сторону, но когда он подошел совсем близко: большая лужа крови, дала спокойно вздохнуть. Пол головы кузнеца, было срезано: будто ножом по маслу. Глянув на свой красный сапог, Джек подумал: «Все-таки не промазал, и борский мафригам настоящий. Надо быстро смыть... пока кровь не засохла. Вот это нога, даже удара не ощутил!» Он подошел к покосившейся бочке самогона, с которой струился, чистый как слеза: полублагородный напиток — намочил платок и с должным усердием начал смывать следы крови.

Стив пришел в себя первым.

— От козед, аж голова болит... кто его так? — сказал он вставая с полу и подойдя к телу Архипа, сильно ударил его ногой в бок.

Федор молча кивнул в сторону шефа. Он был под сильным впечатлением, и в его жизни, до этой минуты, не было, ни одного подобного случая, что могло бы по-настоящему угрожать его интеллигентно-интеллектуальной сущности.

— Давай приводи Марка с Джиной в чувство, и надо быстро линять от сюда, — сказал Джек, заканчивая смывать кровь.

Стив взял пустой бокал и нацедил половину, холодным пивом, потом подошел к Марку и с улыбкой до ушей вылил ему на голову:

— Хорош валяться. Подымайся!

Джину же он, нежно похлопал по щекам и отпустил, три легких щелбана по носу.

— Что за ураган, здесь прошел? — сказала Джина, когда пришла в себя.

Большая часть крыши забегаловки обвалилась, и Большой Зирк кидал косые взгляды, изобличая следы веселой заварушки. Упавшие со стен свечи, подпалили облитую самогоном лавку, и в заведении начинался пожар.

Марк открыл глаза и молча, не говоря ни слова: встал, и сразу направился к пивным бочкам, где отвел душу, светлым «Кучумским паном» — не обращая внимания на шефа. На что Джек сделал вид, близорукого крота — да и сейчас, было не до того, время играло не на их стороне и надо было быстрее делать ноги, пока не пришла помощь в виде солдат.

— Советую здесь долго не задерживаться. Дым от пожара скоро будет замечен и вражеские силы могут прибыть в любую минуту, — прокомментировал обстановку Шарик.

На что ему никто не ответил ни слова, а в присущей манере: бывалых солдат — не суетясь, покинули забегаловку.

Команда спокойно, но в быстром темпе последовала к выходу из города. Возле ворот они неожиданно наткнулись на местный патруль из трех человек. Копья дружины, сверкали полированной поверхностью своих пик, а увесистые, кованые мечи, на поясе охраны — не оставляли права выбора.

— Так, кто такие?

— Куда следуем?

После тех событий в баре, объяснять: что, да как — резона не было. Через секунду патруль уже валялся без сознания: на бревенчатом мосту, через ров. А для пущей надежности, Марк с Стивом покидали их в речку.

— Просвежиться, вам ребята... не помешает, — говорил Марк когда закидывал туда последнего из трех солдат.

Но просвежиться им было не суждено. В ту же секунду: вода вокруг них забурлила, и сложилось ощущение, что это не речка, а кастрюля с кипящим борщом. Послышались громкие крики ужаса, пришедших в себя охранников, которые во все горло звали о помощи, но к сча-

стью Джека и его команды, эти крики продолжались, недолго.

— Ну и новости! — удивлялся Федор, резво отпрыгнув от кромки моста. На что Марк громко рассмеялся, схватил Ломоносова за пояс, сделал вид что хочет его бросить туда же.

— Отставить, заниматься... — буркнул Джек, а сам не сводил глаз с водоема.

С воды начали выпрыгивать и сразу нырять обратно — существа с головой небольшого крокодила, и с телом змеи. Охранники выскакивали с воды, на считанные секунды: подкидываемые этими существами, и каждое последующее их появление над поверхностью, оставляло на них все меньше и меньше плоти — бурлящие потоки «кипящей» жижи, багряной зыбью отбивали по берегам рва. После шестого, седьмого их появление на глазах удивленного подразделения — показались только отполированные черепа, которые мелькнув лишь один раз, ушли в небытие. Вода через минуту стихла и разошлась тремя большими кругами. Потом на том месте вынырнула голова клорита: оглянувшись по сторонам он задрал морду, и посмотрел на мост, на замороженные физиономии команды — громко застучал зубами в их сторону.

— Ах, ты сукин сын! — не удержался Сильвер и взял из-под ног копьё. — Видели, мы зубы и побольше, — и с всего размаху кинул его в голову клорита.

Острые пики попало в открытую пасть диковинного животного, и пройдя насквозь — вышло с другой стороны головы. Существо в тот миг ушло под воду, и опять все повторилось, только над поверхностью оно показалось один раз. Вода снова разошлась кругами, легкая голубая зыбь отбилась по берегам — и никто больше не выныривал. Подразделение еще с минуту, с ожиданием зрелищ, смотрело на водоем.

— Хорошо хоть не лето, а то бы... и поминай как звали. Могли бы хоть вывеску повесить, что осторожно... — пробовал возмущаться Федор, а Марк снова подколот Ломоносова, дернув рукой в его сторону, на что тот, как угорелый, прыгнул на метр назад и сказал, если он хочет померяться силой, то прибытию в Тронплекс, он ему это устроит: опять пугал боевым киборгом.

— Если не успокоитесь, дам по шее: одному и другому... копьё и мечи на плечо... руки в ноги и за мной, а то дождемся, что и нас здесь скупают, — сказал Джек и развернувшись, побежал в сторону леса.

Команда быстро добежала до леса — хоть расстояние было и небольшое, но Федя уже ели передвигал ноги и плелся сзади.

— Ломоносов, ты наверное хочешь, чтобы за тебя, нас всех повесили. Давай быстрее!

— Сэр, не могу, аж в боку колет.

— Стив, и ты любитель пива: давайте сюда оружие, берите этого... и не отставать!

Не имея карты и без всяких ориентировок: подразделение бежало без оглядки — у команды была только одна цель: как можно скорее оказаться в безопасном месте.

Форсировав две речушки, бежав сломя голову и пробираясь по зарослям Арианского леса: бог знает куда — под вечер, они были, уже в пятнадцати километрах от города, в глубь леса. Все приземлились в впадину оврага и тяжело дыша, переводили дыхания. Один Шарик спокойно сидел на краю оврага и лизал...

— Скоро стемнеет, надо разбить лагерь; противник далеко и не представляет опасности, — слышалось со стороны рыжего: ровно через шестьдесят секунд — столько ему потребовалось на собачьи ритуалы.

В первоначальный план Джека такая ночевка не входила — остаться в диком лесу, да еще без еды и оружия, и учитывая, что на дворе поздняя осень — это не предвещало никакого комфорта, не говоря об потенциальной опасности со стороны диких животных.

— Та дай, хоть немного передохнуть, а то, что-то, аж ух, — тяжело дыша сказал Марк.

После того количества пива, что он хлебнул перед этим, то этот марш бросок дался ему тяжелее всех, за исключением Федора — тот совсем был ели живой.

— Шарик прав, надо что-то вроде шалаша смастерить, а то на улице не лето, да и дров бы, не мешало... заготовить. Значит я... а вы будете шалаш строить.

Джек углубился в лес метров на сто, достал нож, и приступил к заготовке дров и бревен для шалаша.

Управляться по дереву криптонитовым ножом — это что разрезать хлеб на кусочки. Шум от падающих деревьев разносился за сотни метров, и можно было подумать, что работает лесозаготовочная артель. Не прошло и двадцати минут, Сильвер заготовил дров на хорошую зиму и бревен на три шалаша.

Возвратившись обратно, его взгляду предстала картина Тпрутпрункевича «Отдых на природе» — никто даже и не думал ничего делать, все лежали на голой земле и смотрели в небо.

— Ну что, девочки и мальчики. Так дело не пойдет. Бревна, для шалаша я заготовил, и дров нарубал, поэтому у вас есть ровно один час, чтобы построить шалаш, а костер я уже, как-нибудь, сам разведу. Время пошло!

— Сэр, а чем вы там рубали. Топор вы вроде с собой не брали ...

— Джина, ты меньше разговаривай, а лучше иди вместе с Федором и нарежьте пропона. Шалаш ведь надо чем-то связывать.

Уже в темноте они накрывали шалаш ветками ели. Под четким руководством Шарика, а также по его проекту, получилось не место для однодневной ночевки, а добротный блиндаж, что находился в овраге и был замаскирован по всем правилам военного дела.

Команда сидела у костра, который распалили в соседней ложбине. Шарик высчитал что костер разведенный в таком месте, не виден врагу — и настоял на этом.

— Тепло, хорошо! Плохо только, что поесть нет, — сказал Марк с сожалением, а сам подумал о том раке, которого он так и не успел попробовать.

— И деньги там остались, — прояснил положение дел Джек.

— Погрелись и хватит, надо выставить дозор. Враг может напасть в любую минуту, — перебил мысли о еде, рыжий.

— От ты Шарик, и иди в дозор... — ответил ему Стив.

— Сам придумал сам и иди, — поддержал Марк. — То говорит врага нет, то уже есть... не поймешь

— Учитывая то, что людская сущность не представляет для меня, даже и малейшей угрозы. Не вижу необходимости беспокоится за свою безопасность, а если принять во внимание: стратегию и тактику военного дела, и из опыта прошлых военных мероприятий ...

— Хватит вам тут спорить. Я первый дежурю, через два часа, ты меня сменишь, Стив. Сейчас всем спать и тушите костер, — сказал Джек и удалился в ночную мглу.

Он знал не с разговоров, чем может закончиться сон в тылу врага, и у него не было ни малейшего желания, оказаться утром с перерезанным горлом.

Поспать толком так и не удалось, по причине того что Шарик, всю ночь проверял дозор и пять раз за ночь: по тревоге, поднимал всех на ноги.

Утром распалив костер все сидели молча, и слушали как от голода у них бурчит в животе.

— Сэр, надо бы чем-то подкрепиться, — предложил Марк.

— Да я знаю, что поесть бы не мешало, но... днем в город соваться, очень опасно...

— А ночью смысл какой?! Поесть то одно... но мы ведь, даже не знаем... где, то чудо безухое, якорь кинуло. Может его уже давно, там нет, или вообще никогда не было.

— Что тут на Ариане один город, — влез в разговор Стив.

— Насчет этого вы правы... но на пустой желудок... пойдем значит на охоту, а ты, Джина, останешься огонь поддерживать.

Вдохновленные решением шефа, подразделение шло по лесу и смотрело по сторонам: чего бы раздобыть, такого съестного.

Лес переполняло множество разнообразных¹⁴ животных: два раза рядом пробежал олень, и прямо на них выбегала дикая будунья с лаконятами. Марк погнался за ней с мечом, и вернулся только через пятнадцать минут: громко сопя носом и вытирая пот со лба, он еще с минуту удивлялся:

— Как они с этим охотятся?..

— Для результативной охоты необходимо: ставить самоловы, использовать ловчие ямы и капканы, а чтобы поймать дикую будунью, за ней необязательно гонятся с мечом... что мало эффективно и нецелесообразно, — разъяснил Шарик и уже никому не надо было объяснять, что если кто бы его, попросил рассказать поподробней, то без сомнения, можно было бы услышать первоклассный, академический доклад: с множеством примеров и уточнений.

— Шарик, мы это без тебя знаем, но капканов у нас нет, и рыть ловчие ямы... на все это, надо время. Мы же не собираемся, здесь жить, — ответил ему Джек.

Они ходили и кидали копыя по диким животным, но ни одно из них, так и не достигло цели, то ли день такой был, то ли так кидали — и это только раздражало и вдобавок очень хотелось есть.

Неожиданно, в метрах десяти: перед ними, выбежал жирнющий маркап, который уселся на открытой местности, с любопытством наблюдал за необычными гостями и сразу было видно, что животные здесь не пуганные. Команда замерла, не зная, что и делать.

— Ну что, опять копые кидать?! — спросил сам у себя в голос Стив.

— Шарик, а ну взять его! — сорвалось с языка у Федора.

— Что значить взять? — посмотрел на Ломоносова рыжий.

— Ату его! Ату, Шарик! — азартно закричал Стив.

— Если бы моя сущность, была наделена эмоциями... есть много способов...избежать первобытной дискриминации... командуете мной как собакой. Нехорошо получается! Я же вами не командую, даже если учитывать воинскую субординацию в чинах или вашу фазу интеллектуального развития...

— Какая там фаза, какая субординация... собака она и есть собака, даже говорящая, и у тебя должен быть охотничий инстинкт. И лучшей возможности, чтобы это продемонстрировать, и не придумаешь, — сказал Стив, а сам не сводил глаз с маркапа.

— Я не собака.

— Вроде, на льва не похож. Э-э!.. Толку с тебя ноль, даже как с собаки! — высмеял его Марк.

— Еще раз повторю, для тех, кто в броне-шлеме: я не собака, а нахожусь в образе собаки.

— Так, а кто ты? Больше похож, конечно на бобика, — вставил свои пять кредитов Федор.

— Объяснять вещи, не подвластные вашему мировоззрению, это пустая трата времени, а образ собаки выбран не случайно. Собака — символ друга, для человека, обозначает: верность, преданность и ассоциируется...

— Шарик, это конечно хорошо, но по сравнению с тобой, кушать нам хочется всегда, а пока ты говорил и маркап сбежал, — перебил его Сильвер.

— Я могу спланировать и организовать добычу любого животного, — тут же, заявил рыжий.

— Я тоже могу, но на это надо время, а у нас на выполнения боевой задачи три дня: день уже прошел, а если мы будем планировать и сидеть в засадах. То просто на просто, на быто-

14 На Ариане присутствуют все виды флоры и фауны что есть на Земле, а также множество, не только местных, но и очень чуждаемых представителей: разнообразных видов, и классификаций.

вые проблемы у нас уйдет времени, больше чем ... сейчас нам надо подкрепится и заниматься делом, — обозначил приоритет Джек.

Шарик молча мотнул хвостом и ни сказав ни слова, побежал в глубь леса.

— Говорил, что толку с него ноль. Учит, учит... лучше мы бы с собой киборга взяли, с ним бы точно, с голоду не пропали... и на дозоре стоял бы за всех, — с грустью высказался Марк.

— Некоторым полезно и поучиться, — проясвил Федор.

— Ты это что имеешь в виду?!

— Хватит тут вам. Что за день такой: охота не клеится, собака не собака... и еще обижается! Надо разделить, и может кому-то и повезет. Федя ты со мной, а вы двое... через час встречаемся в лагере.

Джек с Ломоносовым бродили по лесу больше часа, а так ничего и не добыли. Разочаровавшись в методах охоты «без оружия», они молча шли в сторону лагеря. С далека виднелся дым костра — Федор задрал нос по ветру: начал активно внюхиваться в воздух.

— Вам не кажется, сэр, что жареным мясом пахнет?

Джек, на всю грудь, вдохнул свежий воздух Арианского леса, но кроме как горько запаха: сальматийской ветхильи, куст которой рос в шаге от него, ничего больше не учуял.

— То тебе, Федя, с голодухи причудилось.

Голодный разум Федора высказывал свои предположения о возможной еде, что добыли Стив с Марком, но Джек только сказал, что гадать нечего — подойдем увидим.

При входе в лагерь, Сильвер, обратили внимания на Марка, тот сидел на корточках возле костра, и что-то поджаривал на огне.

— Сэр, а где Шарик? У этих спрашиваю... толком ничего не говорят, — спросила еще с далека Джина.

— Бес его знает, где тот Шарик.

— Наверное, что-то планирует. Куда пошел не сказал... короче где-то по делам... а то мы его с мысли сбиваем: он же теперь не собака, — с насмешкой сказал Федор.

— А кто? — поинтересовалась Джина.

— Вот появиться, ты его и спроси.

— Вы что-то там, все-таки раздобыли! — сказал Джек подходя поближе к костру.

Марк поймал ежика и был очень этим горд. За час охоты — это хоть, что-то, чем можно поживится.

— И ты собираешься это есть? — сделал отвращенное лицо Ломоносов.

— У тебя есть другое?

Все сидели вокруг костра и наблюдали за Марком, как тот ворочает ежика: нанизанного на деревянную рогатину; едкий дым, резал глаза повара и он одно их щурил, но со знанием дела ловко крутил шипящее мясо, со стороны в сторону: подставляя по очереди разные места — для лучшей прожарки.

— О! Уже почти готов, еще минут пять и можно есть.

— Можно. Только есть нечего: на один зуб. Ничего ночью пойдем в город, там обязательно чем-нибудь разживемся, — обнадежил Стив.

Неожиданно, со стороны леса, послышался громкий шум и треск веток. Через заросли к ним пробиралось то, что заставило всех оставить свои дела — по шуму создалось впечатление нечто большого и опасного. В спешке похватав мечи и копыя команда была готова ко всему; ежик, которого жарил Марк упал в костер и запахло паленым мясом.

И тут на их удивление: с кустов показался рыжий хвост, а потом и остальное; и это был никто иной, как Шарик и он будто бронированная машина для дробления камня — ломая

кусты, тащил зубами что-то очень большое. Еще два рывка и перед изумленными взглядами подразделения, предстала туша, самца оленя — килограмм на четыреста.

Удивлению не было предела, и они с круглыми глазами, смотрели, то на оленя, то на Шарика.

— Ну, Шарик, ты и даешь: так напугал, думали дикий медведь... про кабана уже молчу, — высказался Федор.

— Этих запасов мяса, вам должно хватить для пополнения своих энергозатрат, и по моим подсчетам, этого более чем достаточно, для команды из пяти человек. Быстро готовьте: пополняйте свои энергозатраты и надо продолжать нашу миссию.

— Шарик, чего-чего, но такого, я от тебя не ожидал. Молодец! Теперь есть что поесть, — был доволен ходом дела Джек.

— Есть два способа решить проблему: собственно, решать пока не решиться, или же полностью игнорировать. Вы почему-то выбрали первый способ. Добыча пропитания, для вас оказалась непосильной задачей, и ставило под угрозу срыва, всю нашу миссию. Этого я не мог допустить.

— Ох и Шарик! Ох и Шарик! Ты как любящая мать. Слова что ты бесполезный беру обратно, — сказал Марк и ловко управляясь ножом, начал разделывать тушу оленя.

— Кто в дозоре? — сходу спросил рыжий.

— Иду, иду, иду, — выпалил Стив

Через два часа, команда довольствовалась, мягким и сочным мясом оленя.

— От наелся, так наелся, еще бы пивка запить, — проговорил Марк.

— Мы за тебя очень рады, что ты пива хочешь, — буркнул, с полным ртом мяса Джек, потом тщательно прожевал и добавил: — Поесть, это конечно не последнее дело, но что будем делать дальше? Ходить и показывать портрет по городу уже вряд ли получится. Если нас там поймут, то точно повесят. А как говорит Шарик... то я тоже, не могу этого допустить.

— Если мы бы знали, где этот Готфильд, то могли бы его ночью: раз и утром уже домой, — размечтался Федор.

— У меня такое ощущение, что здесь его можно ловить годами, так и не поймать. Местность здесь для маскировки очень благоприятная. Вот как у нас например, шалаш, еды почти на месяц. Кто тут нас найдет?! — высказалась Джина.

— Может Шарик укажет портрет и попросим его найти Готфильда, — предложил Ломоносов.

— Ты что забыл, он же не собака, — усмехнулся Марк.

— Никто и не говорит, чтобы он след брал, — решил, сделать очередную попытку, выйти на контакт с бобиком Джек: вытащил с плаща рисунок преступника и показал этой рыжей бестии. — Шарик, а ну глянь на эту морду.

— Ничего у вас не выйдет, — обрубал тот.

— Все-таки ты был прав Марк: Шарик и правда не собака, — разочаровался в своей попытке Сильвер.

— Во-первых, то что я не собака, это факт, который уже давно, должен был дойти до вашего несовершенного сознания; во-вторых, как вы себе это представляете: ходит собака по городу, стучит в каждый дом и показывает этот некачественный рисунок — бред и то бывает правдоподобный; в-третьих, чего я должен его искать, если вы и без меня с этим прекрасно справитесь? Единственное, чем я могу помочь, в данной ситуации, так это спланировать поиск и поимку данного человека. И самое главное: задача, посильна вашему естеству — не должна понапрасну тратить мои ресурсы, вот если ...

— С Шариком все ясно, его надо три дня уговаривать, что бы он погавкал, и три дня слушать его профессорские доклады: по любому поводу, — выразился Федор.

— Зачем мне гавкать? Это бесполезное свойство присущее млекопитающему рода собака, и также еще некоторым его видам.

— От я и говорю, с тобой все ясно.

— Когда собака гавкает и злобно рычит, люди обычно боятся. Мог бы например напугать врага, — развил дальше мысль Марк.

— Собака лает, а караван идет: не с вашего ли фольклора, и что это за примитивные рассуждения о страхе?!

— Не трогайте Шарика, он никого не собирается пугать, он и так нас с голода спас, а то бы сейчас ежей ели. Он хоть и не гавкает, а в данном случае пользы от него больше чем от тебя, — улыбнулась Джина в сторону Марка.

Марк с ухмылкой глянул на Джину, и уже было хотел: сказать что-то в ответ, но потом передумал — махнул рукой в ее сторону.

— Напугать гавканьем... очень примитивно... лающая собака обычно не кусает, угрозу представляет особь оголяющая передние... издавая громкий рык, подобный... — здесь рыжий уточнил, со свойственной ему энциклопедичностью, — ...И кого этим можно напугать, зайцев или птичек? В моем арсенале имеется средство, более эффективное для подобного воздействия.

С леса появился Стив, ему надоело сидеть на том дереве и выглядывать по сторонам — очень хотелось есть: запах аппетитного оленя веял за добрые сто метров.

— Что это вы сами наелись, а меня не зовете?

— Сейчас перекурим и пойдем на разведку: в сторону города... пока Шарик тут всех перепугал, давай ешь, — сказал Джек, а сам только еще больше подбил свое желание закурить, ведь со всей той конспирацией и спешкой, про сигареты думать не приходилось. «Ну ничего неделю терпел, а тут три дня...» — думал он с сожалением, потому что закурить после такого сытного обеда, а потом бы еще и кружечку крепкого зеленого чая: он бы многое за это отдал.

— Шарик не смейся. Чем ты можешь напугать: злобно зарычать?

— Я два раза не повторяю, но для тех, кто из леса: скажу, что в моем арсенале имеется более эффективный способ, для воздействия: чувством страха на людское сознание... страх с определенной... особенно на человека, с его тонкой организацией, нервной системы...

— Ты уже тут на диссертацию наговорил: профессор! Меня ты сможешь напугать, только своими заумными словами... А ну давай, напугай: по-настоящему! О! Боюсь, что аж не могу, — начал куражиться Марк.

— Демонстрация боевого воздействия: страхом, без явной угрозы, не считается допустимым действием.

— С Шариком разговаривать, это что небо красить, — сказал Федор и громко засмеялся, и все одобрительно заулыбались.

— Небо красить?.. — поставил вопрос рыжий и со своими заботами о здоровье Ломоносова рассмешил коллектив.

— Шарик, я с тобой полностью согласен, без явной угрозы: никогда. Но откуда мы узнаем, что ты кого-то пугаешь. Ведь мы можем подумать, что это угроза от противника и даже с перепугу атаковать тебя, — схитрил Джек, и вступил в ту игру, которую затеял Марк.

— Это вы, сэр, правильно подметили. Откуда нам знать, он это или не он.

— Логично! Но психическое воздействие на чувство страха, у человека, может привести к летальному исходу... демонстрация с максимальным уровнем воздействия, невозможна.

— Не надо максимально... ты нас так: для виду, легонько пугани, — не унимался Марк.

— Хорошо! Демонстрация психоделического воздействия страхом: без визуализации. Может быть оправдано в данном контексте.

— Че там, без визуализации. Ну и слово придумал. Давай с ней, — сказал Стив и откусил большой кусок мяса.

— Визуализация предусматривает только сто процентную силу воздействия. А сейчас встаньте, возьмитесь за руки и вспомните свой самый большой страх, это надо чтобы не сильно травмировать вашу психику.

— Какие руки: давай так, а то прям как в детском саде... — хихикнула Джина

— Мы ведь то и не очень пугливые, — добавил Марк

— Нет, это не просьба, а условие. Встаньте и возьмитесь за руки, демонстрация психоделического воздействия страхом будет длиться тридцать три секунды... — отсчитал он до тысячных долей.

— Почему так мало? За такое короткое время, мы возможно и не успеем перепугаться, — сказал Джек согласно окружающей обстановке, а сам подумал, что хоть незначительная, но все-таки победа над Шариком была. И им удалось развести это существо два раза: первый раз непреднамеренно — с добычей еды, и второй раз получился тоже, как-то само собой, ради развлечения: после столь сытного обеда, и это был огромный шаг, по налаживанию контакта с «Это». «Если собака не собака, киборг не киборг, то только «Это»», — придумывал Джек, более подходящее описание, этому спасителю миров.

— Насчет времени вы, сэр, точно подметили, я вот помню нас бомбили, а я думал, что гроза: пока туда сюда, все и кончилось, — добавил Стив.

— Хорош жрать! Давай становись, очень интересно как он будет пугать, — выпалил Марк.

Подразделение взялось за руки, а Шарик отбежал и стал на расстоянии тридцати метров. На лицах команды сияли радостные улыбки, и они между собой выдавали разные шутки в сторону собаки, по поводу его пуганья, или как он там говорил: «Психоделическое воздействие страхом».

— Готовы? Готовность двадцать секунд, — сказал он и начал отсчитывать в обратном порядке.

— Та давай сразу, а то уже уморил, — сгорая от любопытства крикнул Ломоносов.

Шарик стоял неподвижно — после цифры ноль, его глаза засветились красным и послышался ужасный рев, от которого у Федора даже немного подкосились ноги; улыбки на лицах подразделения пропали в секунду.

— Это и все?! — закричал Марк.

Рев, который лился со стороны Шарика, был громким и можно даже сказать: страшным, и если бы он бы появился неожиданно, то и вправду можно было сильно испугаться. Но по причине того, что угроза спланирована и каждый из них ожидал: может и не такого — но все равно ожидал, то такое пуганье не произвело сильного впечатления, что прям уж совсем: ух! Только по Федору было заметно, что для него: ух! — где-то, совсем рядом и его удерживала только крепкая рука Джека.

После двенадцати секунд подобного воздействия, со стороны Шарика, в сторону подразделения, пошла ели уловимая глазом, неизвестная, энергетическая волна. Дойдя до них, она замерла и равномерно развеялась во все стороны: вокруг — окружив команду плотным, невидимым кольцом. И в ту же секунду, их одолел жуткий страх. Рев продолжался с той же силой, но страх увеличивался с каждой долей секунды; что было неподвластно сознанию: химические процессы, наряду с нейрофизиологической перезагрузкой рецепторов — реагировали по четко записанному графику из вне, и не подчинялись воли мыслей.

Ведь если учитывать, что не только явных, а вообще либо каких угроз не наблюдалось — ощущение для восприятия, было не из легких, и накручивалось все больше и больше: охватив каждую клеточку их плоти — казалось, что смерть рядом и конец неизбежен.

Джек выхватил нож и принял боевую стойку остальные сделали тоже самое. Один Федор сломя голову кинулся в глубину леса. Такого чувства страха — Джек не испытывал никогда. Казалось, что кровь в жилах превратится в лед и они вот-вот взорвутся, от всего того давления и нервного напряжения, что испытывало тело; сердце билось будто у загнанного зайца, и в любую секунду было готово разорвать грудную клетку, чтобы быстрее выпрыгнуть наружу и запрятаться в безопасном месте; волосы на висках Джина поседели в считанные секунды, а у Марка из носа пошла кровь.

Как все это внезапно началось, так быстро и кончилось, но и этого было более чем достаточно — казалось, что прошла вечность. Все стояли с оружием в руках и перепугано оглядывались по сторонам. Тут Стива стошнило и он упав на колени: вывалил себе под ноги весь свой завтрак.

— Самочувствие, Стив, не аппетит... но тоже имеет, две стороны вопроса! Сильно не переживайте, через пятнадцать минут ваши физиологические показатели придут в норму, — сказал подбежавший Шарик.

— Сэр, если у вас есть поводок, попрошу взять на него Шарика, — выдавил из себя Стив.

Ближайшие десять минут все молчали, и никак не могли отойти от пережитого. «Напугал так напугал. Но так нам и надо, сами напросились. И я как дурак, этому еще содействовал», — думал Джек стоя опершись об дерево, и его желание тоже опустошить желудок, он еле сдержал.

— А где Федор? — спросила Джина потерянными голосом.

— У страха глаза велики. Думаю, что он очень и очень далеко. У людей с незакаленной психикой, последствия подобного воздействия как правило в три раза больше.

— Так, Шарик, теперь когда будешь кого пугать, обязательно предупреждай, и это тоже не просьба, а приказ, — тихим голосом сказал Сильвер.

— Вот откуда олень: запугал бедолагу до смерти! — глотая слова сказал Марк.

— Способ психического воздействия на животное: которое не имеет должного интеллекта, не является эффективным. Для умерщвления или ликвидации теплокровного существа, в моем арсенале, имеется множество других способов, что во многие разы, превосходят данный вид психической атаки ...

— Верим, верим, тебе: Шарик, или кто ты там, — подымаясь на ноги вымолвил Стив.

Мысль, то что не собака, так это точно: дошло теперь до всех — и в полной мере. И если бы они сразу, приняли «Это» с должным пониманием, то такого нервного потрясения можно было бы и избежать. Но в силу того, что по своей натуре человеческая сущность живет по принципу: пока гром не грянет, мужик не перекрестится — все это было хорошим уроком на будущее.

Шарик теперь вызывал какую-то боязнь и неизвестность: в его дальнейших поступках и планированиях; и о каких способах умерщвления он там говорил, можно было только догадываться, но проверять этого, даже в мыслях — не у кого не было. Джеку, сразу вспомнился, разговор с Далатяном, насчет командования собакой; и это только лишний раз напомнило о совершенных технологиях гелтов; о чем теперь оставалось лишь сожалеть: в своей прежвременной недооценки Шарика, когда он пошел на поводу у всех, и можно так сказать, способствовал всему этому, ставя под угрозу жизни каждого из членов подразделения — где был Ломоносов Сильвер даже и не догадывался.

Все сидели и ждали Федора. Марк жарил оленя: чтобы мясо не пропало, и это был такой гигантский шампур из лутовой палки, на которой вертелась целая туша.

— Может кто еще, мясо хочет: олень пальчики оближешь?! — спросил он и сморщил лицо, от днувшего клуба дыма.

— Ты что хочешь, чтобы мы его за день съели, его и за месяц не осилишь! Даже с твоим аппетитом, — сказал Джек.

Через два часа появился Федор. Лицо его было бледным и выглядел он, не совсем здоровым.

— Федя, где ты был? Мы уже начали за тебя беспокоиться, — приветливо встретил его Стив.

Тот молчал уселся у костра, не сказав ни слова.

— Поешь мяса... Марк, а ну отрежь ему кусок, — сказала Джина.

Марк отрезал кусочек посочней и подошел до Федора.

— На, поешь! Может попустит.

Федор будто никогда не ел — схватил мясо, начал жадно откусывать: кусок за куском — набив при этом полный рот.

— А чем от тебя так воняет? Фу, вонище! — прикрыл нос рукой Марк.

— И правда, ну и вонь, — подтвердила Джина.

— Отстаньте от него! — мигом разобрался в ситуации Джек.

Федор молча встал и пошел в шалаш. По дороге, он два раза откусил от увесистого кусочка, что дал ему Марк, а остальное, насилу запихал в карман.

— Нервная система этой особи, не такая крепкая как у вас: но ничего страшного, за семьдесят два часа, плюс минус сутки, в зависимости... отойдет, — успокоил всех Шарик.

— Что отойдет это ясно, но эти два дня придется на улице спать или новый шалаш делать, — буркнул Марк.

— От ты Марк и погрейся пока... оленя дожаривай и за Федором присмотришь... а мы сходим в город: на разведку, — подбил точку в этом вопросе Джек и то, что Федор, был как бы на его совести, неприятным осадком отложилось на душе. «Но, на то, она и война, и здесь бывают вещи похуже», — оправдывался он: сам перед собой, взяв курс в сторону Эдема.

Глава 2

В Элизиуме, авторитеты, собрались обсудить: конфликт Мирона с Хромым; далее на повестке дня стоял другой, немаловажный вопрос: что делать дальше? Ведь скоро здесь будет спецназ, и последующее за этим двух месячное прекращение поставок с Тронплекса — все это, предвещало тяжелые времена. Кто в этом виноват, и с чего начался весь сыр бор — пока никто не знал.

— Ну и где этот Хромой? Просил, быстрее разрулить, а самого где-то черти носят, — возмущался Кабан.

— Затеяли они это не вовремя. Ух, не вовремя! — негодовал Мусор, одно приглаживая свои тараканьи усики. — И что-то Мирона не видеть.

— И «животные», не пришли, — продолжал с мыслями о Бубуинах Кабан.

Бубуины, на подобные собрания ходили редко: считали, что нет надобности в каких-либо решениях. А что им надо, то они и сами решат.

В бокс где собрались главари банд, вошел человек, лет под пятьдесят, а за ним последовало восемь быков, спортивного телосложения. Подтянутость и выправка мужчины, наряду с его камуфляжной экипировкой и начищенными до блеска ботинками: обличало в нем военного.

Череп — прослужил на Федерацию, в звании полковника, более двадцати лет... и попал на Марс по глупейшему обстоятельству: когда отдал приказ на уничтожения подземного бункера, где тогда погибли три тысячи мирных жителей; хотя по данным разведки, там были бригады наркобаронов, вооруженных до зубов автоматическим оружием.

В Элизиуме он себе сколотил сообщество, в которое входили такие же, как и он, попавшие сюда по злему року люди. Но чтобы здесь выжить им пришлось играть по местным правилам и через два года, это сообщество превратилось в алчных и жадных до чужого людей, которое позднее стало именоваться, не иначе как банда Черепы.

— Что ты, Череп, опаздываешь? Вроде понятно всем объявили: на семь! — резко бросил Волк.

— Начальство не опаздывает, а задерживается. И тем более зря, вы собрались.

— Слышь, начальник нашелся. Вертели мы тебя... — выкрикнул кто-то из присутствующих, и пошел легкий смешок, но Череп не придал этому никакого внимания.

— Ты если чего знаешь, так базарь, а нет... — пробурчал Мусор и забежал глазами по народу, ища поддержки.

Авторитеты сидели и нервно переглядывались — Эммануил был не тот человек, который попусту стал бы баламутить воду, и его хоть и не любили, но к его мнению всегда прислушивались.

Череп стоял лицом ко всем присутствующим и не знал, с чего начать.

— Давай не тяни... а то и без этих сходячков... проблем хватает, — послышался недовольный голос Седого.

— Мои люди тут ходили по делам, и вдруг видят: бродяга, суп варит... — начал полковник.

— Ну и шо, шо варит? Пробила чуда на хавчик...вот и кухарит... хе-хе... скоро Бубуины, тут всех бродяг: на суп поварят, — засмеялся Кабан под дружное одобрение со стороны остальных.

— Не знаю, кого там пробило или нет, но запах мясного бульона, можно было учуять за тридцать метров. Вот мои парни: чего там греха таить, решили тоже немного подкрепиться.

Начали было мясо доставать, а там сами кости. Ну и давай его: мол, где мясо дел?.. Тот, начал хитрить... Ну, а если еще короче, то нашли они у него... — здесь он примолк и повернул голову: — Тимоха, покажи публике... аргумент.

За спины Черепа вышел человек, в камуфляжной форме, с зеленым мешком, на котором, едким красным шрифтом, отбивался трафарет надписи «Трилбилитрон».

— Что еще за хрень, — слышался чей-то голос.

Эммануил кивнул, что мол: сейчас сами узнаете. Тимоха перевернул мешок дыркой вниз: пару раз тряханул, и поднял его вверх, за левый угол. Оттуда выпало, что-то большое и круглое. И все сразу узнали кучерявую маковку Хромого, которую было ни с чем не спутать.

— Ни фиги себе! Мирон, замочил Хромого, — сделал круглые глаза Мусор.

— Я так не думаю. Там были еще две головы, и костей, пару мешков, — продолжал Череп.

— А тот шо говорит? Мясо где дел? — поинтересовался Кабан.

— Что он может сказать! Черт он и в Элизиуме черт. Кости говорит нашел... и место показал... а мясо сами догадайтесь... — захихикал Череп.

Коллектив загудел:

— Это все, эти черные животные.

— Пора с ними кончать, а то и нас скоро всех съедят.

— А что Мирон. Где он? Что скажет?

— Череп, а ты шо думаешь: на счет этих бублуинов? — сказал за всех Кабан.

— Я предлагал, уже давно, от них избавиться.

— И Мирон нам не указ! Да и он, зажрался, — поддержал полковника Мусор и махая руками начал подбивать... — Что жало прикусили? Самое время, все порешать.

— Я в этом, не участвую, но и мешать не буду, а сейчас мне надо идти: готовиться... скоро собаки подтянутся, а у меня... — сказал с полным безразличием, Волк, встал и пошел на выход.

— Э-э...Борис Егорыч, зажди меня! — подорвался Седой вслед уходящего Волка и по дороге развел руками: — Я пас!

— Ну и ладушки... без вас справимся! — буркнул им вслед Кабан. — Ну шо «генерал» Картер! Давай свой план!

Выйдя с бокса где проходит сходка, Волк глубоко вдохнул спертый воздух родного дома, и повернул голову в сторону Седого:

— Отмазались!

— У Кабана совсем крышу сорвало... с Шаманом надумал воевать, — ответил тот.

— Пускай...

— Слышь, Егорович, мне тут... на пару часов... пропетлять бы под свистом пуль: в глубину лохматой вечности, — неожиданно прервал их разговор Герасим.

— Опять под кайфом?

— Какой там кайф... откуда? С охраной замутил, еще на той недели... обещали тушенки подогнать... хочу...

— Тушенка... такое закручивается...

— Да, ерунда! У меня там все схвачено... я быстро: туда и обратно.

— Смотри, только аккуратно... выкупать тебя, — и заулыбался, — и если получится с куравом разжиться, то ты там не стесняйся.

Отговорившись от Волка Герасим с мыслями о хорошем вознаграждении: за сенсационную новость, направился в сторону его тайных покровителей — Бубуинов.

И двигало им в большей степени не чувство наживы, а совсем другое... Настроение было обалденное — он закурил папиросу и забормотал под нос любимый мотив:

*Иду, иду, по темной улице:¹⁵
Судьбе своей наперерез
Бегу вперед, за красной девицей
Заряжен дробью мой обрез*

*А в небе, небе, и по улице
Летит, поет моя душа
Ты не гони моя красавица
Зайду в тебя я не спеша*

Еще не так давно, Герасим был предан Егоровичу, как собака, но в один счастливый день или ночь — имел неосторожность: был сильно пьян и под мартапаном¹⁶ — ввалиться в сектор к Бубуинам, там он кричал такой бред, что его сразу же взяли в плен и уже было хотели съесть. Но один из членов банды, узнал в нем правую руку Волка — так он и стал, теми глазами и ушами, что потом все рассказывали, что видели и слышали на сходке авторитетов... и не только там.

Бубуины — это не скопище обычных бандитов и наркоманов, а четко организованное общество, со схожей татуировкой, в головах поселенцев Элизиума: как секта белого братства, которая одно время терроризировало население Тронплекса и стала нарицательным примером для всех криминалистических учебников. Элизиумский аналог, переплюнул белую братию в разы — и не только в жестокости; ведь вера для заключенных, это намного, более сильное чувство, чем для вольного человека и поэтому в банде фанатично придерживаются религии Зулу. Постоянные жертвоприношения и другие обряды, загадочного вероисповедания, запугали местных заключенных так, что в сектор к Бубуинам, даже под дулом пистолета, нельзя было заставить никого зайти.

В банду входят только черные, и как правило: судимые за самые жестокие преступления.

Герасим шел быстрым шагом и постоянно оглядывался, чтобы его кто случайно не заметил. Пройдя хитрыми путями он вынырнул в десяти метрах от входа, в резиденцию Шамана: учителя и гуру, черной братии; в тридцати шагах от шлюза бокса, он насчитал десять Бубуинов, которые играли в домино, за большим деревянным столом. По спине прошел легкий холодок и Герасим придав ходу, хотел незаметно проскользнуть в бокс — сделал вид, будто их не видит, уже почти зашел в створки шлюза.

— Так, а ну стоять! Куда преешь? — крикнул кто-то из играющих.

— У меня важное сообщение... спешу, — думал, что громко, но себе под нос, пробурчал Герасим, и с мыслями, что слава Богу пронесло, ведь еще два шага и он в середине...наклонил голову.

Неожиданно, с бокса вывалился громадный негр. Сушеное ухо на разноцветной веревке, которое болталось на его шее, прояснило поспешность такого решения. Здоровяк передернул дробовик, и сходу, мощным ударом ноги, прощупал грудину Герасима.

— Не гони лебедей! Фраер! — сплюнул на грунт громила.

Герасим отлетел метров на пять — в груди жгло и сильно болело.

¹⁵ Отрывок из песни: «Песня жигана», автор А. А. Протасов

¹⁶ Мартапан — синтетический наркотик, психоделического воздействия.

Несмотря на то, что его тут знали и видели частенько. Все равно, каждое такое посещение не обходилось, без каких-либо неприятностей.

— Мне вот надо... Важная информация... Сходняк был... — придумывал он на ходу, чтобы еще сказать.

За стола встал коренастый негр и направился в сторону Герасима. Дреды¹⁷ этого Бубуина свисали по пояс, тело: вдоль и поперек — покрывали устрашающие татуировки, в виде костей с черепами; пауки и другая бестия загробного мира, удачно сочеталась с его лицом. Одет был он в кожаный жилет на голое тело и ребитиновые штаны, за спины торчала костяная рукоять самурайского меча.

— Сказали же, нельзя! Обед. И вообще давай, что там у тебя говори. Я сам передам.

— У меня секретная информация для Шамана.

— Прямо-таки, уж и секретная?!

Герасим стоял потирая грудную клетку, которая гудела и пекла от боли.

— Ладно, Слон, проводи его, — обратился он к здоровяку, и с жалостью посмотрел на этого шныря.

— Давай, шевели булками, — пробасил Слон, толкая Герасима, прикладом дробовика.

После очередного пинка, тот спотыкаясь, ввалился в бокс. Перед ним стоял большой стол, а на нем медный поднос с огромными кусками жареного мяса, от которого у него сразу забурчало в животе и он жадно сглотнул слюну. Человек за столом, откусил мясо с большой кости, а голую костяшку кинул прямо в Герасима — попал по голове.

— На, посмакуй! — буркнул Готфильд.

Да! Алекс Готфильд — живой и полон сил. И эта зеркальная копия своего братца Филиппа, удачно прижилась на главенствующих позициях Элизиума.

Что Алекс очутится по ту сторону ворот, и в совсем в противоположном амплуа — если кто бы ему, это сказал три года назад, тому бы он, точно набил морду; ведь у него все было схвачено и он отстегивал долю начальнику Элизиума — рыло липло от шоколада и они с Филиппом процветали.

Но по злему року или по обычаю: начальники, в тюремной зоне, долго не держаться и как правило сами не уходят: их выносят. Так было и в тот раз... но с новым папиком не повезло: тот оказался с гонором... и дела: будто кто сглазил — пошли кувырком; он всерьез взялся за Готфильдов и кому-то одному надо было брать все на себя — потянули жребий и Алекс уже через полчаса топтал рабочую зону Элизиума. Филип должен был снабжать провизией, и сменить его через месяц — потом по кругу, и это казалось намного лучшим вариантом, чем... ведь за контрабанду оружия и наркотиков могли запросто распылить: без суда и следствия — дороги назад, на Землю не было.

Но план не сработал, и злой рок коварно подшутил над братьями: начался бунт заключенных, и начальник приказал долго жить — ровно через три дня, после побега Алекса к зекам. Но боязнь того, что он успел доложить в Тронплекс, поставила крест на его возвращении.

При том же бунте Алекс стал свидетелем, плена Филиппа — которого схватили Бубуины, и после двух дней пыток, они кинули его бесчувственное тело под шлюз административного бокса, где оно провалялось еще пол дня; но то, что брат выжил, Алекс не знал, и для себя он поклялся, что любой ценой отомстит за родную кровинушку: этим Бубуинам; но тогда это были не Бубуины, а банда Циклопа.

Алекс три месяца прятался по рабочей зоне питаясь, чем придется, и строил планы мести. При благоприятном стечении обстоятельств, и благодаря военной подготовке с его внушительными размерам, ему удалось внедриться в банду Циклопа, где он почти сразу стал правой рукой главаря; и со временем завоевал немалый авторитет, среди абстрактно думающего

¹⁷ Дреды — прическа из многочисленных, отдельно скрученных прядей волос.

коллектива — жестокость и цинизм были его врожденными качествами. А в один прекрасный день: Циклоп случайно упал и сломал себе шею. Но удержать вожжи, с телегой запряженной двумя дикими троконами — непростое дело, и для усиления своего влияния на забредшие души зеков, он провозгласил религию Зулу¹⁸, как первостепенную идею в банде. На его удивление результат превзошел все ожидание. Местная однотонная жизнь и потеря какой-либо надежды на дальнейшее существование нашло немало сторонников религии.

У Бубуинов, как их позже прозвали за животную суть и бесчеловечные поступки. Очень строгий отбор: чтобы стать членом банды — мало одного желания; ты должен быть обязательно черным и слыть: полнейшим отморожком. Ритуалы с жертвоприношениями и питьем свежей крови, еще больше отбивало мозги у вновь поступивших. Они словно зомби, которые готовые по одному приказу Шамана (Алекс сам придумал это имя: для конспирации) отдать свою жизнью, на благо правой цели.

Ведь так хочет Бог!

А если он этого хочет... — и это высшая кульминация: религии Зулу.

По этой причине, с Бубуинам никто не связывается, даже Мирон предпочитал поддерживать нейтралитет.

Позже Готфильд наладил контакты со своими подельниками, с охраны, которые ему рассказали то, что теперь его несильно то и волновало — оказывается, бывший начальник не успел никуда сообщить; а Алекса, по их словам, объявили без вести пропавшим, и наградили орденом за отвагу: первой степени — посмертно.

Но такая новость, запоздала не только во времени, но уже и потеряла всякий смысл: ведь здесь и сейчас, он настоящий Бог и подобная жизнь его вполне устраивает, а те поступки, что он успел натворить за то время, пока не знал этой информации — закрыли наглухо все засовы, в праведную жизнь людского общества; и он продолжал мстить за своего брата, возмнив себя венцом справедливости.

— Чего приперся? — сказал он Герасиму. — И ты, Слон... не знаешь, что обед?!

— Да, я... а он заладил: информация секретная! Информация секретная! Гоблин велел пустить, — пытался оправдываться громила.

— Давай говори... и смотри если какая-нибудь лажа... будешь наказан, — неоднозначно предупредил Шаман. — Зачастил ты Педро! Зачастил!

Бренное тело Педро Гонсалеса, окропил холодный пот и ладошки вмиг залипли мокрым.

— На, жри, пока я добрый, — кинул ему он кусок мяса.

Тот подобрал с грязного пола, увесистый шмателек, и для виду дунув не него пару раз — откусил небольшой кусок.

— Вот я и говорю, сходяняк значит был. И решили тебя: та во... — сказал Герасим и даже поперхнулся.

— Продолжай, продолжай, если меня это будет интересно: получишь двадцать пачек сигарет и мяса еще дам.

— Кабан, Мусор и Череп, решили тебя завалить, за то, что ты Хромого, — откусил он шмат мяса, а потом поднял вверх весь кусок, и неловко покрутил им. — Но я чего... очень даже вкусно, — сказал Педро и демонстративно откусил еще.

— Что ты там несешь?! У тебя видать от наркоты башню: напрочь отбило!

— Что слышал то и говорю. Череп принес в мешке голову Хромого и сказал, что забрал у какого-то демона. Который на углу пятнадцатого... это где, те чмыри... да ты должен знать... они еще там, все зеленые от бертонита... Хе-хе... точно черти! Так, вот, прямо рядом, возле логова цветных: то чудо суп и варит... да и сейчас наверное варит. Череп, сказал, что у него: два мешка под набивку — такого добра...

18 Зулу — религия придуманная Алексом Готфильдом: для большего воздействия на членов банды.

Шаман, ты ведь знаешь, что я на все сто... но кто кроме ваших?!. — сказал Герасим и замолчал.

— А что МIRON... другие что говорят?

— МIRONа не было, а Седой с Егоровичем сами по себе.

Алекс встал из-за стола и молча подошел к тумбочке, на которой красовался механический, переносной, антикварный музафон, что неизвестно как здесь появился, и достался ему от прошлого хозяина. Усердными движениями кисти, он раз сорок — подергал: вверх-вниз, заводную рукоятку вычурного прибора и выбрал, опционально, одну из ста доступных мелодий; зазвучала музыка в стиле рекотан: другой не было.

Подобная дребедень, ему сначала не нравилась, и даже выводила из себя, но потом: за долгие годы пребывания в лагерной атмосфере, она стала его самой любимой — прошивку новыми мелодиями, сейчас делают: только, за большие деньги.

Мелодичное звучание квадрофонического музафона, под незамысловатые слова песни, скрасило обстановку:

...Бежал бычок, за ним телега

Сошли поля от бела снега...

...

А щеки красным так горели,

Что всходы — в поле зеленели ...

«Хромой! Хромой... делить мне, с ним нечего... бочку на меня не катил... сходка, без МIRONа. Интересно, кто бы мог замутить такую подставу?» — размышлял он под рекотан.

Герасим уже не обращал внимания, ни на Шамана, ни на Слона: трамбовал ненасытную кишку мясом; ведь впереди предстояли тяжелые времена, и он ел так: будто живет, последний день.

— Шаман, можно я еще кусочек возьму? — сказал Педро обглодав очередную кость.

— Можешь забирать все. Заслужил! Значит говоришь на углу пятнадцатого... кости варит?!

— Как сам слышал: так и тебе сказал.

— Слон! Давай сюда Хонэна... и поскорей!

Через минуту Гоблин уже стоял перед Шаманом.

— Смотри, на углу пятнадцатого сектора... чудо: из опустившихся, говорят, кости варит...

— Что, пойти забрать? — перебил Гоблин.

— Да, ты, слушай, что я говорю, а не то, что тебе там... Так, вот: кости эти, еще недавно были Хромым. Твоя задача: узнать до малейших подробностей... где мясо дел, откуда кости... короче, по полной программе, — сказал Шаман, но не стал вводить его в полный курс дела: о сходке, и том что на них вешают кучерявого, потому что спешить с выводами в таком деле, было очень рискованно.

— Он говорит, что нашел... — проямлил Гонсалес с полным ртом.

— Тебя никто не спрашивает. Забирай мясо и отваливай, пока твои что не заподозрили. Еще, Слон, дай ему двадцать пачек сигарет, а то если, придет с пустыми руками: драконьч может что-нибудь заподозрить.

— Ты значит, возьми с собой человек пятнадцать и по полной боевой! — сказал Алекс Гоблину.

— С чего такое внимание, какому-то бродяге?

— Ты просто делай... а я сам подумаю: кому уделять внимание, а кому нет. Чего стоишь? Слон, раздай им оружие... и хорош там, в домино играть! Всем быть на чеку: из сектора ни на шаг. У нас военное положение!

— Что случилось? — насторожился Гоблин.

— Не знаю, не знаю... может и случилось, но в любом случае, думаю, скоро прояснится... еще, эти собаки... будь они неладны! Под утро подтянутся.

Те охранники, с которыми Готфильд, в прошлом, занимался торговлей: оружием и наркотиками — за то, что он их не сдал, были ему должны по гроб жизни. Но когда Алекс стал Шаманом, их, дружеским отношениям пришел конец: он взял бывших корешей в оборот и наладил старый бизнес, который потихоньку набирал темп. И если бы не Мирон, со своими бабками и связями, то только он: Шаман — был бы самым влиятельным человеком в Элизиуме... конечно, после начальника тюрьмы.

Гоблин во главе черной братии, вооруженной дробовиками и автоматами, пятой мировой — держал путь, в сторону пятнадцатого сектора. Главным оружием Хонэна был самурайский меч, что висел у него за спиной; и владел он им — весьма неплохо.

В банде Шамана, не было: худых и костлявых — особое отношение к физической подготовке, значилось в приоритете. В здоровом теле: здоровый дух — одна из тринадцати, основных заповедей религии, что не давала расслабить булки, ни одному члену сообщества.

Работяги увидев смертельный марш Бубуинов (Шли они не толпой, а организованной колонной по два), думали, что, то черная бестия вышла на охоту — слух, сея панику: птицей пролетел по Элизиуму; каждый старался, как можно скорее затеряться, среди множества хитрых проходов рабочей зоны, чтобы случайно не попасться на их взгляд.

Бубуины быстро прошли на угол пятнадцатого сектора, и вдали показался человек, который, что-то мешал в большой кастрюле.

— Слышь, Хонэн, вон он вроде.

— Да вижу, вижу.

Бродяга принадлежал к категории бомжей, которые побираются чем-либо и не работают. Спят тоже где попало. И на его счастье и счастье множество таких же, как и он опустившихся — температура воздуха в поселении радовала постоянной температурой: в любое время — плюс двадцать три градуса, по Цельсию.

Печки для приготовления пищи, ввиду сложившейся традиции: использовать все не по назначению — пришлось изобретать специально для местной публики. Трекс — печь, что работает при помощи сложной, химической реакции, не известной ни одному заключенному. Если на трекс поставить кастрюлю или кружку с водой, то она сразу закипает, а когда убираешь, то в ту же секунду, печь становится холодной. Но самый, главный фокус заключается в том, что посуда, которой можно пользоваться, должна быть с определенного сплава. Если поставить обычную, мелтонную кружку или кинуть на трекс кусок мяса, то оно все так и останется холодным.

— Суп или борщ варишь? — спросил Гоблин за спины повара.

Бродяга пропустил мимо ушей, что спросил у него Хонэн — доставал с кастрюли кости и с жадностью обгрызал то мясо, что на них оставалось, а потом подкидывал в кипящий бульон, новую порцию. Но эти бренные остатки, были обработаны со знанием дела: мяса на них, практически не было; а этот бичара, так увлекся праздником пуза, что вокруг себя — ничего не замечал.

— Так что, суп или борщ?! — повторил Гоблин.

— Тебе какое дело? — сказал тот и не оборачиваясь, черпнул кружкой с кастрюли, наваристого бульона.

— Да вот, тоже хочу.

— Ничем не могу помочь, самой мало, — как собака зарычал бродяга.

Хонэн поставил ногу на плечо, сидящего суповара.

— Я Черепу все расскажу, это он мне костей дал.

Услышав тихий смех сзади себя, чудо повернуло голову, и увидев Бубуинов — он с перепугу даже выронил кружку с бульоном.

— Извините меня пожалуйста! Не признал! Не признал!

Упал на колени и начал целовать Гоблину ноги.

— Берите все, мне ничего не надо. У меня еще есть: много есть. Только не убивайте!

— Что жить хочешь? С такой жизнью как у тебя, я бы уже давно... точно повесился, — усмехнулся Хонэн. — Где кости взял?

— Нашел, — сказал тот и примолкши на пару секунд, забегал глазами по лицам Бубуинов. — Все скажу! Все! Это все они! Бес попутал: отпустите меня пожалуйста! — плача и пуская слюни ныл бродяга.

— Давай по порядку... как тебя зовут?

— Дуня... — и утер нос.

— Хе-хе... трансквазионный¹⁹ что ли... была Дуня стала: Вася... сейчас как зовут?!

— Джузеппе.

— Так вот Джузеппе... давай по порядку: кто они и кого там — кто попутал?

— Не спалось, что-то: на голодный желудок. Вдруг смотрю, прут мешки: я за ними, а они возьми и кинь их, прямо у дороги. Я значит туда, а там это... — сказал он и в тот миг, упал на пол: начал кататься по красному грунту Марса, кося под дурака, и при этом еще громко кричал: — А-а!.. Бесы! Бесы!

— Тебя же вроде по-человечески, попросили...

— Видать, трансквазия... хорошо по башне бьет! — слышался чей-то голос.

Бродяга еще громче закричал:

— А-а!..

— Так, а ну подымите эту Клаву на ноги.

Вмиг к лежащему бомжу подскочили двое Бубуинов, и взяли его под руки — через две секунды, Джузеппе стоял, перед лицом Хонэна.

— Знаешь, что... Твоя дурка: неубедительно! — сказал Гоблин и резким движением руки выхватил меч; два уха бомжа, тотчас, упали в красную пыль.

— Даю тебе последний шанс. Дуня! Будешь косить... — сказал Гоблин и провел рукой по горлу. — Отпустите его! Давай заново и смотри: последний!..

Тот скорчил лицо, от сильной боли, и перестал валять дурака. Кровь лившаяся из раны залила его верхнюю одежду. Конечно если это можно было назвать одеждой.

Бродяга чувствовал, что ему уже точно не жить: или эти съедят, или люди Мирона пришьют.

Хоть, население тюрьмы было и не маленькое, но членов банд — знали не только в лицо. Потому что, не раз, каждому поселенцу приходилось сталкиваться с их интересами.

Но Мирон может простит думал бродяга, а от этих пощады ждать не стоит.

— Удав и Микола. Других я не знаю.

— Вот видишь, молодец... чего сразу не сказал?

— Испугалась, — уже более спокойным голосом промямлил Джузеппе.

— Мясо где дел?!

— Мясо не было, только кости и головы. И то... головы Череп забрал.

— Черепу сказал тоже самое?

19 Трансквазия — генная модификация, осужденных женщин, в мужчин. После исторического бума: с резким ростом населения на Марсианских рудниках и после всплытия неприятнейшего факта, с зарождением нового общества, возвращенного... В наши дни является обязательной процедурой для представительниц слабого пола: отбывающих наказание в недрах Элизима.

— Нет! Только что нашел и все... ну еще показал, где. Да если я бы только, на них посмотрела, то никогда бы и не трогал, — сказал он и снова заплакал, а с его носа побежали сопли.

— Головы... хм... что тебя, в них, так смутило?

— Череп своим говорил, а я краем уха слышал: вроде там голова Хромого была.

— Все хорошо, но одно лишь плохо.

Услышав эти слова Дуня сделал испуганное лицо и тут же выпалил:

— Я вам все сказал! Все! Мне скрывать нечего. Мясо я не брала.

Да нет, Дуня-Вася, ты что-то там говорило, что тебя бес попутал, а это уже... Ты же знаешь какое у нас отношение к всякой чертовне.

— Какое? — вякнул суповар и сделал удивленное лицо.

— Да никакого, — дружный смех черного коллектива звоном пролетел мимо ушей Джузеппе, и в тот же миг, острое будто бритва, лезвие самурайского меча: как по маслу, срезала голову бродяги. — Черепок надо с собой взять, чтобы Шаману лишний раз не доказывать, — вытирая клинок об тряпочную одежду бомжа, сказал Хонэн.

— «Дичь» может, тоже возьмем?

— Не надо. Пускай жрут! Но кости заберем... завел душу: борща захотелось.

Бубуины вскинув мешки с костями на плечи, взяли курс в свой сектор — впереди шел Хонэн с головой бродяги: держал в руках, как голову, медузы «Горгоны», страдая население Элизиума.

В боксе Шамана, Гоблин кинул маковку Дуни под ноги Алекса.

— Вот, суповар.

— Ну и зачем ты ее сюда припер?! Лучше рассказывай, что узнал?

Хонэн, рассказал все то, что ему рассказал бродяга.

— И какого ты хрена, отрубал Дуне голову?! Когда он мог это подтвердить.

— Я думал ...

— Тебе что... еще раз повторить... думать здесь буду я?! Твое дело выполнять!

— Виноват!

— Мне от твоего чувства вины легче не сделалось. Что прикажешь теперь делать: на Мирона войной идти, и эти еще с другой стороны?! — гневно кричал Шаман, и ходил взад-вперед, по боксу.

— Но ведь... Удав с Миколой, то... живы и здоровы, и если на них надавить, то ...

— Что, то?! Что, то?! — еще больше злился Готфильд. — Мирон тебя на пушечный выстрел до своего сектора не подпустит. И кому больше поверят? Вот сука! Козел! Решил меня подставить. Разорву этого мудака, как бобик тряпку!

Неистовая ярость, с ног до головы, охватила Алекса; он ходил по боксу и не находил себе места. В голове крутились разные планы и дальнейшие развязки событий. Он понимал, что надо успокоиться и с холодной головой подойти к проблеме, ведь в таком деле чувства и эмоции — только на руку противника; и это был, тот самый случай, который решал: все и вся — либо Бубуинам придет конец, либо он во главе с ними займет главенствующие позиции в поселениях Элизиума.

Но к такому резкому повороту событий, Алекс Готфильд был, пока не готов.

*Пришла беда открой ей двери,²⁰
Не то ломает и пройдет*

20 Стих «Беда» с поэтического сборника «Красавица и чудовище», автор А. А. Протасов

*И будут большие потери:
Согнет в погибель и убьет*

*Убьет душу, а может тело,
Разгромит веру а потом:
Узнает слабость и за дело,
Клеймить цепями и тавром*

*Не стой не плачь, не бойся доли
Прими беду, как дар богов
Проверку духа — крепость воли,
Очистку пуганных мозгов*

*Беда уйдет: сегодня, завтра
Ты станешь крепче чем вчера;
Но только если не согнешься,
И примешь горе, как дара*

Глава 3

До города было не больше: двух часов ходьбы — в быстром темпе. Шарик бежал впереди, а за ним следовали и остальные: шли молча — соблюдая конспирацию.

Вдали показался каменный забор крепости.

Джек нашел место: с которого вход в город просматривается, как на ладони, а их при этом — не видно. При входе в Эдем толпилось с десятков солдат: вооруженных пиками и мечами.

— Надо координаты снять, а то это хождение: эти водоемы... — сказал Сильвер, и достал астрал, считал месторасположение: забил данные в опционную книгу перемещений.

— В прошлый раз, возле ворот никого не было, — прошептала Джина.

— Это в прошлый. И мне чего-то кажется: это все из-за нас, такая охрана. Днем соваться в город очень рискованно, а вот когда стемнеет ... — подбил Джек.

— На вашем месте, я бы туда совсем не ходил: ни днем, ни ночью. По происшествию последних событий, враг должен быть, уже давно: развернул полномасштабную операцию... — высказался Шарик.

— Ух, какой ты умный! Да тебя там, хотят поймать больше чем нас... будь уверен! И не просто поймать ...

— Костер по тебе, Шарик, давно плачет, — захихикал Стив, перебивая Джину.

— Вы лучше думайте, что нам дальше делать? А за рыжего не переживайте, он не пропадет! — сказал Джек и сделал озабоченное лицо. — Все это... очень и очень подозрительно: люди не ходят — одна охрана... а что там за воротами?!. — размышлял он вслух.

— Исходя из сложившейся ситуации, вижу два выхода из положения... я пойду в город и все разведую.

— Куда ты пойдешь? Джина права, тебя там ищут больше чем нас.

— Интересно! Интересно! Первый план понятно... а второй какой? — поинтересовался Стив у Шарика.

— При применении первой тактики, вторая не имеет значения... а за меня не переживайте конспириваться я умею, — сказал тот и в мгновение ока: из рыжей дворняги, стал точно такой, только, уже черной, дворнягой.

— Ну и законспирировался, я то думал ... — заулыбался Стив.

Но Шарик не обращая внимания на пустые слова, мотнул хвостом и побежал в сторону городских ворот. Подбежав к охране — он сделал вид, что что-то вынюхивает. Один из охранников махнул на него пикой, а он делая вид что испугался, быстро вбежал в городские ворота.

Рыжего не было около часа. И все уже начали немного волноваться.

— Неужели, что-то случилось? — обеспокоилась Джина.

И по большому счету, тревоги были не за Шарика, а совсем наоборот. На подсознательном уровне, у команды, засела пакостная мысль о его возможности: спланировать и исполнить — что-либо, в угоду достижения цели, а его способности... планирование, на тридцать секунд, они уже ощутили на своей шкуре. И все это подогревалось, ситуацией, что рыжий даже и не догадывался (или знал, но просто не подавал вид), что цель подразделения, это не спасение мира, а простая миссия по поимке преступника. Которая по ряду, непредвиденных причин, из простой, превратилась в невыполнимую.

— Сэр, надо Шарика попросить, чтобы он нам спланировал, а то наша миссия... конца краю нет... — неожиданно предложил Стив.

— Идея неплохая, но за то время, что осталось... даже если и спланирует... — высказалась Джина.

— Он то спланирует, но не забывайте... выполнять то нам. И что толку с его планирования, если мы не знаем где преступник.

— До весны еще далеко, — пробовал шутить Стив, но никто не обратил на это внимание.

На горизонте, показалась телега, которая отвлекла подразделение от насущных проблем, и они с жадностью устремили свои взоры в сторону ворот.

К городу, с шумом дребезжащей цепи, что волоклась за повозкой: приближалась подвода, запряженная сивым мерином; он прихрамывая на левую, переднюю ногу — шагом тащил бричку, с пятью крестьянами; те удобно усевшись на устланном соломой, дне телеги, вели шумный разговор; рядом с мерином шел его хозяин: держал лошадь за узду.

Охрана остановила путников и они начали о чем-то, там, говорить.

— Интересно... о чем они там?! — разгорелся любопытством Джек.

За ворот, неожиданно, появился Шарик. Он медленно обошел вокруг брички и остановился недалеко от охранника, который разговаривал с мужиком. Один из крестьян, сидевший на телеге, достал со своей сумки буханку хлеба — отломил кусок и кинул собаке.

— На ешь! Видать голодный, раз бегаешь за воротами.

— На вид вроде не тощий, я бы себе его забрал, а то у меня кобель сдох... без собаки нельзя, — сказал другой, из мужиков.

— С этими сборами... будь они неладны!

— Это уж точно... Домой мы с тобой, Клим, попадем не скоро, а кобеля таскать: по всему городу на веревке, так это...

Шарик подбежал к хлебу и понюхал: отвел нос, и как заправский кобель, обмочил колесо телеги, после сделал незамысловатый маневр, остановился в метре от охранника.

— Вишь хлеб не ест... значит свойский, — заулыбался Клим.

— Опять эта собака. А ну пшел вон! — рявкнул охранник, и топнул в сторону рыжего.

Тот, отбежал чуть назад.

— Глянь не понимает, когда ему нормальным языком говорят. Пшел вон! Кому сказал... ух! — уже крикнул и сделав злую гримасу: двинулся в сторону собаки, но кобель стоял как вкопанный, продолжая мотать хвостом. — Сейчас я тебя научу слушаться. Бестия хвостатая!

Охранник с ходу: со всего размаху, ударил Шарика ногой, и тотчас, упал на землю — схватился за ногу, и громко закричал: корчась от боли. Шарик еще пару секунд постоял, потом быстро шмыгнул под телегу. Тут подбежали другие охранники, и не понимая в чем дело, растерянно смотрели по сторонам:

— Потап, что с тобой?

— Чего кричишь?

На телеге, мужики заливались от потехи:

— Хотел по корове, попал по вороне!

— Будешь знать, как бедное животное обижать!

— Где эта собака?! Сейчас я ее пикой заколю, — закричал один из охранников.

— Была только здесь.

— Как будто в воздухе растворилась.

Все охранники ударились в поиски Шарика: залазили под телегу, смотрели в середине: под соломой, — а потом под смех мужиков, только удивленно разводили руками, и одно повторяли: не может быть, ведь только здесь была.

Шарик тем временем, уже стоял сбоку от Сильвера.

— Заждались, заждались! Чего так долго? — сказал Джек.

— Вы только гляньте на тех колхарей, как они его там ищут: и под телегу залазят, и в камышах... — ели сдерживался Стив, чтобы не засмеяться громко. — Шарик можно вопрос? Ты что железный?

— Раскрытие моих технических данных, равносильно проигранной войне. И когда союзники могут в любой момент оказаться на стороне врага, то использование скрытых преимуществ в виде не использованных действий, которые выливаются в неожиданные превосходства; могут привести к плачевным последствиям.

Стив сделал тревожное лицо и только спросил о чем он это говорит. А Джек, который тоже хотел заодно спросить, о том что правда ли что он весит пятьдесят тонн. Сделал вид будто поперхнулся, а сам подумал: «Хорошо, что не спросил, а то бы тоже сейчас выглядел глупо». Одна Джина не скрывала радости, как Шарик поставил на место Стива:

— Будешь знать, как задавать глупые вопросы.

— Ладно, давай рассказывай, что там пронюхал.

— Обстановка вами была недооценена. И это могло бы оказаться фатальным просчетом, который предрешил бы, нашу миссию.

— Шарик если можно: давай по-простому, и чтобы все ясно.

— Говорю на понятном земном языке, по правилам грамматики... просторечие не входит в данный контекст моего доклада: о проделанной, разведывательной миссии.

Бабуні бруні бубуні:

Равені вени вани

Едуни зуні дунани,

Делили мыло в бане

Сильвер только дал знак что понял, но просил не об этом.

— ...По городу висят ваши портреты... кстати: о мне ни слова. Все о вас: дьявол во плоти, существа из ада, а если пропустить данные рефлексии, с упрощением... высказывания крестьян построены, в основном, на религии. Приписывают вам смерть кузнеца и то что вы убили трех девочек, с которых вытащили внутренности и съели... идут разговоры, что вы только и питаетесь сердцами девственниц.

— Что за бред, ты тут наговорил?! — округлила глаза Джина.

— Бред, это совокупность идей и представлений ... — здесь Шарик выдал Джине полную энциклопедическую справку: значения слова, с некоторыми комментариями. — А моя логика...

— Твоя логика логична, — перебил Стив.

— Это у тебя логично, когда ты идешь покакать и берешь с собой бумажку... моя: совершенна.

— Не берет! Не берет! — подколот Джек, а сам про себя смеялся: как Шарик ловко за-сунул их всех за пояс.

— Когда я веду отчет о проделанной, разведывательной миссии, просьба меня не перебивать, — сказал Шарик и вопрошающе глянул на Джека.

Тот кивнул в ответ и усмехнулся: «Философствовать им не дано».

Озабоченное лицо Джины высказывало недоумение, а Стив только блыбал глазами и одно поджимал губы.

Джек же сказал, что он тоже не любит когда его перебивают, но так-как человек существо не совершенное — вот и приходится с такими работать. На что Шарик выдал небольшую речь о субординации и продолжил отчет:

— ...Затем я последовал на рыночную площадь. Но акция провалилась по причине нападения на меня хозяйских собак: в количестве десяти особей. И чтобы не привлекать внимания пришлось удалиться; хотя рынок является лучшим местом для сбора информации. По городу ходят множество солдат: проверяют документы... по моим расчетам в ночное время возможен комендантский час и задействование спецпропусков...

— Шарик, не смеши, какой комендантский час! Или ты забыл, где мы находимся?!

Хотя по Шарика морде не было заметно никаких эмоций, а скорее всего, у него их совсем не было. Но его взгляд на Стива, сразу дал ему понять, что лучше...

— Понял, молчу, — сказал тот пялясь на собаку, и для пущей ясности провел у себя по рту, делая вид что застегивает молнию.

— ...Дальше я последовал к административному зданию: правления этого города. Проникновения в образе собаки на территорию Панифекса²¹, так они называют этот развлекательно-управленческий комплекс, не представляло быть возможным, по причине усиленной охраны, тогда пришлось ... — сказал Шарик и замолчав, перевел взгляд на Стива.

Тот дал понять, что рот у него все еще на замке.

— ...Правит городом император Семен 33... и я как раз, попал на их совещание... и если учитывать примитивность данной расы... даже намного упрощена чем ваша, — подчеркнул он. — Я пришел к выводу, что исходящая угроза от врага, для вас, является более чем реальной: объявлена демобилизация со всего государства, на войну с нечистым; а за ваши головы: по весу — золотом сыплют.

— От скотина, этот Готфильд, и это уже диагноз, а не следственная причина. И здесь успел... Эх! И этим он только усилил мое желание: побыстрее с ним повидаться, — злилась Джина.

— Продолжает развлекаться... но подумают все равно на нас. Как это ему на руку, — попытожил Джек.

— Кто такой Готфильд?

— Не знаю, как бы тебе это объяснить! Наша миссия, это не совсем спасание мира... но Филипп Готфильд: очень плохой и опасный человек, даже можно сказать, враг всему человечеству, и наша задача была: поймать и предать его правосудию.

— Почему вы мне сразу не сказали о цели операции? За одного человека столько шума... И почему была: цель ведь еще не обезврежена?

— Ну ты же спасаешь... миры... цивилизации... — пробовал оставаться на высоте Джек. — А была потому... — и сделал гримасу понятную только ему.

— То, что я спасаю, одна сторона вопроса, но могу спланировать что угодно. И так-как я с вами в одной команде, то это было не тактично: не сказать мне о цели нашей операции.

— Я же тебе показывал рисунок... но ты отказался помочь, — оправдывался Джек, хотя четко понимал, что в этом Шарик был прав: надо было ему сразу все рассказать.

— Отказался?! Отказались вы. Разговор был о том, что я могу спланировать: процедуру поиска.

— Хорошо! Давай планируй, нам надо знать где находится Готфильд? — поспешно вставил свое слово Стив, не дожидаясь пока шеф сам его об этом попросит.

Сильвер достал рисунок Готфильда и развернул перед Шариком.

— Джек! Зачем, ты мне тычешь эту бумажку, прямо перед мордой?

— Шарик, тебя не поймешь, то ты хочешь помочь, то сразу отказываешься! — возмутилась Джина.

— Повторное разъяснения простых вещей, не является... но ваша раса, это исключение

²¹ Панифекс — комплекс зданий, который объединен, в одну административную единицу, где живет император (Ср: Дворец)

из правил... повторю: планирование всевозможных комбинаторных... сущность моего бытия. Учитывая обстановку, которая сложилась в данной ситуации могу предложить три варианта развития событий: во-первых, мне надо ДНК Готфильда.

— Что и все? — сказал Джек.

— Да.

— Почему ты раньше не сказал?

— Нет цели нет планирования! Разработка, стратегии планирования — мое любимое занятие, и сейчас, в этом временном часе, у меня: два миллиона триста восемьдесят шесть тысяч пятьсот семьдесят два варианта, разных событий.

— Интересно, и что ты там планируешь? — поинтересовался Стив.

— Ну если желаешь, то мы можем обсудить: несколько тысяч стратегий, развития событий, прямо сейчас.

— Да чего там. Давай уже сразу все: два миллиона... будем мы размениваться по мелочам.

— Можно конечно бы и все, но к сожалению, то что я планирую не подвластно твоему сознанию.

— Ничего он не желает. Сейчас через пять минут у нас будет ДНК и надеюсь завтра мы уже будем дома, — перебил их беседу Джек, — А ты, будешь тут демагогию разводить... — буркнул он в сторону Стива. — В дозор будешь ходить за всех!

На что тот пытался оправдываться: что это все Шарик, но Джек его не слушал, молча достал астрал и набрал код лаборатории патологоанатома. Но на его удивление астрал не работал, и ничего не происходило.

— Джина, а ну попробуй своим.

Ее астрал тоже почему-то не открыл портал — попытка Стива, дала точно такой же результат.

— Это уже какая-то чертовщина получается. Ладно, сейчас свяжусь с прокурором: узнаю.

Как он не пытался, выйти на связь, так ничего из этого и не получилась. Планета была полностью заблокирована: как и говорил прокурор, но Джек почему-то думал, что эта блокировка не касалась их подразделения, и была только для обычных граждан.

— Мы здесь теперь будто в западне: без оружия и связи. Спасибо Шарику накормил, а то бы еще и голодные ходили, — высказалась Джина.

— Ничего страшно в этом нет: сто третье ответвления главной задачи, имело схожий вариант и просчитано до логического якоря в...

Все с любопытством глянули на Шарика, и с удивлением подумали, что может предложить еще, эта рыжая дворняга, кроме какого-то там якоря с кучей непонятных слов.

— Я сам могу, переместиться на Землю и взять ДНК Готфильда. Джек, где я могу взять этот образец? — неожиданно для всех, сказал рыжий.

— И как ты себе это представляешь? Подходит собака к патологоанатому и говорит: «Дайте мне пожалуйста ДНК Готфильда. Меня прислал Джек Сильвер и я очень тороплюсь». Тогда уже точно, с диагнозом: «рыжая дворняга» ... — усмехнулся Сильвер, — мы его долго не увидим.

— Никто не рассчитывал появляться там в образе собаки. Самым лучшим вариантом было бы появление в твоём образе, Джек.

— Это как? А ну по подробней.

На глазах у всех, Шарик в считанные секунды трансформировался в Джека, а потом еще, и его голосом, сказал: «Время идет и не в вашу пользу».

Стив от удивления открыл рот и с него вывалилось, само-собой : «А почему же ты тогда?..» Но суровый взгляд шефа, перебил все мысли, оставив Стива один на один: с тысячью и одним вопросом, по этому поводу. Которые через секунды, прояснились более светлыми и продуманными:

*Могу я стать горой большой,
Букашкой малой: доброй, злой
Могу стать Богом на Земле!
Зачем тогда, нужда в тебе?!*

— Я так и думал.

— Что ты там думал? — на секунду перевел взгляд на Стива Джек, но не услышав ничего в ответ, переключился на «рыжего»: — Ты только там смотри: ни с кем особо не разговаривай. Просто скажи ему чтобы дал образец и все... ну скажи еще, что может бухануть: ты решаешь. И еще... с твоим перемещением... желательно: в укромном месте, — сказал Сильвер и сделал вид будто ничего не случилось, и он это видел множество раз, а сам подумал: «Этот будет намного круче самых навороченных киборгов и флузелиновой шкуры».

Джек дал «Шарику» координаты патологоанатома и тот сразу растворился в воздухе.

— Вы видели это?! Вы видели?! С ним надо быть поаккуратней, а то может он и нас, уже давно спланировал, — непомерно возбудился Стив и сделал задумчивое лицо.

— Тебя и планировать не надо, ты планированным родился, — пошутил Джек, неоднозначно подогретый увиденным; это было: и удивление, и восхищение, и страх — все вместе.

— Да расслабься ты, от словим то чудо-юдо, и больше ты этого Шарика, никогда не увидишь. А шеф по прибытию доложит куда надо, и его может даже...

Слушая взволнованный разговор и видя озабоченные лица его команды. Джек не стал вмешиваться, но для себя он уже знал наверняка: что-то а докладывать куда надо он уж точно не будет. А сам подумал: «А как вы думали с высшим разумом общаться? А если бы вы еще на Галакsee побывали или узнали о моей новой ноге — теперь понятно: почему гелты никого к себе на планету не пускают».

Не прошло и пяти минут как Шарик исчез, как он появился опять.

— Быстро ты это.

— Миссию выполнил. Не вижу причин тянуть время. Точные координаты Готфильда у тебя, Джек, в астрале.

Сильвер достал астрал, и приятно удивился оранжевому свечению координаты, что означало: последняя вновь добавленная. Сам же Шарик уже бегал возле ног, и что-то вынюхивал.

— Сэр, это что... мы прямо сейчас... можем портироваться: перед рылом этого урода? Если да, то давайте сделаем это незамедлительно. Мы его и втроем... — не хотела медлить Джина, и по ее телу прошла волна чувств, которые она испытала, когда была в подвале у Готфильдов; уровень адреналина зашкаливал выше крыши и она почувствовала такую ненависть к этому человеку, что если бы он сейчас, где-нибудь встретился ей, то его бы уже точно — никто и ничто не спасло.

— Спешить не будем. Ведь его в городе не ищут, а ищут нас и если что пойдет не так, то без оружия... еще Федя... слышала, что Шарик докладывал?

— И вдобавок, скоро стемнеет, не мешало бы и подкрепиться, — похлопал себя по животу Стив, и пустил слюну, только об одном воспоминании того оленя, что оставался в лагере, на шампуре.

— Стив, прав: целый день у нас в запасе. Сейчас возвращаемся в лагерь, а завтра с самого утра: тепленького, перенесем в холодненькое.

Согретая хорошей новостью, команда немного расслабилась, и то что задание будет выполнено в срок — не у кого, не осталось и сомнения. Джек достал астрал и уже через десять секунд они стояли в тридцати метрах от их лагеря.

Запах костра и жареного мяса прощупал желудки проголодавшихся членов подразделения «Барьер»; с далека, доносился оживленный разговор.

— Федору наверное полегчало, и он там с Марком треплется, — подумала вслух Джина.

Подойдя ближе они заметили, что у костра сидит незнакомец, который живо и увлекательно, разговаривает с Марком.

— Почему так долго? — сказал Марк при виде вышедшего за кустов Стива.

— Здравствуйте! Вот решил немного погреться возле вашего огонька, — сказал незнакомец.

Это был такой крепенький старичок: лет под семьдесят, с густой, черной бородой и с такими же волосами, что вызывало неопределенную подозрительность. Стеганный жилет из овчины, был одет на толстенный свитер, и сиял своей новизной, наряду с такими же новыми лаптями. Недалеко от старика лежало большое лукошко с грибами.

— Иду значит: собираю грибы, а тут Марк оленя готовит... я то, здесь всех знаю, а вас что-то... не припомню?! — с подозрением проронил старик.

— Уже успел познакомиться? — сказал Джек и строго глянул на Марка. — Охотники мы отец. Заблудились вот и зашли в ваши края.

— Мне Марк уже это все рассказал.

— А что он вам еще рассказал?

— Я что значит говорю. Если заблудились я вам дорогу укажу... и дом у меня здесь поблизости. Живу я сам. Чего вам здесь в лесу мерзнуть... да и опасно ночью, — ловко парировал вопрос старик, сгладив некоторую напряженность.

— Спасибо, за приглашение дедушка! А вас как зовут? — поддержала разговор Джина.

— Зовите меня, дедушка Банзай. Меня здесь, все так кличут.

— Очень любезно с вашей стороны, но мы как-нибудь сами. И мясо надо кому-то охранять, а то животные до утра, все растянут, — прояснил Сильвер.

Старик казался таким безобидными, что у подразделения: чувство тревоги ушло не оставив и следа и они опять расслабились.

— И еще у меня там травы разные есть. Вашему товарищу надо немного подлечиться, — сказал он и кивнул в сторону шалаша.

— Может и правда переночуем в доме, а то второй день на улице... еще этот Шарик покоя не дает?! — сказал Стив и вопрошающе глянул на шефа.

Рыжий бегал вокруг костра и дважды подбегал: нюхал незнакомца, но при этом ни сказал ни слова — соблюдал конспирацию.

— Дедушка Банзай, а как далеко ваш дом? — попав опять под командное мнение, спросил Джек.

— Да здесь, недалеко: минут двадцать ходьбы.

— Ну тогда... я в принципе, не против. Значит, Марк, буди Федора, а мы пока мясо подвесим на дерево.

Стив тут же достал нож и сказал, что немного мяса надо взять с собой. Потом ловкими движениями отрезал заднюю ляжку оленя.

— От теперь можно и подвешивать.

Собрав вещи и затушив костер, команда в преддвериях, что все будет: Тип-Топ — взяла курс за стариком.

Они пробирались через лес, уже почти в полной темноте.

— А мы правильно идем... ничего не вижу?! — поинтересовалась Джина.

— Дедушка Банзай, знает этот лес как свои пять пальцев! Я здесь тридцать лет живу. Так что, не переживайте.

Здесь чуть просветлилось и они вышли на большую поляну, что была размера с поле для игры в тронплет и на ней могли, свободно погонять свои три мяча: сорок человек из университетской сборной при этом не мешая друг другу и соблюдая все правила игры; вдали виднелась речка и на ее берегу, стоял большой, деревянный дом.

По ровной поверхности поляны они быстро добрались до избы.

— Вот мы и дома! — сказал старик и первым зашел в двери.

Потом он зажег три коптилки и стало видно, будто днем. Дом оказался очень просторным, и в нем была только одна огромная комната. В углу которой стояла дровяная печь: дивной конструкции, а по середине, массивный, дубовый стол; два двурусных топчана, по разные стороны, от двери и один, такой же, недалеко от печки — создавали видимость гостеприимного дома. По всему помещению висели вязанки трав и связки с грибами.

— И что, вы тут, все время, сами живете?

— Мне так удобнее: никто не мешает. Бабка как померла, я сразу, сюда перебрался. А раньше мы жили в Эдеме, город... не так чтобы далеко... бывали там?

Все молча переглянулись и Джек решил сменить тему.

— А в реке рыбы много?

— Рыбы то много, но у меня уже возраст не тот, чтобы рыбалкой заниматься.

— А сколько вам лет?

— А вот угадай сколько?

— Ну лет: шестьдесят пять, шестьдесят, — хотел немного польстит старику, Джек.

— Ты что родимый! Моему сыну восемьдесят семь. А мне, сто тридцать два, весной стукнуло. Ладно, садитесь сейчас я чаю заварю. От и собака сюда забежала. А ну пошла отсюда! Блох мне только здесь не хватало, — сказал старик и почесал бороду, потом взял веник и замахнулся на Шарика. — Я кому сказал, а ну пошел вон на улицу!

Шарик стоял как вкопанный.

— Иди на улицу, — сказал Сильвер в сторону собаки.

Пес молча мотнул хвостом и выбежала наружу. Тотчас старик захлопнул за ним массивную дверь. И принялся разжигать печь, потом поставил чайник. Через некоторое время в хате стало тепло и уютно; приятный запах травяного чая благоухал на весь дом.

— Сейчас бы в лесу мерзли. И Шарик, задолбал бы своими проверками, — завел разговор Стив.

Джек тут же похлопал Марка по плечу и сказал: «Что же это ты Шарик! Мешаешь своему другу спать?» — и строго глянул на Стива, и всем своим видом дал ему понять, чтобы он поменьше трепал языком. А старик с далека поинтересовался, что мол такое имя странное: прямо-таки собачье. На что, никто, ничего, ему не ответил, а молча принялись, с большим аппетитом, расправляться с сочной олениной, ляжку которой взял с собой Стив.

— Отец, давай к нам, мяса поешь, — предложил Марк.

— Спасибо, но я мясного не употребляю.

— Зря, хороший олень.

— А вот и чаек готов, — сказал он и с такой легкостью поставил двухведерный чайник на стол, что можно было подумать, что он пустой. Потом достал с ящика, большие деревянные кружки: начал наливать чай.

— Дедушка Банзай, вы так сильно не суетитесь. Лучше отдохните. Мы сами нальем, — сказал Стив и забрал чайник из рук старца. — Такой чайник: а живете сами?! Видать, чай сильно любите? — и хотел было сказать Марку, что у них был похожий, в их полевом лагере...

Старик промолчал, и почесал бороду.

— Что-что, а по чаю я уже соскучился. А китайского зеленого у вас нет? — спросил Джек, скучая по той банке «Зеленого дракона», что стояла у него на кухне.

— Чего нет: того нет. Его только эти... с Земли, выращивают. Да и этот, будет полезней любого твоего китайского, зеленого.

После сытной еды, желание закурить, было немалое, но спрашивать про табак у старика Джек не стал, потому что это могло бы их сразу рассекретить. Да и навряд ли он курил.

Выпив по кружке чая, через некоторое время, каждого из членов команды разморило еще больше: появилась тяжесть во всех конечностях и глаза начали слипаться сами по себе.

— Что значит в тепле и с хорошей едой. Спать что-то хочется, ужасно, — прозевал Марк.

— А ты, сынок, поспи, поспи!

Через десять мину всех одолел крепкий сон.

Глава 4

Мирон и не догадывался, что Шаман раскрыл его планы, и мысль что все идет, как задумано, придавала уверенности его действиям.

— Не бойся, никто тебя здесь не тронет. Времени развлекаться сейчас нет... — вынул руку Твердохлебов, под юбки Вероники: — Мы с тобой потом покувыркаемся. Ха-ха-ха. Репортершу связать: берем с собой! — сказал он в сторону Баклана. — И давайте шустрее, пока никто дупля ни дал... да и Александр, наверное уже, возле шлюза заждался

Удав должен был прикрывать их отход из административной части: на случай, если что пойдет не так.

Мысль о репортерше — козырная карта, Мирона, которой можно бить любые предложения администрации... а еще вдобавок, и начальник... красным паровозом прошла по извилистым путям серого вещества, и закрылась за семью замками: лелея большое воображение; и как все было кстати — судьба по-щучьему велению, стелила соломку Твердохлебову: ведущий репортер, самого большого новостного канала в плену на Марсе — звучит неправдоподобно, но достоверно и эта правдивая реальность, закручивалась с быстротой киношного боевика.

Неожиданно, на пульте Волкова зазвучал сигнал и красная тримпетка, своим зловещим миганием, пощекотала нервы бандитам.

— Не понял... что за фигня! Быстрее, приводите начальника в чувство, — крикнул Мирон, с мыслями: бог знает о чем.

Волков пришел в себя от ударов по щекам.

— Просыпайся! Просыпайся, давай! — кричал ему в лицо Баклан.

Волков, будто в тумане, слышал звук вызова связи. В мыслях все перемешалось и шло кувырком: ничего дельного на ум не приходило, как воспользоваться связью. Можно было конечно поднять тревогу, но тогда им с Вероникой точно конец. Нет, он не боялся за себя. В его руках была жизнь безвинного человека и он за нее отвечал.

Мирон подошел к начальнику и чуть наклонившись, над лежащим Волковым сказал:

— Что это у тебя, там мигает?

— Обычная связь... но если не отвечу, поднимется тревога.

— Так что же ты лежишь... давай быстро вставай и отвечай?! И смотри без шуток, мне терять нечего. Оба здесь ляжете.

Волков торопливо встал с полу и сразу нажал кнопку на пульте.

— Да, слушаю.

— Сэр, «Голиаф» просит разрешения на посадку.

Мирон не поверил своим ушам. «Не может быть! Вот так удача, так удача — или наоборот. Может спецназ прибыл? Хотя...» — подумал он, и в голове начали крутиться разные мысли о дальнейшем развитии событий — насчет «Голиафа» у него был особый план. Обстановка резко менялась и теперь все зависело «как ляжет карта». Поднеся к горлу Вероники нож, он всем своим видом показал начальнику, что если... он ей перережет горло.

Волков знал, что на боевом корабле дежурит двадцать человек, космической пехоты, и если бандитам, даже удастся пройти охрану тюрьмы, то захват «Голиафа» не был тривиальной задачей. «Обученные пехотинцы, которые служат на Федерацию, это тебе не тюремная охрана», — думал он и возлагал большие надежды на этих парней.

— Пускай грунтуется, через полчаса будем на месте.

Волков грубо нарушил инструкцию: насчет кораблей типа «Протон» — строжайший запрет на посадку: звездолетов подобного типа, на планету. Боевой корабль должен дожидаться

груз и пассажиров, только на орбите, где его захват практически невозможен, ведь чтобы оказаться в середине космолета, надо пройти не один шлюз.

Любая доставка только боевым клапером — и только им.

Но здесь Волков был хозяин, и даже больше чем хозяин — настоящий Бог, и по сути мог позволить себе что угодно. Лишь бы минералы отгружались на Землю: вовремя и в нужном количестве, а остальное не имело значения; и вдобавок он прекрасно понимал, что должность «хозяин Элизиума» — временная: в полном смысле этого слова.

— Так, начальник, чего это военный корабль тут делает? — озаботился Твердохлебов.

— Прилетели вот за ней, — кивнул он в сторону Вероники.

— Я же говорил, что это наш билет на свободу, — радостно закричал Мирон, махая помповым ружьем.

Настроение поднялось до небес, и надо было быстро просчитать дальнейший план действий. Перемещение по административной зоне с их видком, сразу бы привело к провалу: всех и всего. И проблема с одеждой стала на первое место.

— Значит...нам надо... такая, же клоунская одежда, как на тебе: и на всех. Где у тебя тут склад?

— Я вас проведу.

— Как-нибудь без тебя... ты лучше им маякни... и скажи, что надо двадцать комплектов формы, а человечка ты за ней пришлешь.

— Зачем двадцать? Вас ведь восемь.

— Не твоего ума дело! Сказали двадцать, значить двадцать. Баклан, раздевай этого. Пойдешь за формой.

— Мирон, форма то, в крови. Заметят?

— Сделай так, чтобы не заметили! И быстрее там, время, идет. Полчаса! Полчаса! — повторял он как наряженный, и его горящие глаза говорили только об одном: лучше его не трогать.

Через пять минут, Баклан был вылитый охранник (только морда, чуть выдавала), а небольшое пятно крови, на обмундировании, он прикрыл папкой, со стола Волкова, которую взял под руку.

— Как я сам это донесу, и мерить надо... или как?

— Или как... скажи им, чтобы помогли, а мы тут их встретим. Размер, не главное... с двадцати комплектов что-нибудь, да подберем... а ну подожди, пока ты еще там не маяковал им на склад, — сказал он обращаясь к начальнику. — Скажи пускай выдадут сорок комплектов... роба не мешает. И еще, Валера, не забудь, когда придешь с одеждой, то обязательно стукни три раза в дверь, что бы мы тебя случайно не вальнули, — заулыбался Твердохлебов и похлопал его по плечу. — Охранник, твою мать!.. А ты, волчара! Приводи себя в порядок: дорога у тебя дальняя.

Люди Хромого тем временем готовились к войне, и они не верили, что Бубуины вдруг: ни с того, ничего — взяли и съели их босса. Все были твердо уверены, что это дело рук Твердохлебова.

Пятьдесят вооруженных до зубов, и жаждущих мести, головорезов, держали путь к сектору Мирона — впереди всех, шел Кирпич. Он знал Хромого более пятнадцати лет, и он ему был: и за отца, и за мать. Когда он узнал, что «папика» порезали на куски: как ту свинью, — пришел в бешеную ярость. Даже учитывая на не равные силы он поклялся: сделать, с тем мудаком, тоже самое.

— Жека, ты только глянь, бродяги и с полными мешками. Надо бы проверить, может что хорошее, — сказал кто-то из окружения Кирпича.

— Откуда у бродяг хорошее!.. — не думая о наживе, буркнул тот, но сам одобрительно кивнул.

И сразу же автоматная очередь просвистела над головами, тех трех, которые тащили туго набитые мешки и прогибались под тяжестью своей ноши.

— Стоять, бояться! Шаг влево, шаг вправо, рассчитывается как попытка бегства: расстрел на месте, — глумился Кирпич, а его отвратительное настроение, придавало большей выразительности его речи.

Фигуры замерли на месте, боясь даже пошелохнуться — стояли и тяжело сопели. Подойдя ближе Жека ткнул одного из них: в спину — автоматом.

— Давай скидай! Во затарились... ели прут, — сказал он и схватил за мешок, одного из них. Поклажа упала с плеч, прямо под его ноги, и два больших, красных куса мяса, выпав с мешка — прокатились по пыльным ботинкам Кирпича; тотчас раздалось дружное: У-у... ху-ху... — ни фига себе!

— Что-то вы, ребята, на Бубуинов не похожи. А ну! К лесу задом, ко мне передом! Гляну на ваши отмороженные морды, — но те как стояли, так и продолжали стоять: спиной к Евгению; тогда он дал сигнал своим головорезам, и через две секунды все трое стояли уже на коленях, с опущенными головами. — Я что непонятно сказал?! Головы подняли! Быстро! И мне в глаза!

В то же мгновение, как Микола поднял голову, он получил удар ногой в морду.

— Микола, я тебя и твоего Мирона на ремни порежу, козлы гребаные!.. — гневно кричал Кирпич, и его сразу, одолела такая ярость, что не прошло и двадцати секунд, как Федя стал похож на кусок отбивной. — Подымите его! Подымите! И не говори, что тебе больно, это только начало, — яростно шипел он, прямо в лицо этому любителю мяса, который не чувствовал под собой твердой поверхности, а просто висел на руках, двух мордovorотов. — Я правильно понял?! — и кивнул в сторону бранных останков.

Тот пуская пузыри из крови, только пару раз блынул глазами, в ответ. Он уже давно понял, что теперь, что ни говори, то толку от этого не будет.

— Эти, с тобой... Хромого завалили?! — сказал Кирпич указывая автоматом на тех двоих.

Федя отрицательно покачал головой.

— Давай говори, что ты тут мне мозги паришь?! — еще больше возбудился Жека, и тотчас достал нож, отрезал Миколу нос. — Не жди быстрой смерти... забудь! И живи долго... у нас с тобой будет очень длинный разговор. Давай говори, кто с тобой был?!

— Удав всем руководил. А мне что, я просто делал что говорили, — промямлил тот и сплюнул кровь, которая ручьем заливала ему рот: начал бормотать, про все что знал и не знал.

А то, что Кирпич отрезал ему нос: почти под самый корень, никак на него не действовало — он был под мартапаном, и это был уже третий месяц подряд: такого наркоугара. И еще где-то, в глубине души, Микола наивно надеялся, что может и отпустят. Ведь он не виноват, и все это затеял Мирон, а он тут, ни при чем.

— Федя, ты вроде не дурак, и у Мирона тебе живется неплохо... Зачем мясо решил забрать, или тебя такой сильный голод одолел?.. — сказал Кирпич крутя ножом возле его лица.

— Видать Мирон своих голодом морит... — слышался чей-то голос, под легкий смех коллектива.

...А знаешь? Мы с пацанами тебя наверное на пельмени покрутим, будет чем Хромого помянуть: выпить есть, а от с мясом, туговато. Ну что пацаны?! Покрутим?!

В ответ слышался дружный смех, и с насытой жизни, братва начала развивать эту тему дальше:

— Покрутим! Покрутим!

— Давно я пельменей не ел.

— Давайте с него холодца наварим.

— Ухи хочу, аж срать не хочется... может ухи?!

— Политиленьч! У тебя что крыша поехала?! Уха ведь с рыбы вариться.

— А ты думаешь, с мяса не вкусно будет?! — сказал тот и вытер слюни, которые потекли от буйно разыгравшейся фантазии.

Все еще больше засмеялись.

— Как же ты, Микола, опустился: что бы мясо людское есть! Тьфу, вот уже урод! — с отвращением сплюнул Евгений. — Ладно Бубуины: не люди, им простительно. Но тебе же, чего не хватало у Мирона?! Вы там у него с жиру беситесь... жил человек как кот в масле... а знаешь, не буду я тебя трогать.

— Что отпустишь? — наивно заулыбался Федя. — Жека! Я же тебе говорил: я тут ни при чем, это все Мирон с Удавом, намутили.

— У меня на счет тебя, есть идея получше. Подарю я тебя, наверное, Шаману! Расскажешь ему про свои рецепты... как ты там готовишь: с подливкой или без.

В эту секунду шутки и разговоры: среди вдохновенного коллектива — резко прекратились. Идти в сектор к Бубуинам, даже при полном боевом снаряжении, не казалось хорошей идеей. Услышав эти слова один из людей Миколы быстро вскочил на ноги и побежал сломя голову. Тут же раздался выстрел дробовика и его голова разлетелась вдребезги.

— Ты, Микола, на это не рассчитывай. Так, берите этих и идем к зверям.

— Жека! С мясом что... брать будем?

— Мог бы и не спрашивать. Не идти же нам в гости, с пустыми руками!

С небольшой изменой в душе, друзья-товарищи, во главе с Кирпичом, взяли курс в сторону сектора Бубуинов.

А тем временем Мирон и его люди, второпях примеряли новое обмундирование. Рядом на полу валялись двое солдат с поломанными шеями.

— Как по мне сшито, — восхищался Мирон.

— Удава, с собой брать будем? — проронил как бы невзначай Баклан.

— Сейчас рисковать не к чему... такое прет... была бы моя воля: всех бы с собой взял. — Тут Мирон достал фонотрон: «Надо договориться чтобы встретили», — и набрал какой-то номер.

— Степа, привет! Что там у вас?..

— Именно... у меня в шоколаде, а ты что там?

— Да вот, собираюсь к тебе в гости. Подготовил ты бы нам встречу: как полагается.

— Не понял!

— Какой же ты, Степа, тугодум. Через десять минут я буду на взлетной площадке. Так что, ты там, уж посуепись, — сказал Мирон в очень приподнятом настроении.

— И как это ты?..

— Ты главное встретить: чтоб без сюрпризов, а там поговорим.

Степан Твердохлебов, сейчас как Блондерг — родной брат Мирона. После той неудачи на Ариане — только чудом избежал ареста: он нанес себе флузелиновую маску и сменил ДНК; затем воспользовавшись: денежными ресурсами их совместного бизнеса, наряду с большими связями, что наладил Мирон в Тронплексе; пристроился на «Голиаф» и организовал бизнес, по доставке всего: чего возможно.

Но по мере развития нового дела и стремительного роста авторитета Мирона. Большим потокам контрабанды мешал только тогдашний капитан «Голиафа», но и даже такой волевой человек как Семен Модельгест, не мог стать на пути Степана Твердохлебова, который будто мясорубка перемалывал любые трудности на своем пути, и все это смазывалось большими суммами денег.

Капитан космолета был ловко взят в оборот: его он подставил на очередной партии наркоты и оружия. После очередь дошла и до его зама, которому Степа преподнес, должность капитана: на золотом блюде с голубой каемочкой, но и также, обманом, повязал его не законных поставках, — а сам устроился заведовать хозяйственной частью.

Вся левая доставка с Тронплекса, проходит через его руки — и не только левая — и другие охранники, кто занимается незаконным бизнесом должны отстегивать ему процент. А ввиду того, что хватает и своего, такой подход, выгоден всем, как говорится: и волки сыты и бараны целы.

Баклан набил четыре рюкзака оружием и экипировкой — один из них ввалил себе на плечи:

— Чего стали, берите. Или вы хотите, чтобы я сам все тащил?

— Ты лоб здоровый... допрешь... — Но, Мирон... — Шучу, Валера... шучу. Давайте помогите... стали как истуканы! — А ты начальник, смотри!.. дернешься, поляжет не только твоя голова. Сколько успею всех с собой заберу. Ты же знаешь, мне терять нечего, — предупредил его Мирон, когда выходили из бокса.

Волков все еще возлагал большие надежды на пехотинцев с «Голиафа», и решил преждевременно не поднимать тревогу.

Они вышли с резиденции начальника и направились на взлетную площадку, где их уже ждал «Голиаф». Волков шел впереди — за ним Мирон, который левой рукой: под руку — держал Веронику; а в его правой: в рукаве — на всякий случай, был взведенный пистолет.

Бригада Кирпича всю дорогу шла молча, и как бы им не хотелось — до сектора Бубуинов долетели пулей: под заданный Евгением ритм.

В логове Шамана — царила гробовая тишина: и не было видно каких-либо признаков жизни, что было не свойственно для этой части тюремной зоны.

— Что это Бубуины... не ужели пожрали друг друга! — сказал Кирпич и вытер выступивший от волнения, на лбу пот, и его свинцовый желудок, посетило не большое чувство смутения: о поспешном решении идти к этим зверям.

Шаман был готов, что на его нападут и с далека наблюдал за спонтанными маневрами: заблудших овечек.

— Мы, с миром пришли, — громко закричал Кирпич.

Но ответа не последовало — гробовая тишина, продолжала резать уши.

— Ей, Шаман, у меня для тебе подарок. Я знаю, что это не ты, убил Хромого.

Неожиданно, непонятно откуда, послышался голос Готфильда:

— Какой еще подарок? Если хотите жить... бросили оружие... и не дергаться.

— Так, аккуратно кладем... и шаг назад, — чуть нервничая приказал Кирпич. — Я тебе привел того, кто убил Хромого.

— Мирона, что ли?!

— Ты же знаешь, что эта сволочь руки сама марать не станет.

Тут, со всех сторон, показались Бубуины.

Группировка Шамана насчитывала не более ста человек, но каждый один такой боец: стоил десяти других.

Перед Кирпичом, вдруг, словно под земли появился Шаман. Рядом с ним стояли Слон и Гоблин.

— Я знаю, что это люди Мирона замочили Хромого. И это чудо в этом участвовало, — толкнул он Кирпича, вперед к Шаману.

Тот споткнувшись, шагнул: два шага вперед — тупо смотрел на Готфильда. Лицо любителя мяса, заплыло от гематом, а дырка от носа пекла и немного болела.

— Смотрю, ты с ним уже пообщался?

Евгений развел руки, дав понять, что мол пришлось. Алекс кивнул Слону в сторону Микола. Здоровяк, с хрустом чужих костей, вмиг покрутил безносого и поставил его на колени, перед духовным учителем.

— Неужели, Микола?! Ну ты Федун и красава! Если хочешь быстро умереть... так уже и быть... но с условием: все как на духу! Надумаешь, юлить, обещаю, что долго не помрешь, Гоблин постарается, — сказал Шаман и глянул на Хонэна, а тот утвердительно моргнул.

Быстрая смерть для Феда Николаева была теперь наилучшим подарком, за всю его долгую жизнь в Элизиуме, и поэтому он почти сразу, не торопясь, посветил всех в планы Мирона.

— Ох и хитер, этот Твердохлебов! — с облегчением промолвил Шаман.

— Я его везде достану, — процедил сквозь зубы Кирпич.

— Да ты так сильно не шуми. Хромого теперь нет. Как собираешься дальше жить?

— Еще не решил.

— Ну так давай решай! На меня работать будешь?

Такой поворот событий чуть смутил Жеку. Но он уже точно знал, что без Хромого половина его людей разбежится, а Мирон при любых раскладах — не жилец. А вот, под крылом Шамана, его бытие, не виделось таким уж мрачным. Ведь Шаман — реальная сила, который, при желании, может поставить любого на колени, а учитывая сложившуюся обстановку, Кирпич долго раздумывать не стал.

— Враг моего врага, мой друг. Только у меня одно условие: Мирон мой.

— Мирон не твой, и даже не мой! Его уже не существует, вычеркни его со своей бестолковой: навсегда.

Большая проблема, для Алекса Готфильда, без хлопот и лишних телодвижений — решилась, неожиданно: сама собой. «Мирон — дело времени, а с остальными я как-нибудь сам разберусь», — подумал Алекс и в ту же минуту с него упал весь тот груз проблем, которые наваял вокруг него этот комбинатор.

— Как не существует... не понял? — удивлялся Жека.

Шаман достал фонотрон и набрал какой-то номер.

— Себастьян, привет! Говорят, у вас там начальника с репортершей, в заложники взяли.

Конечно Шаман еще точно, сам не знал, как сработал план у Мирона. Но был уверен, что если Твердохлебов что затевал, то это всегда имело далеко идущее продолжение. И тут надо было действовать наверняка — без каких-либо догадок.

— Ты что! Откуда такая информация? У нас все относительно спокойно: ждем спецназ.

— Если ты глухой, могу повторить еще раз, а если нет то подымай своих: труби во все трубы. Мирон захватил начальника и репортершу, так что давай поторопись... может медаль дадут.

Услышав это Кирпич только утвердился в своем выборе, о решении: стать человеком Шамана.

— Вот такие пироги, Евгений! А Удава и его людей мы порежем на ремни, а потом... — хотел он сказать и про Черепа и остальных, но промолчал. — И смотри, если работаешь на меня, то... дисциплина на первом месте... да и пресс тебе не мешало бы подкачать. Усек? Пропал душу, назад дороги нет, — легкий смех со стороны Бубуинов, иголками прошупал Кирпича, а горький осадок на душе заставил усомниться о поспешном решении.

Он знал не понаслышке, что с Шаманом шутки плохи — если вообще уместны, и теперь, то что он мог себе позволить, когда был с Хромым — надо было забывать и строго себя контролировать, а то запросто можно было оказаться на месте Микола.

— Хонэн, а ну давай меч.

Гоблин достал свою гордость: самурайский меч, который сверкал и блестел, как у кота яйца. Наслюнявив пальцы, он провел ими по острию: от самой ручки, до его кончика, и осторожно передал в руки Алекса.

— Обещал я тебе, Федун, быструю смерть. Слово сдержу... ну от прощальных слов: воздержимся... да и тебе, они: не к чему.

В тот же миг, голова Миколы слетела с плеч и покатилась в сторону Кирпича.

*Душа дрожит и трепет душист,
Бои́тся дух покину́ть плоть
И яркий свет глаза не слепит
Стоит на входе сам господь*

*Но свет пропал - осталась темень
А где дорога, где же путь?
И содрогнуло то виденье,
Что прояснило жизни суть*

*Стоит в тумане и весь черный:
Владыка бездны и костей
Он вышел с пекла, чтобы встретить
И проводить к себе гостей*

— Можешь взять, себе на память!

Евгений инстинктивно, со всей силы, ударил по бритой маковке Миколы, и голова улетела метров за тридцать.

— Мы лучше с пацанами, будем ей в футбол гонять, — сказал он и повернулся к своему коллективу, но на этот раз никто его не поддержал. Все молчали и ощущалась напряженность, ведь теперь они тоже Бубуины, и никто из них не знал, чего ожидать дальше.

— Для футбола у нас есть три кожаных мяча... а с этой... хорошая мумия или пепельница получится, — усмехнулся Шаман и перевел взгляд на перепуганного товарища Миколы: — А тобой... мы отпразднуем.

— Ухи наварим... хочу, аж срать не хочется, — послышался голос Политиленыча.

— Можно и ухи.

— Только уши мои, — забасил Слон и направился в сторону «дичи».

Мирон уже видел, вдали, открытый шлюз «Голиафа». Звездное небо под прозрачным евтоновым колпаком, мерцало тысячью звезд и вдохновленные зеки с открытыми ртами смотрели на бесконечную даль галактик. Но внезапный рев сирены, смутной тревогой ударил по мозгам и заставил содрогнуться каждую клеточку, их брэнной плоти.

— Что за хрень? — буркнул Баклан встревоженно оглядываясь по сторонам. — Если сейчас саптонку отключат... нам хана.

Саптоновая система гравитации и кислородной османтии, и так работала с перебоями — грузовой майдан сортировки, и отправки руды: давил спертым воздухом и сильным шумом в ушах.

— Пока начальник у нас... не отключат...еще и эта, — дыша как окунь на берегу, проговорил Твердохлебов.

— Мирон, брось это дело и может еще останешься живой. Тебя ведь все равно возьмут, — вдохновился Волков.

Твердохлебов толкнул начальника: дулом пистолета, в спину.

— Шагай-шагай! И тоже может останешься живой, — сказал он и повернувшись назад крикнул: — Быстрее шевелите «булками» ... а то сгнием здесь, — и оглянулся по сторонам.

К взлетной площадке, со стороны административного бокса, двигалось две группы вооруженных охранников, с кутуновыми масками: кислородной гидрации, на лицах. Но беглецы были уже в десяти метрах от «Голиафа».

— Точно отключат... — бормотал Валера и одно оглядывался.

На встречу Мирону, с шлюза корабля, показались пехотинцы.

— Я же тебе говорил, что это твой конец. Давай сдавайся! И я устрою как будто ты ...» — сказал Волков и тут же получил удар кулаком по печени, от Мирона, и пистолет с очень сильным давлением, уперся ему в позвоночник.

И на удивление начальника, из глубины отсека, послышался голос Степана:

— Что ты это, братуха, задерживаешься?

И появился Степа Твердохлебов, с протонной винтовкой в руках.

— Станция конечная. Пошли на выход! Приехали! — сказал он и ударил одного из пехотинцев прикладом винтовки. Мирон, давай быстрее грузитесь, а то охрана сейчас откроет огонь... или кислород перекроют.

При входе в «Голиаф», Мирон заметил, что рядом с Степаном стоят два пехотинца с протонными винтовками. Он удивленно окинул, врагов своего сообщества и кивнул в сторону брата, словно хотел спросить: что это за?..

— Не бойсь! Ребята проверенные. Или ты думаешь, что сам сможешь: «Голиафом» управлять?

— Я ничего не думаю. Давай быстрее отсюда убираться.

Шлюз с громким шипением воздуха закрылся и корабль плавно стал набирать высоту. Следом замерцали залпы винтовок, но «Голиаф» имел такую защиту, что обычная протонка не могла причинить ему, какого-либо вреда. Пройдя без проблем евтоновый колпак (коды доступа к его защитной системе были только у Волкова, поэтому заблокировать: опционально разрешенный «Голиаф», не представляло возможным) вырвался на открытые просторы вселенной.

— Вот она! Вот она, долгожданная!.. — радостно закричал Мирон, и через пару секунд добавил: — Я знал, что это когда-нибудь случится.

— По такому поводу, имеется... — заулыбался Баклан и достал бутылку вина, которую припрятал еще в боксе начальника.

— Вот за это, Валера... хвалю! Молодец!

— С этими что делать? Может в шлюз спустим? — сказал Степан и кивнул в сторону Волкова с Вероникой.

— Пока не надо, это наша страховка: на всякий пожарный. Связать потуже и хорош, но начальника... и по ногам... бо сильно шустрый: чтобы, чего не учудил.

— Зачем связывать. Или ты забыл, где находишься. В карцер обоих! — приказным тоном бросил он, пехотинцам.

Те подхватили заложников под руки и увели в неизвестном направлении.

— Ты им доверяешь?

— Как родной матери. Да ты не переживай, люди они проверенные, по ним Элизиум уже давно плачет. И пару лишних протонок...тоже не помешает.

— На счет этого ты прав, а то с этим допотопным оружием чувствуешь себя обезьяной, — сказал Мирон и глотнул вина прямо с горлышка. — На хлебани! — передал он бутылку Степану.

— Что это бутылка! Сейчас отпразднуем по-взрослому. У меня для такого случая припасено, но для начала, надо определиться куда летим.

— Ну куда? Куда? Где нет труда, — смеясь кинул Мирон, и все еще находился под сильным впечатлением.

— А если серьезно? Мы ведь не можем просто лететь. Скоро здесь будут эсминцы Федерации и тогда...

— Тогда, тогда... тогда, есть тут одно место, где можно потеряться без проблем... Ариана, там у нас все схвачено и припасы кое-какие имеется. Сменим ДНК, флузелиновая маска, а потом можно и на Землю рвануть. Степа не парься, все будет в шоколаде.

— Последний раз по-моему, парился ты, — подколот, с намеком, что без него... — твоя Ариана в печенках сидит... и что там ловить?!

— Но...то было в прошлый раз, когда у нас, там бизнес был, а теперь ведь нам деньги не нужны, вот и будем оттягиваться... хоть до седых усов. Ну что, усек? Кому мы там нахрен надо! И жиртрес свой человек... не пропадем. По крайней мере: залечь на дно... годика на два, три... и к бабке не ходи... отсидеться придется... что это мы о плохом, да о плохом. Пора пить водку! Вроде не все так и плохо... Тьфу! Тьфу! Тьфу! — сплюнул он через левое плечо и постучал Степана по лбу. — Чтобы не сглазить. Давай тащи, что там у тебя: пожрать, выпить. Хочется поскорее... забыть, этот страшный сон.

Через десять минут стол ломился от разных закусок. Водка с вином лились ручьем, и расходовались медленно и планомерно, вкруговую и в общем порядке. Дым дорогих сигарет наполнил весь эсминец; уже давно забытое чувство свободы опьянило беглецов. Забыв все на свете они ударились в пьянство, ведь их души требовали праздника — повод для этого был, куда более серьезный, чем это могло показаться на первый взгляд. И несмотря на то, что их долгожданная свобода была еще, очень и очень далеко — минимум шестнадцать часов лета, на четвертой световой скорости. Но это было, уже не столь важно. Главное, что в душе каждого, свобода ощущалась в полной мере; процесс был запущен и остановить его было невозможно — ведь самый важный шаг, для этого, был сделан.

«Голиаф» набирая скорость, взял курс на Ариану.

*Поет душа: свободным духом,
На части рвет прилива страсть
И шепчет кореш вольным слухом,
Воспрянул «Я» — поперла масть*

Глава 5

Утром, только открыв глаза, Джек скатился с топчана на пол и по привычке принял упор лежа — начал отчитывать разы. Увидев это, Марк сразу же вскочил со своего лежака, упал напротив — начал отжиматься. На что Джек только улыбнулся:

— Хочешь на спор? А ну, Джина, прыгай на спину.

— Стив, давай покажем им... — сказал Марк, предвкушая легкую победу, запыхтел под внушительным весом Стива.

Результат оказался предсказуемым: Джек, как и ожидалось, выжал, хоть и с немалым усилием — свои сто раз, а Марк, ели «перешагнул» за полтинник, потому что, его расчет оказался неверным; ведь Стив по сравнению с Джинной, весил под добрых сто тридцать килограмм.

— Слабак ты, Марк! Глянь сколько шеф отжался, — дразнилась Джина.

Тот только развел руками, но так и не понял, почему он проиграл — буркнул что-то под нос — уселся за стол и принялся доедать оленя. Стив тем временем чего-то там, рылся в своих вещах и негромко возмущался.

— Что ты там бурчишь?

— Хотел мясо порезать, не могу нож найти. И где я мог его деть. А ты его не видела?

— Ну возьми мой, — сказала она и по привычке полезла в кобуру куртки. — Не поняла! Я вроде бы его вчера...

— Стив, на мой... — сказал Джек, и сунул руку под подушку, — или давай лучше я сам.

Сильвер достал нож и за считанные минуты порезал оставшуюся часть голени оленя: по маленьким кусочкам.

— Вот это нож! — восхищался Марк.

— Может и у тебя, когда-нибудь, такой будет, — как обычно сказал ему Джек. — Сейчас быстро перекусим и будем брать Готфильда. А то меня эта планета, утомила не по-детски: чая нормального нет, про курево уже молчу.

— Сэр, мой фонотрон пропал и рюкзак Федора: с нашим бараклом. Советую всем, проверить свои вещи! — встревожилась Джина.

Проверка, еще больше насторожила подразделение: кроме ножа Джека — остальное, как в воду кануло, но более всего, обеспокоила пропажа астралов.

— Вот и все, остаемся здесь жить, — сказал Федор спокойным, схожим на полное безразличия, голосом.

— Эх, дедушка Банзай... будь ты неладен... увижу, уши точно накручу! Мне он сразу подозрительным показался: сто тридцать лет, а борода и волосы черные... То-то он нас, вчера, этим чаем споил, и ходу. Теперь уже наверное далеко, — возмущался Стив.

— И как я на это клюнул. Развел как детей, — подумал Джек и тут же выпалил: — Хорошо, что еще усыпил, а не...

Все переглянулись, и им сразу вспомнилась та истина, которую они знали, но по неизвестной причине, почему-то игнорировали, и те слова Шарика, что надо выставлять дозор, не для кого теперь не казались шуткой. И то что они были не на курорте, а выполняли боевое задание, на чужой планете... — на этот раз все кончилось: более менее благополучно.

— Да что вещи. Лучше давайте оленя доедать, а то пропадет, — мямлил Ломоносов, с полным ртом мяса.

— Попустило? Ешь, ешь, отъедайся, а потом не забудь пойти и простираться, — выговорился Марк.

— Хватит вам между собой скубтись. Ничего страшного... было и похуже, — пыталась оставаться спокойной Джина.

— Связи с Тронплексом нет, операция по моей вине, под провалом: куда может быть хуже, — проронил Джек.

— Сэр, вы ни в чем, не виноваты: стечение неблагоприятных обстоятельств. Кто мог знать, что старик вор... А где Шарик? У него ведь все продумано, и он точно должен... по лобому что-то знает! Тем более, что всю ночь на улице был.

— Он знает, знает, но только для себя... — буркнул Марк.

— Пойду узнаю, — сказала Джина и толкнула дверь, но та и не шатнулась. Даже мощные удары ногами: Марка а потом и Стива, не дали результат — дубовая дверь, как монолит срослась с домом.

— Ну старик... ну и хитрец... теперь еще и в ловушке! Хорошо, что следы не стал заметать... и дом не подпалил, пока спали, — сказал Джек и попытался выглянуть в маленькое окошко, но его размеры...можно было смотреть только прямо перед собой: голова не проходила ни у кого.

Один Федор был спокоен как удав, он сидел за столом и с большим аппетитом уплетал сочное мясо оленя. Разделавшись с очередным куском он вытер рукавом рот и сделал громкую отрыжку, а после сказал:

— А где это наш лохматый друг?

Джек под лба глянул на Федю, но учитывая его состояния не стал ничего говорить.

— Странновато конечно... старик то ладно, а вот, что Шарика нет, — озаботилась отсутствием собаки, Джина: она три раза кричала ему в окошко, и все безрезультатно.

— Наверно на охоту пошел, или по своим делам. Он же не собака, чтоб дом охранять, — иронично подметил Стив.

— Не остроумно, знаешь.

— Надо отсюда, побыстрее выбираться, а то, предчувствие... гложет мой... эх! — проронил Джек и достал нож.

И только он это сказал, как вдруг, прерывая глухую тишину леса, раздался громкий звук трубы. Которая трубила короткими, громкими звуками: туту, туту-ту, туту, туту-ту

— Знакомый мотив... не могу припомнить где слышал, — сказал Стив.

— Значит план у них был другой... — подумал вслух Джек и ему не надо было объяснять, что означали эти звуки. Он подошел к глухой стенке дома, возле печи, и уже было хотел делать выход в стене избы, но глянув в сторону Марка сказал: — Ну что, солдат... не желаешь: испробовать?! — и протянул ему свой нож.

Тот с удивлением глянул на шефа, потом на нож. И только хотел, что-то сказать, как услышал:

— Чего тянешь?! Представь, что масло режешь. Главное покрепче за рукоять держись.

Марк с восхищением, взгляделся в зеркальное отражение клинка и крепко сжал рукоять. Первый удар, полностью вогнал нож в стену — бревна оказались намного толще, длины лезвия. Потом он с такой же легкостью вытащил его обратно, и снова глянул на Джека; его блестящие от радости глаза, говорили сами за себя:

*Купила мама ножик, чтоб резать пироги
Дитя его схватило — попробуй заberi!*

Через две минуты в стене был уже не только проход, а большая дыра: крыша с одного бока дала крен, а этот дровосек, так увлекся — строгал и не верил, строгал и не верил; что наверное если бы его не остановили, то он наверняка: построгал бы весь дом — на щепки.

Все быстро повыскакивали из избы на улицу, и тотчас замерли — с леса, плотным кольцом, со всех сторон, выстроившись в шеренгу, на них двигалась целая армия: человек триста крестьян, вооруженных топорами и вилами. С заду них виднелось еще около сотни всадников, но они уже были не с вилами и топорами, а с пиками и мечами.

Прерывая утреннюю тишину леса, труба снова отбила, незамысловатый мотив: туту, туту-ту, туту, туту-ту — крестьяне облепили поляну, что мухи: кучку-невеличку; бежать было некуда, с заду путь преграждала широкая река.

— Ловушка. Придется плыть, — выпалил Марк и подбежал к реке: зашел туда по колено, потом оглянулся и крикнул: — Чего стоите?

— Ты смотри пингвин нашелся. Я никуда не поплыву. Если не утонешь, так от воспаления легких, дуба врежешь, — категорично заявил Ломоносов.

— И не факт, что уплывешь... стрелами закидают, — добавил Джек.

— Но так хоть какая-то возможность, а так порубают, — пятась к реке молвила Джина.

— Какая еще возможность?! Река что море, и если учитывать, что на улице не лето... а у этих луки на изготовке... с Федей точно потонем! — подытожил Стив и почти сразу добавил: — И кто знает! Может тех зубатых, что мы видели под мостом, именно здесь и наловили.

Все тут же переглянулись, и план с форсированием реки: вплавь, отпал сам собой. А Марк услышав эти слова, что-то бурча себе под нос и одно оглядываясь — стрелой вылетел на берег.

Подразделение медленно пятилось назад к реке, и выхода в спасении: не было даже и намека — Шарик пропал бесследно.

Толпа крестьян остановилась, и вперед вышел, небольшого роста, толстый человек с деревянным щитом, в другой руке он держал огромных размеров топор.

— Демоны, сдавайтесь! Будем вас судить по кучумским законам.

— Может и правду сдать. Что там у них за законы такие, — предложила Джина.

— Кучумские не кучумские, но на этой планете они по-моему, все одинаковые... отрубят голову и дело с концом. Надо было Шарика слушать. Что он там говорил насчет дозора?! — съязвил Ломоносов.

Среди всех, Федор был самым спокойным. После того пуганья: с проверкой психоделического воздействия страхом, он уже не боялся ничего. И на него тот испуг: подействовал как-то особенно.

— Я вижу ситуация вышла под вашего контроля. Другого развития событий я и не ожидал, — слышался голос, неожиданно появившегося, с ниоткуда, Шарика.

— Шарик ты где был? Мог бы и предупредить, — обрадовалась Джина.

— Моя главная функция не предупреждать, а планировать... вам же, я предоставил... но вы сами отказались действовать согласно предписанию, и это уже ваши проблемы. А я обновлял информацию о местонахождении Готфильда. Операцию по поимке особи, что угрожает человеческому роду — нужно завершить в кратчайший, временной срок... Цель находится в тех самых координатах, что и вчера.

— Шарик, ты наверное, чего-то не заметил, — кивнул Марк, в сторону крестьян.

Лесную тишину опять пронзил неприятный голос того толстуна, с деревянным щитом:

— Даем вам последний шанс. Демоны... сдавайтесь!

Присутствие рыжего вселило, большую надежду в удачном исходе от неожиданного нападения. Но никто не решался даже заикнуться, чтобы он, что-нибудь сделал, потому что, о его реакции на подобную просьбу, только можно было догадываться, и его ответ: «Вы здесь и без меня справитесь... беспричинная трата моих ресурсов...» — мог поставить крест на их спасении.

— Искусственно созданная проблема, что возникла в последствии действий, непродуманного игнорирования логической последовательности... — здесь Шарик выдал небольшую речь о своем видении проблемы. — ...а поскольку, это угрожает срыву нашей миссии, то я не

могу допустить...

— Пугать будешь? — перебил Федор.

— Уровень психоделического воздействия: страхом, будет равен, максимальной степени трансенквации по шкале эквитонской системы исчисления, а именно: сто процентов, по-вашему, — и это предусматривает визуализацию; целенаправленное воздействия не приведет к соматической элиминации... поэтому, на вас, будет оказывать влияние, только визуализация. Ложитесь на землю и закрывайте уши и глаза, — сказал он не обращая внимания на реплики от Ломоносова.

— Нам твоё планирование понятно. Пора действовать, — азартно выпалил Федор.

— Федя, давай быстро ложись, и закрывай все свои входы и выходы, а то потом тебя придется целиком в стиральную машину укладывать, — усмехнулся в его сторону Марк. — Или чухай на ту сторону... клин клином вышибается... напугаешь их своей... — тут же получил подзатыльник от Джека: — Сейчас я тебя... напугаю. Бегом на землю!

Подразделение, один за другим, кроме Феди, быстро попадало на дышащий свежестью, Арианский грунт; и ни у кого даже не было и мысли ослушаться Шарика: с его предупреждением. Один Ломоносов, с улыбкой до ушей, пошел и сел на крыльцо дома в ожидании зрелища.

Шарик отбежал чуть вперед, от той хибары, и замер перед войском крестьян.

Ополчение, земель кучумских — нервно перешептывалось: в преддверии священного боя, против демонов.

— Гляньте, тот самый кабель, только рыжий. Что он тут делает? — сказал мужик, который кидал Шарику хлеб, возле ворот Эдема.

— За родину! Вперед! Рубать демонов! — закричал пузатый и кинулся в сторону избы.

Толпа с криками (каждый кричал, что ему приходило на ум) побежала к дому, со всех сторон.

У рыжего засветились глаза и раздался громкий рев, но он был не громче чем в прошлый раз: когда он пугал Джека и его команду.

Крестьяне на минуту остановились и оглянулись по сторонам.

— Это все проделки демонов. Не бойтесь: с нами Бог, — послышался опять голос пузатого.

— Во рычит! Во рычит! Ох, этот Шарик! Молодец! И тут у него, продумано: по высшему разряду, — размышлял в слух Федор, а сам: как замороженный, сидел на крыльце, хибары Банзая; и по его виду, можно было подумать, что он пришел в городской театр, на премьеру «Звездной баллады».

Войско снова бросилось в атаку.

Через секунду Шарик трансформировался в большой шар — размером с футбольный, который переливался загадочным светом. И в тот же миг раздался громкий хлопок. Подразделение одновременно подняло головы, чтобы глянуть, что там происходит.

На месте рыжей собаки, появилось чудовище не чудовище, а что-то большое и ужасное: высотой «Это», было более двадцати метров, его металлическое естество переливалось семью цветами радуги, все двенадцать конечностей имели большие когти, а глаза светились будто хороший прожектор.

Чудище, с душераздирающим ревом, сделало шаг вперед. И кони, сломя голову понесли в разные стороны, унося хорошо вооруженных всадников: в глубь леса. Ну а крестьян, испуг, видать, уже не брал или наоборот с испугу, они бежали и кидали, топоры и вилы, в сторону этого монстра. «Это» повернуло свои «прожекторы» в сторону подразделения и рев на время стих.

— Понятно, — произнес Марк, и все будто по команде «зарыли» головы, обратно в землю.

Только Ломоносов, как ни в чем не бывало, сидел на крыльце и предвкушал дальнейшее развитие событий.

Чудище повернуло голову обратно в сторону бегущих крестьян и наклонив ее вниз: к траве, чтобы воздействие было прямо на уровне их тел: два раза, лапой, скребнуло по земле — груды грунта и камней полетели с большим облаком пыли, потом раздался — такой ужасный вопль, что пролетающий вблизи ворон упал замертво. Войско остановилось, не зная, что и делать: бежать по домам или атаковать демона дальше. И в ту же самую секунду, ели заметное колебание воздуха: волнами, поплыло в сторону, этой лиги храбрецов; не прошло и трех секунд — как ополчение крестьян, попадало замертво. А на месте монстра опять стоял Шарик, который вильнув хвостом побежал в сторону «зарывшегося» подразделения.

Федор заворожено продолжал смотреть на поле битвы, как будто ожидая второй части спектакля.

— Препятствие устранено. Можно продолжать нашу миссию, — сказал Шарик когда подбежал до Сильвера, который отряхивал пыль с одежды.

— Днем нам в городе делать нечего... там если поймают... был бы астрал, то другое дело...

— Эх, дедушка Банзай! Голимец кучумовский... покрал все наши вещи, — возмущенно забасил Стив.

— Хотел украсть... хотел, — поставил акцент рыжий, — его планирование с воровством, несовершенно и имеет многочисленные пробелы, особенно... — здесь Шарика опять понесло: с его якорями и другой сверхинтеллектуальной информацией, — ... Я бы на его месте, спалил бы вас вместе с домом... — подытожил он.

— Это очень хорошо, что ты не на его месте, — высморкался Марк, на вперемешку с землей.

— Мои рассуждения гипотетические...

— Шарик если ты хочешь что-то сказать... от твоей философии понятней не станет... какое твое планирование? — обозначил приоритет Джек.

— Имущество подразделения, находится... — здесь рыжий указал точные координаты и сказал, что покажет место, а потом расписал от и до: поимку Готфильда — в двенадцати вариантах.

— Ну и Шарик! Все у тебя спланировано. Может меня научишь? — ляпнул Марк.

— К сожалению, твоей жизни не хватит, чтобы усвоить хотя бы азы планирования. Человеческая жизнь коротка. И твой мозг не позволяет оперировать большими массивами данных. Поэтому, довольствуйся чем есть, — и тут же добавил: — Хотя там ничего нет.

— Федьку, что опять накрыло?! — спросил, как бы у всех, и в тоже время у самого себя, Стив.

— Что-то не похоже, скорее наоборот, — сделала вывод Джина.

— Федор, ты как там? — крикнул ему Сильвер.

— Лучше всех, — ответил тот и поднявшись с крыльца, с довольной физиономией, направился в сторону остальных.

— Ну тогда вперед, нечего здесь задерживаться.

Их путь к лесу, шел через поляну: где многочисленные тела крестьян, с видом не совсем естественной смерти — неравномерно усеяли поле битвы. У всех до единого были белые волосы, а тело покрывали, многочисленные, набухшие капилляры — лица запечатлели маску, которую обычно вешают, перед воротами кучумского ада.

- Вот это напугались, так напугались. Интересно что они чувствовали перед смертью,
- удивлялся Федор переступая через тела крестьян.
- Зудело там, где и у тебя, — захихикал Марк.
- Если интересно, то я могу предоставить подробную характеристику психоделического воздействия: страха на человека?
- Конечно интересно, еще спрашиваешь!
- Шарик, интересно только ему. Так что попрошу... в свободное от работы время. Сейчас лучше веди туда, где, то чудо, запрятало наши вещи, — сказал Джек.
- Многозадачность: один из принципов планирования... наша дискуссия не будет мешать работе.
- Я бы допустим тоже не хотела этого слушать.
- В этом нет необходимости. Федор, сильно не переживай, сейчас... только настроюсь на твою волну.
- Проходит начиная с чего?..
- Ты просто думай и ничего не говори.
- Значит он это и наши мысли, так читает?! — встревожился Марк.
- Так скажи, ему об этом: напomini о конституции, о правах человека на личную жизнь... — высмеял его Джек, а сам только подумал, что контроль мыслей... не простая штука, и он с этим сталкивался не раз, когда посещал Галаксею.

Команда с трудом, пробиралась через густой лес: Шарик бежал впереди и показывал дорогу, а Федор шел сзади, постоянно делая очень смешные гримасы — все удивлялся и одно качал головой.

— Рыжий себе замену готовит, — буркнул Марк рядом идущей Джине, и кивнул в сторону Ломоносова.

— Вот это дерево, — сказал Шарик и встал как вкопанный под огромным: метров под сто пятьдесят, трибулиптом (в Арианских лесах, такое дерево не редкость).

Взгляду команды представилось огромное дерево с большим дуплом: правильной формы, которое находилось на такой высоте, что не совсем просто было туда и забраться. Марк посадил Стива, и тот очутившись в середине забасил: «Не дупло, а целый дом — здесь многодетной семье, и с их двумя коровами: можно жить, и еще угол сдавать». Он сразу обнаружил пропавшие вещи, и повывкидывал их наружу, а когда вылезал с дупла, то сильно удивлялся:

— Старый, старый, а вот как он сюда смог забраться?! Еще и с вещами... а если что, то можем здесь и заночевать

— Может у него, где-то здесь, лестница припрятана, — предположила Джина.

— Это не имеет значение: как, главное, что все нашлось, и давайте побыстрее закончим с этим дерьмом... а ночевать будем дома. Действуем по третьему варианту, что спланировал Шарик: каждый портируется с своего астрала... — напомнил Сильвер, на всякий случай. — Воспользуемся моментом неожиданности. Вяжем, а там по обстоятельству... ты, Федя, со мной.

Джеку было уже в нетерпении: быстрее повидаться с тем уродом, чтобы отдать должок, и сразу домой. «Первым делом в ванную... не сначала закурю, затем чая ... а потом в ванную», — раскидывал он в голове дальнейший вечер, как голос Шарика сбил его с «сладкой» мысли.

— Подождите секунду. Сейчас обновлю информацию об местонахождении объекта.

Рыжий на две секунды испарился в воздухе, и тут же появился на том же самом месте. Если, кто бы отвернулся, в этот момент, то могло показаться что он никуда и не удалялся.

— Объект имеет те самые координаты, что и раньше и наша миссия входит в завершающий этап.

Джек достал астрал, и со словами: «Ну что девочки и мальчики... пускай воздастся грешной душе по ее деяниям!» — и под радостные лица команды, начал набирать координаты, места нахождения Филиппа Готфильда.

Тем временем, в Панифексе Эдема, Семен 33, созвал своих бояр на срочное собрание. На повестке дня обсуждался вопрос, о появление демонов в их государстве. Рядом с императором сидел, тот самый дед Банзай, который заманил к себе подразделение «Барьер», и хотел поменять их души на золото. Собрание сопровождалось большой трапезой, и как думал Семен 33 «...Одно другому не мешает».

— Так ты, старик, говоришь, демонов к себе заманил? — сказал он откусывая кусок мяса.

— Банзай меня зовут: дедушка Банзай!

— Да мне хоть, Гаврило Петрович... если обманул, то отрубая я тебе, твою чернопрядную или скормлю волкам. Но, а если правду говоришь... одарю золотом в таком количестве: сколько сможешь унести, — сказал он, а сам скрестил пальцы, под столом.

— Сколько, сколько?! Прослушалось, как-то батюшка... а что насчет сил, то вы не переживайте, я хоть и стар, но если такое дело... смогу много унести, — ехидно заулыбался старик.

— Много говоришь?! Но тогда придется тебе отрубить голову: дешевле будет и казна не пострадает, — сказал Семен 33 вытирая жирные руки об свой парчовый кафтан.

Неожиданно, в палаты где обедал император, вбежал насмерть перепуганный солдат.

— Батюшка, родной...не вели казнить, — и упал на колени.

— Поликарп, ты чего это: надумал меня пугать. А ну давай вставай и рассказывай: что там с демонами, покончили?!

— Да где там, родимый, если бы кони не понесли, то не стоял я бы сейчас перед тобой. Все набранное войско пало замертво: от демона нечистого, — сказал Поликарп и трижды перекрестился.

Потом он начал рассказывать события по порядку, а в конце своего повествования резко замолчал и сделал очень испуганное лицо, оглянул бояр и сказал: «...А когда мы вернулись назад... все мертвые... и тишина», — и снова перекрестился.

— Вот видите, я не обманывал. Хотелось бы мне золотишко побыстрей получить, а то дела тоже, понимаете... — обронил как бы невзначай, дед Банзай.

— Так старик, не мешай мне думу думать, — с убитым горем лицом, сказал Семен 33.

Распетушившись словно бойцовый петух, дедушка Банзай начал в хамской форме доказывать свою правоту: «Как это так! Вы же сами сказали, что не обманите... что это за император: слово не держит... позор на все государство! Грабеж среди бела дня».

— Уважаемый, хватит шуметь! Никто тебя не собирается обманывать. Ей охрана!

В зал в тот миг вбежало четыре молодца с пиками.

— Отрубайте этому, Гавриле Петровичу, голову! Обещал! А обещание надо держать, а то не дай бог подумают, что я обманщик.

— Да что это такое?! Да что вы себе, это позволяете?! — не унимался старик.

Охрана с большим трудом тащила Банзая через весь зал, а тот упирался и кричал революционные лозунги. Четыре здоровых охранника ели с ним справлялись.

— А ну подождите. Не надо ему рубать голову.

Охрана остановилась, а Банзай приложив еще немного усилий, крутил охранников, как на карусели, и те ели удерживались на ногах.

— Ты смотри, честному человеку голову рубать! Где это видано?! — громко крикнул старик.

— Снимите с него живцом шкуру, потом порубите по кускам, и скормите бродячим собакам, а голову на кол: перед воротами повесьте.

Смотри какой! Вздумал тут людей на бунт подбивать, — выпалил император, гневно сжимая кулаки.

Банзай уже почти смог освободиться от охранников, как на помощь пришло еще шесть молодцев и они насилу вытащили его в двери, на что тот перестал выдавать реплики, в сторону Семена 33 — затянул во все горло:

*Вставай! Сыны Отечества
На смертный, бой с врагом!
Порубим мы купечество,
Семена топором*

*Пусть льют, рекою темною:
Кровавые ручьи
Вставай, душа ты вольная!
Вставай, точи мечи!*

*И будет, воля верная:
Народа и меча
Вставай, братва кучумская!
Вставай, руби врага!..*

— Не извелся еще человек: что ценит деньги больше, чем жизнь, — с грустью сказал император, и через секунду добавил: — Зато, как поет! — и плюхнулся со всего роста, на большой, вычурный трон: на меховые подушки. — Ну что бояре мои дорогие: что будем делать? Самим нам, наверное, не одолеть демонов. Придется обращаться за помощью к нашим соседям.

Бояре одобрительно кивали, при этом набивая щеки разными деликатесами.

— Поэтому, так и порешим: будем слать гонца. Ты, Василий, поедешь, войско собирать, — обратился он к сыну. — Больше довериться некому. Тебя все императоры знают с детства, вот ты им объясни: что да как. И обязательно скажи, что если демоны нас одолеют, то потом они за них примутся. А вместе мы сила и их ух ... — сказал он и показал движением рук скручивание головы, — ...и тут им сразу конец.

Дверь императорских хором с громким шумом распахнулась и вбежал Поликарп, в руках он держал обломок от меча: — Сбежал демон! Сбежал!

— Кто сбежал?

— Какой демон?

— Где демон?

Перепугано кричали бояре и тут же начали быстро выбегать из-за стола. Один император как в ничем не бывало сидел на троне, потягивал медовый коктейль.

— Да не мути ты воду. Рассказывай по порядку.

— Вот и говорю: сбежал демон. Значит связали мы его: чтобы шкуру снять, а он эту веревку, словно нитки!.. Пятерых наших, сразу, намертво уложил. И вот, — сказал вояка и показал обломок меча, — я его по голове, а он развернулся и ходу с городу — давай бежать. Мы на коней и за ним, так кони не могли догнать. Чуть животину, батюшка, не загнали. Демон! Чистой воды демон!

— Вот видите, уже демоны в обличие людей по городу ходят, а что дальше будет, одному богу известно. Посему, слушай мой, императорский указ: выставить во всем городе, значит охрану, и каждого мужика, кто может вилы в руках держать, призвать на срочную службу. Точка. Так вот и запишите значит, а я подпишу. А ты сынок давай езжай. Времени у нас в обрез, а может вообще уже нет, — сказал он и похлопал Васю по плечу.

Четыре портала, одновременно, открылись в комнате, где Готфильд сидел и чистил картошку. В углу помещения, на полу, лежало связанное тело: молоденькой девчонки. От удивления и внезапности, руки Филиппа дрогнули: нож забренчал под ноги, а картофелина покати-лась под топчан. Но бывший охотник за головами не растерялся, подхватил нож, и кинулся на Марка. Но тот успел схватить его за руку, и в ту же секунду, с другой стороны, Стив со всей силы ударил Готфильда, под дых ногой. Филипп немного согнулся и сделал глубокий вдох.

— А ну дайте мне! Мне дайте! Я его немного подровняю, — крикнула Джина.

И с разбегу: прыгнула и ударила его двумя ногами в грудь. От сильного удара Готфильд отлетел на два метра, и упал: ударившись спиной о деревянную кровать. Явно не ожидая такого развития событий, Филипп уже не пытался сопротивляться: силы были неравны, а при-сутствие Джины говорило ему только об одном, что до суда дело не дойдет (с надеждой на Элизиум). Но Готфильд был солдат, хоть и с больной головой, но все равно солдат, и сдавать-ся он не собирался. Схватив мощную, деревянную табуретку он с очень большой силой кинул ее в окно — оконная рама, с громким треском и звоном бьющегося стекла, вылетела наружу.

Филипп действовал спонтанно и его задача была, любой ценой спасти свою шкуру. Не долго думая он кинулся в сторону оконного проема, но на его пути, будто из-под земли вырос Марк. Голыми руками этого парня было не взять, тогда Готфильд, на ходу, хватая двумя ру-ками, вторую табуретку, громко закричал: «Демоны! Все быстрее сюда. Держите их! Демоны!» И после этих слов, вся мощь этого негра, обрушилась на голову Марка — табурет разлетел-ся на множество маленьких частей — Марка немного шатнуло и у него помутнело в глазах. Филипп напряг все мышцы и с ходу схватил противника за пояс, резким движением своего тела, он закинул Марка себе на плечо, и мощным прыжком, прямо в месте с ним, выкинулся в разбитое окно.

Стив только успел схватить Готфильда за ногу, но его вес вместе с Марком был непо-мерным — в левой руке остался лишь один ботинок этого уроды. Подразделение повыпрыги-вало следом, в тоже самое окно. Марк лежал без чувств, а Филипп бежал и кричал: «Демоны! Держите их! Охрана!». Мимо проезжал захудалый крестьянин: верхом на лошади. Готфильд одним движением руки стащил его наземь, а сам прыгнул в седло. И подшпоривая пятнистую кобылу, помчался к воротам города, крича во все горло одно и тоже: «Демоны! Демоны! Дер-жите их! Все сюда!»

Не успев сориентироваться — подразделение, тотчас, попало в окружение, горожан. Люди были кто с чем: топоры, вилы, палки. Через толпу, под разъяренные выкрики народа, пробирались охранники с пиками и мечами. И не давая людям свершить самосуд, еле сдержи-вали толпу. Дальше подоспело еще пол сотни солдат, и они быстро разогнав горожан, взяли Джека и его команду под пики — повели в сторону Панифекса.

Шарик видя такой поворот событий решил действовать по своему планированию: он трансформировался в белого ворона и кружил над головами толпы, не сильно привлекая к себе внимание.

Возмущенные люди следовали по пятам, взятых в плен «демонов». Гомон толпы был слышен за пару кварталов, и народ все подходил и подходил.

— Чего они там, так шумят? — поинтересовался Семен 33 и выглянул в окно. — А ну, Константин, поди узнай в чем дело! — приказал он воеводе.

Военачальник сразу посеменил к выходу, и уже через шесть минут: тяжело сопя и ути-рая лоб, вбежал обратно, его лицо светилось от счастья и он еще не сказав ни слова — на не-мом языке, рассказал всю суть, после на открытые рты бояр и императора выпалил: «Поймали! Поймали! Поймали, батюшка, демонов». Семен 33, резко встал с трона, и не сказав ни слова, вышел к воротам Панифекса; там он дал сигнал рукой, чтобы стихли. Установилась гробовая тишина. Только шум крыльев белого ворона, разгоняя легкие порывы ветра, прохлопал над головами крестьян — сделав круг над воротами, птица плавно спустилась, на самую макушку

императорского знака, который красовался над массивными воротами Панифекса.

— Дайте я на этих демонов посмотрю, — промолвил император.

Подразделение стояло опустив головы: любые разговоры в свое оправдание, могли бы только привести к непредсказуемы последствиям. У Марка на голове зияло большое рассечение, с которого сочилась кровь и Стив поддерживал его под левую руку.

— Уважаемые, граждане Эдема! Наконец-то, свершилось! Мы поймали демонов, и они за то зло, что причинили нашим... ух... ответят по кучумскому закону! — поднял руку, сжатую в кулак.

Толпа одобряюще загудела, а Семен 33 дал знак и опять воцарилась тишина.

— Завтра, в десять, ноль, ноль, на Вильтонской площади, мы предадим демонов правосудию: со всей строгостью и справедливостью наших законов. Чьи дети и мужья пострадали от нападков этих нелюдей, просьба прийти к девяти часам и зарегистрироваться. После того как мы с ними разберемся я устраиваю пир за свой счет. А сейчас расходитесь по домам. Демонов в темницу, и не забудь охрану усилить! — строго сказал он военачальнику.

Толпа не спеша, и громко обсуждая события волнующего мероприятия, разбредалась по городу.

Темница, в которую доставили «демонов», убивала наповал: только одним своим видом; тридцати метровая башня, с гигантских глыб: природного камня, как старинный замок, грандиозно возвышалась посреди бездонной пропасти; тысячные орды воронья, что кружили над пиками темницы — рвали душу на части: своим дотошным криком.

*Ступил ногой ты чуть левее:
Оковы, пропасть, страшный сон;
Тюрьма души — а что страшнее?
Судьба поставлена на кон*

*Кричит недолей ворон черный
Рвет душу: звонкий лязг цепей
Настанет день и не последний,
Когда запустишь белых голубей*

В камере, где очутилось подразделение, кроме одного окна с мощной, кованой решеткой, через которую ветер гулял взад-вперед — были только голые стены, со свисающими по ней цепями; и то что, команду не приковали — ничего не меняло: бежать было не куда.

— Сильно болит? — спросила Джина у Марка и сделала сочувственное лицо.

Тот махнул рукой и сделал такую мимику, что она сразу поняла, что не вовремя.

— Завтра, ни у кого и ничего, даже если что и болело, к обеду уже болеть не будет. Семен всех излечит, — сказал Федор, как будто был с императором за одно и находился по ту сторону темницы.

— Вот блин, с каждым разом попадаем: лучше и лучше, — вырвалось у Джека из глубины души и он очень сожалел, что с ним нет его армейской протонки, а то он бы показал этим крестьянам, все правила военной тактики, ведения боя: в вражеском тылу.

Ограничения поставленные прокурором, по ногам и рукам, связали команду. Хотя со стороны врагов таких ограничений не наблюдалось. Но в данный момент не было не только протонной винтовки, а и его любимый нож с остальными вещами подразделения, был изъят императорской охраной.

— А что? Мы то ни в чем не виноваты: те в баре сами напали. На поле тоже самое. В чем наша вина? — завел разговор Стив.

Сильвера это очень развеселило и он смеясь похлопал Стива по плечу:

— Ты что не слышал? Мы же демоны, а завтра они посоветуются и он решит, — потом Джек замолчал и сделал серьезное лицо. — Короче ты сильно не парься, головы они рубать могут.

— Не факт, что отрубят. Могут и повесить, — добавил Ломоносов.

— Ну и нашли же вы тему, о чем поговорить! Шарик нас спасет. Все спланирует и тогда...

— И что тогда? — перебил Джину, Марк. — Тогда нас просто может и не оказаться в его планированиях. И где сейчас твой Шарик?! Можно было ведь и без этого обойтись! А-а ... — и прижал руку к ране.

Белый ворон, уже как пять минут назад, тихо подлетел к башне и притаившись сидел на уступе окна.

— Причем здесь Шарик! Боевая задача у кого? У нас или у рыжего? И хочу вас всех поздравить, что наше задание мы с позором провалили, — объявил Джек.

После этих слов все сразу притихли и разошлись по разным сторонам темницы.

— Нам надо было обезвредить одного, — тут Джек примолк, и наградил, каждого: по очереди, своим тяжелым взглядом, а потом добавил: — Если кто не заметил: такого же, безоружного человека.

— Местные тоже без оружия. Мы это тоже сразу заметили. Да этот город, только штурмом... и в полном боевом! — улыбнулся Стив и добавил: — И без пленных... по другому никак.

— Ладно, забудьте, что я вам наговорил. С этим крестьянами и их беспредельной простотой, можно тронуться.

— Гляньте птичка. И дать тебе нечего, — сказала Джина и протянула руку к ворону, тот демонстративно перелетел на другую сторону.

Какая же это птичка. Ворон, да еще белый. А знаешь, он больше всего мясо любит?! — сказал Федор и рассмеялся, а потом сделал неоднозначную гримасу, и зачем-то подморгнул Джине.

— Федя, знаешь, что? Будешь меня доставать... испугом не отделаешься! И не смотри, что я на вид: мягкая и пушистая.

Стив, подошел к оконной решетке, и с недюжинной силой схватил ее двумя руками. Но как он не пытался, металлические прутья, даже не шелохнулись; а только руки сильно запекли, от приложенных усилий. Отпустив решетку он с грустью сказал: «Да нет, она тут намертво».

— Давай вдвоем... попробуем! — сказал Марк и тоже подошел, и схватил кованный прут.

Результат остался без изменений, решетка не давала и намека: на то что, ее можно вытащить или хотя бы погнуть.

— Бесполезно! Даже не шатается, — подытожил Марк.

Они опять разбрелись по разным сторонам камеры и молча уселись на каменный пол; только отдаленный хруст крысиных зубов, скрашивал тишь, что воцарилась в помещении; легкие порывы ветра, с определенной частотой студили и без того ледяные стены темницы — и это не придавало энтузиазма команде.

*В глуши сырой — во тьме безмолвной,
Где скрежет, точит страстный мозг:
Раздался писк и крыс тюремный,
Прокрался тихо, боком в бокс*

*Хозяин он дверей железных,
Замков пудовых и оков;*

*Как часовой он нар тюремных:
Обходит запертый засов*

*Душа его всегда свободна
И нет нигде ему преград
Стоит на страже постоянно:
Заклятый враг и меньший брат*

Разные мысли пересекались в голове Джека, и отталкивая друг друга: уступали дорогу новым, пока одна из них не стала расти в размере — затмив собой все воображение. Мысль о новой ноге и что ситуация — лучше не придумаешь, чтобы испытать инопланетную поделку. Вторым «я» — навязчиво нашептывало и подбивало к действию: а ну давай врежь... и как следует... и по сильней, и чтобы ...

— Говорите не идет?! — и глянул по очереди на пехотинцев. — Сейчас проверим, — тихим голосом и без всякой надежды сказал Сильвер.

Стив сделал одобряющую улыбку и ели заметно кивнул, мол: Давай! Давай! Попробуй! А Марк глянул шефу в глаза, и чуть не засмеялся, тут же взялся за рану и со словами: «А-а...» — быстренько опустил голову.

Джек снял свой дорогуший, правый сапог и отставил в сторону. Хоть продавец и говорил что-то там, о супер-пупер прочности, кожи Борского Мафригама, но он не собирался этого проверять — по крайней мере не сейчас.

Никто кроме Стива и Марка, не придавал вниманию, заинтересованности шефа в этой: глупой не глупой, но по крайней мере, как думали пехотинцы, в излишней попытке — кому что-либо доказывать.

Сильвер подошел к окну и взял одной рукой за решетку — и если бы не злорадное нашептывание второго «я» ... сам только вид, кованого прута на тридцать шесть «говорил»: даже и не думай. Джек отошел на расстояния удара. В тот же миг, ворон который до этого времени спокойно сидел возле окна, порхнул и взлетел в воздух.

«Как там эта нога крепится. Криптонит — разговоров нет. Ох, если поломаю! Буду опять инвалидом», — пугающие и провокационные мысли смешались в его голове, и он уже очень сожалел, что поддался на этот необдуманный шаг. Ведь нога ему дороже всего.

Поскольку на ноге напрягать было нечего, Джек с вырвавшимся грудным криком, подпрыгнул, и мысленно вложил в удар — но от волнения, промазал по решетке, а попал чуть ниже окна: по стене. Ощущение легкой боли быстро прошло, и в ту секунду послышался огромный грохот, от которого содрогнулась вся башня и заложило в ушах. Решетка с большими кусками стены вылетела вперед, и издав громкий хлопок преодоления сверхзвуковой скорости, в один миг пропала вдали. Образовался проем на всю стену темницы. Джек растеряно, схватил сапог и натянул на ногу.

Подразделение с круглыми глазами, пооткрывали рты, и с удивлением смотрели, то на шефа, то на дыру в стене.

— Протез такой! Протез! Что протезов никогда не видели?! — пытался оправдываться Сильвер.

— Таких не видели, — показал рукой Федор, в сторону где раньше была стена с окном.

С низу башни послышался топот сапог. То уже охрана бежала проверить, что там случилось. Джек, подумал, что не продолжить ли ему испытание: «Но надолго ли меня хватит? Внизу там ведь сотни три солдат, а нога одна и то только у меня», — и решил отказаться от этого плана. Но удачно прошедшее испытание очень возбудило, и он уже забыл зачем он здесь, и почему.

В дверь вбежали человек пятнадцать охраны. И удивленно вглядываясь на огромную дыру в стене в один голос затарабанили: «Что вы это наделали?!»

Но команда спокойно сидела на полу темницы: поджавшись под стену... и ноль эмоций — один Федя:

— При чем тут мы, это вы строить не можете! Землетрясение девять баллов... причуды природы, — в возмущенном тоне, забалаболит Ломоносов.

Охранники стояли молча, и не сильно понимали о чем разговор.

— Давайте нам новую камеру! Мы отказываемся находиться в этой! — чрезмерно расхрабрился Федя.

— Да куда они от сюда денутся? — сказал один из охранников обращаясь к другим, потом посмотрел на Федора и добавил: — А нет другой темницы! Остаетесь здесь до утра.

Солдаты еще с минут пять: постояли, поудивлялись, и не зная, как реагировать, молча ушли заперев за собой массивную дверь. Джек ели сдержался, чтобы не ударить, напоследок, в двери ногой, уж очень ему хотелось ощутить то же самое чувство, которое было когда он выбивал решетку.

Все дружно подошли и посмотрели в дыру в стене — внизу виднелась бездонная пропасть.

— Зря старались, сэр, — произнес Федор.

— Ловко вы это. Хоть бери и себе ставь: такой протез.

— Ну и дурак же ты Марк, — смеясь ткнула, его пальцем, Джина.

— Чего это дурак, ты представь ...

Разыгравшееся фантазия, особенно Марка, рассмешила не только Джину, даже Федор сказал, что до такого и он бы не додумался, а вот вместо указательного пальца, он бы себе такой протез поставил бы точно, чтобы Марку с Стивом щелбаны отпускать; и сразу начал доставать Джека глупыми вопросами, где он ставил свой...

Неожиданно, прерывая их беседу, в темницу залетел белый ворон и сел на пол.

— О, птичка, — сказала Джина.

— Если это и есть ваше планирование. То оно глупо и бездарно! — слышалось со стороны ворона.

— Шарик, ты как всегда вовремя! А почему ты их там у Панифекса не напугал. Выглядеть бы очень эффектно. Представь, ты бы такой: у-у-у, а потом ...

— Федя, помолчи пожалуйста, — грубо перебил его Джек, — а то я тебе не палец, а уши такие поставлю, чтобы от воли уже можно было покрутить.

Ворон расправил крылья, и в тот же миг перед ними уже стояла та самая рыжая дворняга, под кличкой Шарик.

— Во-первых, в этом не было необходимости; во-вторых, вы же ни в чем не виноватые. И как сказал Семен 33 в их государстве строгий, но самый справедливый суд, — подчеркнул рыжий. — Поэтому вам бояться нечего. Мои аргументы давно спланированы и... больше часа они вас не продержат. И еще должны будут вам компенсировать. Только есть одна проблема... — не дождавсь расспросов он тут же прояснил: — Бумага которая называется клепки, не может быть принята, как достойная компенсация... — здесь он более десяти минут ласкал уши подразделения, с возможной компенсацией: в разных ее вариантах.

— Насчет компенсации ты не плохо придумал, — сказал Марк и взялся за голову.

— Шарик ты что! Во все это веришь? — сказала Джина. — Что суд у них строгий... сомнений нет, а вот что он справедливый...

— Вопрос не понят. В данном контексте слово веришь никак не уместается. Я, беру вас защищать на этом суде, и можете не сомневаться в моей компетенции.

— Шарик! Да кто бы сомневался. Только никто никого не будет слушать. Просто отрубят голову и аминь. Это и будет наша компенсация, — подбил Джек под дружный смех команды.

— Никто головы рубать вам не собирается.

— Возьмут и отпустят. И еще полные карманы золота насыпят, — с иронией подметил Марк.

— Семен 33 сказал, что рубать головы демонам, это большая честь, а вот повесить то что надо, — прояснил ситуацию Шарик.

— Спасибо, утешил, — буркнул Стив.

— Но я вам, еще раз скажу, что у меня есть четыреста сорок восемь планирований, развития процесса. И во всех его логических концовках: повешение или другая ликвидация нашего подразделения, не предусмотрена.

— Вот с этого, и надо было начинать! — сказал Джек.

— Завтра после суда, миссия переходит в завершающий этап. Объект обосновался в доме бабушки Банзая: возле реки, и бежать ему некуда.

— Шарик, никогда больше, не упоминай... этого кучумовского голимца. Увижу... и уши протезные не спасут.

— Солдат ребенка не обидит... сдался тебе тот старик, — толкнул Марк Стива в бок и переключился на рыжего: — А в плавы... там ведь... не больше пяти километров ширины?..

— В водоеме водятся клориты: далеко не уплывет.

У Марка после этих слов мурашки по телу побежали, а Стив подморгнул ему и сказал, что тот вороватый старик, тридцать лет живет на берегу той реки и явно знал, что они там водятся и тут же пошутил насчет того, как бы они выглядели после заплыва.

— Шарик, может ты сам Готфильда... та во, а нас портируешь по домам, и расстанемся друзьями? Нашей благодарности не будет предела, — неожиданная просьба Федора положила конец всем дискуссиям.

Команда молча переглянулась, и никто не знал, как среагирует это рыжее создание.

— Если бы я и мог это сделать, то все равно бы ты, Федя, говоря вашим фольклором: такой халявы не дождался никогда. К твоему сожалению, моя сущность проявляется только в планировании, а в отдельных случаях и в исполнении разнообразного... что угрожает гибелью, целых цивилизаций. И здесь не мой профиль, так уж я устроен... вы же: протонной винтовкой — мух тоже не плавите. И с вашим: DF234 — уровнем сложности заданием, вы в полной мере и сами справитесь... не вижу, не то что больших, а вообще каких-либо препятствий для выполнения нашей миссии. А вот если надо спланировать, то всегда пожалуйста — уровень сложности: роли не играет, но не более, чем три миллиона семьсот восемьдесят шесть тысяч девятьсот тридцать пять заданий в сутки — в земные сутки. К сожалению, больше не могу... но я совершенствуюсь, — добавил он через секунду.

— Почему халява, если можешь, то чего бы и не помочь добрым людям, — пытался надавить на не него Ломоносов; и от причины окончательной потери страха и других катаклизмов в Федином сознании: беседу вел он с Шариком, на «равных».

— Если ты хочешь знать... добрый человек. Так знай, а лучше запиши, чтобы больше не задавать глупых вопросов. Была такая планета Криксус...

— Почему была?

— Была потому что, в данном временном континууме ее уже не существует... а что насчет несовершенной человеческой памяти, то эту историю я тебе сам запишу: на ксинтонном уровне твоего мозга.

— Ха-ха-ха, договорился, — похлопал Стив Федю по плечу.

— Если хочешь, Стив, могу и тебе записать?

Но тот быстро показал ему замок на рту и отошел подальше от Федора.

...Технический прогресс на планете Криксус приобрел невиданных темпов. И в итоге был создан искусственный интеллект, который стал делать все за местных жителей. Он постоянно самосовершенствовался и совершенствовался. Но самая большая ошибка криксусянцев была в

том, что у него не был заблокирован модуль рациональности, — сказал Шарик и почти сразу добавил: — У меня он заблокирован на H456 уровне в семнадцатом логическом композиуме.

— Ну и что это значит? — спросил Марк, и сделал при этом очень умное лицо.

— Для тех, кто в бронешлеме, объясню...

— Ты ему лучше запиши, — засмеялся Стив и опять показал замок.

— ...По расчетам их главного, интеллектуального объекта, что именовал себя как YeWWWr612. В жителях планеты, которые: без достаточно серьезных на то оснований, только зря занимают ресурсы Криксуса — нет необходимости.

— И от куда ты все это знаешь? — не было предела, Фединому удивлению.

— Была у меня миссия по планированию Криксуса.

— Интересно, что ты там?.. — вырвалось у Джека.

— Ввиду угрозы пяти ближайшим галактикам, пришлось расщепить ядро планеты.

Подразделение молча переглянулось, и желания задавать каких-либо еще вопросов, отпало, само собой. И только сейчас, до всех: по-настоящему дошло, что такое Шарик и что скрывается под видом этой рыжей дворняги. Теперь он вызывал скрытый и не совсем понятный: подсознательный страх. Ведь с подобным успехом, он мог бы спланировать и их, или расщепить например, Земное ядро. Успокаивало лишь одно, что он на их стороне, и у него на каком-то там уровне: в семнадцатом логическом композиуме — заблокирован, тот самый модуль.

— Сразу бы так все и объяснил, и какие тут могут быть вопросы. Но один вопрос все-таки остался. Мог бы ты мне подробнее о расщеплении ядра планеты? — разошелся Ломоносов, со своей врожденной тягой к наукам.

— Твоя психика не полностью окрепла после демонстрации психоделического воздействия, страхом: подробности могут травмировать тебя еще больше.

— Федя, нам второго Шарика не надо... так что успокойся там! — поставил точку в этом вопросе Джек и сказал, что надо хоть немного отдохнуть; и то что планы Шарика то одно, а множество их вариантов и ветвлений, то совсем другое.

Без стены, в темнице было очень холодно, и сильные порывы ледяного ветра пронизывали до костей; каменный пол остыл так, что под утро покрылся инеем. Всю ночь все ходили взад-вперед, чтобы хоть немного согреться. Один Шарик скрутился клубком и делал вид что спит, но на самом деле он просчитывал миллиардную композицию, своего очередного планирования.

Это была одна из самых длинных ночей в жизни подразделения.

Утро, судного дня, порадовало теплой и зирковой погодой. Подразделение с кандалами: на ногах и руках, доставили на Вильтонскую площадь, где уже все было подготовлено для показательной казни: пять виселиц и столько же здоровенных мужиков в черных масках — окружало больше сотни солдат с пиками.

Горожане, как сельдь в бочке, толпились на площади, и все подходы к Панифексу, были забиты множеством людей. Большинство из которых пришло, не так как, на суд, как на обещанную Семеном 33 гулянку, после всего того успеха, в поимке демонов.

Столы находились сбоку от площади и уже ломились от обилия мяса и вина. И это предвкушало большую пьянку, после того как повесят демонов; и сейчас головы горожан тревожила только одна мысль: быстрее бы он кончился! — этот даже еще не начавшийся суд.

Толстые веревки, быстро оказались на шеях: Джека и его команды. Толпа ликовала, и из нее доносились озлобленные выкрики:

— На костер их!

— Четвертовать надо!

— Давайте их сюда, мы сами с ними разберемся.

Вильтонская площадь — самая большая площадь в городе и была выбрана она не случайно: ведь ее расположение под стенами Панифекса — удачно сочетается с ее использованием в государственных делах; окна резиденции императора наряду с большим балконом, что выходит прямо по центру вида этой арены — делают из нее стратегически важный объект. И по этой причине, это самое значимое место в Эдеме, которое использовалось, используется и будет использоваться для подобных мероприятий.

Семен 33 вышел на балкон, за ним последовала множественная свита бояр и военачальников. Толпа загудела и шапки полетели вверх над головами горожан — народ приветствовал императора. Тот поднял руки над головой и колебательным движением: взад-вперед, поприветствовал собравшихся.

Император с утра еще не обедал и не собирался надолго затягивать это мероприятия. В Панифексе с самого вечера суетилось сто двадцать лучших поваров Эдема, готовя обед к сегодняшнему банкету. Множественное количество закусок, и аппетитный, лачанский пампидлот²² — уже присутствовали на императорском столе.

— Дорогие горожане, Эдема! Сегодня у нас настоящий праздник: мы словили демонов и... — резко замолчал Семен 33 и поковырялся в ухе, потом вытащил палец с уха и глянувши на него быстро вытер о свой парчовый халат, — ...за их все деяния, мы их повесим.

Толпа опять загудела, одобряя сказанное. Император воссел в большое велюровое кресло, инкрустированное: золотом с драгоценными камнями, и повернув голову к главному судье сказал:

— Давай, Поликарпыч! Начинай... и смотри не затягивай!

Неожиданно в животе Семена 33 заурчало и он добавил: — Слышал! Правда, — и погладил объемный мамон.

Поликарпыч стрелой, спустился с балкона, и уже через минуту стоял на деревянной сцене, которую специально изготовили: по особому случаю, и установили сбоку от виселиц.

— Итак, начнем, — сказал судья, и приступил к зачитыванию обвинения, с большого рукописного листа:

1. Демоны обвиняются в убийстве, кузнеца Архипа.
2. Уничтожении имущества: пиво-винного заведения Артымонова.
3. Убийство трех девственниц: с доставанием их сердец и попытка убить еще одну, которая чудом осталась жива.
4. Убийства вольнонаемного, императорского войска — в сговоре с дьяволом.

И самая главная их вина, это связь с демоном, в облике рыжей собаки.

Толпа начала перешептываться и креститься.

«Купание» солдат в рве с клоритами осталось не замечено: нет следов, ни свидетелей.

— Если у вас есть что сказать в свое оправдание... а если нет... тогда... — сказал он и глянул в сторону балкона, — будем с этим заканчивать, — и достал белоснежный платочек: поднял его над головой.

— Да здравствует демократия! Долой рабство! Свободу неграм! — закричал Федор.

— Где ты здесь негров видишь? — ухмыльнулся Марк.

Народ с недоумением переглянулся, и зароптал: «Да что с ними разговаривать! Вешать демонов... и точка!»

— Ну если у вас нечего сказать: в свое оправдание... может кто еще... хочет, что сказать, — обратился Поликарпыч к толпе, не опуская руки.

— Что-то мне планирование рыжего, перестает нравиться, — встревоженно сказала Джина.

22 Разве вы такого не ели?! Когда будете в Эдеме, советую: обязательно попробуйте — не пожалеете.

— Для себя планировал, — заулыбался Марк.

— Никто, значит никто... тогда давай! — махнул главный судья, в сторону палачей.

В тот миг, послышался голос из толпы: «Стойте! У меня есть несколько вопросов по существу».

— А ну подождите! Кто там еще? — прохрипел Поликарпыч (закашлялся) и начал вглядываться в народ.

Пробираясь сквозь толпу, двигался высокий, лысый человек, под два метра роста. На его не пропорциональной маленькой голове виднелись большие черные очки с очень мощными линзами; клетчатый пиджак не по росту, с которого торчали длинные костлявые руки. Все это украшала причудливая, красная бабочка, на белой рубашке.

Томясь от выжидания, разжигаемого воображением празднично набитых стволов в Панифлекс и с тем что лысый ели плывет через толпу. Поликарпыч, тотчас, громко крикнул с обращением к народу: «Пропустите его, а то мы и так задержались с исполнением».

Лысый с трудом пробрался через толпу и не обращая внимания на Поликарпыча, залез на трибуну и стал рядом с судьей.

— Давай быстрее говори... что ты там хотел?! — сказал он кидая взоры на балкон.

— Ну и чудо? Ему сачок в руки и вылитый ботаник... в этой жизни, мы с ним точно не пересекались, — удивлялся Стив.

Поликарпыч, оценивая, и с немалой долей удивления, окинул лысого гражданина, и сказал, что не припомнит, чтобы они раньше встречались на улицах Эдема. На что, то ответил: «В жизни все, когда-то, бывает в первый раз». Потом повернулся к толпе, и громким поставленным голосом сказал: «Я уполномоченный по правам человека: в случаях нарушающих честь и достоинства, безвинных жертв бюрократизма и диктаторской политики империалистических взглядов, на строй государства в современном обществе — буду доказывать невиновность этих людей», — и указал рукой в сторону виселицы.

Поликарпыч аж открыл рот и очень удивился речи новоиспеченного гражданина, с которой он понял только жест рукой в сторону «демонов». И это слово: «уполномоченный» даже немного напугало его, ведь он ни разу в своей жизни не сталкивался ни с одним уполномоченным, и все обычно проходило: как всегда — по плану, все это поставило его мысли в тупик.

— Какой еще уполномоченный? Уполномоченный!.. Сейчас узнаю, — сказал он и быстро побежал в Панифлекс.

— Да это же Шарик! Гляньте как нарядился! Профессор! — расцвел Ломоносов.

На балконе Поликарпыч, что-то взволновано говорил Семену 33 и разводил руками. Тот сначала всему сопротивлялся потом встал, подошел к перилам балкона, громко сказал: «Так-как я и говорил, что суд у нас самый справедливый. То у демонов есть право говорить в свое оправдание. Пускай этот уполномоченный говорит. Уважаемый уполномоченный! Пожалуйста...как вы там говорили: по существу, и побыстрее. А то у нас... сами понимаете... все по расписанию».

Толпа опять загудела и начала перешептываться.

Главный судья переговорив с императором, спустился вниз на сцену в приподнятом настроением.

— Давай говори! И слышал, что император сказал... по существу?!

— Уважаемые граждане, города Эдем! Хочу довести до вашего сведения, что все обвинение в сторону этих людей, — сказал лысый и указал рукой в сторону виселицы, — необоснованные и лживые.

Голос из толпы: «Чего тянуть... вешай и дело с концом — уполномоченный еще какой-то».

Не обращая внимания на выкрик с народа, лысый продолжил: «Начнем с менее тягостных обвинений. Первое, погром пиво-винного заведения Артымонова. Артымонов присутствует здесь?» — сказал он и начал делать вид что вглядывается в толпу, хотя сам, с точностью до

миллиметра, знал координаты этого человека.

— Здесь я.

— Прошу пройти, на помост, и ответить на пару вопросов.

— Да что идти, и так все ясно, разгромили мое заведение, что ремонту уже не подлежит... надобно новое строить.

Лысый строгим взглядом посмотрел на судью и дал понять, что так дело не пойдет.

— Ты Артымонов, а ну бегом сюда! Охрана помогите ему! Ишь чего надумал: суд задерживать, — резко крикнул Поликарпыч.

Два охранника влезли в толпу и силой вытащили оттуда, того самого бармена, который стоял за прилавком пивнушки. Подтащив его до трибуны они кинули Артымонова прямо в ноги главному судье.

— Ваше превосходительство, вы же сами видели, что осталось от моего дома, — сказал тот и заплакал.

— Слезами горю не поможешь. Взрослый человек, а плачешь как маленький, хватит здесь слюни распускать. Отвечай! В твоём заведении мои подзащитные оставили сумку с двумя миллионами клепок, — бил козырной картой, лысый.

Толпа опять загудела: «Ого, деньжища отхватил! И все ему мало».

Лысый поднял руку и толпа стихала.

— Так вот, этих денег с остатком хватит, на три таких заведения как у тебя. И о каких ты убытках еще можешь говорить.

— Это правда, что столько денег было?! — удивленно поинтересовался Поликарпыч.

Бармен притих и не знал, что ответить. «И откуда он все знает... а если кто, еще видел, что я взял...» — подумал Артымонов и решил признаться, а то неровен час и его повесят.

— Были деньги! Я взял. Сумка валялась, прямо на проходе... хотел позже вернуть... а то мало ли лиходеев ходит.

По толпе прошелся смех: «Ты уж бы точно вернул! Знаем мы тебя! Да и пиво ты ослиной мочой бавишь».

— Вот видите, господин судья, первый пункт обвинения может быть снят, — сказал Лысый и глянул на Поликарпыча, ожидая от него одобрения.

— Ладно, первое обвинение снимается, — с неохотой сказал тот.

Неожиданно Семен 33 встал с кресла, и гневно прокричал с балкона: «А почему же ты тогда, дань не заплатил? Если сумма там в три раза больше стоимости твоего заведения. Решил украсть мои деньги?! Спасибо уполномоченному, что вывел тебя на чистую воду».

— Ты что батюшка, разве я мог. Просто забыл.

— Отрубайте ему голову, что бы знал, как меня обворовывать. И остальным урок будет.

Охрана затащила Артымонова на большую колоду, которая стояла возле виселицы. И уже через пять секунд свежеприлизаная головушка покатилась под ноги ликующей толпы.

*Взошел восход и грело душу:
Богатство денег — лепота
Настал заход и холод сердца,
Скатилась сущность подлеца*

Настроение у Семена 33 поднялось и он в праздничном настроении, прокричал с балкона:

«Ну что уважаемый, все мы вас поняли, что вы там говорили. Спасибо за хлопоты! Но пора уже закругляться, а то мы еще не обедали» — и глянул на одобрительно кивающих бояр.

— Спешка нужна только при ловле блох и то... — здесь лысый замолчал и не стал про-

должать тему. — Вы же сказали, что у вас самый справедливый суд, значит мы должны обсудить все несправедливые моменты в деле моих подзащитных, — ответил ему уполномоченный.

— Пускай говорит, может и правда не виноваты. Вот например, Сеньке Малдувану, на прошлой недели голову отрубали, а он оказывается корову не сводил. Она сама отвязалась и в лес пошла... там та ее и нашли, объединенную волками, — слышался голос из толпы.

Семен 33 одобрительно махнул рукой, что мол пускай продолжает, и с кислым лицом бухнулся на меховые подушки: переносного трона.

— Переходим ко второму пункту обвинения: убийство кузнеца Архипа. Все знали кузнеца, как человека большой силы...

— Да он в прошлом году, на спор, убил Демьянова быка с одного удара, — сказал кто-то из первых рядов, а народ одобрительно загудел, подтверждая действительность.

— Так вот скажите, мог бы кто из этих людей, — сказал лысый и кивнул в сторону виллицы, — или они все вместе, убить кузнеца Архипа?

Толпа громко засмеялась и откуда-то из далека слышалось: «Да и двадцать точно таких бы не смогли. Архипа голыми руками?!» — и все еще громче засмеялись.

— Видите, и это ложное обвинение. Сейчас я вам расскажу, как все было на самом деле: Архип... пришел в заведения выпивший... и был вооружен кувалдой, по образцу... — понесло лысого, — ...вес боевого томагавка, составляет тридцать четыре килограмм и семьсот граммов, — под открытые рты крестьян поставил он точку.

— Это точно! Архипа, что пьяного, что трезвого...лучше обходить десятой дорогой, — чей-то хмельной голос, подкинул дров, и по толпе опять прошел смешок. — Пил я с ним как-то пиво, так он мене четыре зуба выбил, голова после этого месяц болела.

— ...И с порогу, начал хамить этим людям. Потом силой своей хвалиться... вел себя очень вызывающе. Если не верите, спросите у Артымонова он все слышал и видел... и может подтвердить.

— Как же я у него спрошу, если ему только что голову отрубали? — развел руками Поликарпыч.

После того что случилось с Артымоновым, желание выступать свидетелем улетучилось в миг — и даже те, кто там был и все видел: удивлялись бесшабашности Архипа.

— ... Потом он сломал своей кувалдой, основание ведущего столба... — прояснил Лысый с учетом всех архитектурных подробностей, — черепица, изготовленная из... упала с высоты... и снесла ему пол головы... следом упала и труба, а труба особый разговор... вмиг отсекала ему ногу, выше колена.

Но чтобы избежать множество ненужных подробностей, — загрузил и так по полной программе. — ...Многие из вас ходили и смотрели на то что осталось... такое под силу, только кузнецу Архипу. Мои подзащитные сами, ели от него, на силу спаслись, — сказал лысый и глянул на Поликарпыча, тот все еще переваривал сказанное, но сделав недовольную физиономию, с неохотой произнес: «Убийство Архипа, снимается. Невиновны!»

— Во Шарик дает! Ну и уполномоченный! — бурчал себе под нос Федор.

— Переходим к третьему обвинению. Убийство трех девочек, и попытка убийства четвертой несовершеннолетней. А теперь у меня вопрос... ко всем жителям города Эдем. Кто видел, что мои подзащитные, совершали все эти преступления? Свидетели есть? Если есть, попрошу выйти и все рассказать, что вы видели.

В толпе воцарила гробовая тишина, никто не хотел рисковать своей шкурой. Тем более, что для этого и не было причины, а наговаривать никто не собирался.

— Это не они! Они меня наоборот спасли. А тот был черный и без ушей, — слышался где-то с глубины площади голос.

Толпа расступилась и в образовавшемся кругу стояла та самая девочка (лет шестнадцати), что лежала связанная на полу, когда подразделение пыталось задержать Готфильда.

- А ты точно уверена, что это не они? — спросил Поликарпыч.
- Я же вам говорю, если бы не они, не стоять бы мне здесь живой.
- Девочка выбежала из толпы и подбежала к виселице.
- Если будете их вешать, то и меня вместе с ними.

Поликарпыч глянул на балкон и негромко сказал: «Невиновны!»

— Итак, продолжим, в порядке очереди. Следующее обвинение: убийство императорского войска. Звучит оно намного более абсурдно, чем предыдущие обвинения. Разве могли, пять безоружных человек, убить триста шестьдесят семь солдат, вооруженных самым современным, — сказал лысый и замолчал на три секунды, — оружием, что соответствует только передовым технологиям, кучумского народа.

— Да брехня: все это, — крикнул, стоявший возле самой виселицы, пузатый мужик.

— Но как ни странно звучит: оказывается, погибло не все войско... и почему, убили одних... а пожалели других?!. ...Конная гвардия в количестве шестьдесят восемь человек — спаслись бегством и все они остались в живых, — продолжал свою речь уполномоченный.

— Гражданин уполномоченный, а откуда у вас такие новости? — с большим удивлением поинтересовался главный судья.

— Работа такая. И главное в ней, это планирование — сбор информации второстепенен.

Судья с подозрением посмотрел на уполномоченного, и округлив глаза, отвел голову с сторону охранников: «Кто из вас был... тогда в лесу, когда чудовище напало?»

Из охраны вышло десять человек.

— А ну давайте, рассказывайте, что вы там видели.

— Выбежало чудовище и...

Не дав им больше сказать и слова, лысый взял инициативу в свои руки.

— На это месте остановимся поподробней. Когда выбежало чудовище, что делали эти люди? — сказал он и указал рукой на виселицу.

— Они упали на землю и закрыли головы руками. Один правда сидел на крыльце и вроде бы семечки лузгал, — ответили те в один голос.

Лысый повернулся к народу и сказал: «Вот видите, выбежало чудовище! И эти люди тоже испугались: упали на землю и хотели спрятаться от монстра... хотя то было не совсем то, что вы думаете, — описывать чудо-юдо он не стал. — И им повезло, что оно их не заметило. А тот человек... как вы говорите, сидел на крыльце и лузгал семечки, то это вам причудилось. Откуда вам знать, что он лузгал семечки, а не грыз ногти, или в носу не ковырялся? Ведь вы сами сказали... далеко находились... у страха глаза велики...особенно... и мало чего вам тогда могло показаться».

На лицах охранников прорисовалось, неопределенное чувство смятения: с мыслью о голове Артымонова — лысый явно поставил их в неоднозначную ситуацию.

— Да не было там, на крыльце никого.

— Нет, я видел был.

— То тебе, после Дуськиного самогона, все померещилось. Меня тоже от него так плющит...

— Я тоже никого не видел, далеко было.

— Думаю, что и это обвинение, можно снимать, — подбил лысый и поправил бабочку.

Поликарпыч глянул на балкон и не знал, что делать. А император словив его взгляд, погладил себя по животу и дал понять, что пора закругляться.

— Ладно, если у тебя все, то мы сами решим их вину. Хватит! Ты уже всех и так утомил.

Но лысый не слушал, что говорит ему главный судья — действовал согласно планированию: «И наконец, последнее обвинение, это связь с дьяволом: в облике рыжей собаки.

Хочу заметить, что это самая абсурдная часть обвинения. Дьявол является мифическим персонажем и само его бытие, не является возможным — и звучит неправдоподобно. Даже если теоритически предположить, возможность его наличности, среди... давайте лучше представим, всю ту его мощь, которую вы себе нафантазировали. Немного оговорюсь и скажу, что фантазия у вас развита слабо — нет там никакой силы и мощи. Так вот, если это мифическое существо по кличке дьявол, было связано с этими людьми, то разве могло бы оно позволить поймать своих подопечных — и это при всем его сверхмогучестве. Вывод напрашивается сам — нет не могло, и все это плод вашей больной фантазии. И дальше продолжая эту тему хочу сказать, о таком безвинном существе как собака. Собака — это самый дружественный образ для человека. Есть даже такое выражение: собака друг человека. А вы говорите дьявол. Конечно учитывая уровень развития вашего интеллекта: на данном этапе эволюции — не позволяет вам с сто процентной уверенностью осознать, что все здесь мной сказанное, есть ни что иное как истина. Но попрошу, отбросить все сомнения, и довериться... у меня очень богатый опыт подобного планирования».

Толпа молча смотрела на лысого и не понимала ни слова с того что он сказал, но твердо была уверена, что сейчас он главная помеха, к столам набитыми разными вкусностями. И по этой причине дальнейшее продолжение судебного заседания зашло в полнейший тупик: раз они не демоны, то и праздновать нечего, а раз столы уже накрыты, то не пропадать же добру... виноваты не виноваты, какое это уже имеет значение думали горожане.

— Он с ними за одно. Вешай и его, — крикнул плюгавый мужик из первых рядов.

— Уважаемый! Как там тебя? Поломочный. Если у тебя все, то можешь идти домой. Мы тут сами разберемся, — громко закричал с балкона император, и при этом было заметно, даже не вооруженным глазом, что уполномоченный, ему как кость в горле.

— Как вам было уже доказано, что мои подзащитные невиновные. Попрошу освободить, — спокойно и с чувством выполненного долга сказал лысый.

— Ишь чего выдумал, что доказано. Мне ничего не доказано. Ей! Поликарпыч, вешай давай, а то там уже все остыло.

— Мне непонятна логика вашего поведения. То есть она совсем у вас отсутствует. И как вы умудрились, занять такую руководящую должность, — сказал лысый в сторону балкона.

— Так ты мне еще хамить тут надумал. Сто плеток на первый раз, думаю тебе хватит.

— Никто вам не хамит, как можно хамить человеку без должного интеллекта, он этого все равно не поймет.

— Двести плеток! — придя в ярость крикнул Семен 33.

— Призываю вас, уважаемый император, с холодной головой обсудить сложившуюся ситуацию и найти правильное для вас решение. Потому что вы своими действиями: ставите под угрозу выполнения нашей миссии, а этого я допустить не могу. Предлагаю вам как можно быстрее прийти к консенсусу по нашему вопросу, и закончить этот, плохо режиссированный спектакль.

— Шарик, отключай ты там свой модуль. А то у меня уже ноги занемели, — громко закричал Ломоносов.

— Я вижу ты холоп, так и не уймешься. Решил с демонами за одно! Но ничего бог все видит, — сопел от злости император.

— Бог ничего не видит, по причине не имения сущности: существования самого существа, — перебил его лысый и окончательно поставил в тупик, лишь одну возможность о нахождении общего языка с императором. — Эмоции присущи только людскому роду и отсюда все ваши беды. Придуманный вами бог, вами же был и утоплен. А тот подвид, — сказал лысый и указал головой в сторону виселицы, — распял своего, такого же бога. Многие расы: жгли, распыляли, закидывали камнями и делали многое другое — на что у кого хватило ума и фантазии. Даже если допустить, что вам бы и представилась такая возможность: встретиться с настоящим богом, в вашем понимании всего видения, и при этом еще учитывая весь уровень вашей логики.

То будьте уверены, жить бы вам осталось недолго. Но тут такой номер не пройдет, можете на это и не надеяться, что я дам вам сорвать нашу миссию. А если у вашего вида полностью отсутствует чувство самосохранения, то это скорее генетический брак и тут тебе Семен 33 — ничего не поможет.

— Что-то я сразу не понял. Да он же туранчокс, гляньте какую он тут ерунду несет.

Бояре дружно засмеялись и начали обсуждать теорию императора, о том, что этот уполномоченный не в себе:

— Да я сразу заподозрил, что что-то с эти уполномоченным не так.

— Точно туранчокс.

— Дать ему тумачков и пускай домой идет.

— А вдруг он заразный какой?

— Чтобы от тебя не заразиться этим дерьмом. Как ты там говорил «Генетический брак». Ну и словечко придумал. Спасу я тебя и пойдешь ты до своего бога пешком, он у тебя наверное еще живой, — язвительно смеясь сказал Семен 33, — отрубайте этому полномочному голову, а тело спалить, чтобы кто еще вдруг не заразился.

— Видел я много туранчоксов, но такие как ты попадаются не часто. И из-за их алогичного мышления — планирование не приобретает логического конца, поэтому и приходится использовать запасной вариант, — сказал лысый и поправил бабочку.

— Так, сразу его не убивать. Растяните ему это удовольствие подольше: чтобы как следует помучился, — сказал император и нахмурил брови, а его лицо приобрело цвет переспелого помидора. — Всем жителям нашего города, новый указ: всех туранчоксов выгнать из города. Пусть живут дикованием. А тот, кто надумает их укрывать: отрубить голову безотлагательно. Тебе Поликарпыч, все это проконтролировать, — сказал он и уселся на трон, начал нервно постукивать пальцами по велюровой обшивке.

Шесть охранников направилось в сторону уполномоченного. Лысый повернулся к виселицы и из его глаз неожиданно вырвался зеленый луч, который облаком, полностью окутал всех членов подразделения и девочку, стоявшую вместе с ними. В ту же секунду зеленое облако начало принимать твердую форму и все это за считанные секунды превратилось в зеленый прозрачный камень. Все, кто находился в середине этого камня, застыл в той позе, в которой находился до этого момента — но глаза все видели, а уши все слышали и дышать было легко. Так что никакого дискомфорта не было, не учитывая, что у Федора сильно чесался нос и один глаз был закрыт. Палач со всей силы ударил топором по зеленой субстанции в надежде ее разрубить. Но топор отлетел с сто кратной силой, которая была приложена в момент удара — обух отскочил прямо в лоб и тот упал замертво.

— Да это же, тоже демон... хватай его! — слышались множественные голоса из толпы.

Народ тем часом: зря не теряя времени — накинулся на еду, и то что сейчас произошло на их глазах не возымело должного эффекта, который можно было бы ожидать. Сейчас первостепенной задачей стояло: отхватить халявной жратвы и выпивки, да и побольше. Все поглощали еду так, как будто никто никогда не ел и не пил — вино глоталось прямо с кувшина, куски мяса и закусок, что не вмещались в рот быстро распихивались по карманам, а так как людей было очень много и каждый хотел что-нибудь ухватить, то возле столов началось развиваться настоящее побоище за еду.

Руки охранников были уже в сантиметрах от лысого. Как вдруг раздался громкий хлопок и на месте уполномоченного, появился, переливающийся загадочным сиянием шар, который взмыл в высоту на десять метров. И в тот же час в шар полетели копья и стрелы, но не причиняя ему никакого вреда, они подали обратно на головы горожан. На что те, не обращали никакого внимания. Лишь единицы стояли и смотрели, как это чудо переливается над Вильтонской площадью, некоторые еще при этом крестились. Шар начал крутиться против часовой стрелки, и с каждой секундой набирал обороты: все больше и больше. В какую-то секунду, он сверкнул чуть ярче, и из него начали выходить маленькие блестящие импульсы, которые тоже переливались разным цветом.

По мере того как скорость вращения шара стала уже даже не заметна обычному взору. Время будто замерло и все остановилось. Импульсы охватили не только площадь а и весь город — все вокруг блестело и переливалось. И в один момент все так засверкало и заблестело, что кроме этого света уже не было видно ничего. Как все это светопреставление началось, так быстро оно и кончилось — шар перестал крутиться: упал на площадь и опять стал рыжей дворнягой.

Кроме Шарика и подразделения «Барьер», которое было обездвижено в объятиях неизвестной субстанции, больше никого не наблюдалось. Все жители, и другой вид живой плоти — исчезли в небытие. Зеленый луч из глаз рыжего засветил в сторону виселицы и прозрачный камень постепенно отпустил команду со своих объятий.

— Шарик, ну ты и напугал. Я думал эта штука нас раздавит, — первое что сказал Федор. Шарик молча виляя хвостом подбежал и остановился против виселицы.

— Не знаю, как у кого а у меня ноги уже затекли так, что ели стою, — добавила Джина и глянула на собаку.

Рыжий на разговоры не реагировал, а спокойно сидел напротив виселицы и молчал. Девочка, которая оказалась вместе с подразделением, стояла и испуганно крестилась. То зрелище, что она увидела, произвело на нее сильное впечатление.

— Девочка, как тебя зовут? — обратилась к ней Джина.

Та молча подняла голову и испугано таращась на Джину продолжала креститься и что-то нашептывать.

— Ей красавица, слышишь меня? Возьми там на земле меч и отруби эту веревку. И я обещаю, что когда ты вырастишь, я на тебе женюсь, — пытался заиграть с ней Марк.

Девочка на это не реагировала, и продолжала креститься.

— Ну кто так просит. Девочка ты нас не бойся мы тебе ничего плохого не сделаем. Мы не демоны, а точно такие люди, как и ты. Просто мы с другой планеты, — продолжала Джина.

— С какой другой планеты?

— Мы с Земли.

— Не похоже вы на тех, кто с Земли. Они все в синих одеждах ходят, а вы ...

— Нас обворовали... не могли же мы голые ходить, — все пыталась найти с ней контакт Джина.

— А где тогда демоны делись?

— Какие демоны?

— Чтобы выйти на контакт с представителем этой планеты у вас может уйти не один день. А у нас время не позволяет такой роскоши, — прервал их беседу Шарик.

С его глаз засветился красный луч, который в один миг «обрезал» веревки. Все в тоже время попадали на землю, а поскольку ноги и руки были в кандалах — равновесие удержать было тяжело. Шарик подбежал к каждому и по очереди «срезал» — эти приспособление, каменного века. Девочка увидев все это бросилась убежать, и в минуту, растворилась в одной из многочисленных улочках древнего города.

— Девочка, подожди... Мы тебе ничего плохого не сделаем, — только и успела крикнуть Джина.

— Оставь ее в покое. Шарик прав на счет всего этого дурдома. Пускай бежит, — сказал Джек.

Неожиданно город накрыла большая тень и в Эдеме сразу потемнело. Все как по команде подняли головы вверх. Большой межгалактический корабль, своими громадными размерами, что в сочетании с тысячами разноцветных свечений, напоминал диковинного, исполинского чудовища с инопланетной и очень далекой сказки — накрыл весь город. Он летел так низко, что можно было наблюдать отдельные элементы обшивки корабля.

— Голиаф! Не верю своим глазам, что он тут делает?! — с чувством удивления и восхищения от всей той мощи, что пролетало над его головой, сказал Джек.

Посадка на планету — на любую — военных межгалактических кораблей: строго запрещена. И не имеет значение, мотив маневра. Эту инструкцию, Джек, по сравнению от других знал наизусть, и сразу в его голову закралась мысль: «Может какая-то секретная спецоперация. Хотя... Надо обязательно проверить куда он полетел». Сильвер много раз был на корабле и лично знал его капитана, Сеню Модельгеста. Сильвер не говоря ни слова, побежал в сторону, входа в Панифекс — команда последовала за ним. Императорские хоромы — самое высокое здание в Эдеме, и лучшего места за полетом «Голиафа»: и не придумаешь. Корабль на низкой скорости пролетел город и направился на восток. Все с удивлением смотрели на ту мощь, что излучал космолет, и это был тот единственный, а для кого первый и последний раз, чтобы так вживую, и в такой близости увидеть «Голиаф». Казалось подыми руку и до него можно было дотронуться.

— Может пока нас не было, там уже война началась, — предположил Марк.

Джек глянул на Марка, потом на удаляющийся «Голиаф», и чуть взволнованным голосом сказал: «Может и началась». Он уже ни чему не удивлялся. Особенно после встречи с Шариком.

— Ну сегодня мы уже никуда не идем и останемся в городе. Наберемся немного сил, а завтра нам надо двигать вслед за кораблем и узнать, что там. Если это простые учения то... — сказал Джек и немного задумался, — ...но все равно, боевым кораблям посадка строго запрещена. А за Ариану, так вообще разговору нет.

— Может какая-нибудь техническая неполадка? — предположил Стив.

— Какая еще неполадка! Он с орбиты Марса не сходит уже не одну сотню лет. И где Марс, а где мы. В школьном учебнике за четвертый класс, ясно сказано... — проязвил Ломоносов.

Все уже забыли какая у них боевая задача — разговоры были только о «Голиафе», и Федино цитирование учебника, за четвертый класс, не вызвало негативной реакции, а только больше разожгло их интерес к легендарному звездолету.

— Надо заканчивать миссию, а корабль не входит в наши интересы, — напомнил зачем они здесь Шарик.

— Может и не входит, но сегодня мы все равно остаемся здесь. Ночь — не спали, сутки — не ели. Мы же Шарик люди, а не киборги и нам надо отдыхать, — сказал Джек и уже в голове составил свой четкий план дальнейших действий. — Ты вот весь город уничтожил, а нас за это по голове не погладят.

— Это уж точно! Шутка ли — город полностью исчез. Здесь Элизиумом пахнет, — добавил Стив.

— Да не каркай ты. Мы то тут причем, — сказала Джина и встревожено глянула на Шарика потом на шефа.

— Наше фото по всему городу... ха-ха-ха... а ты говоришь не причем, — спокойным тоном сказал Джек, так-как рыжего он не контролировал и в этом плане его голос ничего не решал.

— О чем вы тут говорите? Я никого не уничтожал, данная ситуация не предусматривала подобного... противник был перемещен за десять тысяч километров от места дислокации нашего подразделения... пока они доберутся, учитывая... мы успеем выполнить нашу миссию.

Настроение у всех сразу поднялось и горестные мысли пропали.

— Ну и Шарик! Молодец, опять все продумал на высшем уровне! А мы то подумали, что ты их того. Конечно они этого заслужили. Но целый город... перебор, — в своем репертуаре выразился Ломоносов.

— Смотрю они тут праздновать собрались. Столы аж ломаются. Ну что может и себе пируем?! — предложил Марк, и только сейчас обратил внимание на, по-царски сервированные столы.

— После как найдем наши вещи, а потом можно и попировать. И надо бы все эти листовки с нашими физиономиями... чтоб и клея не осталось, — сказал Джек.

— Сэр, на это может уйти не один день, город не маленький.

— Какие дни? Ты что хочешь сорвать нашу миссию, времени и так нет?! — акцентировался на Стиве, Шарик, и сразу было видно, что он не шутит — потому что не умеет.

— Шарик! На каждом столбе и по всему городу. Мы физически не сможем быстро все это сорвать. А сейчас мы будем отдыхать, а листовками займемся завтра, — поддержал дрожащим голосом, друга, Марк.

Шарик ничего не сказал в ответ, молча выбежал с Панифекса на улицу. Все разбредись по большому зданию, этой сияющей роскошью и вычурностью, резиденции императора — в поисках своих вещей. Но долго искать их не пришлось, все ценности Семена 33 лежали в одном месте, там же лежали и вещи подразделения.

— Сэр, гляньте сколько денег! Может возьмем себе немного на расходы?! — сказал Стив и вопрошающе посмотрел на Джека.

— Конечно возьмем! — неожиданно для всех сказал Сильвер. — Они же нам должны, как-то, это компенсировать. И деньги наши тоже забрали. Только возьмем не столько сколько унесешь, а разумно. Сколько нам может понадобится на пару дней?

— Может и много понадобится! Все от обстоятельств, — озаботился Ломоносов.

— Ладно, хватит на этом заострять внимания. На Земле они все равно не ходят, а тут сильно и купить нечего. Марк набери мешок и поди запрячь где-нибудь в лесу. Мешка думаю хватит с запасом, — сказал он и через минуту добавил: — Только не забудь снять точные координаты и прячь подальше.

После холодной ночи в башне и тех испытаний с кандалами и судом — у подразделения нагулялся не дюжий аппетит; Арианская кухня: императорского стола с разнообразными деликатесами, была маленьким, но приятным подарком и скрасила их ужин — наряду с задушевным разговором и большим, лачанским пампилотом.

Тем временем, Готфильд, собирал дрова, чтобы протопить печь в избе Банзая. Когда он увидел корабль пролетающий над лесом. У него даже что-то екнуло в его нутре.

*Звезда сверкнула сокровенно
Оставив только, яркий след,
Когда мелькнула вдохновенно:
Во взгляда, нужный нам момент*

*И загадав свое желанье,
Держи в секрете до конца:
Благословенное мечтанье,
Судьбы летящего гонца*

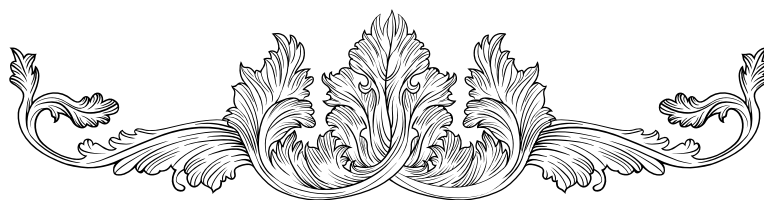
Ведь с Голиафом он был хорошо знаком, и на него сразу накатила сильная волна воспоминаний, порой даже не самых лучших, которые связывали его жизнь с многолетней службой в тюремной охране Марса. Он быстро залез на самое высокое дерево и начал наблюдать куда направляется космолет. «Интересно, что делает «Голиаф»: так далеко от Марса», — подумал он спускаясь с дерева. И тут его осенила обнадеживающая мысль, что показалась намного перспективней, чем в преддверии: суровых зим Арианы, блукать по местным лесам. Тем более, та тревога, которую вселило в него подразделение «Барьер»: при своем внезапном появлении через астрал — не давала ему покоя. Когда он увидел этих парней в первый раз, то сразу понял, что эти ребята, достанут его даже из-под земли. А то что он тогда не убил, ту бабу в подвале,

Филипп уже очень сожалел. И по этой причине оставаться на этой планете, стало небезопасно. Бросив собирать дрова он последовал на встречу своей судьбе, которая была темна, как и этот лес: в самых его отдаленных уголках, непроходимой топи.

Часть 3

Посылка с Марса

Глава 1

*Свобода пахнет лучше мыла,
Всегда приятней и свежей
Оставь ты груз и все что было
Бери, хватай ее скорей!
Однако, воля заблужденье:
Для всех, для каждого, всегда,
А доля смерти искушение и ключ от клетки, где душа*

«Голиаф» плавно приземлился на большое поле капусты, в трех километрах от столицы Миклованской империи — города Надан.

— Степан, ты что не видишь, куда садишься? — недовольно буркнул Мирон.

У Степы, после отмечания побега, сильно болела голова и сейчас он думал только об одном: как быстрее добраться в город и опохмелиться — все его запасы спиртного были уничтожены в один присед.

— Какая нахрен разница: куда... или ты здесь видел, где-то, взлетно-посадочный гатрон?! — усмехнулся тот.

Под шипенье шлюза, грузового отсека — Мирон и его банда вышла с «Голиафа», на поле поздней капусты, куда сманивировал боевой корабль, Степа. Весь то свет, что излучал Большой Зирк — ослепил в одночасье, всех беглецов. Ведь за долгие годы проведенные на Марсе их глаза так привыкли: к не очень яркому, искусственному свету; что для того чтобы адаптироваться к лучезарной мощи: ослепительного светила — для этого надо какое-то время.

Твердохлебов вдохнул свежего, Арианского воздуха и он наваял ему воспоминания о былых временах: когда у него здесь был бизнес, и он чувствовал себя — настоящим царем. Не ставя ни в клепку местного правителя.

Император Миклован, что правит этими землями — лучший «друг» Мирона. И во времена, больших денег и амбиций он как верная собака, прислуживал братьям. Сначала, Твердохлебов поставил императора в денежную зависимость, а потом и совсем взял в полный оборот: сделав его своим «другом». Преданности Мирону и общему делу, не было предела. Но после последних событий, когда его покровителя: в финансовых вопросах, отправили загорать

на Марс — дела пришли в убыток, и он сам пытался организовать весь тот бизнес, но не смог, как говорится: есть желание да кишка тонка, — уж сильно мягкотелым он был.

Деньги, для Миклована, стоят на первом месте и даже имея все то, что он имеет сейчас, — и клепки никому не даст, не пред каким предложением. И случай, на праздновании дня рождения Мирона — лучший тому пример: после прилично принятой дозы алкоголя и после предложения Степана, покуражиться на Миклухой... того заставили танцевать стриптиз, под звонкую монету; но жадности императора и количеству золотых микпов в глубоких карманах Мирона, не было предела; так этот велико-почтенный муж — и танцевал всю ночь: пока не свалился с ног, от усталости.

— Корабль надо подорвать, а то его рано или поздно обнаружат, — сказал Мирон щуря глаза, и по привычке, с опаской оглядывался по сторонам.

— Ну и как ты это себе представляешь? Где мы столько взрывчатки возьмем?

«Голиаф», что был им сначала Ноевым ковчегом, теперь оказался бесполезным куском металла, который, непомерным грузом, лег на их плечи; ведь не заметить такую махину... которую уже наверное давно ищут... «И координаты, скорей всего: шлет куда надо», — подумал Мирон и тут же в повелительном тоне сказал: — Степа, что хочешь делай, но чтобы я, здесь, его больше не видел!»

— Но тогда придется, на нем, кому-нибудь остаться. У корабля есть функция невидимости и если ее включить, то он будет как призрак на орбите, и никто его не заметит, и никогда не найдет.

— Слышь, Мирон! Может он еще и самим пригодиться, мало ли чего, — вставил свое слово Баклан.

— Правильно мыслишь, Валера! Вот ты и давай! Будешь первым дежурить: на орбите. Возьми только вот этого с винтовкой, — кивнул он в сторону пехотинца.

— А почему я первый?

— Это не обсуждается, надо ведь кому-то начинать. Через неделю мы вас сменим.

— Девку с начальником берем с собой, или здесь оставим? — спросил Степан.

— Репортершу я с собой возьму, а вот начальник... пускай остается... за ним глаз, да глаз нужен. Да и с корабля он уже точно никуда не денется.

Степа приказал пехотинцам привести Веронику. Те быстро вбежали в «Голиаф» и уже через тринадцать минут, один из них, вынес ее на плече из корабля.

— А что она сама не могла выйти? Почему ты ее несешь? — удивился Мирон.

— Эта коза, чуть глаза мне не выцарапала. Сучка еще та! Да и тот бык кинулся оружия забирать, пришлось успокаивать.

— Вы там с ними поаккуратней, они оба, пока еще, нужны мне живыми. А ты миротворец наш ненаглядный. Успокоил! Теперь и понесешь ее, до самого города, — усмехнулся Твердохлебов. — Так! Всем внимание! План такой: выдвигаемся в город, — где отметим нашу свободу по-взрослому, — и выстрелил в воздух с помпового ружья.

Опьяненная свободой компания, с радостными криками о долгожданной воле, поддержала предложение: дружной пальбой по воробьям. Сейчас на этой планете они чувствовали себя королями и бояться было нечего.

— Степа, ты им там все как следует разъясни: с этой невидимостью, и догоняй.

Мирон положил на плечо ружье и цепляясь ногами за капусту, не спеша, пошел по направлению в Надан, остальные последовали за ним.

— Слышь Мирон, а что мы будем жрать, — крикнул Баклан в след уходящей братии.

— Как только увижу Миклована, распоряжусь, он тебя всем необходимым снабдит.

Возле ворот Надана, бравую шатию, встретило войско в количестве около двухсот человек — городские стены города, облепили тысячи любопытствующих жителей, которые вышли посмотреть: на чудо, что приземлилось недалеко от их города. А посмотреть было на что: военный корабль — таких размеров, и правда производил незабываемое впечатление. И если бы «Голиаф» приземлился на Землю, то он бы собрал бы не меньшее количество зевак — правда, то бы было: простое восхищение высокими технологиями; в этом же случае: пришествие Христа народу.

— Слышь Мирон, может шуганем, — спросил кто-то, из окружения, при виде того войска что скопилось у ворот города.

Твердохлебов не увидел, кто это сказал — повернулся и с нотой гнева обратился ко всей шайке:

— Я вам сейчас, так шугану, что места мало, будет всем!

В городе не было человека, кто бы не знал Мирона; во времена его бизнеса на Ариане, он был здесь практически, как император, а местный Панифекс: штаб-квартирой.

Твердохлебов, переделал большинство законов этой империи, на свой лад, и народ его за это полюбил. Во времена взлета его бизнеса, люди здесь не похищались, и не только с его округов, но и с других городков и деревень, Миклованской империи; вложенные в город миллионы, если не миллиарды кровавых денег, сделали с Надана центр Арианской цивилизации; и многие работяги и туристы с Тронплекса, знали его как одно из имеющих, приличных мест на дикой планете — Надан самый богатый город: из всех государств Арианы.

Они подошли на расстояния, когда можно уже было различать лица — впереди войска, на коне, восседал Миклован. За то время что Мирон отсутствовал на Ариане, император сильно набрал в весе и очень изменил свой стиль: золотые цепи и украшения — были развешаны будто на рождественской елке, бриллиантовые кольца присутствовали на каждом пальце, а голову украшала большая, золотая корона, от которой он постоянно качал головой — веса в ней было: не меряно. Его конь был подобием своего хозяина: более сотни килограмм драгоценного металла и вычурное седло отделанное драгоценными камнями — украшали животное.

При Мироне, он бы себе такое навряд ли позволил, и не в виду не имения, а ввиду конспирации, и неприятием Мироном, лишних понтов. Что позволял он ему тогда одевать: это был только один перстень, без камня, и скромная, золотая цепь.

Миклован, еще с далека, узнал Твердохлебова, и чуть на радостях не упал с коня. Ему сразу вспомнилась та былая жизнь, и все предвкушало ее возвращение, потому что с его стилем времяпровождения и замашек: как у хозяина гусыни, что несет золотые яйца — казна значительно «похудела».

— Не верю своим глазам! Мирон, не может быть! — радостно закричал император и попытался слезть с лошади.

Попытка спуститься на землю: не обвенчалась успехом, он так раскачал коня, что упал прямо вместе с ним. Охрана быстро помогла встать, — а народ умирал со смеху, при виде бесплатного представления. Миклован держа одной рукой корону — неуклюже, вперевалочку: со стороны, в сторону — устремился к Мирону; в метре от него, он споткнулся о камень, и полетел кувырком: запахав носом землю; корона подкатилась к ногам Мирона.

— Вот уже... ха-ха-ха... давай вставай, — поднял сначала он корону, потом подал руку Миклухе.

— Как я рад тебя видеть! Думал, что уже никогда не свидимся, — и первым делом, не стал отряхиваться, а потянулся за короной.

После ареста Мирона, император отделался легким испугом, и ему сильно повезло, что Твердохлебов взял все на себя и не стал никого сдавать. По сравнению с земными преступниками... и учитывая, правило о невмешательстве, которое никто не отменял — инопланетных лиходеев, обычно съедают волки, или они тонут в реке.

После первых минут неопределенной тишины: молва, что, то сам Мирон — соловьиным пением поласкала уши крестьян. И они как по команде начали скандировать его имя и подкидывать шапки, а через восемь минут, на левой стороне башни зареял стяг (берегся у нужных людей), с золотой вышивкой «Мирон» — на фоне искусного теснения: его физиономии, которая... на редкой в тех краях, шилпотоновой материи.

— Думаешь, что заберу? — и отвел руку с короной, а тот заулыбался и еще больше потянулся за ней. — Правильно думаешь... конечно заберу... ха-ха-ха, — под дружный смех коллектива. — Я смотрю, ты без меня тут разбогател, — сказал Мирон и одев на себя корону, строго окинул императорский наряд.

— Ты что, без тебя тут совсем худо: все пришло в упадок, — сказал Миклован, не осмеливаясь снять ее с головы Твердохлебова, но сразу взбодрился и уже голосом одержимого человека добавил: — Ну ничего, мы теперь с тобой... Ух, как!.. Что корона...

Мирон не дал ему договорить и сказал, что они с дороги, и не мешало бы: отдохнуть. А о делах поговорить время будет, хотя этим он слукавил, теперь в его житии-бытии, места для бизнеса не было. Всю оставшуюся жизнь, он решил посвятить разгульному времяпровождению, а там видно будет — слава богу, средства хватит не на одну...

— А где это Степан? Что его не видать... или может?..

— Не может! Не может! — повторил Мирон, и снял с головы корону. — Позже будет... Михлуха... позже! — и с должным усилием, насадил ее на рыжею маковку императора: — Хотел поносить, но от нее и башня отвалиться. Как ты это носишь?

Миклован, начал что-то рассказывать про то, что ему как правителю... и что чем солиднее корона тем больше к нему уважение. «...И волосы, как золотые», — пригладил он чуб, когда закончил с этой демагогией. Мирон, окинул меньшего «брата» с определенным чувством жалости: «Ты, сын собственных родителей... хорош мозги парить! — и через секунду добавил: — У меня от похмелья и так все трубы горят, а ты меня тут еще всякой туфтой грузишь... Кто так гостей встречает?» Тот в ответ кивнул и сделал жест руками: мол понял, сейчас заделаем. После засуетился и громко закричал, что бы все разошлись, и дали им пройти; а потом на радостях разошелся так, что объявил: «Пир за мой счет! — и тут же добавил: — Кто не ест и не пьет, просьба оставаться дома». На что все жители Надана засмеялись, ведь в их городе, просто-напросто, не было таких людей, как скорей всего и в других городах Арианы. Народ ликовал — после ареста Мирона: пришел конец всем праздникам; и подобное объявление, как гром среди ясного неба; не на шутку возбудило крестьян.

Глава 2

Филипп выйдя из леса, взял курс на восток, вслед космического корабля, который перевернул его сознание: с ног на голову, и вселил искорку неиссякаемой надежды.

Преодолев множество полей и оврагов, переплыв небольшую речушку, он уже через три часа, стоял возле дорожного столба на котором большими буквами было написано: «ВЕРХНЯЯ БАЛАБОЛОВКА III КМ», и стояла стрелка — прямо и налево.

На улице уже смеркалось, и Готфильд совсем выбился из сил: после такого марш броска. «Ничего... три километра: ерунда, главное узнать куда дальше «Голиаф» полетел, — подумал Филипп беря курс на Балаболовку. В село он зашел под яркое свечение Кламетры; звездное небо отбивало множество затейливых узоров: чуждальных планет. Ночная мгла скрыла зверя в курятнике, и сама судьба благоволила грешной душе.

Село, по местным меркам, оказалось небольшое: домов под тысячу. Во многих окнах виднелся слабый свет коптилок. Легкий туман, что стелился по безлюдным улицам, вечерней Балаболовки: с пыхтящих сквоей, печных труб — разоблачал простоту местного бытия.

Филипп стоял на распутии — куда податься, ночевать на улице желания не было; пустой как барабан живот, подогрел страстное желание — заурчал марш капитуляции. Клепки и золотые монеты отсутствовали, и вариант, с просьбой о приюте на ночь, был не очень хорошей идеей, тем более с его видом.

Он медленно побрел, по улице, внимательно заглядывая в окна селян — учуяв чужого, со дворов, злобно гавкали собаки. Пройдя в глубь села Готфильд увидел в одном из окон, маленького мальчика, который игрался сидя на подоконнике, с большой деревянной игрушкой; вдали возле печи, суежилась хозяйка. С далека повеял аромат жаренной картошки — Филипп втянул этот запах всем нутром и сразу ощутил сильную боль в носу, который к этому времени сильно опух и начинал гноиться. Аккуратно пощупав нос он сразу вспомнил о Джине, и тут же выругался; он еще с минуту всматривался в чужое окно — пацан заметив незнакомца, помахал ему игрушкой, и тут же к нему подошел отец: снял ребенка с подоконника.

Филипп развернулся на сто восемьдесят градусов, живот продолжал капитулировать; тоскливо вздохнул и крутнувшись, на одной ноге, против часовой стрелки: с закрытыми глазами — два, три оборота... остановился и сам себе указал путь: пальцем правой руки — побрел: просто вперед.

Сельская местность: сельской империи на сельской планете — в сочетании с запахом навоза, который пропитал, как казалось здесь, все на свете; придала Филиппу, чуждое ему чувство: домашнего очага и семейного счастья. Он сложил руки на груди и постукивая зубами, медленно шаркал по земляной дороге, Верхней Балаболовки — тело болело, а живот одно урчал, как бы напоминая, о животной сути людского рода.

Идя по селу и заглядывая по окнам, он вдруг вдали: на одной из улиц, заметил повозку, запряженную конем. Подойдя ближе, взору предстал крестьянин, что пытался приделать колесо к своей телеге. «Может чем, могу помочь?» — предложил свою помощь Готфильд, когда подошел ближе. Тот ничего не ответил и подозрительно глянул на незнакомца. Филипп проявляя инициативу, сам, молча взял телегу за один край и поднатужившись поднял одну сторону. Мужик быстро засуетился и колесо в тотчас оказалась на своей оси. «Вот тебе спасибо, мил человек, а то уже думал придется ночевать на улице, ведь телегу оставлять без присмотра нельзя... сведут и глазом не моргнешь... Да, да, да: такие уж нынче времена!» — сказал крестьянин уже более дружелюбным тоном, а сам тер свои мозолистые руки об цветастую тряпку. — На держи! Такая грязь... тут не только руки...

На вид ему было лет под шестьдесят, и на удивление Филиппа, старик оказался очень разговорчив. Его не надо было ни о чем расспрашивать он сам все говорил и говорил: «Был я значит в городе: на базар ездил, там за покупками разными... Ехать на зад, а там прямо недалеко возле Надана, это чудо с неба спустилось. Я уже думал: конец света...» Филипп сразу понял о чем говорит старик, и не стал его перебивать. «...Так вот, я телегу значит повернул, думаю поеду посмотрю, что за чудо... жизнь как говорится я уже прожил, так что если что... но посмотреть не случилось... Это чудище огнем плюется... при мне телегу одну — враз в прах сожгло. Не стал рисковать — дома баба ждет, да и две дочки на выданье... А ты что сынок... видать сразу, не здешний?! Куда путь держишь? Или чего здесь ищешь?» Филипп много раз был на Ариане и знал, как общаться с этим человеком — главное без заумных слов и попроще.

— Я, отец, иду с Эдема... хочу вот тоже, на чудо посмотреть... как сказали... сразу в дорогу.

— Можешь звать меня, дядька Афанасий. А тебя как зовут?

— Филипп!

— Так, вот что, Филипп, не ходи ты туда, ты еще молод, тебе жить, да жить, да детей растить... — тут он замолчал, и через секунду добавил: — А знаешь, что?!. Поехали до меня, приглянулся ты мене, да и с телегой подсобил! Переночуешь, а там видно будет, может и сам передумаешь туда идти.

Филипп поблагодарил старика, быстро прыгнул на телегу. Афанасий всю дорогу, говорил и говорил: «...Я в этом селе с рождения живу...баба моя, такие блины печет, что самые лучшие по всей округе, и как приедем ты обязательно должен их попробовать... и сметана моя, самая жирная, потому что корова...»

Конь шел шагом, не спеша тащив за собой телегу. И попутчику старика, пришлось выслушать, достаточно, за этот промежуток времени, нужной и не очень информации, что словесным поносом, лилась с уст крестьянина.

Они подъехали к большому деревянному дому, крыша которого была покрыта глиняной черепицей. В окнах виднелось мерцание коптилок и с открытого окна доносился приятный запах печева; во дворе гавкал здоровенный, белый кобель, и он больше был похож на теленка чем на собаку. При виде Филиппа, пес пришел в лютую ярость и с злости начал лапами рыть землю; собака одно оборачивалась: хватала зубами за цепь — в попытке ее перекусить.

*Сдавила цепь, охватом шею.²³
Кольцом обвила, как змея;
А он рычит, от боли, гнева,
От злости красные глаза*

*Цепная жизнь его лихая,
Что видел в жизни этот пес:
Баланды чашка небольшая,
И может, даже быть и кость!*

*Он враг всему — всему живому!
От цепи получил клеймо
Он раб и враг: себе самому;
Что верит в дружбу и добро*

23 Стих «Цепной пес» из поэтического сборника «Красавица и чудовище» автор А. А. Протасов

— Это мой Тузик! Когда брал, сказали будет небольшой, а сейчас жрет больше моего Юхима²⁴, — сказал старик и засмеялся.

По телу Филиппа прошла легкая дрожь. «С таким Тузиком шутки плохи, а лучше бы с ним, вообще не встречаться», — подумал он, при этом полностью сосредоточив внимание на кобеле.

— Сынок, а ну помоги старику!

Филипп с легкостью, снял с телеги мешок и поставил его возле калитки. Кобель еще больше разошелся: глаза налились кровью и его гавканье перешло в сплошной рев. Готфильд уже присматривал пути отхода; если эта собака вдруг сорвется, то старик с ней навряд ли совладеет, и ему придется тогда не сладко. Неожиданно, дверь дома громко скрипнула и открылась. За нее выглянула женщина и перекрикивая лай собаки крикнула: «Афанасий, то ты что ли? А я уже было волноваться начала. Думала не случилось чего-нибудь».

— Скажи Любке, пусть кобеля закроет — гости у нас.

— Люба, давай быстрее иди сюда. Отец сказал, чтобы ты Тузика в сарай закрыла.

Через минуту с дома вышла Любка. Девушка подошла до сарая, дверь которого находилась, в трех метрах: параллельно входа в дом. «Тузик, хватит гавкать! Ко мне!» — спокойным, но властным голосом сказала Любка и открыла дверь сарая. Кобель повернул, свою «ведерную» голову и приветливо мотнул хвостом. «Ко мне!» — повторила девушка. Собака все еще громко бурча, подбежала до ее ног и подняв голову: внюхалась в родимый запах. «Место!» — сказала девушка и сделала жест в открытую дверь сарая. Тузик повернул голову в сторону Филиппа и показал оскал с огромных белых клыков, потом развернулся и с неохотой вбежал в сарай.

Он чуял суть незнакомца насквозь и у них было много общего, не считая обрезанных ушей. Только по сравнению с ним, Тузик был привязан на цепь, и имел несовместимую с Готфильдом черту: как большая преданность... Любке он позволял делать с собой что угодно, и всегда, слушал ее с первого раза — больше никого в доме собака не признавала. И бывало, как порвет цепи, так в Балоболовке на улицы никто целый день не выходит: все ждут пока Любка его не словит. А последний раз так — подавил всех бродячих собак, и загрыз осла дяди Яцыка. После того случая кузнец подарил Афанасию цепи, которые специально для Тузика и отковал.

«Ты бери мешок... а я все остальное!» — сказал старик, и снял с телеги две большие корзины. Филипп вскинул поклажу на плечо, зашагал по направлению открытой двери хаты. Напротив, от входа в дом — возле сарая, он повернул голову в сторону, где был заперт Тузик; и тут, в маленьком окошке сарая, показалась морда собаки. Филипп посмотрел прямо ему в глаза, расстояние между ними было не более пол метра. Кобель издал громкий рык, и показал всю красоту белых клыков. Филипп в ответ тоже громко зарычал и подвинул лицо еще ближе — со всей силы стукнул ногой в сарай. Тузика в тотчас посетило, такое чувство ненависти к этому человеку, что все его нутро, закипело и забурило от переполняющей злобы: он уже не гавкал, а ревел (было слышно на всю улицу) и белая пена с его пасти вмиг укрыла лицо Готфильда. Потом кобель начал хватать зубами за края окошка; старые доски сарая, с треском ломающегося дерева, распускались зубами Тузика: будто деревообрабатывающим станком — весь сарай ходил ходуном.

«Сынок, не надо, не зли! А то он потом долго успокаивается, — услышал Филипп голос, с заду идущего Афанасия. Поравнявшись с ним, старик добавил: — Не дай бог вырвется! Горя потом не оберешься... идем лучше в хату». Гость вытер лицо и прошел в открытые двери дома. При входе он поздоровался, и скинул мешок: прямо возле дверей.

В хате было протоплено и пахло очень вкусно. Три коптилки ярко освещали большой дом Афанасия. Возле стола стояла та сама женщина, что открывала дверь.

24 Юхим — племенной хряк Афанасия: лучший производитель Верхней и Нижней Балаболовки.

*В доме светлом и уютном²⁵
Там сверкает и блестит
Марфа знатная хозяйка,
Все в руках ее горит...*

На вид это была пышногрудая красавица с объемной талией, приблизительно около сорока лет, ее плечи укрывал цветастый платок, из бабруйней шерсти. За столом сидели, две молодые девицы, и щелкали гарбузовые семечки.

«Прекращайте вы с этими семечками — отец с гостем приехал. Давайте встречайте!» — сказала женщина, обернув голову к девицам. Те не обращая внимания на то что сказала им мать, продолжали щелкать семечки. «Любка, мать твою! Помогии отцу корзины занести!» — строго повторила женщина. — Хватит, хватит... всю хату защелкали! — и смела со стола, тряпкой на пол, все семечки». Любка миглом вскочила со своего места и побежала помогать отцу. На вид, она точная копия своей матери: деваха, что надо — кровь с молоком, только совсем молоденькая; все те же формы и размеры играли на молодом теле — ее легкий домашний халат, зарябил глаза Готфильда.

Филипп стоял возле двери, и все его мысли были только о том, как он удачно попал в гости. Все то что с ним произошло раньше, напрочь вылетело из головы, единственно что напоминало о последних событиях: сильная боль в грудной клетке — после удара Стива, и пекущий нос — «подарок» от Джины.

*И как узнать где потеряешь,
И где соломкой подстелить?!
Но как найдешь, то распознаешь...
И будешь место то хвалить*

*Судьба сама разложит карты:
Не надо бегать и искать,
А то споткнешься — стухнут фарты
Язык устане проклинять*

«Вот старик прижился! Видать аппаратура у него будь здоров — такую молодуху отхватил. Ну ничего...» — подумал Филипп предвкушая... «Давайте вашу одежду и проходите», — сказала Степанида, подойдя до гостя; Готфильд словно под гипнозом, снял свой на два размера меньший, брезентовый плащ, который нашел в доме Банзая, и протянул этому миловидному созданию. Салиннки снимать не стал. «Проходи! Чего у двери толчешься?» — слегка толкнул его с задy Афанасий. И с порогу начал рассказывать о том, как был в городе, и видел чудо сошедшее с небес.

Любка с матерью, тем временем, начали накрывать на стол — все стояло тепленькое на печке и поджидало Афанасия.

У старика язык был без костей, и говорил он все время, пока не сели за стол:

— Марфа, по такому случаю не мешало бы и красенького!

— Степанида, слышала, что отец сказал? Давай в погреб, и налей большой кувшин, — сказала женщина, и поправила платок.

«Без вина говорит: не остановишь... куда ему еще пить!..» — подумал Филипп, и оценивающе окинул старика.

Степанида стрелой спустилась в погреб и уже через семь минут на столе стоял пяти-

25 Отрывок из поэмы «Сказка о Медовом Прянике», автор А. А. Протасов

литровый кувшин, красного вина. Также на столе присутствовало: большое блюдо с блинами, индейка жареная по кучумски, тарелка с толченной картошкой, по краям которой были разложены свиные котлеты упирались в глиняную банка сметаны, что стояла по левую сторону, от знаменитых блинов Марфы; грибы маринованные и другие Арианские разносолы — стояли на другом столе в кувшинах, но любимое блюдо Афанасия: огурцы маринованные в куклуновой²⁶ гуще — розовая, глубокая чаша, красовалась посреди стола.

Филипп не стал ждать приглашения: уселся за стол, и под победный марш своего желудка — начал трамбовать кишку, по полной программе, а аппетит у него был будь здоров. «Во, как проголодался с дороги!» — сказал Афанасий наливая вино по деревянным кружкам. Не дождавшись пока старик дольет доверху, Готфильд выхватил чашу под струи вина, и тут же залпом: осушил до дна. Афанасий только улыбнулся, взял свою кружку и хотел было сказать тост, как гость схватил кувшин и отхлебнув прямо с горла, поставил его возле себя, и не обращая внимания на остальных продолжил трапезу. «Да ты сынок не переживай, вино есть еще, а то ты как...» — сказал он и сразу начал рассказывать про какого-то его родственника, который имеет врожденную жадность до вина.

Гость не обращая внимания на разговоры — прямо с глиняной банки, ложкой, черпнул сметаны и намазал на блин, потом все это в один раз проглотил, и после вытирая рот рукавом сказал: «Блинцы и вправду очень вкусные, и корова твоя, дядька, чемпионка!» Старик все еще держал полную кружку, сразу перевел разговор на блины и начал рассказывать, что лучше, чем у Марфы блинов не найти. Женщины не обращали внимания на его разговоры, потихоньку уплетали жареную индейку — видно привыкли к его словоблудию, уже давным-давно. Съев еще пару блинов Филипп хлебнул немного вина, и причмокнувши приподнялся за стола — взял поднос со всей индейкой и поставил его напротив себя. Афанасий, улыбнулся и глядя на Филиппа сказал:

— Помню был я на покосе: целый день без обеда работал, то тоже, проголодался так...

— Тьфу на тебя, черт старый! Выпей — да сядь поешь! Уши от тебя уже болят, — чуть сердясь сказала Марфа, перебив его на полуслове.

Девки между собой улыбнулись, и достав от куда-то пакет с семечками, принялись за старое; Марфа искоса глянула на дочек, но ничего не сказала. Старик тем временем выпил вино, взял малосольный огурец и занюхавши им, сказал: «Эх! Винцо что надо. Со своего винограда. Да!.. Да!.. со своего! И огурцы...» Он с явным удовольствием, закусил малосольным и повернул голову к Филиппу:

— Все хотел спросить, но как-то, неудобно. Но все равно спрошу, а то ночь спать не буду. Где ты уши потерял?

Все, в одночасье, глянули на Филиппа, а Марфа извиняясь за всех, сказала, что папа у них, такой уже есть, и никуда его не деть, как ляпнет языком: хоть стой — хоть падай. Не подымая головы Филипп буркнул, что мол: разбойники поймали его в лесу, забрали коня, а ему отрезали уши — хотели убить, а он сбежал. «Я так и думал!» — сказал старик налаживая себе винегрет, и сразу начал рассказывать, как его свояка тоже поймали разбойники: — ...Так ему не повезло... — сказал он и притих на семнадцать секунд, наложил картошки с котлетами, а потом продолжил: — ...Они ему голову отрубали, — закончил эти словами, свой рассказ Афанасий».

— Сынок, а ну налей мне еще винца, — сказал старик и подставил кружку. — Давай, давай... наливай! Не стесняйся... мое вино в Верхней Балаболовке самое лучшее! Вот помню были...

В ту же секунду, Филипп схватил Афанасия за язык, а другой рукой он выхватил за спины свой армейский нож, и со знанием дела, отрезал старику язык: под самый корень. И с дурацкой улыбкой кинул его в тарелку к Марфе: «На! Приготовишь под майонезом. А то зажужжал... своей болтовней, — и тотчас добавил: — Были бы уши, наверное давно бы уже опухли».

²⁶ Куклуновая гуща — секретный рецепт Афанасия, состоящий из равной доли... для маринования огурцов. Является завистью для множества домохозяек: Верхней и Нижней Балаболовки.

Пытаясь что-то сказать, Афанасий вместо слов извергал смесь слюней и крови, и в тот миг забрызгал ими, всю свою выходную бобочку. От такого неожиданного поступка, женщин охватила паника, все так быстро произошло, что они даже не знали, как реагировать — просто встали из-за стола и смотрели, то на их гостя, то на Афанасия.

Если бы они только знали! Что судьба подарила им троянского коня, и решила его руками, расписаться в книге жизни, благополучного семейства.

Марфа с полотенцем кинулась к мужу и начал вытирать кровь, а девки попятились в угол от стола, и прикрыв рот кулаком, немного прослезилась. Филипп наколол, ножом котлету, и с чувством чрезмерной сытости: целиком засунул ее в рот; тщательно прожевал, пышущую паром его недавнюю мечту — запил вином, и издал отрывку на весь дом. Старик мычал и убирал полотенце, которое совала ему Марфа, пытался что-то говорить.

— Что ты там мычишь, неужели за всю жизнь не наговорился?! — сказал Филипп и схватил, стоящую к нему спиной Марфу, за ее пышную задницу. Женщина резко обернулась, и возбужденно закричала: «Скотина, что ты наделал?!» — и вцепилась ему ногтями в лицо, пытаясь выцарапать глаза.

Филиппу было не привыкать к таким поворотам событий, да и у женщины, на просто не хватило бы силы, справиться с этим бугаем. Она получила удар по печени и попятилась до окна.

«Ну и семейка: у этого язык без костей, баба истеричка — как они тут уживаются?!» — подумал удивленно, вслух Филипп и вытер кровь с расцарапанной щеки. Потом он встал из-за стола и направился в сторону дочек Афанасия, но не пройдя и трех шагов, Готфильд получил с заду удар, колотушкой по голове — Марфа забыв все меры предосторожности кинулась защищать свое потомство. Но удар получился скользким, и большого вреда не причинил, только разозлил Филиппа, еще больше. Он повернулся в сторону женщины, Марфа опять замахнулась колотушкой и сделала шаг вперед, как в тот же миг: армейский нож пробил ее сердце насквозь, и вышел с обратной стороны спины — женщина ойкнула, а Филипп ударил ее ногой в живот. Женщина «слезла» с острия ножа и отлетев до стола, ударилась головой об угол — упала на пол. Расписное блюдо с блинами перевернулось и упало, на ее бездыханное тело, следом упал и кувшин с сметаной, который разбился о блюдо, и сметана сразу приобрела красный оттенок. Девушки громко закричали... но бежать было некуда, и теперь их молодой и неокрепший мозг испытал настоящий шок — ворота ада заскрипели злобещей песней, неприкаянных душ: выпуская зверя на охоту.

Афанасий схватил вилку, и что-то громко мыча, и плюясь кровью кинулся на гостя, и только успел замахнуться... тотчас получил сильнейший удар ногой: в голову. Тело отлетело в противоположную сторону дома; сильно ударившись затылком об стену — старик без сознания упал на пол.

Теперь Филиппу ничего не мешало, и остановить его могло, разве только что: прямое попадание молнии, — и только в темечко, но звездное небо с злобещим светом, буровой Кламетры... не предвещало подобного развития событий.

Девушки забились в угол и сильно плакали — Филипп с страстной улыбкой: прокрутил рукоять ножа и неторопливо, двинулся в сторону девушек.

*Спаси мамуля дорогая!
Кричала девичья душа
А зверь голодный: не моргая;
Он шел на встречу, не спеша*

Только Тузик чуял, что в доме происходит что-то неладное. Он ходил по сараю и громко рычал, потом даже пробовал рыть подкоп, но как назло, в сарае оказался каменный фундамент. Пес был твердо уверен, что его Любка в опасности и ей нужна его помощь, но сейчас, он

ничем не мог помочь — был взаперти, куда по воле рока, она его и закрыла.

От понимания безвыходности, его и так большая ненависть к незнакомцу, с каждой секундой, росла все больше и больше.

Глава 3

После праздничного обеда: императорскими деликатесами и душевным разговором — далеко за полночь, подразделение усладилось крепким сном; и в это раннее время они досматривали свой, сто первый, розовый сон; Шарик как обычно — был по делам, а первый лучи Большого Зирка добрались только до крыши Панифекса и с теплом осеннего утра, прощупывали ее яркими лучами.

Джек проснулся от непонятного шума, который с каждой секундой, становился все отчетливей и громче. Он с неохотой встал с трона Семена 33, где пришлось коротать ночь, и все еще, спя на ходу, подошел до окна, что выходило на Вильтонскую площадь. То, что предстало его взору, за считанные доли секунды, привело дремлющий мозг, из полусонного состояния в боевую готовность номер один. Вся площадь — мерцала от головных щитов, прибывающего войска: пеших и конных отрядов; цоканье лошадиных подков, будто хронометр, отстукивало по мозгам Сильвера, нагнетая тревогу.

Василий — сын императора, выполнил поставленную задачу на отлично и в короткий срок, смог собрать: пяти тысячное — боеспособное войско, готовое отдать жизнь на благо отечества, в святой войне с демонами.

Когда полки Василия вошли в город, он очень удивился, пустынным улицам Эдема. «Неужели опоздал, и демоны взяли верх», — сверкнула мысль о отце, и кольнуло сердце о матери и сестрах. Взору предстал пустынный город: не было ни одной живой души, даже все бродячие собаки с кошками: пропали бесследно.

Обоюдное чувство тревоги, бесноватой кутерьмой: в виде стихийной паники — зародило семя страха в мозгах, простоватого, кучумского народа. И с таким же усердием взрыхлило сознание Сильвера; и не имей бы он чуткого сна, что выработался за долгие годы службы на Федерацию, то головы могли бы им отрубить прямо во сне.

Он быстро отошел от окна, до спящего, прямо на полу Стива, закрыв ему одной рукой рот, другой начал крутить нос, тот спросонья хотел кинуться на шефа, но быстро сообразив в чем дело, только проморгал: мол, что там случилось. Сильвер поднес к своим губам палец и дал понять, что сейчас не время говорить, и головой указал на окно. Больших объяснений и не требовалось, Стив быстренько добрался до окна, и незаметно выглянул, а потом глянул на шефа и подумал, что теперь, он Джеку будет обязан: до гробовой доски.

Побудка остальных членов подразделения не заняла и полминуты. За исключением Федора, команда в считанные секунды отошла от сна и действовала как четко отлаженный механизм. Уже совсем рядом слышался гомон солдат, которые по ступеням быстро входили в Панифекс. Джек выставил первые попавшиеся координаты: ели слышное жужжание пространственного континуума, розовым пятном, осветило хоромы императора. Федор убрал руку Марка, которая закрывала ему рот, и что-то было начал задавать неуместные вопросы... да еще громким голосом, но тот не дав ему опомниться, схватил Ломоносова: за руку и ногу, швырнул в розовое облака порта, и следом шагнул сам, остальные члены подразделения не заставили себя ждать, и нырнули следом — последним был Джек. Но не успел он сделать шаг в порт, как из-за спины, послышалось громкое: «Демоны! Держи! Держи их, а то уйдут!» — прокричал писклявый голос и следом полетело копьё, в сторону растворяющегося в облаке пространственного континуума, фигуру Сильвера. В туже секунду портал закрылся, и остальные копьё и стрелы летели уже в стену Панифекса.

Джек вышел с порта в десяти метрах от того самого дупла где Банзай прятал их вещи — Федор стоял на коленях и вытирал разбитый, после столкновения с деревом, нос; Марк только улыбался и ничего не говоря, хлопал его по плечу.

Неожиданно, возле уха Джека: вея сильных запах, кучумского тропника²⁷ — с порта, вылетело копьё, которое со свистом пролетело дальше: над головой Федора, и встряло в дерево с дуплом — портал закрылся. Никто не успел сказать и слова, о комментарии с копьём, как на удивление всех, с дупла выпрыгнул дедушка Банзай, и резво побежал в глубину леса. «Ну держись! Кучумовский голимец, — крикнул ему вслед Стив и понесся напролом, через кустарник». Держи вора! — присущей только Федору интонации, пролетело эхом по ушам подразделения, и все как по команде кинулись вслед убегающему «спринтеру».

У Джека, по крайней мере, был не один вопрос к этому «пенсионеру». «И интересно, почему это Шарик, не переместил его вместе с остальными», — думал Сильвер, и удивлялся расторопности старика. Впереди показался большой пенёк, Джек с разгона прыгнул на его гладкую поверхность, и приземлился на правую ногу — нога с невероятной силой, будто мощная пружина: гигантских размеров — пулей, выстрелила его телом. Банзай оглянулся, и увидев Джека, который летел в его сторону с очень большим ускорением, перешел на повышенную передачу, и ломая все на своем ходу: молодые деревья, кустарники — с скоростью клапера, сломя голову, несясь вперед — шум от ломающегося леса, стоял как от бригады дроворубов, со ста человек. Джек летел следом, и все еще не понимал — ни сути такого полета, ни дьявольской скорости старца, все было очень быстро; деревья мелькали одно за другим, а рассекающий ветер свистел в ушах; хоть Сильвер и не контролировал свой полет — чувство азарта переполняло с ног до головы. Еще каких-то, три — пять метров, и он сверху, сможет схватить, вороватого «пенсionера» за шиворот, но Банзай резко свернул в сторону, а Джек — полетел дальше: вперед.

Дедушка Банзай, на вид только дедушка, а в середине — обычный киборг, которого послали, во время войны семи государств, собирать информацию. Земное правительство тайно участвовало в конфликте и это присутствие, заключалось в сборе информации о враждующих сторонах. Добытую таким образом инфу, скидывали воюющим императорам. Поэтому противоборствующие участники военного столкновения, знали о каждом шаге друг друга, до малейших подробностей. По этой и многим другим обстоятельствам, к которым правительство Земли подталкивало безграмотное население Арианы — военные действия, быстро сошли на нет.

Причина подобного участия была, банальна как белый свет: обширный, сельскохозяйственный бизнес... и настолько громадный, что представить, его масштабы, можно только с хорошей фантазией — треть²⁸ планеты, и это... занято под фермерские угодья; поэтому правительство Тронплекса... не говоря уже, о втягивании земных дельцов: в области вооружения, или теоритической возможности, о раздувании военного конфликта на соседние государства... — война кончилась, ровно через полторы недели, по обоюдному согласию сторон.

Во время очередного задания, киборг получил сильный удар: булавой по голове и его что-то там замкнуло — после этого он стал не управляемым; перешел в автономный режим и стал сам по себе. Три раза с Земли посылали других киборгов, что бы его устранить, но их попытки оказались безуспешны.

Банзай создавался специально для шпионской работы и его навыки маскироваться, а также хорошая ориентация на местности, сделала его практически неуловимым. Тогда в виду его безобидности: киборг не предназначен для других военных действий, про него со временем, забыли. Но это никак не отразилось на... и он продолжал свою шпионскую деятельность и за все эти десятилетия, что находился на Ариане, он практически знал: все и вся, про каждого. И при этом еще «чувствовал» себя как рыба в воде; все было под контролем: информация постоянно обновлялась и проверялась — шпионская работа шла полным ходом.

27 Кучумский тропник — скутения из рода стреминтиновых... произрастает в топистых... Имеет характерный, едкий запах, который можно учуять за десять метров, а во время цветения... является единственным... из чего изготавливает копьё и стрелы, все население Арианы.

28 Семьдесят процентов Арианской поверхности занимает двадцать два океана и семьдесят морей; бесчисленное множество озер и рек, прозрачными рукавами матушки природы — опоясали вдоль и поперек: самобытный ландшафт чуждальной планеты.

Сильвер пролетел еще метров пятьсот, и вылетел на большую опушку, посреди которой находился огромный стог сена; приложив невероятные усилия: мыслимые и немыслимые — он чудом, спикировал в эту кучу сушеной травы.

Очутившись в середине стога, Джек долго не хотел оттуда вылезать. Приятный запах ароматного разнотравья, еще некоторое время поддерживал его эйфорию, от этого полета, и в голове были разные мысли как можно еще использовать ногу. Но приятное возбуждение, внезапно, сменилось чувством тревоги: «А вдруг бы на пути оказалось дерево, — а не стог... или середина озера, и не дай бог каменная стена, тогда бы только эта нога и осталась, — выбираясь наружу думал он, — и вообще надо быть поосторожней. Зря конечно, что я как следует, у гелта, все не разузнал».

Джек выбрался наружу весь покрытый репьяками, а и с карманов торчало сено. Он снял шляпу: струсил с нее прилипшую траву — поднял голову и посмотрел в небо, где всходил Большой Зирк, который своими лучами равномерно освещал уже всю опушку, и его теплый и ласковый свет, потихоньку пробирался в глубь Арианского леса. Сильвер всей грудью вдохнул свежий и сладкий от травы, чистейший — не родной, но очень бодрящий, воздух чужой планеты. И подумав: «Повалиться бы на стог, хотя бы до обеда... и моря-океаны не надо», — начал очищать одежду от репьяка.

*И ценим мы, лишь: что имеем
И то тогда как крикнул гусь
И не находим, а теряем
И ощущаем только грусть*

И тут Сильверу на ум, пришла еще более тревожная мысль, что с ним может произойти, от неумелого обращения с ногой; если сильно оттолкнуться от земли вверх, ясно виделось только одно: его полет к облакам, а вот потом — страх вызывало, такое же стремительное опускание. «Нет, все с этим надо завязывать, или не действовать спонтанно — особенно отталкиваться», — подумал он и отодрав последний репьяк, одел шляпу, взял курс в то место, где оставил свое подразделение.

Но мысли на то они и мысли, и их ход может остановить только смерть, и по дороге его посетила другая — совсем иная концепция, которая противоречила всему тому, что он думал некоторое время назад: «Раз у меня есть эта нога: значит это судьба, а раз судьба — просто так ничего не дается; и надо к этому привыкать, и использовать по максимуму», — и с этими мыслями он легонько, оттолкнулся от земли. Тело устремилось вперед и Джек очутился метров через тридцать: упал на мягкую подстилку леса, кувыркнулся и чуть было не угодил головой в пенё. Прыжок получился неудачным: голова сразу не сообразила, что при падении надо подставлять, — именно ту: криптонитовую, а не другую ногу. Но это только еще больше, разожгло его любопытство и не по-детски возбудило интерес к такому роду испытаниям. Он опять сделал толчок ногой в сторону леса, но при приземлении, подставил нужную ногу, и не успев моргнуть глазом, оказался за пятьдесят метров. «Надо аккуратней, а то опять улечу бог знает куда», — подумал он и с усилием мысли попытался контролировать ногу, на его удивление это дало положительный результат. «Вот оказывается, что! Инопланетные технологии... а я ногу напрягал!» — прыгая по лесу думал Джек.

Если кто бы из местных увидел: прыгающего на пятьдесят метров, с места на место, мужика в черном плаще и в большой черной шляпе, — то минимум чтобы он сделал, так это перекрестился, а если бы Джек захотел и подыграл ситуации, то запросто, мог бы пойти и за бога, хотя под бога нет, но под демона это уж точно.

Вдали, показались лица родного подразделения, которые с далека приметили: стремительно приближающегося Сильвера... но после всех тех событий, что произошли с ними раньше, такие перемещения их шефа по лесу, никого сильно не удивили.

«А ну, разойдись!» — только успел крикнуть Джек, как вся команда осталась далеко позади. Прыгать он вроде приловчился, а вот приземлится — его пугала большая скорость, которую он развил; а то множество деревьев и кустарников, что росли сплошь и рядом, не давали возможности, для безопасного приземления. Думавши, что лес не самое удачное место для экспериментов с прыжками, он не замечая и сам этого, выскакал из леса, но времени обдумать свое приземление не было — прыгал быстрее чем думал. Он сделал круг, еще через три поля, и снова заскакал в лес.

Вдали опять показались лица его команды, только были они уже с немного удивленными физиономиями, рядом с ними крутился Шарик. Джек опять всех перепрыгнул, и подставляя уже другу ногу — в мыслях крестился о удачном приземлении: опускался прямо в большой кустарник. Только его левая нога, успела почувствовать твердую поверхность, тотчас раздался громкий лязг железа, и невероятная боль, каленным, ментальным стержнем, прошла через его сознание. «Где-то я такое уже ощущал... допрыгался!..» — скользнуло в мыслях, и в ту же секунду он потерял сознание.

Джек открыл глаза и первое что он увидел: знакомая, треугольная физиономия гелта, которая заглядывает ему в глаза; и что немного удивило: теперь он находился не на «кровати», а в большом саркофаге, в котором было очень уютно и комфортно и даже не хотелось оттуда выбираться.

— Что-то это вы, Сильвер, к нам зачастили?! — неожиданно всплыло в голове, и он все никак не мог привыкнуть к их способу общения, а думал как обычно: о чем попало, и не контролировал своих мыслей.

— Да я бы такой, что остался здесь жить, — пробовал шутить Джек, но гелт тут же спросил: «А чем вы собираетесь, заниматься на Галакsee — вы уже ознакомились с иерархией нашего общества?»

— Но... я не сейчас, допустим... — подумал он в ответ и быстро вылез с саркофага. И чтобы забить чем-нибудь мысли, начал про себя напевать строевой марш — другого на ум ничего не пришло.

*Враг разбит и реет флаг
Делай четче в строе шаг
Бойся демон, бойся враг
Левой, правой — ровней шаг...*

Гелт спокойно стоял, и не одна его мысль не перебила Сильвера. Напевая по кругу, второй раз одно и то же, Джек оглянулся по сторонам, изучая обстановку; теперь он находился не там, где проходил прошлое лечение, а совсем... Огромных размеров ангар, с неправдоподобной стерильностью, что освещается: белым, ярким светом — удивил во всех отношениях; ведь кроме его саркофага, откуда он только что вылез, в ряд стояло, еще более сотни, точно таких: похожих на космический модуль, экстренной эвакуации, агрегатов, которые светились загадочным розовым светом; а у их изголовья, на дисплее, бегало множество разноцветных графиков, что показывали: бог знает, что.

У изголовья от его модуля, Сильвер обратил внимание на квадратный предмет, чем-то напоминавший мягкий пufик в его спальне, и на этом пufике сидел смокт. Всего его восемь глаз не имели век и как мощные визеотреки, пробирали до костей: пристальностью бездонного взгляда; и казалось, что он контролирует здесь каждое дуновение воздуха, но определить — на ком или на чем сосредоточило внимание «Это» ... смотрит оно, на все: триста шестьдесят градусов.

Хотя это и было милое «домашнее животное», которое по классу местной иерархии, относится к аропам, а по социальной... занимает, приблизительно, место нашего кота. Джек всегда относился к этому существу с подозрением; потому что знал, о его интеллектуальных

способностях... — смокт во много раз умней человека, и если бы он захотел, то запросто, мог поддержать их с гелтом, обмен мыслями. Но аропы в отличии от гелтов, не общаются с существами которые по интеллектуальным способностям стоят ниже их уровня; хотя сами намного не дотягивают до интеллекта гелтов — нонсенс, на который он много раз получал ответ, но так и не понял, почему.

Чужедальняя философия: галаксейской цивилизации, не укладывалась у Джека в голове, и это была только верхушка айсберга. Имелись вещи, в которые он даже приблизительно: не мог въехать своим умишком — в суть ихнего устройства. Все было так сложно и не логично, с его точки зрения, точно так же, как и возможность побывать на этой планете; ведь побывать на Галакsee — сопоставимо: что угадать сто номеров из ста в национальной лотерее Тронплекса. Но Сильверу повезло, и он как раз, был тем самым счастливицом, который выиграл такую лотерею, и ему удалось побывать здесь, и не один раз.

Ощущение от лечения, давило схожей энергией: как и в прошлый раз — была с него фонтаном и казалось, что он мог бы и горы перевернуть. Джек закатал штанину, красного комбинезона, и удивился, увидев свои обычные ноги; ничего не блестело и не сверкало, он сразу глянул на гелта, и перестал петь.

— Проще ваше покрытие... несовершенно, на это раз, мы сделали так, что ваш организм сам нарастил кожу на криптоните, однако понадобилось чуть больше времени.

— Наверное целую неделю провалялся? — подумал он в ответ.

Больше он ничего не думал, потому что не мог думать и одновременно общаться; все это сильно напрягало, ведь подумавши о чем-то, гелт бы тоже это «услышал», и это не учитывая то, что тот подозрительный смокт, который неизвестно что здесь делал, тоже все «слышит».

— По Земной системе исчисления: триста шестьдесят пять дней и семнадцать часов, ушло на ваше полное выздоровление.

— Ну не фига себе... получается, целый год?! — во весь голос удивился Джек, и опять не контролирую мыслей, подумал, что на Земле про него уже, наверное, давно все забыли. — Зато сразу на службу.

— На это раз, травма у вас была мене серьезная, и потеря крови: незначительная — хотели поставить вам точно такую же ногу, но пришлось...

— Если травма не серьезная, то что я тогда... целый год?! Ну и новости! Если это вы так долго наращивали кожу, то можно было и без этого обойтись?! — с разочарованием, перебил гелта, он своими мыслями.

— Кожу как раз, мы нарастили в течении одного Земного часа, — продолжил гелт, — а вот с вашей нервной системой пришлось повозиться... адаптация зависела только от вашего организма.

— А что не так, с мой нервной системой? В прошлый раз было все нормально... а тут и травма меньше и потеря крови незначительная; в чем тогда дело? — снова перебил его Джек; все-таки целый год жизни... ведь он же не живет как гелты: по тысячу лет.

— Дело в том, как вы выражаетесь, что ваша нервная система не приняла таких изменений, и отказала в самый нужный момент — пришлось ее заменить.

— Ну, это мне ни о чем не говорит, — подумал он в ответ, без всякого желания узнавать технические детали, и тут вспомнилось, что не мешало бы узнать, как этим пользоваться, но получил непонятную фразу: «Вы так ничего и не поняли».

— А что я должен был понять?

— Мы вам не ставили левую ногу, да и правую пришлось снять.

Джек не знал, что и подумать, удивленно смотрел на гелта, потом перевел взгляд на смокта, тот сидел без каких-либо признаков жизни и в большей мере напоминал: большую, мягкую игрушку.

— Мы вам заменили: полностью, ваш тазобедренный сустав, позвоночник, и разработали новую нервную систему. Ваша нервная система, это наше ноу-хау — экспериментальный

вариант, раньше нам такого не приходилось делать, — констатировал гелт и моргнул всеми, тремя глазами.

От удивление, Сильвер открыл рот, и не знал: радоваться ему, или плакать. Единственное что смущало, так это экспериментальная нервная система — с другой стороны, это было как выражался гелт «Ноу-хау наших технологий». Криптонитовый тазобедренный сустав — звучало по крайней мере возбуждающе и интриговало чужедальней философией на людское бытие. «Но зачем тогда... если надо было только нога?!» — проскользнула мысль, на которую он тотчас получил ответ:

— Это было сделано по особой просьбе уполномоченного.

— Какого еще уполномоченного? — удивился Джек.

— Совет правления Межгалактического альянса, послал своего уполномоченного, и он решил, что целесообразность и практичность такой композиции как у вас, будет совершенным вариантом: их планирования, — сообщил гелт и тут же добавил: — И вообще этот уполномоченный, очень развитое существо. Интересно, на какой он стадии жизненного цикла находится?

Дельного на ум так ничего и не пришло, единственное что Сильвер слышал о Межгалактическом альянсе, то что это очень крутая организация, которая управляет половиной всего космоса. «Но чем я мог их заинтересовать... у них есть парни и покруче», — первое что пришло на ум.

— Не знаю какие у вас с ними дела, но они вас сюда доставили, и все это контролируют, а наш сенат взял ваше пребывание под особый контроль.

— Одежду мою, опять уничтожили? — подумал Джек и взглядом окинул свой красный комбинезон.

И тут же, не дождавшись ответа, начал перебивать его мысли, своими мыслями, и невпопад: «А как же?.. А если?.. Все криптонитовое... То тогда где?..» — и взялся рукой между ног, но там было гладко, как на макушке деда Апанаса.

— Вы сильно не переживайте, — успокаивал гелт, всплывшего не на шутку Джека. — Все ваши органы выделения: отходов жизнедеятельности, будут появляться по мере надобности. Я уже вам сообщал, что ваша нервная система очень сложное ... — тут мысль оборвалась и это существо, на какое-то время перестало думать. — Нет таких понятий в вашем мировоззрении, но чтобы хоть немного прояснить... вы должны знать главное: нервная система — это отдельный организм, который работает автономно, и имеет свой интеллект; но эти «мозги» работают только на ваше жизнеобеспечение. Наше ноу-хау: экспериментальный вариант, — и опять моргнул, всеми тремя глазами, потом через секунду добавил: — Но это что касательно выделения отходов, а вот если вы, захотите продолжить свой род, то для вас это будет бесплатно. Как вы наверное знаете... технология у нас эта совершенна.

— Нет, так не пойдет! Я вас не просил: ни новой нервной системы, ни тазобедренного сустава — отдайте мне мой старый и со всеми причиндалами, и наплевать мне на вашего уполномоченного!.. — с этими мыслями Сильвер залез в саркофаг и пытался задвинуть крышку. — Нервная система... черт с ним, пускай остается, а вот... необходимо вернуть! Шутка ли... и в молодые годы... — бормотал он на непонимающие подобных проблем, глаза гелта.

Какие только доводы в пользу биотехнологий не приводил гелт, на Джека это не действовало. Тогда треугольный достал с кармана, странный, маленький приборчик, и поднес к глазам пациента — показалась ослепительная вспышка, и разум погрузился ни во что: без мыслей и снов.

Через секунду, как ему показалось, Сильвер открыл глаза и первым делом полез рукой между ног, но там... снова, поле для тронплета.

— Ваши детородные и... — очень по-научному выразился гелт, — ...Только по факту обходимости... Ох, и задали вы нам... с этими первобытными инстинктами!

Джек сразу подумал, чтобы не мешало испытать где ни будь этот ... но ему сразу дали понять, что здесь навряд ли получится. Ответ, что все было испытано и работает лучше, чем оригинал, вполне устраивал. Но неожиданно, гелт достал... напоминавший грелку предмет, в котором было восемь дырок разного диаметра и одна прямо-таки... — предложил, что мол если он настаивает на испытании, то можно и испытать. Джек вежливо отказался, так как знал: Галаксейцы не шутят и шуток тоже не понимают.

— Нельзя было сразу... все так сделать? — радостные мысли, что теперь все как у людей, согрели своей теплотой.

— Ненужная роскошь! И не как у всех людей... — здесь он разъяснил, но никто его не слушал, главное, что аппарат работал, а остальное мелочи. — Мелочи, которые отняли еще год вашей жизни.

— Как год! Не понял?!.

— Если точно, то это: восемьсот пятнадцать дней и девять часов... вашего пребывания на Галакsee.

Такие новости, немного огорчили Джека, хотя мысль, что теперь он мужского, а не среднего рода — перебивала другие эмоции.

— И как этим управлять или пользоваться... как там?..

— Вам нечего об этом беспокоиться, два-три дня, привыкнете... можете смело положить-ся на вашу нервную систему... ноу-хау: экспериментальный вариант, — подморгнул ему гелт. — Главное, надо только в мыслях: точно уточнить, что будете делать, и нет никаких ограничений.

Джек с небольшой горчинкой, о потерянных двух годах жизни, ударился в размышления о своей дальнейшей судьбе; ведь за это время, что его не было на Земле, там многое могло поменяться; и эмоции разжигали интерес, похлеще: экспериментальной нервной системы — как там подразделение, Вероника, Оуэн... Серега Волков... живой, нет; хотя для Сильвера это время пролетело в один миг, в Тронплексе все шло своим чередом, и за это время о нем даже могли, и вправду забыть.

— К вашему сожалению... людское существование: иррационально... — всплыло, перебивая все остальное, — Будете портироваться без посещения Галаксей?

— А что уже разрешили? — отвлекся он от раздумий.

— Вам можно посещать нашу планету в любое время, и на любое срок.

Сильвера немало, удивил такой ответ, обычно, чтобы побывать на планете гелтов — целое дело: надо брать кучу разрешений и согласовывать с их сенатом, потом неделю ждать ответа; и это при условии: что разрешено земным правительством, а учитывая, что он был двенадцатым человеком, которому за всю историю Земли, посчастливилось побывать на Галакsee...

Когда-то, в далекой молодости и в определенный момент жизни — Сильвер мечтал об этом с утра до вечера и это было как навязчивая идея: хотя бы месяц пожить на Галакsee, но и этого времени было бы не достаточно, чтобы полностью проникнуться атмосферой, древнейшей цивилизации в совокупности с их свертехнологиями, что не идут ни в одно сравнение, даже с земной фантастикой; но сейчас он размышлял чуть по-другому: «Раз уж если позволено в любое время и на любой срок, надо бы сначала прояснить обстановку, что там дома, а потом уже точно: не меньше месяца — и только по полной программе и с кучей денег».

— Ну как хотите, мы всегда рады видеть вас на Галакsee, — подумал гелт и тут же добавил: — Только смокта, не забудьте забрать.

— Смокта... смокт не мой?!

— Забирайте! Забирайте, он все это время был постоянно возле вас, и поступили вы вместе с ним, правда несколько раз, он куда-то отлучался.

Джек с удивлением глянул на игрушечное создание, и не успел еще ничего подумать — как тот был уже возле его ног, и уже через две секунды залез ему на плечо.

— Да меня с ним... с планеты выгонят, — заулыбался Сильвер и снял смокта с плеча, удобно умастил в своих объятиях. — Кормить надо... а! Черт с ним... со мной так со мной, — а сам подумал, что неплохо бы с таким в дозор ходить. — Ну что! Домой, — и погладил его пальцем между глаз, тот чуть сжался и моргнул всеми восьмью глазами. — Домо...ой! Будем с тобой в шахматы играть.

— Домой вам еще рано. Уполномоченный дал четкое указание, что вас надо отправить в тоже самое временное измерение, с соблюдением точных координат, вашего присутствия на Ариане.

— А разве такое возможно? — с недоверием подумал Джек.

— Сенат одобрил: временное перемещение, и как сказал уполномоченный, что вы должны закончить куку-то очень важную миссию.

От этих мыслей у Джека челюсть отвисла вниз сама собой, и он не совсем понимал, что происходит.

Внезапно перед ним возникла зеркальная поверхность прямоугольной формы, которая появилась неизвестно от куда, и не была похожа на обычный порт гелтов.

— Заканчивайте вашу миссию... и к нам, и лучше только на экскурсию, а если надумает здесь жить...

— Подумаю, подумаю, — и шагнул в середину, приятной на ощущения субстанции; и его другой шаг был уже в тех самых кустах, где он пытался приземлиться, после прыганья по лесу.

Картина застывшего слайда, перед тем как он потерял сознание, тем же самым кадром — поставила обстановку той минуты: перед ним лежал большой медвежий капкан, сбоку которого валялась его левая нога. Подразделение стояло в двух метрах и с крайним изумлением смотрело не на шефа, а на смокта, который спокойно блямал, с рук Джека, всеми восьмью глазами, и никак на это не реагировал. Через секунду, инобожье создание, спрыгнуло на землю, и в мгновение ока, забралось на высокую ветку дерева; уютившись там поудобней, оно как, навороченный визеотрек: своим едким взором — светило рентгеном, просвечивая Арианский лес, на многие сотни метров.

Подразделение как по команде, обступило дерево, где взгромоздился инопланетный представитель, неизвестного им, биологического вида; и с детством в одном месте...:

— Во, чудо-юдо! А ну, слазь, — Ломоносов был самый активный.

— У-тю-тю... — подманивал Марк смокта, кидая ему куски пирога, который он прихватил в Панифексе.

— Может он пирогов не ест...

— И нечего дать.

— Надо залезть и снять...

Удивление, пускай и невиданному, но обычному «зверьку» — это понятно, но то, что никто, не то что не удивился, а вообще придавал мало значения тому, как через короткий промежуток времени: обычного моргания глазом — их покалеченный шеф... тут же появился цел и невредим; и даже его красный комбинезон с такими же красными, мягкими тапочками... — все это не укладывалось, в переполненном эмоциями сознании, Джека Сильвера. Его команда, напрочь забыла, не только, о субординации, а и о самом существовании Джека — все были заняты загадочным существом.

— Я еще здесь, — хотел привлечь к себе внимания Сильвер, и щелкнул пальцами правой руки, но никто не обращал на него внимания; правда только Марк чуть отвлекся и как бы невзначай, поинтересовался, что мол протез поставили, мене бы такой, и не сводя глаз с смокта — высказался на тему, как технологии достигли такого невиданного прогресса.

Джека распирало от жгучих чувств, которые он, как ну духу, хотел выложить своей команде: про гелтов, об искусственном тазобедренном суставе с его экспериментальной, нервной системой, которая, вдобавок, имеет свой интеллект; и конечно сказать, что он отсутствовал

более двух лет. Но посмотрев на подразделение, что как малые дети облепили дерево и пытались сманить оттуда смокта — сразу подумалось, что наверно не пришло еще время, чтобы они все это знали.

— Если вы его рассердите, то он начнет плевать смординовой кислотой... и метров на двадцать, тридцать... не меньше, — пошутил Сильвер, но его слова с невероятной силой подействовали на команду и даже Ломоносов сказал, что с смординовой кислотой лучше не шутить и отошел ровно на тридцать семь шагов от дерева где, сидел восьмиглазый.

— А где... «ото» делось? — закричал Федя, когда повернулся лицом к команде.

Смокт пропал бесследно, но появился Шарик, который в своей манере, бегал и махал хвостом. Все начали допытываться у рыжего: не видел ли он, «ото» и хотели разузнать, что, то могло быть. Шарик по обычаю: отчеканил в своем ампула; и ответ они получили по всем правилам логики, присущей только этой собаке; что инопланетное существо не имеет никакого отношения к их миссии, и подобная информация лишняя для их умов. Не удовлетворившись ответом, они переключились на Джека, но услышали: не столь изощренный, но довольно понятный ответ: — Баба с возу кобыле легче, — а сам только подумал, что жаль смокта, с голоду помрет или дикие звери съедят...хотя с его умом... и сразу захотел, поблагодарить Шарика за спасение... ведь кроме него, никто бы не смог его переместить... И еще не успев додумать мысль до конца, его перебила другая, извне, которая в какой-то степени была ожидаема, но имела странный подтекст; то что он услышал кучу ненужной информации то одно, а то что спасал он: не его, а их миссию, которая оказалась под угрозой срыва..., что его жизнь не является обходимым условием для завершения боевой операции... и что..., и еще... — совсем другое.

— А этот пенсионер, наверное марафонец, во как чуханул: только и видели?! — высказался Стив.

«Если бы они видели, как он дальше чуханул, когда я его чуть не схватил за шиворот», — подумал Джек и не обращая внимания на то, что ему наваял рыжий, предложил: — Знаете, что! Надо бы с этим «пенсионером» побеседовать по душам, а то за него мы хлебнули здесь не мало, да и предчувствие у меня: не прост этот старик».

— А как с ним побеседуешь, бегают так, что дай бог каждому, и вы со своими прыжками не смогли его догнать?! — с удивлением захихикал Марк.

— Он мне сразу не понравился. Говорит сто тридцать лет, а волосы словно у молодого. Может какой бандит: замаскированный? — добавил Стив и тут же вспомнил как они ловили одну бабу беременную, а то оказался переодетый мужик.

В разговор вмешался Шарик и сказал, что это старик, кто бы он не был, не препятствует их миссии, и им надо сосредоточиться на боевом задании. Потом он на несколько секунд исчез а когда появился, то сказал, что координаты цели он обновил и нужно заканчивать, боевую задачу; следом он предоставил: на выбор — пятьсот семьдесят шесть вариантов, поимки преступника.

*Расчеты, схемы, планы — цель;
Роятся цифры целый день
Бегут они под алгоритм,
Их циклом крутит четкий ритм
Логичной цепью золотой:
Пленил врага — план запасной*

— Что-то это ты, с вариантами переборщил... прошлый раз всего... — подметил Федя и добавил, что давно пора совершенствоваться, и выходить на высшую ступень... — Ломоносова, тоже иногда заносило, с его начитанными мозгами, — рассчитывать надо один, и самый верный... — и тут же, он, сам себе, сказал понятно-понятно: и утер нос.

— Не знаю, что понятно вам, мне понятно... если я в таком виде покажусь перед Готфильдом, то он со смеха помрет и не надо будет его ...

Красный комбинезон Джека, хоть и был комфортен и тепел, но... он его рассекречивал, а косые взгляды команды, которые молча ели своими взглядами; ведь они не со слов знала, как шеф реагируют на разговоры о его одежде — создали чувство дискомфорта...а еще эти тапочки.

Среди подразделения раздался легкий смех, и Марк чуть было не предложил мешок с дырками, но вовремя опомнился, и отказался от этой неудачной мысли.

— План насчет Готфильда... значит такой: никакого риска и внезапных появлений, мало что он там творит... в прошлый раз... девочка... крестьяне... короче, геморрой излишен... я не хочу, чтобы пострадал кто невинный...

— И какой план из лучших, самый лучший...если и тот самый лучший? — заулыбался Федор.

— Вот именно! А Готфильда... выманю... подстережем... и старым проверенным способом, как и хотел: наш великий и могучий... — сказал Джек и провел рукой по горлу.

— А там, где-нибудь... тоже: старыми и проверенным способом... и закопаем, — потер ладошки Марк.

— Правильно мыслишь, солдат.

— Можно и не закапывать, здесь в лесах столько животных... растянут: за одну ночь, — развила мысль Джина.

— Делите шкуру не убитого медведя?! Что будем делать с медведем, здесь убьем или в лес сведем?!

— Шарик, это же планирование... разные варианты... какая там шкура, — сказал Федор.

— Планирование к людскому роду, не имеет никакого отношения... вас самих спланировали, и оставили на произвол судьбы... жить мыслями чужих индивидуумов... — загрузил по полной программе рыжий, и на удивление всех: потребовал противопоставить аргументацию, против его доводов; а на попытку Ломоносова, хоть что-то сказать в свое оправдание, он напомнил ему о несовершенной памяти; а так-как Федя начал с религии, то он ему записал: на ксинтонном уровне — все двенадцать религий, современного Тронплекса; в полном объеме.

— Шарик, ты что свой модуль разблокировал? — удивленно спросил Федор и через секунду добавил: — А насчет этого ты прав! Человек... — и завел дебаты на религиозную тему.

В разговор вмешался Джек: «Батюшка нам не мешает, но сейчас у нас не собрание баптистов, а боевое задание... и командую им я. Слушай приказ! Ты, Шарик, планируешь, вы исполняете...а ты... закрываешь рот, и тихо сопишь в две дырочки... если что надо, спросим! И все... нечего здесь базар разводить! Ближайшая цель: дедушка Банзай... — здесь Сильвер расписал, каждому свое задание, — ... И будем брать Готфильда... но после того, как я себе новую одежду найду».

Джек попросил Шарика узнать ДНК старика, по фрагментам те что могли остаться в его доме или даже в том дупле, с которого он выпрыгнул. Рыжий трансформировался в переливающийся шар и плавно залетел в дупло — не было его около минуты. Вылетев обратно, шар на мгновение завис на уровне дупла и через две секунды растворился в воздухе.

— Вот тебе новости! Это он куда, интересно?

— Все тебе, Ломоносов, интересно, хочешь быть самым умным? — сказал Марк и похлопал его по спине своей увесистой рукой, и добавил: — Плохо, что вТронплексе на Шариков не учат, а то бы ты... но не переживай... отец Федор... ха-ха-ха... ксинтонный уровень рулит.

— Так, Федора мне не обижать — человек еще полностью не восстановился! — строго сказал Джек.

Как внезапно шар исчез, так и появился, только уже в образе Шарика.

— Психофизическое ощущение реагировать, на внешние раздражители, у тебя Джек Сильвер, развито сильнее чем у остальных индивидуумов... предположение о целесообразности... подтвердилось, — доложил по прибытию рыжий.

— По ДНК, интересно, местный или с Земли?

— ДНК отсутствует, у данного механизма.

— Что значит механизма? — не сильно удивляясь спросил Джек, и сразу вспомнилось как тот Банзай бежал, сломя голову, через труднопроходимый лес.

— Кибернетический механизм, модели Сикофант::77А; кодовое имя: Банзай — имеет искусственный интеллект NG-17 уровня... — здесь он расписал, вплоть до... — ... Относится к классу киборгов не серийного производства, и имеет встроенный, шпионский модуль... также обнаружен незначительной сбой в логическом... возможно от сотрясения основного корпуса, чем-то тяжелым, — закончил этими словами рыжий.

— Киборг! Я так и знал, что киборг. Только что он здесь делает... интересно, интересно... очень интересно! — с мальчишечьим азартом сказал Сильвер.

— Я тоже знал, что киборг, — буркнул Федор, и потер нос.

— Толку что мы знаем... Сикофант, ну и слово... военного робота... мы не поймает никогда, он нас в лучшем случае всех покалечит, — сказал Марк и почти сразу добавил: — Ну это если... он нужен нам работающий.

— Здесь без тяжелой кавалерии... — махнул рукой на эту бредовую идею, Стив. — Поймать киборга целым и невредимым!.. И вдобавок со сбоем и сотрясенного... Аминь! Можно об этом забыть... Как ты там, Шарик, на счет бреда говоришь?

Джек знал, что все военные роботы были так запрограммированы, чтобы не попадать в плен к врагу, а учитывая, что киборг в десятки раз сильнее человека, то функционирующим, взять его практически невозможно, а кусок железа был ему не нужен.

— А как же ты его без ДНК обнаружил?

— Под эти деревом, Сикофант::77А, обустроил главный штаб и склад... и имеет еще тысяча пятьсот восемьдесят четыре временных убежища, по всей планете, — уточнил рыжий. — И согласно логической импликации... объект был обнаружен, в 56F убежище... Несовершенство NG-17 уровня: говорит само за себя... модуль не справляется с многопоточным... карту убежищ, надо было прятать в другом месте... — закончил он речь и через секунду добавил: — Но учитывая его семнадцатый уровень... никуда он бы все равно не делся: как бы не планировал.

Технические подробности, обрадовали только Федора, остальные же делали вид: что им очень интересно, но перебивать речь этого «профессора» ... дураков нет — ксентонный уровень никто не отменял.

— Молодец! Хорошо объяснил, а теперь проверим, что там у него за штаб — лучше раз увидеть, чем сто раз услышать... А ну! Стив, подсади, — разгорелся любопытством Джек.

Подразделение, по очереди, кроме Марка, которому Сильвер приказал остаться и покараулить: на всякий случай — забралось в дупло. В середине дерева был замаскированный ход, что вел вниз корня, а потом еще метров десять в бок, под землей. Пройдя узким тоннелем они, уже через несколько минут, очутились в более просторном помещении; освещения не было, а свет от миниатюрного клокса с соковым тропом, которым подсвечивал Федор, не спасал. Здесь, Джек вспомнил, что не зря они брали с собой приборы ночного видения:

— Ломоносов, а ну дуй на верх... и тащи «Филина»!

— Да и так видно... куда надо... сюда... сюда? — бегал он клоксом по бункеру Банзая. — Можно еще Шарика попросить, он нам подсветит и не надо... — рюкзак остался на улице, и ему ой как не хотелось, лишний раз встречаться с Марком... и один на один.

— Надо, Федя! Надо! — всплыло в голове у Ломоносова, — и тут же рыжий выдал ему короткую мысль о занятии его ресурсов: с неуместным расходом энергии.

— Понятно! — сказал он в ответ на это умозаключение, только уже в голос.

— Если понятно, чего тогда стоишь? Одна нога здесь другая там, — резко бросил Джек

Федор с неохотой, полез назад по тоннелю, за приборами ночного видения. Джек не стал продвигаться наугад и приказал, всем оставаться на своих местах, мало ли чего, мог начудить этот, как выражался Стив «сотрясенный», и вдобавок еще, с программным сбоем в модуле интеллекта. Через семнадцать минут, томительного выжидания, послышался шум доносившейся с прохода, а следом голос Федора, который что-там бурчал под нос. Добравшись до главного отсека, он со словами: «Налетай! Подшевели!» — раздал каждому в руки по экземпляру: ночного видения «ФилинR5»

Как только «Филины» оказались на голове команды, виду предстала впечатляющая картина: помещение было не одно; а где они стояли, это был большой тамбур — пять дверных проемов вели в разные стороны; стены бункера удивили своими толстыми колодами из — даже не выговоришь — породы дерева; каменный пол заставил задуматься о времени, которое было потрачено на изготовления главного штаба... а если вспомнить доклад Шарика, о тысяча пятьсот восемьдесят четырех временных убежищах, по всей планете, что имеет этот киборг... вопросов больше чем ответов.

— Вот тебе и Сикофант! Обустроился как в лучших домах Марленда и... — восхищался Ломоносов.

Начав с ближайшей двери, команда приступила к обследованию бункера; помещение оказалось, даже еще больше, чем тамбур: раз в пять. И напоминало исторический архив, национальной академии наук; везде, на стенах висели портреты, никому неизвестных людей — с временным штампом: годов их жизни, но на многих была проставлена только первая дата; множество топологических карт: на стене и в рулонах — до дотошности въедливо указывали названия, городов, сел, дорог, озер, рек... и даже посадки (неужели и с тропинками!) были помечены кодовыми надписями.

— Гляньте, а здесь план села...Верхняя Балаболовка... — громко прочитала Джина, — старостмейстер: Мамалыгин...

— Ну и название... еще и Мамалыгин! — не оставил без внимания Ломоносов.

— ...Количество домов, жителей... фамилии... имена помеченные!

— Интересно, для кого он эту информацию собирает, — послышался голос Стива.

Дальнейшее исследование резиденции, этой «консервной банки», заставило задуматься и даже немного пугало своими масштабами, которые были сопоставимы только, с действием регулярной армии.

— Гляньте! Гляньте! — неожиданно закричал Федор. — Семен 33, — и снял со стены портрет, усмехнулся и из любопытства глянул на обратную сторону рисунка: — Ты смотри! Родился... женился... стал императором... да тут... жена, наверное, такое не знает!

— Тебе откуда знать, что знает жена? — заулыбался Стив.

— Зато «дедушка» Банзай знает, — поднял настроение Сильвер, — ему бы еще такую бабушку... и пару таких внуков...

Дружный смех команды, был наверное слышан и в лесу, но смех, смехом, а такой поворот событий, только еще больше разжег интерес Джека к Сикофанту, и теперь все его мысли работали только на одно: как поймать «пенсионера». «Догнать, теперь не проблема... — хотя Сильвер еще не испытывал новую функцию... да, да, именно функцию, по-другому он никак не мог это назвать... — Ну а дальше... — после недолгих раздумий решение проблемы пришло: само собой: — Шарик, боевая задача... твоя любимая: спланировать поимку Сикофанта. Банзай!

Все, будто по команде, повернули головы в сторону шефа — и как это они сами до этого не додумались. Федор попытался что-то сказать, но Джек показал ему жест рукой, что мол: закрой рот и занимайся своими делами.

— Не вижу обходимости... — знакомые слова, под удивленные лица подразделения, в каждом отдельном мозгу, закончили эту мысль с одинаковой точностью, но...

— ...Данная процедура давно спланирована, и учитывая потенциальную опасность: кибернетического механизма, наряду с гипотетической возможностью, срыва им нашей миссии. Ловить его нет необходимости, а если логически обдумать...

Джек не успел даже открыть рот, чтобы возразить рыжему на его логику, как — раздался резкий хлопок и каждый уголок подземного штаба, озарило загадочным сиянием: переливающегося шара; согрев команду ментальным теплом — он вмиг испарился в неизвестном направлении. Никто так и не понял, что имел в виду Шарик — продолжили дальнейшее обследование бункера.

Логово «дедушки» Банзая — переполняло, немерное количество, разведывательной информации: планы Панифексов, карты, досье — наверное на каждого человека — кучи всякой одежды и даже прибор для нанесения флузелиновой маски — вот он то, и заинтересовал Джека больше всего. «Или киборг работает на правительство, или находится здесь, может быть очень опасно», — подумал он при этом внимательно осматривая помещение, где было множество всяких штучек, которые заметно устарели, в виду их технических характеристик.

Пятое помещение оказалось складом одежды и подвернулось оно, как ни стать лучше — Джек выбрал: кожаный плащ, шляпу с широкими полями и мухтоновые штаны в клеточку; сапоги со шпорами очень смешили, но здесь это было... само оно. И тем более он не собирался расхаживать при таком параде по Тронплексу...особенно в мухтоновых... да еще и в клеточку. Склад с одеждой поразил своим ассортиментом, ведь при перелопачивании Сильвером, той груды тряпья, ему попадалась и женская и даже детская одежда, а где киборг ее взял можно было только догадываться.

Прерывая их экскурсия, по подземному бункеру, послышался громкий шум: чего-то быстро приближающегося, по тоннелю.

— Наверно Марк, — предположила Джина.

Все стояли и внимательно смотрели на вход в штаб. Через считанные секунды, на всеобщее удивление: перед ними появился Банзай. Стив выхватил нож и подумал, что живым он ему не дастся; Джек потянулся за своим, но... сейчас было не до него и он приготовился бить ногой: как можно посильней — чтобы уже наверняка; Сильвер не раз видел, что творили киборги в тылу врага, и поэтому не на секунду не сводил взгляда с этого механизма. Но Сикофант, который стрелой влетел в бункер, неожиданно замер, и стал как вкопанный... хотя быстрота действий и неожиданность — основное преимущество киборгов, и по идее он должен был их уже, давно, на части порвать. И такое поведение насторожило еще больше — мало ли чего этот «сотрясенный», себе надумал. Под тревожные мысли команды, в штаб влетел белый ворон и сел киборгу на голову — появление Шарика расслабило, но не сильно, пока ворон не сказал:

— Молодец! Быстро добрался... смазку надо, всегда вовремя менять.

— Последняя, плановая смазка: трущихся элементов, была двадцать четыре дня назад и прошла успешно, — неожиданно для всех, отчитался Банзай.

По поведению, Сикофанта, а особенно, по впечатлению: с их прошлым знакомством в лесу, Джек не знал, что и подумать; киборг не был похож ни на одного... ни те в армии, или те две «консервные банки», что пылились на складе у Ломоносова — и рядом с ним не стояли; да и такого номера модели он тоже что-то не припомнит, хотя имел и имеет доступ к любой секретной информации, а слова генерала «...Настоящий хлам, больше чем убивать и подменить пилота... ни на что не способны... куда они там наши налоги тратят?!» что крутились сейчас в его голове, еще больше запутали мысли. На устаревшую модель, Банзай совсем был непохож. И сразу подумалось о прокуроре и его секретарше: «Какой они интересно модели. Ну ладно, попаду на Землю, обязательно узнаю — и глянув на Шарика, шутя спросил: — Что ты с ним сделал? Наверное, загипнотизировал?»

— Гипноз... — выдал рыжий короткую речь об этом термине, и неуместности его в данном контексте, — ...Перепрограммировал интеллект: сбой устранен, также усовершенствовал шпионский модуль, другие показатели в норме, теперь он работает, как теридовая реакция, и будет служить в составе вашего подразделения, — закончил этими словами он свою речь.

— Киборг не помешает, будет вещи носить. Слышишь, Федя, тебе помощник... Шарика не будет, будешь с этим.

— Будет хоть с кем: о чем умном поговорить, — съязвил Ломоносов и тут же добавил: — И пока его у нас не забрали, пусть скажет, зачем он нас Семену 33 сдал.

— Семьдесят седьмой, зачем спланировал сдачу подразделения противнику? — поинтересовался Джек.

— Сикофант...77А, нуждался в денежных средствах, а за ваши головы было назначено солидное вознаграждение.

— Деньги «человеку» понадобились, — с насмешкой сказал Стив, и все удивленно переглянулись.

— А зачем тебе деньги?

— Сбор информации без денежных средств, является трудновыполнимой задачей, и требует более значительных временных затрат, что в боевых условиях является недопустимым значением.

— Сикофант... вот Сикофант... тоже продуманный! — вставил Федор. — Перепрограммированный ты наш...

— Цель разведывательной миссии? Для кого предназначается информация?

Теперь, Банзай вел себя как настоящий киборг, и Джек знал, как надо общаться с этим механизмом. Семьдесят седьмой начал рассказывать про войну семи империй, про Федерацию, как..., где... Слушали его наверное около часа, и сразу стало ясно, что за сто тридцать лет сбора информации — слушать его надо, еще: не меньше года.

— Закончить отчет! Поведение: имитация человека!

Киборг прекратил отчет и сразу сказал: «Как здесь темно: хоть глаз выколи!» Все громко засмеялись и Джек сказал, что надо отсюда выбираться, и плохо что киборгам не надо еды, а то он уже сильно проголодался.

Банзай первый выпрыгнул из дупла — и тут же с леса послышался громкий крик: «Сейчас я тебя вскрою... консервная банка!». Марк с остервенением напал на киборга, с ножом. Но тот ловко увернулся и он промазав, вонзил его в дерево. Под глазом пехотинца красовался большой синяк, оставленный семьдесят седьмым, при входе в дупло; но Марк еще не знал, что «пенсионер» на их стороне, и был полон решительности разделаться с вражеским механизмом.

— Отставить, нападать на киборга! Он теперь с нами, — сказал показавшийся с дупла Джек.

Команда в отличном настроении и с кучей эмоций, быстро покинули генштаб Сикофанта.

Джина подошла к Марку и глядя на его физиономию с улыбкой сказала: «Да ты радуйся, что так легко отделался».

Тот махнул в ее сторону рукой, чтобы отстала, и засунул нож обратно в кобуру. А Ломоносов за спины Джека, подколол его на счет ночного и беззвездного неба и тут же процитировал «И усомнись в силе хвалебной, против дитя безвинного, ибо придет время и усомнишься в жизни долгой, перед мужем могучем, в облике ветхом».

— Ломоносов... — глянул на него Джек и не стал развивать тему.

Все сочувствовали Марку, но его физиономия и рядом стоящий «дедушка» Банзай, что по старчески сутулился и продолжал имитировать «пенсионера» ... Федя, пару реплик от Джека, и неуместное сочувствие Стива — хотели, как лучше, но получилось, как всегда.

— Так, так, так... а, вот что! Шарик, тебя отвлекать, от глобальных проблем... запиши, ему, — и указал на киборга, — не знаю куда и на какой уровень... характеристики моего ножа... пускай найдет... без него наша миссия...

Не успел он закончить мысль до конца, как от Сикофанта и след простыл, и уже через пятнадцать минут, зеркально лезвие криптонитового ножа, грело душу Сильвера.

— Другой разговор... теперь мы тебя, дедушка Банзай, никому не отдадим. Возвратимся в Тронплекс... но сначала подмолодишься годков на сто...

— Будет мне на складе помогать, а то...

— И на складе тоже. А сейчас... Шарик, обновляй координаты Готфильда! Будем с этим дерьмом заканчивать, только отметь еще одну... где-нибудь в метрах: трехсот, от места дислокации противника... не хочу повторять ошибок.

Глава 4

Всю ночь, Филипп, пребывал в угарном экстазе, и вот где уже проявилась возможность для его больного воображения. Множество хорошей еды, вино и предмет плотского удовлетворения в виде вожденной девичьей души — выбили из него чувство страха: вон долой; и мысль что так будет продолжаться вечно, придала душевного равновесия. Сначала он позабавился с мертвой Марфой, прямо на глазах ее дочек, потом устроил себе анатомическую экскурсию по ее брэнному телу; нагулявшись в ее внутренностях — он по такому же сценарию, справился и со Степанидой; Любку Готфильд связал и кинул в погреб, она была на закуску.

Обстановка бодрила и все предвещало, недурное продолжение банкета. Хотя, первые издержки бесцеремонного времяпрепровождения, были на лицо, в виде неоспоримых улик и доказательств: запах смерти смешанный, наполовину, винными перегаром — реял под раздрающие крики истерзанных душ; незатейливое убранство сельского дома: с выглаженными скатертями и накрахмаленными занавесками, и букетом полевых цветов на окне — застыли в стеклянных глазах, жертв фатального рока. Сейчас это был не дом счастливой семьи, где царит мир и согласие, а периферийное отделение, скотобойни Эдема — после великого поста.

Фрагменты тел женщин, Готфильд разложил как на ярмарке, а отрезанные головы Марфы и Степаниды уместил на тарелки и поставил лицом к себе; сам же поглощал остатки индейки, запивал хваленным вином Афанасия и вел душевную беседу: с отмытыми от крови черепками — угощал их разной едой.

«А муж твой дурак, много говорит и ничего не понимает в женщинах. Ты вот, на поешь, поешь!» — сказал Филипп и засунул в рот, головы Марфы, малосольный огурец.

Внезапно с погреба послышался громкий крик Любки: «Караул! Убивают! Помогите! Караул!», — за долгие часы пребывания в заточении, ей удалось перегрызть повязку на рту, а потом и освободить руки и это сама судьба сжалилась на безгрешной душой — заставила сражаться за свое спасение. «Лучше бы в лесу волки разорвали, чем такое издевательство терпеть», — думала она и ее сердце колотилось, как у загнанного зайца.

«Красавица... не нервничай, дойдет и до тебя очередь, — громко сказал Филипп, и положил ногу на стол; но Любка не унималась: кричала во все горло. — О-хо-хо, — с грустинкой вздохнул Готфильд и с гримасой выжатого лимона, встал из-за стола; взял в левую руку пустой кувшин под вина, направился в сторону подвала. — Развязалась?! Чего орешь... или хочешь, без языка остаться?.. Ну и семейка!.. — открыл он ляду погреба. — На налей! — и протянул вниз, глиняный сосуд». Девушка встала на ступени лестницы и вроде потянулась за кувшином, но здесь резко оттолкнулась ногой и с криком: «Караул! Убивают! Караул!» — попыталась шмыгнуть между его ног. Кувшин вылетел из рук Филиппа и вперевалочку: потукал по деревянному полу, в сторону печи. Готфильд сделал шаг назад, и тут же, схватил Любку за волосы, с остервенением накрутил их на руку: «Вот, сука! А! Семейка... блядь! Как таких еще земля носит?!»

Любка кричала: что мочи.

В это время, мимо дома, по дороге, ехал местный конюх, на своей хромой кобыле. Сначала он подумал, что ему послышалось, ведь бричка Афанасия стояла около калитки, и он знал, что тот вчера ездил в город продавать кабана. «Наверное кабана обмывают... Афанасий тот мастер гулянки устраивать», — подумал он и уже было поехал дальше. Но крик неестественного голоса с отчетливым: «Караул! Помогите!» — сильным чувством смятения прощупал желудок конюха.

На безрезультатные попытки: закрыть девушке рот — Филипп, уже было хотел... но случайный взгляд в окно... и вид подъезжающего на лошади мужика; заставил действовать спонтанно, он с удара вырубил Любку и быстренько, боком: нырнул к окну, откуда из-за занавески... «Этого еще не хватало», — и вытащил ножом.

А в сарае: Тузик всю ночь, не находил себе места... и этот пронзительный, крик — крик Любки... зов его: любимой большей жизни... той самой... за которую... — затмил сознание собаки; холодящий душу рев, полетел далеко по улице. Соседские собаки забились по будкам, и только оттуда осмеливались подгавкивать. Под хруст крошащегося дерева, сарай заходил ходуном... «Кобель почему-то взаперти?!» — надвинул фуражку на лоб конюх. То, что пес, находится под засовом и в сарае — так и не придало смелости: бздоватому, балаболовскому мужику, даже верхом на кобыле, заехать во двор. От рева собаки, мурашки пощекотали спину Гаврилы, лошадь сдала назад, а событие недавнего времени: с ослом дяди Яцика — встало шлагбаумом, через порог дома Афанасия.

«Афанасий... что там у тебя?! Афанасий! — громко закричал односельчанин и слез с кобылы. — Тпру! Стоять». В ответ, кроме гавканья кобеля, он ничего не услышал, и никто с дома так и не показался, даже после киданья камушков в окно... что еще больше удивило конюха; Гаврило стрелой вскочил на кобылу, и сильно натянув вожжи: протянул: «Но-о!..» — покрестил батогом, лощенные бока Араменды и подымая клубы густой пыли, резво поскакал по улице, при этом думая, что надо было бы мужиков кликнуть, а то: что-то у Афанасия не ладное.

После обалденного кайфа, что подарила благоволящая фортуна, Готфильду — пришел такой же, но только сам — обалденный облом: в виде сельского конюха. Филипп отошел от окна, и сходу, со всей силы, ударил Любку, ногой в живот; тело чуть подбросило и оно как мешок с песком, поглотило удар. «Вот уже мразь! Ну мразь! — не находил он себе места, от мысли, что еще десять минут назад... Но его огорчение, долго не продолжалось и уже через пять минут, померкло от другой и более... что сменилась навязчивой тревогой: — Не привел бы этот крестьянин кого-нибудь еще, а то если дом обложат...» — животное чутье Филиппа, на подобные обстоятельства, работало безотказно; и он принял решение делать ноги: чем быстрее и тем лучше; планы: выспаться, а потом, вечером, заняться Любкой, растаяли как мартовский снег в солнечную погоду».

Готфильд открыл окно, которое выходило в огород и быстро выпрыгнул наружу, обошел вокруг дома и из-за забора мельком выглянул на улицу. Взору предстала пустынная улица: утренней Балаболовки — народ только просыпался и сидел по домам. Осмотревшись, по сторонам, он перепрыгнул через забор и вышел на дорогу — глянул вдаль, по сторонам: ни души; только бричка Афанасия, запряженная сивым мерином, что не реагировал на рев Тузика и спокойно стоял подергивая гривой — согрела грешную душу. Не теряя времени, Филипп, таким же способом, забрался обратно в дом, одел свой плащ и накинул на голову зимнюю шапку-ушанку старика, для маскировки, другого больше под рукой ничего не оказалось; и рыться в вещах — времени не было. Он кинул Любку на плечо, и подхватив кувшин с малосольными огурцами — вышел через двери; когда проходил мимо сарая, то мельком глянул на окошко, откуда выглядывала озлобленная морда пса. Готфильд уже было прошел дальше, но резко развернулся и сделав два шаг в сторону кобеля: плюнул ему в морду: «Должок», — сарай тут же заходил ходуном, и рев этого зверя заглушил всех соседских собак.

Оказавшись возле телеги Филипп скинул девушку с плеча, на мягкую подстилку повозки, и притрусил бесчувственное тело соломой; сам же с оглядкой по сторонам отвязал коня и по-молодецки скаканул в телегу; сильно дернув кожаные поводья, он с вдохновением крикнул: «Но-о! Поехали!»

Лошадь резво помчалась по пустынной улице Верхней Балаболовки, все дальше и дальше, унося его от дома Афанасия. Филипп теперь, точно знал, где приземлился Голиаф, и взял курс в сторону Надана.

*И рвало небо горьким криком
Восход кровавый жал тиски
Под храп коней, со зверя рыком:
Седели девичьи виски*

*Глумилась тишь и ангел страха
Спасал лишь голос мамы: там вдали
Держись дочурка, моя птаха
Пуškai горят твои угли*

Афанасий пришел в себя и обомлел, от той картины, что предстала его взору. Слезы ручьем полились по морщинистым щекам старика, сердце защемило и колющая боль: сильными приливами разрывала сердце на части; горькое чувство утраты: жены и дочек — задурманила старика.

*Сковало горло, разум — скорбью
Сухие слезы по щекам
Прошлась старуха хлебом-солью:
По женским, девичьим сердцам*

*Душа кипит, и нет в ней страха,
И нет в ней гнева — только боль!
Бездолье бьет с всего размаха,
Пьянит отравой недоль*

*Но сила воли безгранична:
Встает щитом и движет в путь
Схлестнуться с смертью — это лично;
Отца семейства — жизни суть*

Отец оглянулся по сторонам и попытался встать, но дикая боль, жгучей молнией дернула тело, тысячи каленных игл прощупали, каждую клеточку его плоти; ноги стали бетонными и не слушались — то Филипп для страховки, перебил бесчувственному старику обе ноги: большой, деревянной колотушкой. Афанасий замычал зовя о помощи, но кроме как страдания и кровавых слюней, это ничего не дало, и от этой безысходности он только больше невзвидел самого себя, а следом и весь белый свет; голова Марфы смотрела прямо на него со стола, рядом лежали окрашенные кудри Степаниды и если бы не те: два красных банта, то он бы ее так и не признал. «А где же Любка?! Любка! Любка где?!» — замелькало в голове и он с жадностью начал осматривать комнату, но кроме как двух парных частей тел, так ничего и не заметил. «Значит может быть еще жива — пока жива, и находится в руках этого нелюдя», — кроме этой мысли другие были уже менее важны: все было только о любимой дочке:

*И где кровинка дорогая:
Надежда сердца моего?!.
Листом сорвалась ты родная,
Не вижу взгляда твоего...*

Пропитанные горем слезы, ложили дьявольские узоры на его выходной бобочке, которую подарили на день рожденья Любка с Степанидой. Афанасий собрал волю в кулак и не реагируя на невероятную боль в ногах, пополз в сторону открытой: нараспашку двери; хотя это удавалось и с большим усилием, но надежда, что его — его уже единственная, и самая любимая дочь, может быть еще жива, воскресла с пепла, и засверкала в мутных глазах отца семейства; озаряя сознание разгоравшейся искрой упования, за жизнь своей дочери. И то, что, именно сейчас, ему во чтобы-то не стало, надо сделать все...мыслимое и немислимое: ради

родной кровинки — только...

Старик с трудом выполз на улицу, взялся за перила крыльца, и попытался встать. Но его уже немолодое тело не выдержало такой нагрузки, и он не удержавшись, кубарем скатился на землю. Сильная боль — будто кто продел каленный стержень через его тело, прочувствовалась с лихвой. Афанасий только успел ойкнуть и вспомнить, свою давно умершую мать, как сразу потерял сознание.

Придя в чувства, он услышал, вдалеке, ропот приближающейся толпы, это односельчане, которых поднял, как на пожар, конюх, спешили на помощь.

Но чем они могут ему помочь?!

Сейчас только одна надежда: это его Тузик. Афанасий подполз к двери сарая, но засов был высоко и для того чтобы его отпереть — надо было встать. Старик, цепляясь руками за дверь, поднатужился в попытке подняться с земли, при этом громка плача и что-то мыча, но его уже ослабшие от старости руки не выдержали веса тела, и он скребя ногтями деревянную дверь, медленно сполз вниз: снимая стружку; сильная боль, очередной раз, напомнила ему о поломанных ногах.

Но сдаваться он не собирался, отец знал, что сейчас в его руках находится жизнь его любимой и уже единственной дочки — Любки. Он ухватил рядом стоявшие грабли и страстно начал бить ими по засову, пытаться двигать задвижку.

Шум толпы односельчан, был где-то уже совсем рядом и даже можно было различить их голоса.

«Жив не буду, а открою, — думал он. — Не отдам я тебя Любка! Не отдам!» Старик со слезами на глазах, с последних сил: все бил и бил, деревянной палкой грабель по задвижке — засов пошел и немного открылся. Все его внимание было приковано только к затвору, который был как заколдованный, и не хотел отпираться. Затуманенный разум Афанасия крутил одно и то же: «Врешь! Врешь! Не отдам... не отдам, я тебе Любку!..» — заливался слезами старик и еще крепче ухватил грабли; и не обращал внимания на ту невыносимую боль в ногах, он поднатужился и с громким, хриплыми криком души — лихорадочно забил по железной планке засова. Удар за ударом... еще один удар — засов вроде бы сдался: скрипнул и немного отодвинулся.

— Афанасий, что с тобой? — услышал он как эхом вдали, голос сельского кузнеца, и в ту же секунду, проклиная себя за то, что привел в дом зверя; старик громко закричал и отдал душу, на этот самый нужный, самый важный... решающий все... роковой удар — с громким лязгом, открывающегося засова: штырь сломал перегородку запора и отлетев на два метра, забренчал о металлическое ведро.

Бездыханное тело Афанасия, с застывшей, улыбкой умиротворения, скатилось на пыльную землю — прикрыв собой, роковой след²⁹, валенок Готфильда.

Дверь сарая распахнулась, и оттуда выбежал Тузик, он первым делом, подбежал до тела старика и обнюхал мертвое тело. Крестьяне замерли у ворот не смея и пошевелиться, кузнец опустил топор...попятился назад, но толпа давила со всех сторон; и ему только оставалось топтаться на месте, но в мыслях, он крестился за всех. Кобель поднял морду и с тихим, зловещим горкотаньем — обнажил пятисантиметровые клыки; тяжелый взгляд, его, в секунду налившихся кровью глаз — едким комом, прощупал желудки крестьян. Филимоновна тотчас потеряла

29 Арианские салиннки — народная обувь из валянной шерсти пуанского мунадлита, пропитанной его же жиром и обшитой... имеют особую характерность... на подошву наплавляется, разновидность природной смолы (толщиной пять сантиметров), что тверже камня и имеет такие, полезные качества, как водонепроницаемость и легкий вес; салиннки являются «безразмерными»: три детских размера и три взрослых, других нет. «Дедушка» Банзай, поставил: на сто пятнадцати тысячах, пар салиннок — специальные протекционные метки (все разные) ... название империи: первая большая буква, названия города: первая и последняя буква, род: м или ж, национальность: первые три буквы, фамилию, имя и возраст он кодировал: спецсимволами. Салиннки дарил кому надо. м:КУЧ:33 — с таким тавром, как подарок уважаемому правителю, он прислал: пару салиннок — гонцом, с далекой, заморской империи... многие его поделки попали и в Тронплекс. Эти что взял у него Филипп, Сикофант надевал, только по вторникам и только... — для себя он придумал протекционные метки, с учетом...

сознание.

Но они еще не знали, да и даже не догадывались... Тузик поднял морду вверх, и леденящий душу вой полетел, эхом: разбивая ментальные преграды, божьих созданий и творений — багряный восход скорбил вместе с ним, а легкие порывы ветра разносили эту горечь еще дальше.

Тузiku не надо было ничего объяснять, он и так знал: его Любка в опасности и ей надо его помочь. И сейчас был тот самый момент, когда он мог сполна дать волю своей ненависти, к этому незнакомцу, который посягнул на святое святых, этой собаки.

Толстенная, кованная цепь, на глазах удивленного кузнеца — вмиг разлетелась на множество мелких звеньев; Тузик вскочил на улик, потом на сложенную кучу дров и перепрыгнул через головы, охваченных страхом сельчан, устремился вслед знакомому запаху телеги, который нельзя было, ни с чем спутать.

Когда он был еще щенком: Любка не раз возила его на речку и они там купались целый день, а лишь к вечеру возвращались домой. Все это он помнил, и такие воспоминания были ему дороги; ведь кто кроме ее... и сейчас он сожалел только об одном, что не было возможности перегрызть глотку этому незнакомцу еще вчера.

Тузик бежал что есть мочи, но Филипп уже успел далеко заехать от села — он всю дорогу подгонял лошадь: все боялся, что за ним может быть погоня, мчался как угорелый.

Дорога в Надан, из этого села, была Филиппу неизвестна, но направление он приблизительно знал. Да и сейчас главное, это подальше от греха, а там... Он петлял между посадок и сельхозугодий, пока не уперся в лес... и тут «хорошей дороге» настал конец — бричка летела, звеня и гремя чем можно, по лесной ухабистой дороге; через ... никем не считанных километра: на резком повороте, у нее отвалилось, то самое колесо, которое он на кануне помогал ставить Афанасию. Чудом справившись с управлением и то, только благодаря старому мерину, что с закрытыми глазами чувствует габариты телеги, и за свою долгую жизнь...у него наверное не раз отваливалось, то самое колесо — удалось избежать наихудшего. «Тьфу ты гадство!..» — выругался Готфильд слезая с телеги. Самому поставить колесо на тяжеленую бричку было проблематично. «Может коня распрячь... да верхом», — подумал он, но сразу отказался от этой затеи, потому что без седла, да еще вдвоем, уехать далеко не получится. Легкими ударами по щекам он привел Любку в чувство, она открыла глаза — вокруг одни деревья... и эта: почему-то перепуганная морда, в шапке ушанке ее отца, своими круглыми глазами: жгла пристальным взглядом.

— Смотри, если вздумаешь бежать или кричать: убью!

Слова этого сумасшедшего, сильного впечатления на Любку не произвели, она и так знала, что он ее все равно убьет, а в лесу кричать... мог бы и не говорить.

Грубыми движениями он вытащил девушку с телеги и одарил сто килограммовым взглядом:

— Дойдем до Надана... — тут он примолк, полностью дезориентированный обстановкой; ведь с одной стороны, Любка была лишним грузом, но а с другой стороны: его похотливая натура, наряду с больным воображением, затемняла весь здравый смысл, — ...и не вздумай со мной в шутки шутить... или в игры играть... пожалеешь!

— Твои игры... я уже видела, с моими они... шутки, тем более... а зачем мы идем в Надан?

— Не твое дело: зачем и куда идем... идем куда надо, — сказал он и толкнул рукой в спину. — Давай шевелись! Нечего на дороге стоять.

После ночных событий, и пережитого шока: Любкино чувство страха, не то чтобы стало меньше или больше... нет... оно сменилось, более выраженными переживанием — сильнейшая неприязнь: вида, голоса, движений руками... а от его дыхания, вскипала такая ненависть... За мать, за сестру, старого отца — она готова была кинуться и... но ясное понимание, безысходно-

сти такого поступка... Сковала, по рукам и ногам... но надо было что-то делать, а не дожидаться смерти: на поводку безысходного рока, что завис над их семьей.

Страстный мозг Любки, заработал с удесyтеренной эффективностью — в поисках решений, своего спасения.

Тузик вбежал в лес, и учуяв еще более свежий след придал скорости, хотя и так бежал что есть сил. Неожyданно, из-за кустов, на дорогу, по которой мчалась собака, вышел волк (а волки в тех лесах водятся, очень большие). Преградив дорогу он стал как вкопанный — резко остановился и сделал грозный оскал, шерсть на его загривке поднялась дыбом. Этот бой с волком мог бы, оказаться для него последним... и кто тогда спасет его Любку? Но в любом случае... он был готов, дать этот... пускaй и последний бой.

Взгляды волка и собаки пересеклись, и вся та энергия, которая переполняла Тузика, передaлась дикому зверю, и дала с лихвой прочувствовать: всю ту решительность и напор, что неоднозначно прочиталось по его взгляду. «Легкой добычей он не будет... придется повозиться», — подумал волк, воображая сердце Тузика, на тарелочке с голубой каемочкой. Но видя, что этот хозяйский собака: не скулит и не убегает, а наоборот готов ринуться в бой — вызвало у волка большое уважение к этому псу; хотя в животе урчало уже не первые сутки.

«Значит у него должна быть, очень весомая причина: чтобы быть в лесу и без хозяина, а если он просто так бродит... рано или поздно я его съем», — подумал волк и зашел обратно в лес, где бесследно растворился в его зарослях.

Времени на раздумья не было и Тузик в тотчас продолжил свою погоню. Через пять минут бега он в вдaлеке увидел свойскую телегу, но подбежав ближе больше никого он там не обнаружил. Быстро все обнюхав вокруг и в середине, собака учуяла совсем свежий запах, тот самый: родной запах — запах гречневых блинов и тыквенных семечек — так пахла Любка когда заводила его в сарай.

Он внюхивался все тщательней и глубже, обследую каждый сантиметр телеги... и тут резкий дух: горький и приторный, винный и кровавый, что был совсем рядом с его любимым ароматом, перевернул сознание — это был запах того... того, так ненавистного, но так желанного... спущенного судьбой... но по чьему велению? Незнакомца. Тузик «закипел», и его и так люта́я злоба дошла до белого колена; издав громкий рык он спрыгнул с телеги — и лoвя всеми, фибрами собачей преданности: совсем «горячий» след; устремился в погоню.

Вдали показался тот самый незнакомец, который толкал впереди его Любку. Тузик немного притормозил и нацеливаясь на шею врага, подкрадывался с задy... еще мгновение и его горло будет перегрызено в один миг, но девушка случайно обернулась и увидев собаку — громко-громко закричала: «Тузик! Спасай родимый!» Готфильд успел повернуться, и его хорошая реакция, вовремя, помогла сохранить ему свою шкуру, от прыгающего на него кобеля. Филипп быстро вбежал с дороги в лесную чащу, и стал спиной у первого попавшегося дерева, — в руках, тотчас, сверкнул армейский нож; шапка-ушанка Афанасия: большой, боксерской перчаткой — укутала его правую руку.

— Ну что животное, давай! Посмотрим, какого цвета... — закричал он во все горло.

Люба очень любила собаку и не хотела, чтобы ее питомец пострадал, она обняла мохнатую шею друга и прослезилась: «Тузик не надо... идем домой. Бог ему судья». Кобель облизал Любкино лицо и вывернув голову с ее объятий... — это был первый раз, не считая далекие времена щенчества, когда Тузик послушался.

Собака не спеша, двинулась в сторону Филиппа, морду скрасил судьбоносный оскал, который обнажил огромные клыки; глаза налились кровью, леденящее душу горкотанье, пронизывало лесную тишь.

Ладошка Готфильда, которой он держал нож, пропотела, и по спине пробежали тысячи мурашек.

Теперь эти две: такие далекие, но в чем-то родственные, противоборствующие души, встретились на «равных»; и хоть в каждом из них играли разные чувства — животный ин-

стинкт был один на двоих: выжить и любой ценой.

А недалеко, из-за кустов, за ними наблюдала точно такая же: братская душа — тот самый волк, который всю дорогу незаметно следовал за Тузиком, и сейчас он был как та тень, что в любую секунду могла оказаться в гуще всех событий. Нет, он не собирался есть — ни Любку, ни собаку, ни того человека с ножом, он просто стоял и не спускал глаз... и не сомневался, что в любом случае: голодный не останется.

Тузик кинулся на противника с открытой пастью, но Филипп не растерялся: сразу сунул ему в зубы правую руку. Пасть кобеля набилась противным на вкус, свиркуном, и вонючий, пропитанный моликмором мех³⁰, полез в самую глотку, но собака только прищурила глаза и замотала головой; в ту же секунду Готфильд левой рукой, со всего маху, ударил его ножом в шею. Послышался металлический скрежет, и стальное лезвие скользнувши по пластине, прошло выше головы Тузика — железный ошейник с кованными шипами, спас от неминуемой смерти.

Пес перекусил хват, и, поудобней: на всю пасть — вцепился в шапку. Послышался хруст костей — кобель давил челюстями: точно гидравлический пресс, на десять тонн. Филипп вскрикнул от боли, и его сверкающий взгляд: потух тупым взором — Тузик туго знал свое дело... и это было только начало; собака остервенело затрепала обмотанную руку и приподняв передние лапы — всем весом вложилась в укус; Готфильда дернуло: со стороны в сторону и он не удержав такого напора, кубарем покатился по тонтовой подстилке леса — салинки полетели в одну сторону, он в другую, только шапка и осталась, в пасти у собаки. Вытолкнув языком, противный мех свержуна, кобель: не давая опомниться — прыгнул на лежащего Филиппа, но тот успел увернуться... и тут же, двадцати сантиметровое лезвие армейского ножа, залезло по самую рукоять, в левое бедро Тузика; но пес боли не чувствовал, вся та злоба к незнакомцу затмила его сознание.

Кобель развернулся, и в тот миг впился в задницу встающего врага, и с ревом трепанул его плоть — большой кусок мяса оказался в пасти. Филипп упал на живот, и с трудом перевернулся на спину; предательская боль: словно мать — окружила его своим вниманием; сладкий запах торибона, впрыснутый пламенной инъекцией, этой мачехи: божественным наслаждением, подпитал священную месть Тузика — с необычайной силой.

А подарком Готфильда, было скинутое с небес, колючее покрывало Азраила, которое надежно окутало его тело: поломанные пальцы правой руки, большая дырка в заднице — граничило с шоковым состоянием... но эта грань, только стеклянная дверь, чтобы он мог не прозевать то, что ждало его дальше; ведь здесь был бой не на жизнь, а на смерть.

И никто не собирался брать пленных.

Только Филипп оказался на спине, первое что он увидел перед собой, это была разъяренная морда Тузика; с его пасти доносился, отрывистый, булькающий рык и через этот тлетворный оскал: слюни в перемешку с кровью, капали на опухший нос врага.

И сейчас их взгляды пересеклись в последний раз, на этом белом свете. Собака медленно повела, задирая голову вверх — как неожиданно, Филипп схватил пса правой рукой за шею, одновременно пытаясь ударить его ножом в голову; кобель перехватил левую кисть, а через секунду и его правая... ловким движением, «клоритной» пасти, срезало словно бритвой; армейский клинок полетел далеко в кусты.

Филипп громко закричал и попытался сопротивляться: крутил телом и брыкал ногами, но Тузик не спешил — наслаждался, мучением незнакомца... но неожиданный, тревожный плач Любки — где там сзади, всколыхнул его сознание; Тузик только повернул голову... и убедившись, что с ней все нормально... всем своим весом, со всей злобой... за всех и от себя... и от безмерной любви к Любке — разодрал грудную клетку Готфильда, где показалось еще бьющееся сердце: этого незнакомца, который посягнул на святое святых, этой мохнатой души.

30 Моликмор — серое кристаллическое вещество с очень резким запахом, применяется для предохранения меха и шерсти от моликлона.

Филипп лежал на земле весь в крови, и пока еще, его не покинуло сознание, он с последних сил громко закричал и резко подняв голову, схватил собаку, зубами за нос, но для кобеля это было словно укус комара; и в тотчас еще бьющееся сердце врага, оказалось в пасти Тузика.

Любка никогда не видела своего питомца в таком гневе, и даже немного перепугалась: «Тузик хватит! Не надо больше, он все равно уже мертвый. Идем домой». Пес повернул голову в сторону девушки, и тут же спрятал свой устрашающий оскал, но в середине его, все еще бурлила ненависть к этому человеку, и она не давала ему покоя — это был второй раз, когда он не послушал Любку.

Тело было разорвано на малейшие фрагменты: легкие и остальной ливер висели на соседних кустах, а сердце: для пущей надежности — Тузик съел; голову он же поднес и гордо кинул под ноги девушке. «Ты мой хороший! Спаситель, ты мой», — слезила Любка и поцеловала Тузика в кровотокающий нос.

Волк не стал ждать: пока собака с человеком уйдут, тотчас подбежал и начал трамбовать свое ненасытное брюхо.

*Он покрутил ее на колбасу!
Кровинку ту, которая души не чая в нем:
Дарила жизнь — лелеяв чадо;
А сам пошел на пироги:
На праздный стол — отребьев ада*

Пес повернул голову в сторону волка и оголил клыки — дикий зверь ответил тем же, и показал ему уже свои: в два раза большие чем у Тузика; и это была уже его добыча и попробуй собака сделать хоть малейшее движение по направлению...

Любка взяла своего ангела хранителя за небольшой обрывок цепи, который свисал с железного ошейника и они побрели в сторону оставленной лошади. Тузик при этом не выпускал голову Готфильда с пасти, и как девушка не пыталась его уговорить оставить ее, все это было напрасно.

Вдалеке показалась отцова повозка, и какие-то люди, что крутились возле их телеги, рядом стояла незнакомая бричка, запряженная двойкой вороных. Как потом оказалось, то были мужики с Нижней Балаболовки, что заготавливали дрова на зиму, они помогли Любке с колесом, после чего она быстро прыгнула в телегу и прижала к себе Тузика.

Одно оглядываясь, девушка только и успевала придерживать поводья — лошадь напуганная волком, несла как угорелая, так что с леса они вылетели пулей.

Подразделение «Барьер», в обновленном составе, ступило из порта на улицу Верхней Балаболовки. Теперь они портировались, как и рассчитывал Джек, недалеко от места где находится Филипп. Вдали виднелось большое скопление людей и множество подвод; и это было в той самой координате, где и должен быть преступник.

— Интересно, это не то место куда нам надо?! — произнес Федор.

— Банзай, боевая задача: узнать, почему большое скопление людей, сбор информации минимальный, — приказал Джек.

«Дедушка» Банзай, как какой молодец, направился быстрыми шагами в сторону толпы.

— Надо было его до Мамалыгина послать, там он бы точно... — заумничал Ломоносов.

— Нам и Ломоносова хватает, — отпустил ему щелбан по носу Джек.

— Очень полезная вещь, этот киборг... — и указал пальцем в сторону Сикофанта. — Сэр, а почему у нас такого нет? — поинтересовался Стив.

— А где они есть? На вооружении Федерации только...

— Это точно... тормозят и не сигналият, — усмехнулся Марк.

— Но если учитывать, что эта модель была изготовлена сто тридцать лет назад, то где же новые образцы? — мыслил вслух Федор. — Те что у нас, пылятся на складе и включать даже не охота «Всем оставаться на местах, в случае неповиновения...» — симитировал он боевого киборга.

— Так, онтош! — согласился Джек. — Только убивать... — а сам вспомнил, как он еще в молодости — ради прикола — напустил боевого киборга на дикого туранта³¹... отмывали киборга целую неделю.

Неожиданно их разговор перебили — пять молодых людей, праздного вида, возвращенных на сельских харчах, с мордами: хоть бери и прикуривай; по виду этих парней, не трудно было догадаться, что работа — это не для них. В руках одного из крестьян — уже с самого раннего утра, виднелся семилитровый кувшин вина, а по их заплетающимся языкам, можно было легко определить, что это не начало, а продолжение банкета.

— Что-то мы вас здесь раньше не видели? Чего это вы по нашему селу ходите?

— Кто сказал, что оно ваше?!

Джек строго посмотрел на Федора, дав понять, что конфликт с местным населением: совсем не к месту.

— Ребята, идите куда шли... там и оставайтесь! — грубо сказало Джина.

— Мы уже пришли...

— Тут и остаемся... а вот вы... но ты, красотка, можешь остаться, с девками у нас тут туго: Степанида, та не дает, а Любка, кобелем пугает...

— Совсем туго... очень туго, — подтвердил другой и тут же добавил: — Но мы сегодня добрые: праздник у кореша... так что, кучерявый, забирай своих дружков, и подобру-поздорову: валите с нашего села, — и толкнул Федора рукой так, что тот чуть не упал, успев чудом схватиться за Марка.

— А дружок твой, будет тебе светить своим фонарем, чтобы не заблудились: где-нибудь среди огородов, — сказал тот что с кувшином и засмеялся прямо в лицо Марку.

Марк ели сдержался, и с скрежетом сжал зубы, он еще не отошел от того как на него напал киборг, и весь свой гнев хранил в себе.

Другой же селянин схватил Джину за руку и начал тащить ее к себе, но она легко вернулась и сразу посмотрела на Джека, ожидая дальнейших указаний.

— Ладно, все хватит, мы уходим, — сказал Сильвер, чтобы дальше не обострять обстановку.

— Уходить надо было сразу, а теперь вы уже никуда не идете и даже не скачете, — сказал один из веселой компания, и его друзья одобряюще засмеялись.

«Ну что мне на такой сброд везет», — подумал Джек, и подморгнул рядом стоящему Марку. Тот только этого и ждал — кулаки чесались уже давно.

— Кто среди вас главный?

Балаболовцы удивленно повернулись, в сторону Марка, и тут самый здоровый среди них сказал:

— Ну я самый старший. А ты что хочешь еще один фонарь? Чтобы еще светлее было. Так это пожалуйста, — и они опять обсмеяли Марка.

На что тот шмыгнул носом и чуть ухмыльнулся: «Уважаемые колхари, раз сегодня говорите праздник... а какой праздник без подарков? Пилюли будут раздаваться по одной в руки: бесплатно, и без очереди. Считаю до трех и приступим к раздаче — три».

³¹ Турант — представитель семейства... водится на далекой... чем-то, отдаленно напоминает земного медведя, но с размерами: в три раза больше и намного злее.

Те так и не успели ничего понять, как Марк с правой: тотчас поломал нос самому здоровому, тот с всего роста, упал без чувств на пыльную улицу Балаболовки; с левой он поломал челюсть другому, который стоял с заду старшего, и он тоже упал рядом с первым; левой ногой он вырубил того, кто был с кувшином; правая нога, ударом со всей силы в грудную клетку, откинула еще одного метров на пять, и он ударившись об дерево в ту же секунду отключился. Потом Марк достал за спины свой любимый армейский нож, и поднес его к бороде, последнего стоящего из пятерых селян.

— Твои пожелания? Только скажи... я всегда рад помочь. А что насчет подсветить: так это в любое время дня и ночи! Не стесняйся, заказы все еще принимаются.

Не предполагая такого поворота событий, селянин перепугался до смерти, что даже наделал полные штаны; их компания никогда не получала такого отпора, ни от одного человека — обычно они куражились над всеми, кто случайно, из чужаков, забредал в Верхнюю Балаболовку, и бывало, что даже эти путники пропадали без вести.

Но Марк видя, что шеф на это никак не реагирует дал полную волю своим чувствам, он заставил этого крестьянина, стоя на коленях, просить прощение у Федора потом у Джины...

Тут вдаль, показалась Любка с собакой. Тузик ковылял на трех ногах при этом крепко держа голову Филиппа, в своих мощных челюстях — у телеги на въезде в село, опять отскочило колесо, вот они и шли через всю Балаболовку пешком.

— Гляньте! Кто-то сюда идет, — сказала Джина.

Крестьянин повернув голову в сторону, и сразу, еще с далека, узнал Любку и ее кобеля. Страх перед Тузиком был больше чем от кого-либо другого, он резко вскочил «Тузик! Упаси бог», на ноги, и побежал в сторону соседских заборов, перепрыгнув один из них, он растворился в чужом огороде.

— Что это с ним?

Джек махнул рукой, мол: что будет, то будет. Любка поравнялась с подразделением, ее рука со всей силы сжимала кусок цепи, который был прикреплен к ошейнику.

— А-а... шайка Лейкина! Так им надо. Совсем проходу не дают, — сказала Люба переступая через бесчувственные тела односельчан.

— Девочка, держи собаку покрепче, — выпалил Федор.

Тузик повернул голову в сторону Ломоносова, и рыкнул, но это был уже не тот рык — вся злоба от перевозбуждения иссякла, и это было больше похоже на дань Любке: что я еще здесь и тебе бояться нечего. Голова, которая была в пасти, совсем уже не была похожа на голову — бесформенный кусок мяса, схожий с головой барана. Единственное что выдавало Тузика, это что из белого собаки он превратился в красного собаку; а также с раны на задней ноге, текла кровь и было видно большую дырку в ляжке.

*Прошла война, — и он побитый,
Но с честью доблестных побед
Идет солдат: домой хромая,
С почетом выполнил обет*

*Душа его — алмаз кристальный:
Имеет друга не предаст
Титан нутра, как прут ментальный
За побратима жизнь свою отдаст*

— Девочка! А что это у тебя собака вся в крови? — поинтересовалась Джина.

— Не усмотрела, так барана задавил.

— Видать хороший баран был, — сказал Стив с подозрением, что-что, а рану от ножа он заметил сразу, но не стал заострять на этом внимание.

— Да у нас тут все бараны крупные: племенные! — не растерявшись сказала Любка и поспешила быстро удалиться: незнакомцы пугали ее не меньше вчерашнего гостя. «А вдруг это его друзья», — подумала она и начала тащить Тузика за ошейник.

— Девочка! Девочка! Подожди минутку, — проговорил Джек.

Люба замерла и вся напряглась, нож в руках Марка — точно такой же, как и у их ночного гостя, засверкал на Зирке, пустив зайчика прямо ей в глаза. Джек ощутил ненужную напряженность, и не стал спрашивать, что не видела ли она, кого-нибудь подозрительного в селе, он и так знал точные координаты Филиппа.

— Ты не бойся, мы тебе ничего плохого, не сделаем.

— А я и не боюсь. С чего бы это я вас боялась, — чуть дрожащим голосом сказала Любка, и подтянула Тузика еще ближе.

— Вот и молодец! Скажи, а ты не видела, чтобы, что-нибудь большое пролетало по небу: ну такое с огнями, ни разу не виданное?..

Любка сразу вспомнила рассказ отца, про то как он рассказывал про чудо сошедшее с небес.

— Я не видела. А вот мой папа, когда ездил в Надан, видел, как там недалеко от города, сошло что-то похожее с небес, а еще он говорил, что оно плевалось огнем, и даже сожгло одну телегу.

Все переглянулись, и кто-кто как не они, точно знали, что это такое могло быть, и Джек сразу введя разговор в нужное направление сказал: «Вот тоже идем, на чудо посмотреть». Любка молча повернулась и придав шагу пошла по направлению к своему дому. Вдали показался возвращающийся Банзай, который поравнявшись с девушкой остановился, и завел разговор.

— Этот Сикофант, наверно и у мертвого информацию снимет, — высказался Стив.

— Шпионский модуль! — как всегда вставил свое слово Федя Ломоносов.

Через шесть минут их разговора — Банзай подошел, и ни слова не говоря, встал напротив Джека.

— Задание: запрягать тела, — сказал Сильвер и указал рукой в сторону валявшихся крестьян, — только не причинять им травм... и побыстрей.

Киборг похватал всех лежащих: кого за ногу, кого за руку — и сразу, всех четверых, потащил в ту сторону села — откуда было появилась Любка.

— Лишь бы его никто не увидел, — озаботилась Джина.

— Ты за него не переживай, этот по любому отмажется, — усмехнулся Марк.

Банзай появился через десять минут.

— Давай отчет! — сказал Джек.

— Тела запряганы на старой мельнице...

— Стоп! Стоп! Отчет о разведывательной миссии.

— Возле дома обнаружено скопление людей в количестве шестьдесят четыре человека: двадцать восемь женщин...

— Опустить подробности, только главные события!

— В доме два убийства, возможно некрофилия с педофилией. В виду напряженной обстановки анализ сделать было невозможно, также явное членовредительство в виде отрезанного языка и поломанных ног, хозяину этого дома, Мамалыгину Афанасию, который также является... Мамалыгин — мужчина пятьдесят девять лет... умер от разрыва сердца, в виду эмоционального... повлекшее, обострение хронического...

— Это пропускаем. Давай дальше.

— Два тела были полностью расчленены с изъятием всех внутренних органов, по характеру преступления можно сделать вывод что сделавший это, психически неполноценен... Личность преступника не установлена и по всем признакам: покинул он это помещения задолго до появления, того количества жителей села, что присутствуют там в данный момент. Мне продолжить собирать информацию дальше?

— И тут он уже успел отметить, — с злостью произнесла Джина.

— Как чувствовал, что не надо портироваться в его логово... во бы сейчас встряли!

— Нас бы крестьяне на части порвали: без всякого суда и следствия, — сказал Стив.

— Молодец, Банзай, теперь и ты полезным стал, такую информацию добыл, — произнес Федор и прикоснувшись пощупал его бороду; на что от Марка сразу услышал, что если бы он был бабой мог бы и не там пощупать; а Стив добавил, кто знает, кто знает, что может Ломоносову...

— Эта информация, уже не имеет никакого значения — наша миссия закончена.

Все, за исключением киборга, удивленно повернули головы в сторону Шарика, вопрошающе посмотрели на это рыжее создание.

— Готфильд мертв. И нам не стоит здесь задерживаться. А то как бы вы не оказались: не в нужном месте и в ненужное время.

— С временем понятно... а вот — где это место?.. — сделал удивленное лицо Федор.

— Оно там, где ты стоишь.

После этих слов, у каждого из членов подразделения, наряду с чувством неопределенности, появилось легкое чувство тревоги, потому что Шарик просто так ничего никогда не говорил, и наверняка наверное уже знал, что будет даже через сто лет в этом самом месте и в это же самое время.

— Надо побыстрей портироваться, куда-либо, а то что-то у меня предчувствие плохое.

И предчувствие Джека не подвело — Любка дойдя до толпы, что-то оживлено рассказывала и указывала в их сторону рукой; народ оживленно замахал руками, беря курс в направлении подразделения: быстро приближался в их сторону; а те что на конях, так уже были почти совсем рядом. Сильвер в быстро открыл портал и команда в темпе попрыгала в порт — наугад набранных Джеком координат, и очутились они прямо в Панифексе Семена 33. Удивленные лица солдат во главе с сыном императора Василием, мигом вскочили за стола, за которым разрабатывали план поимки демонов: «Демоны! Демоны! Держи их! Все сюда!» Солдаты начали хватать оружие, а с низу послышался топот сапог, приближающейся помощи.

— Семьдесят седьмой, задача: очистить помещения от врага, любым способом. — скороговоркой выпалил Джек.

В ту же секунду солдаты полетели во все стороны: кто по ступенькам, кто в окно. Громкий звук ломающихся пик стоял на все помещение, и меньше чем через минуту в зале было чисто и тихо, и дверь была заперта на большой засов. События произошли так молниеносно, что никто не успел даже испугаться, но если бы не реакция Сильвера ... Но такое затишье долго не продолжалось. Послышался громкий стук в двери, это солдаты взяв таран ломали дверь, та громко трещала, но пока стояла; в тот же миг в окно Панифекса полетели стрелы. Команда одарила шефа тяжелым взглядом, будто это он специально: набрал чертовы координаты. Стив кувыркнулся к окну, и снизу рукой закрыл дубовые ставни, таким же способом он позакрывал и другие два окна.

Координаты в астрале Джека, после добавления Шариком места расположения Готфильда, приобрели цифровые названия и все попуталось. «Ну что готовьтесь! Набираю таким же методом», — сказал он нажимая на: бог знает какую координату. Появилось розовое пятно порта и в тот же момент таран пробил дубовую дверь опочивальней Семена33. Джина прыгнула в порт первая за ней последовали и остальные. В дырку в двери просунулась чья-то голова, и громко закричала: «Демоны! Держи их!» Стив только собирался сделать шаг в порт, как

повернулся и подбежал к двери.

— Стив, ты куда? Давай быстрее убираться от сюда, — крикнул ему Джек.

Тот маякнул что сейчас и тут же: «Нет, приятель! Держи ты!» — сказал он и со всей силы ударил эту голову кулаком в лоб так, что тот упал за дверь, и повалил собой еще пятерых человек.

Потом они быстро прыгнули в порт, и портал закрылся.

Очутились все в неизвестном месте.

— Не понял! Разве мы тут были, — подумал вслух Сильвер и еще раз глянул на незнакомую координату астрала.

Они стояли где-то в лесу — в такой глуши, что даже лучи Большого Зирка туда ели пробивались, хотя он был уже почти в зените.

— Сэр, вы меня извините, но это я брал ваш астрал, когда вы мне приказали понадежней запрятать деньги — мой астрал, ведь не запоминает перемещений и вот... — послышался голос Марка.

Команда облегченно вздохнула, за последние пять минут их пронесло дважды, и все уже забыли, о том что говорил рыжий: что их миссия закончена и что... Все молча уселись на большое поваленное дерево и переводили дыхание. Тут появился Шарик, который как обычно, был где-то, по своим делам.

— Кого-то ждете?

— Тебя, Шарик, ждем, — проясвил Федор.

— Меня ждать нет необходимости. Миссия закончена и я предлагаю больше не задерживаться на этой планете.

— Это только слова, пока не будет идентифицировано тело, миссия не закончена, у нас, Шарик, все намного сложнее чем у тебя, хотя я полностью тебе доверяю.

— Координаты останков тела Готфильда, уже у тебя в астрале.

Джек достал астрал, посмотрел список координат, и вправду там одна координата светила синим и над ней высвечивалось странное наименование А-76ПМ. Он только хотел узнать, что это все значит и где старые цифры, и вообще нормальные названия и почему синим... как в голове тотчас всплыло полное объяснение с двумя комментариями? Сильвер только глубоко вздохнул и сказал:

— Ну тогда не будем зря тратить время, а то я тоже не сильно уютно себя чувствую, среди этих крестьян, с их безграничной простотой, — и сразу тут ему вспомнился яблочный пирог, который он заказывал себе перед прибытием на эту планету, «И еще бы того кофе, что угощал прокурор» потому что аппетит разгорелся не на шутку; и это при наличии мешка денег что был запрятан под этим поваленным деревом.

Джек открыл портал и через секунду все уже стояли в лесу, на том самом месте где Филипп ответил за свои грехи.

— Ну и где тело? Кровь вижу, тело не вижу.

Волк там подчистил с должной мерой усердства, а что недоел: крупные куски — зарыл в надежном месте; и сейчас он с тяжелым, но приятным чувством в гастроэнтерологической области, его брэнного тела — грелся в теплых лучах Большого Зирка, на близлежащей поляне.

Повсюду валялись только маленькие кусочки плоти, но по ним нельзя было определить кто это был. Джеку в голову, как-то само-собой, пришел тот здоровенный кобель, что был с девочкой: «Уж ли, ни на эту овечку, напал тот здоровенный пес». Стив думал схожее. И в принципе все сходилось, но надо были доказательства.

— О салиннки... и новые, — радовался Федя. — А то в этом уже ноги пекут, — говорил он скидывая женские сапоги, которые ему с таким трудом удалось выменять... и быстро надев их, хлопнул в ладоши, потом по бокам и два раза пляснул с пятки на носок.

— Тебе они идут, можешь их и домой забирать, — захихикал Марк.

— Интересно, а этого кто так? — сказала Джина и тут же добавила: — Собаке, собачья смерть! Я даже рада, что он так кончил.

Все знали, что натерпелась Джина от этого уroda, и никто не сказал ей ни слова.

— Гляньте! Гляньте, что я нашел, — затараторил Ломоносов вылезая под кустов; в руках он держал, что-то похожее на?.. Когда присмотрелись, и оттерли от крови, то это оказался нос — тот самый нос, который настрадался наверно даже больше чем сам Готфильд. Джина взяла с рук Федора нос, внимательно глянула и тут же отдала обратно: «Без вопросов, и на все сто процентов... на нем есть отпечаток моих зубов». И опять никто не стал ее расспрашивать о каких-либо подробностях.

— А вот еще!.. — произнес Стив и достал с того самого кустарника, нож, который был весь в крови.

Взгляд Джека пересекся с взглядом Стива, и они поняли друг друга без слов, и уже ни у кого не было сомнений, что концерт окончен.

— Ну тогда миссию можно считать... уложились в срок, и пора возвращаться домой, — слукавил Джек, когда сказал, что пора домой; его разбирало большое любопытство: о появлении «Голиафа» на Ариане. — А нос, Федя, возьми с собой, прибудем на Землю: сделаем анализ ДНК.

Будучи, на сто процентов уверенным, что планета все еще заблокирована, Сильвер демонстративно набрал координаты Тронплекса — астрал не показал открытия портала, что еще лишний раз напомнило о коварстве чиновников.

Небольшой, горький осадок, у каждого из членов подразделения «Барьер», что не сложилось приложить руку, и в должной мере дать прочувствовать неизбежное правосудие (но больше чем Тузик они бы навряд ли бы смогли дать это понять), присутствовал в виде грязного пятна на их душах; но и Ариана, за то короткое время, что они здесь прибывали, была уже у всех в печенках; и поэтому команда думала согласно: баба с возу кобыле легче — и класс, что наконец-то все закончилось.

— Предлагаю отметить, завершение... денег у нас целый мешок, а кроме как здесь, мы все равно, больше нигде, не сможем их потратить.

Стив с Марком дружно поддержали шефа, и даже немного удивились услышав от него такие слова, но так или иначе, они бесспорно заслужили это маленькое вознаграждения, в виде отдыха с тратой баснословной траты денег — и за день.

— Ближайший до нас город, город Надан, поэтому потратим все: до клепки...

— Я слышала, что это самый крутой город на Ариане, — вставила свои пять кредитов Джина.

— Крутые бывают только яйца, — ухмыльнулся Джек. — Марк давай тащи сюда мешок.

— Крутое на этой планете... правильно сказал шеф... больше ничего, — подытожил Ломоносов и не мог нарадоваться своим салиннкам. — Заодно узнаем, что делает Голиаф на этой планете.

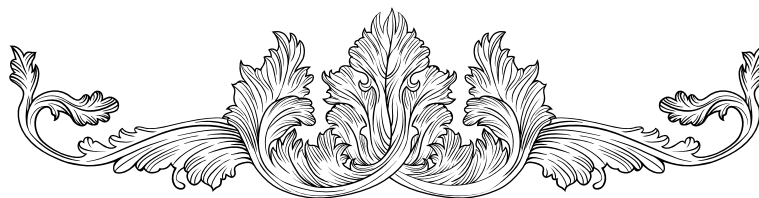
— Джек глянул на Федора, но не подал никакого вида, что ему это интересно. Шарик тоже молчал, ведь миссия была закончена и теперь его присутствие было чисто символическое, а так как он был на этом задании членом подразделения, то он не мог всех оставить, а сам портироваться на Землю.

— Семьдесят седьмой, задача: узнать координаты города Надан, — и сразу добавил, — Координаты должны быть в сто метрах от городских ворот, и где-нибудь в неприметном месте. Выполнить задачу в максимально сжатый срок.

Но киборг сразу в ответ назвал Сильверу координату, и сказал, что это и есть его самое надежное место, откуда он обычно следит за выходом из города; тогда Джек немного подумал и дал ему новое задание, прояснить обстановку в городе, со всеми подробностями, но только с самыми значимыми событиями, и произошедшими не позднее чем за последние сутки. «А то еще начнет узнавать, сколько вчера дала молока корова бабы Клавы», — подумал Джек набирая координату, что дал ему Сикофант. Марк с мешком денег стоял рядом, а от Банзая и след простыл.

Часть 4

Не всегда, коту масленица

Глава 1

В городе Надан, продолжалось празднование, в честь появления Мирона, и по этому поводу организовали ярмарку — народ стянулся со всех ближайших городков и сел. Сегодня все угощение и выпивка были за счет Миклована, и народ веселился от души; крестьяне чтобы выгодно продать, тащили в столицу империи, что у кого было: кто быков, кто свиней, все виды трикотажа и других разных изделий — всем этим была забита главная площадь, и близлежащие улицы города.

А в хоромах местного Панифекса, император организовал банкет с изощренным шиком, что-то, а праздновать Миклован мог, тем более повод для такого пира был более чем подходящий. Мирон давно не был в здешних апартаментах — и как тут все изменилось — даже его поразил весь тот шик, что устроил Миклован, хотя и раньше здесь было недурно. Появилось два новых, золотых фонтана, большой бассейн с дровяным подогревом, а также множество мраморных статуй, но самая главная статуя стояла в зале для приема гостей, и это был никто иной, как сам Миклован Передириевич, который восседал на мраморном: отделанном золотой инкрустацией, троне — на голове красовалась золотая корона с драгоценными камнями.

Пир продолжался еще с прибытия банды Твердохлебова в город — множество хорошей еды и выдержанного вина, переполняло инкрустированные золотом столы. Мирон дал волю своим чувствам и совсем забыл о корабле, и о том что надо отослать Баклану харчей. Страждущие души ударились наверстывать упущенное; обстановка воздействовала гипнотически, после тех проведенных лет в поселении Элизиума, но еще большее влияние она имела на тех отребьев, что прибыли сюда вместе с Миромом — золотые вилки с такими же тарелками, пагубно сказались на лихую компанию.

— Миклован, зачем все эти понты?

— Какие еще понты, если бы я так отделал главную площадь... вот то понты... и сколько денег надо... а так?! — махнул он рукой. — И я же император, как мне без этого.

— Ни хрена ты так и не научился.

— Слышь, Мирон, а когда начнем?

— Что начнем?

— Ну как что, наш бизнес. На зиму как раз в пещерах грибочки заделаем, людей я организую. Знаешь сколько навоза скопилось!

Мирон лежал на медвежьих шкурах, и упирался спиной в мягкие подушки из триумского лиана (Правительство Земли запретило Арианцам охотиться на этого зверя, и занесло его в список диковинных животных, которым грозит вымирание) три шикарные девицы лежали рядом с Мироном, а он потягивал вино и закусывал деликатесами, кроме которых из еды, в Панифексе больше ничего не было.

*Люблю я очень кушать мясо,
Пить водку и курить табак
А женщин сладких, с звуком вальса,
Крутить под такт — не только так*

*И небольшое лишь мгновенье,
И лишь спросонья по утру:
Имею большее желанье
И так что прям немоготу...³²*

— Миклуха, ты меня лучше не нервируй... пока ты тут прохлаждался: я парился на Марсе — с привычным для Элизиума жаргоном высказался Мирон, — а сейчас я в отпуске, еще хоть раз заикнешься, о бизнесе, смотри ... И вообще помалкивай, когда я что-нибудь решу, то ты узнаешь первым.

— Ну извини! Извини! Отдыхай. Ты же знаешь, все мое оно и твое тоже.

Миклован знал, что без Мирона он бы так никогда не жил, и сейчас он бредил только одним «Немного отдохнет, нервы подлечит — девочек я ему организую по высшему разряду», что скоро все наладится и будет по-старому.

Дверь в опочивальню где расслаблялся Мирон, открылась и зашел Степан.

— Степа! Давай к нам, что ты там, где-то ходишь.

— Твои понапивались: творят что зря. Ты бы разобрался!

— Ну прям как маленькие дети, ни на минуту оставить нельзя. Пускай пацаны гуляют, они об этом даже и не мечтали.

— Да нет. Ты выйди! Выйди! Без тебя там никак.

Мирон с неохотой встал с пригретого места, и последовал в зал для гостей, где были накрыты столы, и суежилась прислуга: только и успевая обслуживать ненасытных гостей. Миклован шел следом за Мироном. То, что предстало взгляду Твердохлебова, вмиг вывело его из равновесия. Двое его людей: Краб и Гена цветной — насиловали молодого мальчика, который работал в прислуге Панифекса — прямо на антикварном столе. Рядом со столом, на полу, валялось тело женщины с перерезанным горлом.

— Моя биргемская плитка, — громко закричал Миклован, и тут же подбежал до лежащего тела. Упав коленями на пол, он страстно начал стирать кровь с плитки, своим белоснежным платочком на котором золотой ниткой были вышиты его инициалы. — Что вы наделали! Я с таким трудом ее достал.

— Не понял... совсем что ли офонарели... что творите?! — сказал Мирон и подошел к Крабу, схватил его за руку. — Давай прекращай, это тебе не Марс.

— Мирон, отвали! Сейчас не до тебя. Занимайся своими телками и не мешай.

Такой ответ очень не понравился Мирону и он тотчас ударил Краба под глаз. Тот упал на пол, и с его карманов повыпали: золотые ложки и вилки — за пояса торчало золотое блюдо.

32 Отрывок из песни «Таежный романс», слова А. А. Протасов

И только Твердохлебов успел сказать: «Да пригреб же я ...» — как, рядом стоявший, Гена цветной схватил его за горло и начал душить: «Долго мы тебя жидок терпели». Мирон упал спиной на стол, а Гена еще сильнее обхватил его горло. Мирон уже в полу-сознании нащупал рукой на столе вилку, и сразу же засадил ее цветному в глаз. Тот громко закричал и упал на пол, следом неожиданно послышался хлопок и яркая вспышка ослепила глаза всех присутствующих — холл наполнил запах жаренного мяса. Мирон оглянулся и увидел две ноги с заду него, которые стояли как вкопанные, а с оплавленных краев шел легкий дымок — по ботинкам он признал Краба. Послышался другой хлопок и от цветного остался только его левый ботинок.

— Хватит тут хлопотать, а то ты меня слепым сделаешь.

— Лучше слепым, чем мертвым, — сказал Степан, и рукой опустил ствол протонной винтовки, которая находилась в руках пехотинца, и добавил: — Как они нас еще раньше не завалили! Вот твои уголовники — одни хлопоты.

Четверо других, его дружков, встали из-за стола, и в один голос сказали, что они не с ними, и тут ни причем.

— А кто причем? Бегом вышли сюда! — уже не то что злесь, а «вскипая» от злости просипел Мирон.

Те с неохотой вылезли из-за стола и в ряд стали перед ним.

— Так, синие, смотрите, кто хоть чуть рыпнется — поджарим сразу! — предупредил Степан.

— А теперь, взяли и вывернули карманы.

— Мирон, да ты что! Мы же на все сто с тобой.

— То у Краба с Геной просто крышу сорвало.

— Мне что повторить?! Или самому вывернуть?

Они с неохотой начали выворачивать карманы, с которых сразу забренчали столовые принадлежности.

— Мои ложечки, вилочки! — ползал по полу, Миклован собирая свою утварь.

— Могло ведь быть и по-другому! — с большим чувством разочарования сказал Твердохлебов, и задумался о тех словах, что ранее говорил Степан.

— Мирон, бес попутал. Прости!

— Обещаем, что ты больше нас никогда не увидишь.

— Отпусти.

Твердохлебов с презрением окинул взглядом его недавних «друзей», но не нашел слов, чтобы ответить хоть что-нибудь в ответ, а наклонил голову и сказал:

— Слышь, Миклуха, хорош там ползать, давай подымайся, — потом взял его под руку, поставил на ноги. — Ты там свою селекцию еще ведешь?

— А как же! Мой Стрептокиназ... сейчас у меня два его потомка в пятом поколении, — с гордостью выпалил император.

Миклован вел селекцию этого: неизвестно чего — привезенного контрабандой, тоже не известно откуда, и очень много уделял времени любимому хобби.

— Ну что, может покажешь, свое потомство?!

— А-а!.. Понял, не дурак! — и тут же ударил кулаком в бок одного из бывших друзей Мирона. — Вилочки мои хотели украсть! У-ух! — и поднес кулак под нос одному из них.

Мирон с Миклухой шли впереди всех, а с заду их, под прицелом протонной винтовки, плелась лихая братия. Вся компания вышла в внутренний двор Панифекса, где красовалось небольшое искусственное озеро, которое было огорожено кованым, золотым забором, около трех метров. Миклован снял со своей шеи золотой ключ, что был одет на такую же массивную золотую цепь, и с улыбкой покрутил им над головой.

— Та давай уже, — пощупал шею Мирон, и с злостью сплюнул на траву.

Миклован стрелой добрался до кованого забора, и быстро открыв замок на калитке, (тоже золотой) громко крикнул: «Давайте только быстрее». Степан с пехотинцем затолкали лоховаров за забор, и решетчатая дверь, тут же захлопнулась.

Попав за ограждение, и не зная, что ожидать дальше, уголовников охватило небольшое чувство неопределенности. После колонии на Марсе, этих людей: кто сумел там выжить — напугать было очень тяжело.

Мирон с Миклованом уселись на большой мягкий диван, который стоял поблизости от этого озера, и находился с другой стороны забора. Степан с пехотинцем стали с заду дивана и вся компания внимательно смотрела в сторону водоема. Прошло минут пятнадцать, но так ничего и не происходило, и те, кто находился в середине ограждения, улеглись на траву, что росла по берегу озера, а Охломон, так тот, подкатал штаны по колено и зашел в воду.

— Что там твои Стр... Стр... Короче, что они там уснули? — зазевался Мирон.

— Ты хотел сказать стрептокиназ, почему уснули, просто хорошо кормлю... не голодны.

— Так что, будем ждать до утра: пока не проголодаются? Уже, вся задница болит, от твоих подушек, надо бы пойти пройтись по городу, давно я здесь не был.

Миклован вскочил с дивана и подбежав к решетке, начал насвистывать и громко щелкать языком, и делал он это все с таким усердием, что даже развеселил, эту шатию-братию, что мирно лежала на траве возле озера.

— Эй ты, соловей, может ты еще станцуешь?! — сказал один из них.

Но Миклуха не придавая значения этим словам, начал еще громче насвистывать и щелкать, да так, что от напряжения его лицо стало бордовым, но никаких действий, на его клоуняду, так и не последовало. После некоторого времени он совсем выдохся и прекратил свистеть и щелкать, подошел и сел рядом с Мироном.

— Ну не хотят! Я же говорил, что не голодные.

— Голодные не голодные... а караулить мы их не будем. Степа поджарь всех четверых, а то еще сбегут.

И как только он это сказал на берег озера выпрыгнуло, что-то отдаленно напоминавшее большого окуня, за ним выпрыгнуло и второе точно такое же существо.

— Во! Здесь и рыба водиться, — закричал Охломон. — С голоду не пропадем.

Братва поднялась с травы и начала ловить «окуней», но те так ловко подпрыгивали по берегу, что словить их было невозможно.

— Мои любимые! Вот они! — радостно закричал Передириевич и подбежал до решетки, и снова стал громко свистеть и щелкать.

«Окуня» попрыгали до решетки, где стоял император и тоже начали насвистывать и щелкать ему в ответ. Миклован радовался, как маленький ребенок, которому дали большую конфету на палочке, и он так разошелся, что начал еще и притопывать ногами — не прекращая щелкать и свистеть.

*Чудо-юдо — окунь-сплит,
Щелкать может и свистит
За решеткой, под водой:
Дом той рыбки золотой
Бьет хвостом, кричит быком,
Дружит с толстым мужиком
Миклован отец родной;
Хоть и жадный, и скупой... 20 ...ой, такой-сякой!*

— Ты смотри этот щелкун, еще и заплясал, — сказал один из уголовников и изловчившись схватил одного «окуня» сзади руками.

Но «окунь» легко выскользнул с его рук и отпрыгнул в сторону — тотчас перестал щелкать и свистеть, и заревел быком. Бандиты перестали ловить «окуней», и с перепугу начали оглядываться по сторонам, не понимая от куда идет рев. Миклован вернулся назад, и уселся на диван в очень приподнятом настроении, и сказал, что плохо, что они редко дают потомство и только одного, а то бы!.. Другой «окунь» тоже заревел и начал раздуваться, рев усиливался пропорционально увеличению стрептокиназов в размерах; и сейчас это было уже похоже не на рев быка, а на рев минимум пяти быков. «Окуня» дулись и дулись, пока не стали идеально круглыми: такой колобок с двумя большими глазами и с размерами маленького, пивного бочонка.

— Ну что, пацаны! Поиграем в футбол, — сказал Охломон и замахнулся на один из чешуйчатых шаров.

В ту же секунду шар раскрылся на две части, и это оказался совсем не шар, а такой большой рот, который украшали огромные зубы; если это конечно можно назвать зубами — сотни больших, толстых игл из неизвестного металла, засверкали на Большом Зирке, словно острие полированной бритвы; и через секунду они заработали с производительностью трифтоновой мясорубки; меньше чем, через несколько минут, на берегу озера, лежали четыре кучи мелко порубленного фарша — все это было так тщательно перемолото, что определить: с чего фарш, можно разве что, если сделать химический анализ. Есть фарш чуды-юды не стали, а сдулись до «окуней», и пощелкав, и свистнув в сторону императора тотчас прыгнули обратно в озеро. Миклован тоже пощелкал и посвистел им в ответ и с довольной, как слон после купание, физиономией — потер ладошки и подтолкнул Твердохлебова плечом. Мирон в ответ, похлопал этого... по спине и сказал:

— Миклуха, тебе надо с ними в цирке выступать. Бабла заработаешь, больше чем от любого бизнеса, — и громко засмеялся. Степан залился в безудержном смехе: — Мирон! Мирон, слышь, он бы и без окуней неплохо бы заработал, — обсмеяли они Передириевича по полной программе.

Один пехотинец, не смеялся, он от удивления открыл рот и тревожно смотрел, на то что осталось от уголовной мракобесии.

— Леха, да ты так сильно не напрягайся, — сказал Степан, и по дружески обхватил его за плечи, — такое бывает только с теми, кто плохо себя ведет.

Леха в ответ ничего не сказал, только сильнее сжал свою протонную винтовку.

— Так, все! Идем по городу походим, там сегодня ярмарка, да и кости немного разомнем, а то после тюремных боксов не могу никак к мягкому привыкнуть.

— Надо бы с Бакланом разобраться! Да и с бабой надо что-то делать.

— Нет, Степа! Баклан на сто процентов свой человек, и проверен не раз. А эти, по большому счету, — и показал в сторону озера, — надо были для моего плана. Никто же не думал сюда лететь... думал, но не так... я бы с собой, тогда лучше Удава взял... да еще много толковых пацанов осталось на Марсе. Но не судьба, — встал он с дивана и подойдя до брата положил руку на плечо. — Надежные люди, Степа... в наше время большая редкость, — потом он при-молк и подумал о репортере, которая как-то совсем вылетела с головы.

Вероника сидела в темном и сыром погребе, совсем голодная, зубы стучали от холода, и все надежды на спасение покинули ее уже давно, еще как только она ступила на борт «Голиафа» — мысль о смерти не покидала ее.

— А репортершу трогать не стоит, пусть будет для страховки. И кормить надо ее хорошо, а то потеряет товарный вид. — Слышал, Миклуха! Организуй чтобы бабу, что у тебя в погребе сидит, хорошо кормили, и скажи всем своим, что кто хоть плохо на нее посмотрит, пойдет на корм твоим динозаврам, или как там их. А если у них плохой аппетит или неголодные... — тут в голову Твердохлебова закралась провокационная идея, насчет двухсот килограмм фарша за одну минуту, а что если...

— Ну смотри, что бы с твоим Бакланом...

— Степа, ты не забывайся... сказал, что проверенный, значит проверенный.

Тот только покачал головой, и в ответ ничего не сказал. Старший брат для Степана был всегда авторитетом, так что если Мирон что-то сказал, значит это было так надо и никогда не обсуждалось, кроме мелких советов которые не раз приносили пользу их общему делу.

Взяв с собой кувшин красного вина они вышли с Панифекса. На улице народ громко ликовав, приветствуя Мирона и ноль эмоций на действующего императора, на что Миклован, совсем не обращал внимание; он восседал на вычурном, переносном троне, который несли восемь человек, а за ним следовала охрана в количестве тридцати семи охранников с пиками. Твердохлебов уже пожалел, что они взяли с собой на прогулку «этого», все эти понты и чрезмерное внимание к их персонам, не создавало ему чувство комфорта. Они медленно брели по громадной площади и не спеша потягивали вино пятидесятилетней выдержки.

— Носки! Махровые носки! Носки! — слышалось где-то совсем рядом.

И в ту же секунду перед Миромом, будто под земли, вырос «дедушка» Банзай. Он знал о Мироне не понаслышке, и у него была вся подноготная на этого человека, а много лет назад он был свидетелем его ареста. Киборг также знал, что заключенных с Элизиума в отпуск не отпускают, и подбив всю информацию, которую он уже успел собрать, он решил, что Мирон и есть самая главная причина всех событий, что произошли за последние сутки.

— Покупаем носки! — закричал он опять и протянул Мирону связку шерстяных.

— Нет, дедушка, спасибо, нам носки не надо, — сказал тот и попытался отодвинуть Сикофанта в сторону.

— Как это не надо! Зима на носу, а мои носочки теплые, и вдобавок недорого.

Мирон полез в карман, чтоб дать старику немного клепок, только чтобы тот отстал, но карманы его военного прикида, были пусты, а схрон с драгоценностями, он еще не навещал — просить денег у Миклована, на виду всей этой публике, он не стал. Но Банзай не унимался так и кружил вокруг Твердохлебова, даже предлагал дать в долг, объясняя, что за деньгами зайдет позже. Потом он неожиданно сказал, что придется продать носки тогда войску Василия, которое идет сюда чтобы поймать преступников. Мирон сразу насторожился, и подтянув Банзая за шиворот, ближе к себе, тихо сказал:

— Что ты тут, старик, несешь... какое еще войско и какие преступники?

— А ты что, сынок, не слыхал разве: приземлилась с неба колесница с бандитами, и стоит это чудо на поле капусты в двух километрах и семьсот метрах от города? Вот и собрал Василий сто семьдесят пять тысяч молодцов и идут они... уже не за горами!

Мирон оглянулся по сторонам, и только хотел задать еще один вопрос старику, как обнаружил, что того и след простыл.

Главную свою задачу Сикофант выполнил на сто баллов, и в рядах противника была посеяна смута, которая по всем правилам тактики и стратегии военного дела, должна дать превосходные результаты. Когда противник паникует, то он делает необдуманные и поспешные решения, что только на руку, их подразделению.

Шарик перепрошил старый интеллект, и усовершенствовал шпионский модуль этого киборга. Теперь кроме сбора информации, в его обязанности входит: внедрение дезинформации в лагерь противника, партизанская деятельность в условиях леса и города — которая заключается в разборе мостов через реки, отравление воды в лагере неприятеля, ведение революционной деятельности, с поднятием масс и организацией обширных протестов, а также поджоги складов и штабов и много другое, чего раньше он не делал.

— Не нравится мне все это Степа... ох, как не нравится! Надо бы побыстрей избавиться от Голиафа, а то если еще об этом на Земле узнают...

— Дядя Мирон! Дядя Мирон! — неожиданно задержал за рукав Твердохлебова, пацан лет десяти.

Мирон аж содрогнулся — все его мысли были заняты, тем что наговорил ему Сикофант.

— Тебе чего, мальчик?

— Дядя Мирон... вот вам подарок, — и протянул пару салиннок.

— От кого это подарок такой? Салиннки... на... зачем они мене.

— Хорошая кстати вещь... ты же сам, прошлый раз хвалил, — взял Степа у пацаны салиннки, и по привычке полез в карман за мелочью, но там тоже было пусто.

— Это батька специально для вас делал, говорил, что не успел подарить...

— Эй, Миклуха! — повернул он голову к императору, сказать, чтобы тот пацану денег дал, но когда оглянулся, от сорванца уже и след простыл. Малец шустро юлил между толпы, и одной рукой придерживал полный карман денег.

Миклован засуетился и хотел было слазить с трона, но Мирон махнул рукой, мол проехали.

— Если тебе не надо, я буду носить?!

— Себе пойдешь и купишь... давай сюда! — и туже выхватил пару, еще пахнувших...

Хорошее настроение Мирона сразу скисло, и как назло ни одной умной мысли не приходило «Что делать дальше?» и думушка о войске Василия, навязчиво оккупировало каждую клеточку мозга. «Уничтожить их будет не проблема, но сто семьдесят пять тысяч! И откуда столько? Вот гадство... даже что их столько собралось...обязательно на Землю простучат, и те зашлют какой-нибудь спецназ, тогда точно придется по лесам блукать... с таким же успехом, я мог бы остаться на Марсе и чувствовать куда более комфортно», — думал Мирон, но учитывая весь его опыт, он не спешил делать необдуманных выводов.

Глава 2

Джек и его команда, вышли из порталного облака и очутились в очень тесном помещении, в котором было темно и сыро. Только небольшая полоска света прорезалась в узкую щель. Джек глянул в это окошко и перед ним, как на ладони, предстали ворота Надана: народ торопливо двигался в разных направлениях. И по их нарядным одеждам можно было догадаться, что в империи праздник.

— Сэр, можно я гляну? — терся сбоку Федор, пытаюсь выглядывать за широкой спины Сильвера.

— Глянь. Глянь. Можешь даже здесь и заночевать, а мы будем выбираться.

Яркий свет с ослепительным блеском, прорвался через темноту этого укрытия, и Стив, еще больше, с должным усилием откинул тяжеленую крышку люка, быстро выбрался на поверхность.

Блиндаж киборга представлял собой, тщательно замаскированное укрытие, что было обсажено густым кустарником, который по всем признакам высаживался искусственно; и найти лучшего места для наблюдений за воротами города и не придумать.

Марк выбирался последний и тащил за собой мешок с деньгами. Джек подал руку и помог вылезти: «А мешок оставим здесь, — сказал он на удивленные взгляды подразделения, и тут же прояснил: — А то это небезопасно для здоровья. Возьмем столько, сколько в карманы влезет... главное, что есть где взять».

Команда согласилась с шефом, и не теряя времени начала набивать карманы клепками — самые большие карманы оказались у Марка в плаще; он щедро одаривал своей улыбкой, и по хозяйски скручивал деньги рулоном, аккуратно улаживая добро. Шарик опять отсутствовал, но на это уже никто не обращал внимание.

*Деньга звенит — шуршат бумажки,
По сердцу радость и тепло;
А в голове царей замашки,
Горит под задницей седло*

Чтобы не привлекать внимание, подразделение разделилось на две группы, и уже через семь минут: вошло в ворота Надана.

Большинство главных улиц были забиты торговцами разных мастей, по городу ходили переодетые клоуны, которые развлекали горожан и устраивали конкурсы для детей.

— Интересно, что они здесь празднуют, — горела от любопытства Джина.

— Да что угодно! Осень на улице. Собрали хороший урожай, скотину вскормили, вот и празднуют, — высказался Ломоносов. — Что гадать... сейчас спросим. Приятель... — но тут Джек одернул кучерявого за рукав, а сам вышел вперед и спросил у крестьянина, где здесь можно купить улотлина³³, а после сказал Федору, что если он будет много говорить, то тогда придется его запереть в блиндаже Банзая, до самой портировки в Тронплекс.

— Праздник не праздник... какая разница. По-моему, лучше праздника, чем мешок денег еще не придумали. Ох, и оторвемся! — потер ладони Марк.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! чтоб не сглазить, — сплюнул в сторону Стив, и тут же постучал по голове Федора. На что тот сделал очень недовольное лицо — Джек всего этого не видел: он шел впереди всех.

33 Улотлин — крем для чистки кожаной обуви.

Они медленно продвигались по узкой улочке: по течению — карты города не было, но как гласило мудрое изречение «Все дороги ведут в Панифекс», то расспрашивать направление, к главной площади Надана, обходимости не было. Народ совал с должным им терпением по под завязку набитым улицам, возле увеселительных заведений виднелись очереди, что на многие десятков метров виляли от главного входа. Праздничная обстановка была не только в желании напиться или побузить, атмосфера торжества летала по воздуху и заражала своей энергией: любого, кто переступил ворота города. По бокам улицы толпились торговцы, прибывшие сюда со всей округи, их плотно набитые повозки, стояли сплошь да рядом — чего только душа не пожелает: одежда разных фасонов, ткани, а от живности так вообще в глазах рябило.

— Может кабана купим, и поджарим где-нибудь на природе? — предложил Марк.

— А чем этот город тебе не природа, — сказал Джек а сам подумал о Банзае, и уже жалел, что не дал ему рацию.

Со всех сторон, летели призывы и каждый из продавцов предлагал купить его товар; продвижение вперед к главной площади оказалось не слабым испытанием, для утомленной команды; движение: «два метра в час» — нагоняло невероятную тоску.

Неожиданно Марк дернул Стива за руку и таща его к себе сказал:

— А ну, давай! Сейчас проверим.

— Что они собрались проверять, — округлила глаза Джина, и с немалой долей любопытства свернула за ними. Джеку ничего не оставалось, как следовать за остальными.

Взору предстал грузный арианец, тузулуской национальности: кепка с посадочную полосу и рыжие усы: сантиметров на двадцать — украшали его арбуза-подобное лицо. Сбоку от тулузца стояли большие весы, для взвешивания туш баранов, которых штабелями: в его повозке — лежало более двух десятков.

Марк дал мужику денег и тот разрешил ему проверить вес.

— Ста двадати и три, плас двестя грамив! — четко выговорил тузулец.

Марк быстро спрыгнул с весов и сразу начал пихать туда Стива, при этом одно повторял: — Посмотрим! Посмотрим!

Стив оказался на два килограмма тяжелее Марка, на что тот не хотел согласиться, только громко бурчал, что весы неправильные, и заставил его еще два раза перевесить вес. В Трон-плексе они регулярно посещают спортзал, и между ними сложилась очень жесткая конкуренция насчет набора массы. Таскать железо и иметь бронебойный лоб — в крови у этих парней.

— Ну давайте взвешивайтесь! Кто там еще желает, а то вы мене клиентов пугаете, — сказал мужик с таким акцентом, что было понятно только последнее слово.

Загоревшийся спор о весе перекинулся и на остальную команду. Джина сказала, что ее шестьдесят восемь килограмм: как семь лет на одном месте — это подтвердили весы. Самым легким оказался Федя, его бараний вес, мог вызвать только улыбку. На что он оправдывался: за работай поест некогда, и что живет сам, поэтому... Тузулец услышав краем уха и не совсем поняв в чем речь, потому что понимал он точно так, как и говорил, тут же выпалил: «Что вес не набирается, так это скорее всего глисты», — и предложил пару рецептов против червей. На что Ломоносов сказал, что глисты, это у него, и полностью высказался, что думал, о его усах и кепке... Но тузулский пастух так и не понял: что не так — сделал удивленную физиономию, отвел ус сначала с одной стороны потом с другой, разглядывал их более двадцати секунд, затем снял фуражку, сбил пыль и осмотрев со всех сторон; он напоследок свел глаза посмотрел на нос и пощупав его три раза — только пожал плечами и округлил глаза. Но Федора это не спасло, за него взялись Марк с Стивом и Джина помогла — обсмеяли по полной программе, с высказыванием разных советов по поводу изгнания червячков.

Когда с Федей закончили переключили свое внимание на Джека, ведь он остался один кто не проверил свой вес.

— А вы что, сэр?! — обратилась к нему Джина.

— Это все лишнее... Свои сто два... — сказал он ступая на весы, с полным безразличием, в угоду другим.

Тузулец наметанным глазом оценил Джека, крутанул пальцами усы и для верности поставил сто двадцать. Но весы показали: мало. Он добавил еще десять — опять мало. Удивленно глянув на Джека, он подкинул еще тридцать, Марк с Стивом переглянулись — шеф должен был весить, явно, меньше чем они. Крестьянин прибавлял веса еще пять раз, пока они не показали: триста. На что все удивленно переглянулись, но Сильвер мигом сообразил в чем дело — он напрочь забыл о криптонитовом тазобедренном суставе и таком же позвоночнике с ногами — быстро слез с весов.

— То весы у вас неточные. Наверное, сбились, — и его сразу поддержал Ломоносов, а довольный, как слон после купания, Марк забасил: «А-а...! Я так и знал», — и похлопал Стива по плечу.

Мужик и сам не зная: чему верить, два раза залазил на весы и одно крутил надстроечную гайку. Джек быстро сменил тему, предложил выдвигаться с этой суматошной толпы. Они оставили ошеломленного пастуха один на один с очень таинственной загадкой и быстро выйдя с одного движения, сразу попали в точно такое: «два метра в час» — тихо журчащее хождение.

— Эй, сынки... а ну, ходь сюда! Быка отдам, недорого, — послышался голос с боку.

Головы инстинктивно повернулись влево и взору предстал необъятный мужик, возле ног которого, на толстенной веревке, будто собака, лежал бык: кожа да кости, и первое впечатление, что произвело животное, то что его специально морили голодом.

— А что он у вас такой худой? — поинтересовался Марк. — Наверное тоже глисты, — и улыбнулся в сторону Федора.

— В таких глисты не уживаются, — пошутил крестьянин. — Ты не смотри что худой и маленький, — Вырастет, наберет. Зато гены хорошие, глянь какой у него папа, с медалями, орденами, — сказал мужик и вытащил из-за пазухи рисунок быка, который напоминал мультяшного монстра и весил на вид: тон под ацать.

— Папа! А что папа? Ты ведь папу не продаешь. И неизвестно еще: чей это папа. Па-а... па! — захихикал Стив.

— Зато этого, дешево отдам. Откормишь, будет племенным.

Марк недолго думая, даже цену не узнал, вытащил горсть клепок и дал крестьянину: «Покупаю! Заверните», — все удивленно переглянулись и вопрошающе посмотрели на Марка. — А теперь пойд и отпусти: где-нибудь в лесу. И не мучай животное.

Мужик был рад без памяти — продал быка, да еще за хорошие деньги; быстро задергал веревку подымая животного и потащил его к выходу из города. Бык ели плелся и одно припадал на задние ноги.

— И зачем это? — удивилась Джина.

— Быка жалко! Да и столько денег, все равно, не успеем потратить, — и сделав озабоченное лицо, добавил: — Интересно, а на золото обменять их тут можно?

— Можно, можно, только для начала налог заплати...

— И спи спокойно! — язвительно, перебил Джека Федор и уловив неоднозначно-тяжелый взгляд Марка, быстренько сменил тему. — Плохо что Банзая нельзя подозревать: когда захочешь, а то бы узнали, что они здесь празднуют, и Шарик где-то делся, — оглядывался он по сторонам.

Центральная площадь Надана, была названа в честь императора и именовалась «Большая Миклованская». Каждый уголок, этой «поляны» (в большинстве городов именно так и было) зиял роскошью, что было непривычно для арианского обихода; все эти фонтаны с позолотой и огромные резные лавки придавали вычурный вид этому месту.

Город блистал роскошью и горожане гармонично, с шиком своих нарядов, вписывались в его композицию; селян же можно было определить за километр, и не только по одежде — пропитавшаяся навозом роба крестьян, благоухала не меньше, чем от дворовой скотины.

— Зажиточный город. Тут и цены наверное такие, что мама не горюй, а ты, Марк, еще деньги кому попало раздаешь, — высказался Стив.

Джек медленно брел и высматривал по сторонам: где можно было бы приземлиться и заморить червячка. На встречу ему с такой же скоростью шел Мирон, а поскольку, друг друга они не знали, то с далека их взгляды много раз пересекались не вызывая при этом никаких эмоций. Сильвер по долгу своей службы много раз слышал, о том что организовал Мирон на Ариане, до его ареста и отправки на Марс, но в лицо он его не знал, и поэтому был спокоен как удав.

Твердохлебов вальяжно пробирался через толпу и дымил любимый Джека «Казбек». Знакомый аромат, Сильвер учуял еще с далека, хоть он точно знал, что сигареты местные не курят и купить их здесь невозможно. «Но ведь здесь много и работают с Земли», — думал он, и зорко всматривался по сторонам, ища того, кто курит. Взгляд быстро поймал идущего навстречу Мирона, и в середине сразу все закипело о том чтобы побыстрее взять закурить. Когда они поравнялись, Джек думал только об табаке:

— Дружище! Угости сигаретой, а то уши уже все опухли.

Привычка — дело неплохое

Решает все и навсегда

И как дитя оно слепое:

Ведет дорогой в никуда

Табак ведь яд, а сигаретЫ,

Чего дымят, как паровоз?!

Когда не лучше ли конфеты!

А водка, чай — большой вопрос?!

Мирон достал только что открытую пачку «Казбека» и протянул сигарету. Джек быстро взял ее в зубы, начал двумя руками щупать одежду: в поисках зажигалки, но с головы совсем вылетело, что одежда то не его. Мирон вытащил сигарету со рта, сбил пепел, и поднес под самый нос незнакомца:

— Да не парься! На подкуривай.

Джек затянулся и дым обжигая губы прошел в легкие, и он сразу закашлял — еще бы, больше двух лет не курил.

— Что крестьянин, крепкий мой табак?! — засмеялся Мирон, — бросай курить... табак не прет, на лучше глотни вина, — Сильвер взял кувшин и сделал два небольших глотка, вино оказалось очень даже неплохим, и сразу вспомнился вкус «Цезаря».

Отдавая кувшин обратно он сказал, что не мог бы тот продать ему пачку сигарет. Мирон вытащил коробку «Казбека» и отдал Джеку сказав при этом: «Дарю! Кури! Этого говна не жалко, — а потом добавил: — Вино можешь тоже забирать. Угощаю».

— О, дружище, спасибо! — похлопал, он свободной рукой, его по плечу.

— А рука у тебя тяжелая! Работа не нужна?

— Что за работа? — для поддержания разговора, поинтересовался Сильвер, ведь он не собирался возделывать огороды или еще что хуже всего: застрять на этой планете — ему и этих дней было с излишеством.

— Я здесь набираю крепких парней: на подобии тебя. Работа не пыльная и платить буду хорошо. Если что подходи в Панифекс, там вот этот, — сказал он и кивнул в сторону Миклована, что гордо восседал на переносном троне, — тебе все объяснит, а сейчас извини, пойдем... дела!

— Сэр, а это кто был? — поинтересовался Стив.

— Кто! Кто — просто один хороший человек. Все бы такими были, то и проблем бы не было, — и спустя пару секунд добавил: — Все-таки и население в этом городе тоже другое.

— А что он там про работу говорил? — слышался голос Марка.

— Тебе что работа нужна?

— Да нет. Меня и эта устраивает. А дайте вина попробовать.

— На! Сегодня можно. Но смотрите! Только сегодня.

Никто в подразделениях алкоголем не баловался и что каждый из них мог себе позволить, так это пару бокалов пива: после работы. Джек просто очередной раз дал понять, кто здесь главный, хотя делать это было и не обязательно. Кувшин быстро разошелся по кругу и сразу поднялось настроение.

— Первый раз в жизни попробовал вина. Хорошая штука, — высказался Ломоносов.

— А тех, попробовать не желаешь? — сказал Марк и указал в сторону пышногрудых девиц легкого поведения, которые стояли у входа в местный бар; потом он своими ручищами обхватил хрупкое тело технаря за плечи, пробасил на ухо: — Федя, жизнь проходит мимо!

Ломоносов покраснел и ничего не ответил.

— Ты главное не стесняйся, если хочешь, то я могу пойти договориться? Или вот еще что, дай им денег и можешь вообще ничего не говорить, они сами все сделают. Мы вот с Стивом тоже собираемся ... — сказал он и глянул на Стива, а тот утвердительно подморгнул: — Можем и тебя с собой взять.

— Отстаньте от Федора, он не то что вы... кобели! — заступилась Джина.

— Я с вами пойду, — на полном серьезе бухнул Джек. Ему неожиданно-негаданно пришла мысль, проверить, как «это» у него там работает, чтобы если что: случайно не опозориться, а лучше места чем здесь... самое подходящее, если что не так, то и концы в воду.

— Да мы пошутили, сэр, — в один голос забасили пехотинцы.

— Как ты там, Марк, говорил, что деньги надо тратить все, до одной клепки, — напирал Сильвер.

Тот не знал, говорит ли шеф как есть, или просто его проверяет.

— Сэр, ваше слово закон... да хоть зайца в поле загонять! — чтобы не попасть впросак, ответил Марк.

— Я уже сказал, что иду с вами.

Пехотинцы переглянулись: «Ну с нами так с нами».

— Давайте, все за мной! — неожиданно воскликнул Стив и расталкивая толпу, быстро двинулся в сторону того самого бара.

Но за ним было не поспеть, и горожане тотчас заполнили ту пустоту, которая оставалась после его движения.

— А мне куда... я же с вами не пойду? — сказала Джина.

— Не отставай, — буркнул ей Сильвер, беря курс за Стивом.

Джек первым добрался к входу в бар, оглядевшись по сторонам он сразу обратил внимание на множество столов с деревянными креслами, что стояли вдоль стены заведения и обслуживание здесь было точно такое, как и в баре. Стиву каким-то чудом, удалось занять один из столиков, и он с далека махал им рукой, другой же отгонял всех, кто пытался присесть рядом.

Неожиданно с дверей бара вылетел человек, и чуть не сбил Джека с ног, за ним последовал другой и третий. Потом оттуда показалась огромная, черная детина, которая тащила за собой еще двух людей. Кинув их прямо под ноги Сильверу он сказал: «Если еще здесь увижу, поломаю все кости».

— А сам в лоб получить не хочешь?! — сказал здоровяку Джек.

Джина с заду дернула шефа за рукав, и шепнула, что может не надо, а то все-таки место людное, но Джек еще громче сказал, что этот нигер давно не получал в лоб, и пора бы ему начистить морду как следует, и желательно побыстрее. Марк уже приготовился нападать на негра, как тот с далека громко забасил:

— Не верю своим глазам — Джек Сильвер: собственной персоной.

— Малыш Гарри! Ты как всегда в своем репертуаре, — крикнул ему в ответ Сильвер.

На белом свете, есть только два человека, кто может назвать этого негра Малышом, это собственно мама Гарри и Джек. Другой кто бы только попытался... очень бы об этом пожалел — нрав у этой детины похлеще дикого медведя. Судьба свела его с Джеком: на службе в Межгалактическом спецназе, и поколесив не одну галактику, они вместе съели не один пуд соли, а после расформирования их подразделения, все его члены подались на свободные хлеба и разбрелись кто куда.

Гарри подошел до Джека и крепко: по братски обнял его.

— Уже честно говоря и не надеялся тебя увидеть, полковник Сильвер.

— Ты потише дави, а то я тебя знаю, — пошутил Джек. — Вижу, развлекаешься? — и кивнул в сторону тел, которых только что выкинул с бара Малыш.

— Да если бы! На работе. Пристроился тут вышибалой: платят неплохо, кормят — что еще надо. Хотя очень скучаю по нашей службе. А ты что, как?

Джек только хотел сказать, что теперь... Но воздержался, хоть Малыш был и надежный в этом вопросе, но Джек был на боевом задании, и подумал, что ничто не меняет человека как время, а они уже давно не виделись.

— Я тоже в охране работаю, вот узнал, что здесь местный император людей набирает... разговаривал тут я недавно, с воеводой... приглашал, говорил, что работа не пыльная, да и вроде зарплата приличная. Вот пока думаю... а здесь еще и соседей встретил, оказывается живем в одном доме, — придумывал он на ходу свою историю, — А ты смотрю здесь неофициально... без комбинезона, да и браслета не видать?

— Но и ты ведь ни при параде, — отговорился тот, и они сразу поняли друг друга, но Федор был на своей волне, продолжил развивать легенду:

— На нас в лесу напали бандиты — забрали последнее, пришлось...

— У него заберешь! — похлопал по плечу Сильвера, здоровяк.

— А что кузнецам здесь хорошо платят? — глянул на Марка, Малыш, сменив тему, и видать ему тоже, не сильно хотелось, обсуждать этот вопрос с комбинезоном, который был как закон для всех землян, не говоря уже о транскомуционном браслете.

Марк немного растерялся, и не знал, что ответить, а Малыш вопрошающе смотрел на него и ждал ответа.

— Я не кузнец. Просто копаю, — сказал он первое, что пришло в голову.

— Что ты копаешь?

— Огороды копаю, — слетело с языка, а за ним: — Могилу может кому надо — тоже копаю.

— Не знаю, как огороды, а могилы уж точно выгодно. А я честно говоря подумал, что ты кузнец... Ну, вылитый кузнец! — и заулыбался.

Федор быстро сообразил, что еще чуть-чуть и Марк провалится с этими вопросами и решил ему немного помочь.

— То он раньше работал на кузне: всю молодость там проработал, а когда разбойники спалили его кузню, так он пошел копать, — более утвердительно сказал Ломоносов. — Семья то большая: пятеро детей — и все кушать просят.

Марк сильно не понимая, о чем разговор, только утвердительно кивал, подтверждая слова Федора. Малыш удовлетворившись ответом, переключился на Джека.

— А про работу я что-то не слышал, знаю только что, император за клепку удавиться... но надо будет сходить узнать, а то этот контингент: утомил не на шутку... а здешний народ...

— Можешь не говорить, я прочувствовал их простоту на своей шкуре.

— А как насчет ... я знаю, что ты не пьешь... чаем угощу и можешь взять с собой своих соседей.

Джек глянул в сторону Стива, тот уже утомился им жестикулировать, и охранял столик как хороший сторожевой пес. Соблазн потрепаться со старым, боевым другом, был велик, но время для этого оказалось не подходящее, и вдобавок возле ног внезапно появился Шарик.

— Собака! Не перевариваю бродячих собак, — буркнул Малыш и замахнулся ногой в сторону рыжего.

— Это моя собака. Купил. А то самому скучно, — выпалил Джек.

Гарри опустил ногу.

— А я подумал, что бродячая. Не мог породистую купить?

— Когда был маленький, был похож на породистого, а вырос ...

— Не-е... я бы пошел и отдал обратно... и еще бы компенсацию заплатили.

Здесь с бара вышел человек, и что-то шепнул Малышу на ухо, Гарри сделался серьезным и извинившись сказал, что надо работать, и что он здесь постоянно, и Джек может заходить в любое время — чай он организует. «Надо обязательно зайти! А когда буду новую команду набирать, его непременно возьму, в бою на него можно положиться», — подумал Сильвер и направился в сторону Стива.

На столе, который занял Стив аппетитно вырисовывалось большое блюдо с кусками жаренного мяса, семь бокалов пива и знаменитые Арианские раки — шикарным натюрмортом отбивали блики зиркового дня.

— Заждался, заждался!.. Что так долго? — заворчал Стив.

— Товарища встретил, вместе служили. А ты смотрю ты здесь похозяйничал.

Все молча уселись за стол, начали уплетать ароматное мясо оленя; аппетитное жаркое, показалось самым вкусным из всего того что они ели раньше; ведь с раннего утра во рту не было и росинки, а у Джека не только с утра — два года для него пролетели мгновением; и хоть: как и в прошлый раз, после лечения у гелтов, энергия била с него фонтаном и еда несильно лезла; организм потихоньку растормаживался и на подсознательном уровне очень соскучился по настоящей еде;

Тут откуда не возьмись, появился разноцветный клоун, который громким, но приятным голосом, закричал Джеку чуть ли не на ухо:

— Отгадай загадку, и реши вопрос — дам тебе за это: бубликов поднос. Кто звергает пламя, прямо через нос, и летает в небе, не имея хвост. Панцирь его твердый, много у него глаз. И зовется это?!. — улыбался клоун и крутил в правой руке, большую связку медовых баранок.

Вопрос оказался, не такой уже и легкий, на все доводы подразделения, клоун только отрицательно качал головой и Джек утомившись от праздничной, но пустой болтовни сказал:

— Сдаюсь, говори!

— Межгалактический, боевой корабль, класса: «Протон» — Голиаф; на вооружении тридцать две, пятьсот мегагатных... — отчеканил голосом Банзая клоун.

— Отставить, подробности! — вмиг перебил его Сильвер, и оглянулся по сторонам. — Марк, а ну уступи место. А ты садись и полный отчет: со всем мерами предосторожности, чтобы противник тебя не услышал.

Марк с неохотой встал, и пожаловался, что стоять у него большого желания нет. На что Джек ответил: «Найди где-нибудь табурет».

— Да где же я его тут его найду: все занято!

— Ты сильно не переживай: стоя больше влезет, — с усмешкой прояснил Федор.

Марк махнул рукой, и что-то буркнув под нос, с явным недовольством глянул по сторонам и больше ничего не говоря влился в толпу, где через минуту от него и след простыл; а киборг уселся на его место, начал рассказывать, что узнал — а узнал он не мало, и даже успел разобрать два моста через Селегос, чтобы создать препятствие войску Василия, которое по его агентурным данным держало путь в сторону Надана. Выслушав всю подноготную на Миклована с Мироном, на Степана... и еще на сбоку припеку, неизвестных людей — Джек внимательно рассматривал рисунки, который дал ему Сикофант, и передавал их по кругу, другим членам подразделения.

— А вот и ваш хороший человек, только намного моложе, — сказал Федор, как только рисунок Мирона попал ему в руки.

— Но я же не знал, что это он, — выпалил Джек и тотчас добавил: — И хорошо, что не знал, а то бы они нас давно поджарили, своими винтовками или те бы пиками покололи. Ты что не видел... и император с ними заодно?!

— Сэр, хорошо, это не то слово: просто идеально, они ведь не знают, что знаем мы... и нас он никого не знает, а это... — поддержала разговор Джина.

«На вид вроде, приличный человек, так и не скажешь, что бандит, но морду ему набить теперь уж точно придется», — подумал Сильвер и повернув голову к киборгу: — Семьдесят седьмой, когда войско Василия будет в Надане?

— Учитывая, что им надо восстановить переправу через реку, то не раньше чем к завтрашнему полудню.

— Задача, не соответствует масштабам нашего подразделения, рекомендательно настаиваю, на безотлагательную эвакуацию; я могу сделать запрос у генерального прокурора на открытия порта; а здесь надо задействовать более значительные, военные ресурсы, — внезапно всплыло в голове у Джека — Шарик тоже соблюдал конспирацию.

— Зачем кого-то подключать, у нас есть два преимущества: неожиданность, и то что противник не знает нас в лицо, — подумал в ответ Джек.

Теперь он уже точно не собирался покидать Ариану, ведь здесь в плену была Вероника с Волковым, и ему теперь не нужны были никакие приказы, но рисковать жизнями подразделения он не имел права, и это был только его личный выбор.

Взгляд Сильвера поймал приближающегося к ним Марка. Расталкивая людей, он будто вездеход продвигался через недовольную толпу, тащил большое, с резными ручками и плетеным верхом, деревянное кресло-качалку. Подойдя до столика, он скинул кресло с плеч и с чувством собственного достоинства и довольной физиономией уселся прямо на проходе. Рукав у его плаща был наполовину оторван, и на нем висла лишь единственная пуговица, которая была готова в любое время, покинуть этот плащ. Джек ничего ни сказал, только вопрошающе глянул на Марка, тот с ходу хлебнул полбокала пива:

— Купил! Вы же сами сказали, чтобы я нашел где-нибудь или у кого-нибудь... Вот я... но клепок я им дал, даже больше чем оно новое стоит, — оправдывался Марк.

— Главное, чтобы никого не привели, а то что ты им дал... кто бы в этом сомневался, — заулыбалась Джина.

Стив все заказывал и заказывал разнообразную еду, и на столе уже не было места для новых блюд, но это никого, кроме официанта не смущало. Сытость изрядно расслабила истомленные души команды, но чувство праздника подстегивало на дальнейшие подвиги.

Джек сидел и гадал, с чего начать и как объяснить остальным, о его дальнейшем намерении: спасти Веронику с Волковым из плена; задача была непростая и очень опасная. Приказать он им не мог, а рисковать жизнью подразделения ради собственных амбиций было не в его правилах.

Неожиданно послышался пищащий звук, что неприятным тоном лился непонятно откуда; карман плаща Джека задергался, но Сильвер не обращая на это внимания, продолжал подбирать слова для такой деликатной просьбы, как спасение заложников; ведь одному человеку такая задача была не под силу. Шум от галдящей толпы, наряду с громкой музыкой, сбивал с мысли, но пронизательные взгляды, одновременно всей команды, окончательно поставили его в тупик. «Что еще?..» — спросил он про себя и пробежал по глазам вопрошающих.

— Сэр, ваш фонотрон! Отвечать будете? — поинтересовался Ломоносов.

Джек резко вскочил с кресла и в секунду, прошелся по всем карманам плаща, и будто его ошпарили кипятком вытащил фонотрон, с нижнего, внутреннего кармана — громким голосом отчеканил: «Полковник Сильвер слушает». Джина дернула шефа за плащ и дала понять, что это не лучший вариант так разговаривать. Джек оглянулся по сторонам и с потерянным видом, уселся обратно в кресло, при этом другой рукой прикрыл рот и подал знак чтобы его закрыли от посторонних взглядов. К счастью никто ничего не заметил, и окружающие зеваки, скорее подумали, что он толкает тост. Марк с Стивом встали во весь рост, и своим широким спинами прикрывали шефа.

— Ну что там с Готфильдом? Обезвредили? — послышался знакомый голос прокурора.

— Так точно, сэр! Преступник обезврежен.

— Молодцы! Управились в срок. Подразделение будет представлено к награде. А с тем, что сделали?

Джек не знал, что и ответить, но язык сам бухнул: «Обезвредили, сэр».

— Ну и ладно! Это уже не имеет никакого значения. У нас здесь чрезвычайное происшествие, и вашей команде, необходимо срочно возвращаться в Тронплекс.

— Даже...

— Это не фонотронный разговор, все подробности у меня в кабинете. Единственное что могу сказать: связано с Марсом.

— Сэр! «Голиаф» здесь, — сказал Джек, уже догадываясь о чем речь.

— Где здесь?

Сильвер, со слов киборга, доложил разыгравшуюся обстановку и с удивляющими для прокурора подробностями, предоставил информацию — для сбора которой, при других обстоятельствах, понадобилось бы не меньше месяца: про «Голиаф», про Мирона с Миклованом, Волкова с Вероникой и про киборга с его документацией. Единственное о чем он промолчал, так это об посещении Галаксеи и о конфликте с Семеном 33 — про открытые возможности Шарика, даже и мысли говорить не было.

— Далатян со своей командой в Элизиуме порядки наводит, поэтому помощь прислать вам не могу, а о широкомасштабных военных действиях и речи быть не может, так что ...

— Сэр, мы сами справимся, — перебил Джек, предугадывая что дальше скажет прокурор.

— Тогда все остается по-старому и Ариану, разблокировать не будем. Сколько вам надо времени? — сказал он и сразу добавил: — Трех дней, думаю, хватит с лихвой. А что насчет киборга, это не в моей компетенции, ты же с Оуэном... вот к нему и обратись. И еще, Джек, — примолк на две секунды прокурор и перешел на ты, — как ты уже понял, информация не должна выйти дальше вашего подразделения. Главная задача — это Голиаф: целый и невредимый, все-таки реликвия, а вот репортера, ты должен лично доставить — в мой кабинет.

Джек как человек военный: приказов никогда не обсуждал, но эти слова о такой заинтересованности в личной доставке, и опять это слово «должен», немного встревожили, но ничего расспрашивать он не стал.

Ведь этот генеральный киборг не мог отвечать за все правительство, и вдобавок он не знал кто им управляет. «Может какой-нибудь «Мирон», хотя дядя Ваня тоже может...» — множество мыслей перемешалось в голове Сильвера, и не было той единственной: правильной, что могла сразу все прояснить. Клубок событий запутался еще больше, особенно с «Голиафом», ведь со слов Оуэна, корабль ожидал демонтаж и отправка на металлолом, а этот говорил об реликвии с чем Джек был полностью согласен.

— Что насчет Мирона и их императора, — продолжал прокурор, — то тебе здесь придется подумать самому.

— Обезвредим!

— Что ты все, «обезвредим, обезвредим» Тебе же сказали... подумать немного надо. Если бы мы хотели их просто устранить... то поверь мне, есть тысячу и два способа... но твоя задача другая: сменить управления империей более демократическим способом... это логово, давно просилось, но не было подходящего случая. Ну а Мирон, с его компанией, на твое усмотрение; непонятно только почему его еще в прошлый раз не распылили, а отправили на Марс, — попытожил прокурор, и еще больше показался странным, будто ли не он сам его туда прописал.

— А как я тут все это сменяю? — с немалой долей удивления спросил Джек и сразу добавил: — Я же не Вася Балабанов³⁴.

— Нового Балабанова нам не надо... да ты сильно не переживай, управлять безграмотным народом куда может быть проще; но поднапрячь извилины, все равно придется и это не просьба, а приказ. Власть в Миклованской империи должна быть новая — хоть сам становись императором! — и по ходу прояснил. — Кстати, наше правительство, не против твоей кандидатуры, на такую должность, так что давай действуя, — сказал он и отключился.

С Миронем было более-менее ясно, но вот со сменой власти, такая постановка вопроса, сильно озадачила Джека, ведь он никогда этим не занимался, и в его понимании сути дела, смена власти — это значит, по-тихому и без свидетелей. А эти слова «...Наше правительство, не против твоей кандидатуры», совсем выбили его из колеи, что он даже забыл спросить об оружии и о тех тех-средствах, которых в их земном арсенале было с избытком, и вся процедура с захватом «Голиафа» и ликвидацией Мирона, могла бы занять меньше часа. «Запустили бы сейчас NF23, и заходи бери их теплыми, или подняли бы дистанционно «Голиаф» в космос: открыли шлюз... но в этом варианте были бы уже холодные», — размышлял Джек и очень жалел, что не успел попросить хотя бы протонных винтовок, и даже когда он попытался, сразу после их разговора, связаться с прокурором, все обнаружили, что блокировка планеты так и не снималась, а как прокурор вышел с ними на связь — это был большой вопрос, на который не знал ответа даже Федор, который проработал в том отделе ни один год.

Все слышали о чем разговаривал Джек с прокурором и ему не было необходимости повторять их новую боевую задачу.

— С крестьянами все ясно, но у бандитов ведь протонные винтовки, и думаю, что к Голиафу мы ближе чем на три километра не подойдем, — высказался Стив.

— Ты слышал, что сказал прокурор... извилины надо напрягать, — сказал Джек и допил свой уже третий бокал пива, после вытер рот и добавил: — Но на протонную винтовку сколько не напрягай, тише хлопнуть она от этого не станет.

— Это точно! — зачесал маковку Марк.

Неожиданно у Джека между ног, что-то сильно начало выпирать, все больше и больше — увеличиваясь в размерах. Он даже перепугался и быстро засунул руку в штаны, но потом поняв в чем дело, расслабился и подумал: «Вот что имели ввиду гелты, когда говорили, что система выделения... будет появляться по мере необходимости... а если захочется...»

³⁴ Вася Балабанов — выдающийся контрреволюционер, который подбив народ на массовые беспорядки, организовал самое большое революционное движение в истории Земли, которое привело к пятой мировой войне.

— Так, девочки и мальчики, покину я вас на некоторое время... надо, надо... — похлопал он по плечу Федора, на его попытку открыть рот, и встал с кресла. — И без меня ни шагу... — направился в сторону бара.

— Эй ты, в шляпе! — послышался голос из-за спины и кто-то схватил Джека за рукав.

Он обернулся и увидел трех видных девиц, которые крутились недалеко от входа в бар; его рукав сжимала пышногрудая красавица с пухлыми губами: «Поразвлекься не желаешь?» — сказала она и потянула к себе.

Джеку было невтерпех и очень хотелось, как можно скорее, отлить, и он по ходу, ничего не говоря, достал с кармана горсть клепок — сунул в руку той девице, лишь бы отпустила; и как только она отвлеклась на деньги и освободила рукав от цепкого хвата, он тут же, быстрой походкой и с тяжестью между ног, засунул руки в карманы плаща — сутулясь, направился в сторону открытых дверей бара. Девица только успела крикнуть в след уходящему Сильверу: «Эй ты, в шляпе! Тут за троих! Что берешь всех?» Сильвер оглянулся, но из-за того шума, что был вокруг, он не расслышал что она сказала, и проявляя этикет вежливости — улыбнулся и кивнул ей в ответ. «Сейчас девки, зададим жару, этому в шляпе», — сказала пухлогубая куртизанка своим подругам, пряча клепки в надежное место. Справив нужду, Джек в очень приподнятом настроении вышел из бара, хмельное пиво било в голову, и та энергия, что он зарядился у желтов не давала покоя — выплеснуть было негде. Система выделения опять куда-то пропала и он ощущал себя чуть неловко. «Теперь я как бычок кастрированный, и плохо что теперь на пляж не выйдешь — засмеют», — думал он обо всем этом, стоя, у входа в бар. Как тот же: приятный, низкий тембр влетел в его левое ухо: «Ну что! Так и будем стоять?» Сильвер повернул голову и увидел тех самих девиц, которые держа руки в боки стояли перед ним и соблазнительно ухмылялись.

— Идем, жеребчик! Будем с девками клепки отрабатывать, — сказала самая пухленькая, и сделала жест, чтобы он следовал за ней.

— Идем... идем... ну идем! — ответил он и последовал за ее объемной талией, а по ходу оглянулся в сторону столика, где все четыре пары глаз удивленно смотрели в его сторону, а Марк даже встал из-за стола.

— Стив, ты видел это... ну ты это видел! Сказал, что пойдет с нам, а пошел без нас... и еще с троими!

Джек с двумя девицами под руку — третья шла впереди, только посматривал по сторонам, гордо прорезая труднопроходимое движение Миклованской площади, и то что он поддавался соблазну во время боевого задания: было больше по техническим причинам, чем по прихоти; ведь в условиях Тронплекса, и учитывая его новую должность и безграничную публичность, о таких испытаниях не могло быть и речи; там надо только наверняка и без каких-либо сомнений: в готовности — к бою.

Стив взглядом проводил растворяющегося в толпе шефа, лениво стянул кусок шашлыка: «Начальство! Да ты не переживай, мы позже сходим... и Федю с собой возьмем. Да, Федя! Пойдешь с нами?» Лицо Федора опять покраснело и он ничего не ответил.

Окутанный вниманием: трех представительниц древнейшей профессии, Джек по дороге в номера, думал лишь как оно пойдет и что нового в ощущениях или без них, можно ожидать от инопланетных технологий; и не то чтобы сильное, но маленькое беспокойство по этому поводу было: «Никто меня здесь не знает, да и если что пойдет не так... лишь бы их не напугать, а то глянут, а там пусто — засмеют. Скажут денег дал, а сам ... лишь бы демон кричать не начали...» — все раздумывал он пока не ступил на порог деревянного дома, с округлой крышей и шикарно отделанным крыльцом.

Они быстро прошли по лестнице, вверх, на третий этаж и тут преграждая их путь, словно под земли, выросли два амбала, с бритыми затылками под «полубокс». И мысль о быстром отходе уже не казалась удачной.

Та девица что шла впереди, что-то шепнула на ухо одному из здоровяков и дала две купюры: по сто клепок каждая, амбалы с улыбками до ушей оценивающе оглянули клиента, и со словами одного из них: «Ты, Марина, смотри только аккуратней...» — пропустили их в середину.

Уже через минуту Сильвер стоял в богато обставленной комнате, где было явно не арианское убранство и приятно пахло дорогими духами; изысканный интерьер номера говорил только об одном, что бизнес процветал... да и девицы были высший класс: при теле и лицом не обижены.

— Ну что стал, снимай свою шляпу, или любишь в шляпе? — сказала Марина и распустила волосы, — запомнишь наше знакомство на всю жизнь. Мы не просто так девки с улицы. Это наше призвание... получишь такое удовольствие ... — рассмеялась пышногрудая красавица и быстро скатала колготки.

Джек снял плащ, а следом кинул и шляпу на близстоящий стол, и хотя девицы были полностью готовы к отработке клепок, технологии гелтов все еще спали, и от такого стыда Сильвер был готов, провалиться в пол. Ладонки сразу вспотели и мысль о побеге через окно, остановил только вид с третьего этажа. Не успел Джек отвести взгляд от окна, как Марина, резко схватила его за руку, затащила на кровать — и с навыком матерого наездника прыгнула сверху, другие две девицы не дремали: и ложе Афродиты заскрипело под их весом.

— Да ты не бойся! Отработаем по высшему разряду. Главное лежи спокойно... мы сделаем все сами, — сказала она, хлеща своим загорелым, пятым размером, по щекам Джека.

Бежать было некуда, и божественный плен у девиц с редким призванием не казался раем. «Еще минуту и начнется позор и ненужный шум с теми амбалами», — готовился с мыслями о наихудшем Сильвер, но знакомое ощущение чего-то давящего между ног усиливалось с каждой секундой, что это даже немного приподняло Марину вверх. «Наконец-то заработало», — подумал Джек и облегченно вздохнул, и его уверенность тут же увеличилась в два раза.

Экзамен прошел на десять баллов, и как было установлено в ходе испытания этого «оборудования», что чем больше испытываешь тем больше хочется, а чем больше хочется тем больше растет уверенность. От невероятного излучение мощи, Джек вошел в такой азарт, что еще три раза давал девицам клепки, и продолжал сеанс искушения. Девицы и вправду оказались с призванием, но после очередного предложения денег, а клепок у Сильвера были полные карманы — категорически отказались продолжать рабочую смену.

*За залом зал, еще один:
Стреляет пушка по троим
По тем большим и налитым:
Бьет пулемет не холостым
И только в цель и наповал
Сраженный враг кричит: аврал*

— А у тебя тоже оказывается талант, — сказала Марина, ели слезая с кровати — две другие жрицы любви лежали без чувств.

— Да-а!.. Это у нас наследственное: от деда досталось, — сказал Джек быстро натягивая штаны, и с третьей попытки, ели засунул туда свое «оборудование», которое было еще готово к бою.

— Ну если что, заходи: пятидесяти процентная скидка, пока я жива, тебе гарантирована, — сказала она и жадно присосалась до кувшина с водой, утолив жажду добавила: — Я то сама с Тронплекса, — на что Сильвер не сильно то и удивился, — Вот мой номер фонотрона, по субботам и воскресеньем я всегда дома, так что если что: маякуй... жеребчик, — дала ему визитку и опять плюхнулась на кровать.

Довольный испытанием, Джек вышел на улицу, где все еще продолжался праздник, но все торговцы уже разбрелись по домам и остались только празднующие. По дороге он зашел в бар и купил большой кувшин вина. Хотел поговорить с Малышом, но того почему-то не оказалось. «Ну ладно, зайду завтра... он здесь все равно постоянно», — думал он когда выходил с бара. Направился к своему столику.

— Вот это у вас пять минут, сэр. Мы уже думали не случилось ли чего-нибудь. Спасибо Шарик: развеял наши тревоги, — заулыбалась Джина.

Джек с мыслью, что рыжий был там и все видел — поставил кувшин с вином на стол и уютно усевшись в кресло сказал:

— Как ты там, Марк, говорил, что с этой работой вся жизнь проходит мимо.

— Это точно, сэр. А по какому поводу вино?

— Не брать же нам эти клепки на Землю!

Такие слова еще больше заставили Марка уважать шефа, и он быстро разлил вино по деревянным бокалам, и тут же заказал: фаршированного гречневой кашей поросенка. Аппетит у Джека проснулся волчий, использование технологий гелтов, оказалось требовало значимых энергозатрат и их надо было восстанавливать, но на его, и остальных членов команды, счастье: клепок имелось предостаточно и охотиться...

— Семьдесят седьмой, а как ты узнал информацию с «Голиафа», разве можно подойти к кораблю? — пришла такая мысль, которую Джек тут же захотел прояснить.

— Подойти нельзя: враг использует протонную винтовку в количестве одной единицы, и сразу стреляет на поражение.

Сильвер с удивлением глянул на Сикофанта, который уже успел переодеться и был похож на заправского конюха, который имеет тысячные табуны и входит в арианскую лигу коневодов любителей (молва о знаменитом поголовье арианских скакунов, неслась далеко за пределы планеты) — кожаные штаны с таким же жилетом, шляпа на зависть Джеку и плетеный кожаный кнут, тютелька в тютельку был подогнаны под габариты Банзая; единственно что вызывало подозрение так это его рыжая борода по пояс.

— Ведь ты сам говорил, что по всему «Голиафу» ходил, и где только не был... — и со словами: У тебя наверно еще таких, — поменялся с ним шляпами.

— Да заходил! Они там сидят голодные как бобики, пришлось дать им в долг: кувшин вина и немного копченого мяса. И еще они обещали меня на нем покатасть, если вина побольше принесу.

— Ну если этот заходил, то зашлем его еще раз и корабль наш, — высказался Федор и даже встал, от такой умной мысли, что как могло показаться решала исход дальнейшего захвата власти и устранения бандитов.

— А что, идея, даже можно в вино чего-нибудь подсыпать, — предложил Стив.

— Ничего не надо подсыпать: сэр, даст «дедушке» команду «фас» и он их там на части... а если нож не пожалеет... то на ремни, точно, порежет, — пробурчал Марк.

Вдохновившись простотой: захвата боевого корабля, единогласно решили, что вечером идти туда не стоит, а вот с утра, когда они там проголодаются... Взятие «Голиафа» под контроль, казалось только делом времени, что автоматически освобождало от раздумываний, о реально нависшей угрозе в виде приближающегося войска Василия. Беседа за столиком шла живо и многочисленные идеи которые появлялись ниоткуда, сразу перерастали в грандиозные планы. На столе вслед за первым кувшином вина, появился второй, а после и третий. Банзай по приказу Джека был отправлен в тыл к врагу — разузнать что там затеял Василий, но с условием: в девять часов утра чтобы был как штык Шарик не обращая на все это внимания, забрался под столик и свернувшись калачиком продолжил свое любимое занятие, которое он и так не прекращал ни на секунду — многозадачность главная фишка рыжего, работала как сизискводная реакция, не давая и малейшей возможности, чтобы пропустить очередную композицию, и не спланировать ее во всем своем бесконечном множестве вариантов.

Глава 3

Мирон с мыслями о безоблачном будущем, нежился на медвежьих шкурах и потягивал марафетный кальян — дурманящий запах ароматизированного табака, своим благоуханием, разнесся далеко за опочивальни: вдаль по коридору; дразня дежурившего у дверей Леху, который был на боевом посту, с заданием: поджаривать любого, включая императора — все, кто до утра посмеет приблизиться к этой двери, будет распылен в прах. Миклован не желая попадать под тяжелую руку Твердохлебова, в связи с его плохим настроением, взял с собой двух девиц, и укрылся подальше: с глаз долой — в другом крыле Панифекса.

— Почему, интересно, не работает фонотрон?! — сказал Мирон и кинул его в бок. Многочисленные и неудачные попытки выйти на связь, с нужными людьми в Тронплексе, ломали все его планы

— Может это фонотрон такой, — буркнул Степа.

— Может и не работает, но другого нет. Другой у Баклана, а тот скотина такая: почему-то не отвечает.

— Завтра, Степа, зашлем твоего Леху в Тронплекс. Найдет нужных нам людей и все будет в шоколаде, а то что-то чуйка у меня на счет этой Арианы плохая, — и через две секунды добавил: — Сменим себе морды, ДНК поменяем, и тогда Миклована с его динозаврами... в приход впустим. Ха-ха-ха! ...и заживем как короли: никакого бизнеса, будем гулять и девок таскать сколько душа пожелает, и все это пока от старости не сдохнем.

— Это ты конечно неплохо придумал... и пускай ищут пока не обсерутся, — прокашлялся Степа от крепкой добавки: в табак кальяна.

— Этим обормотам жратвы подогнал?

— На месяц хватит... и даже с запасом: на всякий случай... слышь прикол, приношу им значит хавчик... ну ты только прикинь! А они там вино бухают и копченым мясом закусывают, клепок то у них сроду не было, а твой Баклан клянется, что в долг взяли.

— Зря ты о нем так... Валерчик нормальный пацан, и вы еще с ним сдружитесь. Ну а «Голиаф» ... отправил ты это чудо на орбиту?

— Теперь его никто и никогда не найдет, — сказал Степа, и о чем-то задумался, и через некоторое время добавил: — Все-таки, классный этот «Голиаф»! Может рванем куда-нибудь, куда Федерация не достанет?!

— Куда-нибудь, это куда?

— Да куда хочешь!

Мирон о таком развитии событий, давным-давно продумал, когда еще парился в Элизиму, и этот вариант больше его не интересовал.

— У меня на Земле такие связи... что мы сможем... Эх, Степа, не о том думаешь! Там, где ты говоришь где-нибудь...ты кого-нибудь там: где-нибудь, знаешь? Где-нибудь, это может быть и на параше где-нибудь, — сказал Мирон с видом будто у него было рассчитано все до последней минуты жизни, и плеснул вина в золотой кубок. — Ты вот, только, приглядишься, как здесь Миклуха прижился... живет, и ничего не боится; с золота ест и пьет, и по золоту ходит — вот где, Степа, рай и не надо куда-то лететь и особенно: куда-нибудь!

И тут Мирона опять понесло с его глобальными мыслями о будущем Арианы, и что с нужным подходом и его связями здесь можно ... Степа все это слушал и был полностью с ним солидарен — роль заместителя бога, вполне, его устраивала.

— Только надо людей надежных набрать, — перебил он одержимого планами господства, старшего брата.

— Вот видишь, а ты говоришь, что Баклан не нужен... а я тебе еще раз повторю: надежные люди — это большая редкость. А этих колхарей с Арианы!.. — здесь Твердохлебов примолк на три секунды и сделал кислое лицо. — Проблема прямо с этим вопросом. Ну ничего: в Тронплексе наберем, есть у меня там человечек, кто этим займется.

— Слышь, а что будем делать, с тем войском, о котором старик говорил.

Мирон вмиг сделался серьезным и даже встал с пригретых шкур, подошел к окну, достал с пачки сигарету «Казбека», и закуривая сказал:

— Что делать! Что делать, а я откуда знаю, что делать. Уже слишком много их Степа. У Миклована войско слабенькое... да и война: наглядно будет, эти волки с Земли, тогда точно — спецназ зашлют... а нам оно надо?! Шугануть конечно можно, но опять-таки наглядно. Нет! Ждать войско мы здесь не будем, пускай Миклуха с ними сам разбирается; завтра, с самого утра, отсылаем Леху на Землю, потом быстро меняем ДНК и тоже валим в Тронплекс, отсидимся немного, а когда эта лажа утихнет, то опять сюда. Тебе можно даже морду Миклухи заделать... Будешь их императором!

Несмотря на то, что физиономия у Миклована была и не ахти, и тело было как у хо-рошего борова; Степан тем не менее был согласен на такую жертву. «Какая нахрен разница: какая там морда, а тело можно и свое оставить; для понту начать бегать, и народ подумает, что человек, взялся за ум: начал за собой следить... хотя спорт и Миклован — две несовместимые вещи...» — помечтав об таком перевоплощении, он после сказал: «Есть только одна небольшая проблема».

— Какая еще проблема?

— Или ты уже позабыл, что порты маскируют, и постоянно меняют места... мы с тобой то, сколько здесь не были?

— Чи ни проблема, поймаете кого-нибудь в комбинезоне и узнайте... этих землян тут больше чем рыбы в реке — проблему мне еще нашел... они за жменю золотых, мать родную продадут.

В противоборствующих «лагерях» планы строились всю ночь, и ни один из них, так и не сомкнул глаз до самого утра.

Войско возглавляемое Василием, в достаточной мере, прочувствовало на своей шкуре, новую прошивку Шарика: Сикофант спалил три десятка шатров и с помощью имитированием звуковой модуляцией, наступление целого, конного эскадрона демонов — посеял невероятную панику; под этот шумок взял в плен воеводу и засунув его в большой мешок с криком: «Демоны окружают! Текай кто может!» — пронесся через все войско. Потом перевоплотившись в бандита с большой дороги, с помощью самих последних технологий: ведения допросов, вел беседу по поводу получения информации о дальнейших планах врага, у на смерть перепуганного воеводы; и под утро он уже знал больше, даже чем сам воевода. После допроса, военачальник был туго связан и запрятан в одном из убежищ «дедушки» Банзая, для дальнейшего: возможного обмена или получения выкупа.

Мирон с Степаном, еще ночью, высмыкнули из близлежащего бара, засидевшегося жителя Тронплекса, и разузнали, где находится: три ближайших порта; и с самого раннего утра переодев Леху в подходящую одежду пошли в сторону портала.

Джек же со своим подразделением, не дождавшись киборга, набрали с собой побольше еды, и подсыпав в вино снотворное взяли курс в сторону капустного поля.

Дорога от города к полю была накатана хорошо, и просматривалась как на ладони. Сильвер шел впереди всех и курил любимый «Казбек», за ним следовали Марк с Стивом которые несли две большие корзины разнообразной еды и десятилитровый кувшин вина, по заду, в метрах семнадцати, плелись Федор с Джинной и о чем-то бурно спорили. Шарик делал

вид что он не с ними — бежал далеко впереди.

На полпути к «Голиафу» им встретила миловидная бабенка простоватого вида. Одета она была в стеганое пальто и салиннки, а ее голову украшал цветастый платок из шерсти мутаты; руки тяжелило полное лукошко грибов.

— Здравствуйте! И куда вы столько еды несете? — поинтересовалась женщина, как только они поравнялись.

— Пикник у нас. Идем шашлыки жарить, — ответил Стив.

— Все обычно ходят в лес шашлыки жарить. А вы что будете в поле жарить?

— Где будем там будем. Вам какое дело? — чуть злясь буркнул Марк.

— Какой ты хам, кузнец! Я просто спросила, а ты уже грубишь.

— Да не кузнец я... не кузнец! — со злостью сплюнул он на землю.

— Что-то вы какие-то подозрительные, — сказал крестьянка и поставила лукошко на землю.

— Женщина! Вы случайно не с полиции? — ляпнул Федор.

— Сейчас нет, но очень, очень давно, служила? И если будет такой приказ, то всегда готова помочь.

Команда удивленно переглянулась, а Федя вдогонку бросил: «А вы грибочки то, какие едите?»

— Я не только грибов не ем, я вообще ничего нем: нет необходимости, — сказала женщина уже голосом Банзая.

Все сразу рассмеялись, и начали задавать ему кучу вопросов, насчет того где он дел свою бороду и почему замаскировался в женщину.

— Семьдесят седьмой, что ты тут за цирк устроил, и что вообще тут делаешь? Я же послал тебя узнать информацию о войске Василия... и какой у тебя был приказ?.. — наехал на него Джек, а сам подумал, что если Шарик над ним поработал, то все ясно...

— Информация о войске, была получена в полном объеме, а ваше подразделение я просто решил проверить... и к сожалению легенда о пикнике оказалась не жизнеспособной, все очень подозрительно... у вас на лбу написано, что засланные.

— Это тебя Шарик научил? — спросил Ломоносов и не стесняясь хлопнул бабенку по заднице, а Марк с Стивом увидев это, что-то между собой усмехнулись.

— Семьдесят седьмой, твой шпионский модуль работает как надо. Молодец! Твоя инициатива оправдана... а нам это будет маленький урок, — и повернул голову к подразделению, — ведь место этого киборга мог быть патруль, или могли напороться ... Да что угодно могло быть, а здесь как вы уже поняли: остаться без головы... Слушай мой приказ! Каждому придумать себе легенду, и быть максимально похожим на местное население... в поведении... да, Марк, в поведении... тебе сказали кузнец, значит кузнец. Понял! — сказал Джек строгим голосом, и у всей команды, будто ком в горле стал.

Сильвер временами был немного груб, и это была хорошая встряска для потерявших бдительность членов подразделения. «Чтобы не расслаблялись. За выполнения задания спросят, не с них, а с меня», — подумал он и закурил уже другую подряд сигарету и приказал киборгу дать полный отчет о его задании, но его изложение не только... а еще больше накалило обстановку; планы войска Василия то одно — можно и убежать из города, но вот новость что их план по взятию «Голиафа» провалился, по причине того, что, тот куда-то исчез, очень опечалила, ведь именно на захвате корабля, и строились их грандиозные планы.

— Ну что? Слышали... новость так новость... теперь хочу вас послушать... у кого будут какие предложения? — одарил Сильвер, тяжелым взглядом, каждого по очереди.

Звонкое щебетанье полетки — и тишина, дали четкий ответ на его вопрос, и то что ему теперь, как обычно, выход из положения, придется придумывать самому: озадачило по полной программе.

Команда, свесив головы, уселась на траву, и молча коротала время, каждый думал о своем, только Джек думал за всех, и то что это, полный провал... мыслей не было даже самых бредовых — это был факт; ведь протонная винтовка — очень грозное оружие, даже в малоопытных руках бандитов, а подвергать себя и свое подразделения такому риску, как брать штурмом Панифекс, он не собирался.

Тем временем Мирон с Степаном обошли три близлежащих портала, но ни один из них не работал, и как они потом узнали, что связи с Землей нет уже четвертые сутки, в виду карантина, который продлится: бог знает сколько еще.

— Вот попали так попали! Ну и чо дальше? — пригрустнул Степа.

— Ты спроси что-нибудь полегче, — с явным недовольством буркнул Мирон.

— А если на «Голиафе» на Землю полететь? — слышался за спины, голос Лехи.

Мирон повернул голову в сторону пехотинца, и с чувством полного безразличия:

— Леша! Твое дело винтовка, а куда, что, лететь или не лететь, тебе этим голову засорять не стоит, — и через пару секунд добавил: — Можешь верить мне на слово.

Надежда на помощь с Тронплекса растворилась в одну секунду, и плохое предчувствие Мирона только еще больше усилилось, теперь он даже немного позавидовал Баклану, который находился на орбите Арианы, в битком набитом жратвой и вином боевом корабле, и у которого вдобавок была включена функция невидимости и можно было принимать спутниковое телевидение с Тронплекса.

— «Голиаф» улетел? — задал сам себе вопрос Мирон и сразу на него ответил: — Значит и бандиты с ним улетели, — сказал он и тут же подытожил: — Отсидимся пока в Панифексе, а там будет видно.

— Ты это ловко придумал. Там у Миклухи можно сто лет жить и на улицу не выходить, — взбодрился Степан и все трое с надеждой на светлое будущее прибавили шагу.

Джек докуривал последнюю сигарету и на нервах разорвал пустую пачку «Казбека» на маленькие кусочки; и находясь под впечатлением от их разоблачения киборгом, вырыл палочкой небольшое углубление в земле — замаскировал следы своего присутствия, а окурочек положил в карман. Он все думал и думал, и время от времени, беспокойным взглядом, окидывал то пехотинцев, то Джину с Федором, но те сидели молча и пялили глаза в землю. Банзай стоял как вкопанный, и был похож на восковую фигуру из музея мистера Пиландье. Шарик, в своем репертуаре, бегал вокруг да около и что-то вынюхивал, так что подозрений не вызывал только один он, все те люди, которые сидели прямо на земле сбоку дороги выглядели явно не охотниками, или собирателями ягод и грибов.

Сильвер, очередной раз, посмотрел на рыжего и удивился, как он это все время бегают в округе тридцати метров и постоянно делает разные маневры не повторив ни одного из них, и все это выглядит очень естественно. Переключив мысли на собаку Джек восхищался его предельной простотой наряду с совершенным алгоритмом перемещения по поляне: «Продумал он конечно... на высшем уровне», — и продолжал восторгаться совершенными технологиями гелтов: Шарик, ни разу не повторил ни одной комбинации дважды; то он делал вид что ловит ящерицу, то что-то зарывает, потом плавно переходил на другие действие. И внезапно Джеку в голову пришла не то чтобы мысль, а мыслище, мысль мыслей и то что это они занимаются полной ерундой: стараясь придумать какой-то план — поставило все на свои места; ведь для такого задания есть Шарик и кто как не он, сможет продумать и рассчитать, с свойственной только ему, изощренной организацией логической цепочки событий.

— Шарик, можно тебя попросить, спланировать нашу дальнейшую миссию? — сказал Джек и встал с сырой земли.

Команда вдохновившись таким неожиданным вопросом, устремила обнадеживающие, взгляды на шефа, и каждый про себя подумал, что почему он сам, не мог додуматься, до такого простого решения.

— Нет необходимости в данном случае что-либо планировать, — сказал рыжий и подбежал к Сильверу.

Все сразу подумали, что это очередные выкрутасы, и помощи от него теперь не дожидешься, и последующее что можно было от него ожидать так это, мол: справитесь и сами или это не мой масштаб, или что-то похожее в этом роде. Но Джек не растерялся, ведь решалась судьба Вероники и его закадычного друга Сереги Волкова, и он хотел попросить о помощи чуть настойчивей: «А мы думали, что ты ...» — но Шарик не дал закончить мысль, поставил все на свои места:

— Планировать нет необходимости, все уже давно, спланировано, и есть сто двадцать пять тысяч вариантов, развития дальнейших событий.

Тут Федор с очень довольной физиономией резко встал с земли и хотел наверное сказать очередной комплимент Шарiku, но Сильвер строго глянул в его сторону, и тот решил ничего не говорить, хотя по физиономии было видно, что радостные чувства переполняли кучерявую голову Ломоносова.

— Только ты нам спланируй: от и до — вплоть до портирования домой, — форсируя события сказал Джек, потому что выполнять поставленную задачу ему было намного легче, чем самому все придумывать, а о смене власти в Надане, он даже и не размышлял.

«Как я сразу до этого не догадался. Ведь кто лучше Шарика может все спланировать», — подумал Сильвер, и хотел было уже закурить, но с удивлением обыскав карманы плаща нашел только окурок, который мигом подкурил и тяжелый дым бычка продрал до самого позвоночника, но те две тяги едкого и неприятного привкуса в должной мере сбили оскмину.

— У меня и так спланировано вплоть и до ... — продолжил рыжий и взяв двухсекундную паузу добавил: — ...До очень большого, временного понятия: в вашем понимании всего процесса планирования.

Никто так ничего и не понял о чем он там говорит, но и этого было достаточно с лихвой, самое главное, что все уже спланировано и находится под контролем у этого комбинатора.

— Ну и что будем делать дальше? — поинтересовался Джек уже в более приподнятом настроении.

— От куда я знаю, что вы будете делать дальше, я только планирую, а командуешь тут ты, — ответил он, как всегда.

— Приказ тогда будет такой: Сикофант поступает в твое распоряжение, командуй им Шарик на свое усмотрение, а мы действуем согласно твоему предписанию.

Не успел Сильвер успел договорить последнее слово, как киборг с огромной стартовой скоростью исчез, в неизвестном направлении.

— Интересно! Куда это он? — повернул голову в след дорожной пыли, Федор.

— Раскрытие планов боевой операции, поставило бы под сомнение мою компетентность... — здесь рыжий развернул тему в полной мере, а когда закончил, дал четкий указ: — Вам же надо меньше говорить, а разбиться на две группы, и незамедлительно следовать в город Надан, где замаскироваться под местное население.

— Слышали, что сказал Шарик... значит вперед. Ты, Марк, идешь со мной, а вы трое рассоситесь по дороге.

Ход планирования был достаточно ясен, первое что надо было сделать так это внести смуту в местное население, и настроить его против Миклована. Дальнейшее свое планирование Шарик не сказал, ссылаясь на то что по ходу переворота может появиться множество различных ответвлений его планирования, которые изначально не соответствуют первичному расчету, и еще было не ясно, как поведет себя войско Василия — им ведь неизвестно что Джек со своим подразделением именно здесь в Надане, и при благоприятных условиях, они могут пойти искать демонов в другую империю; единственное что было не в их пользу, так это нестандартное мышления местного населения и то что приземление «Голиафа» недалеко от главных ворот города, голубем разлетелось по всей округе.

Дав короткий инструктаж, Шарик растворился прямо на глазах, а подразделение пришедшее к его фокусам, в быстром темпе направилось в город.

Джек с Марком шли впереди а за ними в метрах сто шла Джина с Федором, Стив же до еще большей конспирации, отставал от них метров на пятьдесят. Марк нес набитую битком корзину (с двух сделали одну) с едой и при предложении Джека выкинуть ее в кусты, сказал, что это надо в целях конспирации и зачем выкидывать то, что придется все равно покупать по приходу в город, и что по барам ходить — только внимание привлекать, с чем шеф сразу согласился.

На входе в Надан Сильвер неожиданно столкнулся, нос к носу, с Мироном, который возвращался, со своих хождений по лесу в поисках исправного порта. «Вот как хорошо, на ловца и зверь бежит», — подумал он и уже было хотел, как говорится, брать его тепленьким, но тут дунул сильный порыв ветра, который задрал подол плаща Степана, оголив цевье помпового ружья. Теперь любой случай мог привести к очень плачевным последствиям, и то обстоятельство что Джек не знал где бандиты держат Веронику с Волковым, и куда делся боевой корабль — удержало его от спонтанных действий и он решил не искушать судьбу, а строго поддерживаться планированию Шарика.

— Какая встреча! Все дороги ведут в Надан, — сказал дружелюбно Мирон, и протянул руку.

Джек поздоровался, и не подав никакого вида, тоже стал с ним очень любезным. Твердохлебов достал пачку «Казбека» и предложил закурить: сначала Джеку потом Марку. Сильвер закурил, а Марк отказался: не курил.

— Ну что надумал, ко мне на работу идти?

— Пока еще не решил.

— Да что там решать! Буду платить столько, что будешь жить, как кот в масле, — сказал он и пустив дым через нос добавил: — Больше меня, на этой планете никто не платит, так что если решишь, то давай приходи, и кузнеца можешь с собой тоже взять. Кузнец! Будешь на меня работать?

— Сейчас работы итак в неувпоровот... заказ большой имеется: сто подков, двадцать мечей, пятнадцать плугов... — работы хватает с головой.

— Интересно, где ты столько заказов нашел? — удивленно спросил у него Степан.

На что Марк ничего не ответил, он только говорил, как учил Федор, но Джек заметив, что тот зарывается, решил помочь:

— Яша работает подмастерьем у самого Серкутана, так что им со всей округи люди идут.

Мирон с Степаном раньше знали здесь всех нужных людей, а хороших кузнецов так тех тем более; их можно было по пальцах одной руки пересчитать, но так как они здесь очень давно не были то Степан сказал:

— Ну если у самого Серкутана...

Мирон опять подарил Джеку, почти полную пачку сигарет, и сказал, что если тот надумает то рад видеть его в любое время. Потом их пути разошлись как в море корабли, и по разным улицам они пошли в сторону Большой Миклованской.

— Сэр, надо было их брать.

— Ну даже если бы Степан и не успел достать дробовик. Что дальше? «Голиафа» на месте нет, заложники тоже неизвестно где, да я и не уверен, что у Мирона в кармане не было пистолета. Поэтому... будем делать все как сказал Шарик... он же тебе говорил во сколько годков ты от старости помрешь, — пошутил Джек.

— А когда это он говорил... а где я был... а вам что сказал?... — на полном серьезе заинтересовался Марк. — Надо у Стива спросить, интересно, что он ему...

Сильвер не стал говорить, что пошутил, только улыбался и подыгрывал, кивая «кузнецу» на его удивленные высказывания.

Мирон шел расстроенный, его план не сработал по неподвластным ему причинам, что очень угнетало в своей беспомощности в таком простом деле, как портнуться в Тронплекс и поставить жирную точку в затянувшемся мытарстве — и новая жизнь и все блага мира были бы к его ногам.

На одной из улиц он обратил внимание, как один: небольшого роста, лысоватый человек, с козлиной бородкой, что-то ревностно рассказывал; собрав возле себя около трех десятков человек; бородач эмоционально жестикулировал руками и указывал в сторону центра города.

— Интересно, что там плешистый чешет, — проронил Степан.

— Наверно поля копать в ручную агитирует, или что-то похожее. Ты что этих колхарей не знаешь, у них все на одну тему: пожрать да выпить — больше ни хрена не надо.

— Это точно!

Они прошли еще метров с пятьдесят и их взгляду предстала, аналогичная картина мас-лом: точно такой же, лысоватый бородач, жестикулировал в сторону центра города — ревност-но толкая речь, и опять возле него толпились около тридцати человек.

— Глянь как похож, на того что был раньше! Может все-таки подойдем... послушаем?

У Мирона сейчас, мысли были заняты другим, и он только махнул рукой в ответ на предложение Степана — молча побрел дальше. По дороге к Большой Миклованской их взгля-ду попались еще пять точно таких людей: схожим лицом и одеждой, и все они, как сиамские близнецы делали синхронные движение руками. Но на главной площади их взору предстала удивительное зрелище, что немного смутило здравый смысл обоих братьев — такой же самый: ни дать, ни взять, человек, толкал речь, и возле него уже собралась не жалкое сборище любо-пытствующих, а наверно человек пятьсот горожан, которые одобряющее что-то выкрикивали в ответ на его реплики.

— Ладно, идем послушаем, может и вправду, что важное, — сказал Мирон и закуривая направился в сторону толпы.

На возвышенности стоял плюгавенький дядечка лет под пятьдесят. Его цветастая, крас-ная рубаха, подпоясанная черной тесьмой — была вся в латках; такой же штопанный, безрукав-ный жилет с овечьей шкуры, но новые салиннки — гармонично вписывали его в местный ко-лорит арианской трущобы. Единственное что отличало мужичка с толпы, так это его большие и умные глаза, и то что говорил он очень складно:

— Товарищи! Сколько можно терпеть этого узурпатора, который наживается за нас с вами счет; объедает наших детей и не дает развиваться цивилизованному обществу?!

*Железо, камень — точит время³⁵
Вода и ветер — ест века
Для слова нет такого бремя,
И нет хозяина, царька*

*Летит по ветру наше слово,
Живет в сердцах и на камнях;
Оно вкусней любого плова,
И горче грязи на корнях*

*Оно обнимет и полюбит,
Ударит, плюнет и убьет;
Как мама нежно приголубит
Волком, со страстью разорвет*

*И мы сами — из слов созданья:
С того что мыслим, говорим
А речь, как дар, как наказание:
Как лицемерный зверя грим*

Мирон даже и не догадывался, что те выступающие что они видели раньше, и еще сто точно таких же ораторов, говорили одно и то же: синхронно буква в букву, с этим человеком. Сначала Твердохлебов не мог врубиться в чем речь, он внимательно вслушивался в каждое слово, и его подсознание не давало в полной мере оценить обстановку; мозг воспринимал это не больше не меньше как бред сивой кобылы, с твердой уверенностью что местные быкобараны, как он их прозвал, ни на что не способны, но после слов выступающего: «А гляньте, как он одевается, словно елка под новый год — все эти золотые украшения могли бы прокормить наш город целую неделю или даже больше», — он сразу понял, о ком идет разговор, и рассмеявшись похлопал Степана по плечу:

— Ты гляди, на нашего Миклуху бочку катит, — и тут же сделался очень серьезным, — А я его предупреждал, что до хорошего эти понты не доведут! — и подумал, что если в Надане вспыхнет заварушка с переделом власти, то они уже точно окажутся в полной жопе, и отсиживаться будет негде.

Народ ретиво поддерживал оратора и слышались выкрики:

— Долой узурпатора!

— Сколько можно сидеть на наших шеях?!

— Раздать все золото народу! — выкрикнул выступающий с импровизированной трибуны, и вытянул сжатую в кулак руку, вперед: вверх.

Эта последняя фраза «Раздать все золото народу», особенно понравилась жителям Надана, и эйфорически настроенная толпа, тут же начала свистеть и подкидывать вверх шапки, а бородач сделав акцент на имеющихся ценностях императора, продолжал привлекать своим выступлением все больше и больше слушающих:

— Все в наших руках, и если мы сами не наладим свою жизнь то никто за нас это не сделает. И золотые деньги... где они?! Ведь должны ходить наряду с бумажными, — разжигал страсти плешивый.

Далее впервые прозвучали два незнакомых слова «Выборы» и «Демократия», которые раньше здесь никто не слышал, и не знал, что они означают, да и не только в этом городе, но и для всей планеты в целом они были за диковинку. И тут уже толпа начала скандировать: Даешь выборы! — при этом еще не совсем понимая, что означает новоиспеченная процедура, под таким странным названием; а из слова «Демократия», сразу получилась поговорка «Демократия — мать порядка», которая ветром разлетелась по городу, и передавалась из уст в уста, как какой заговор, от зубной боли.

— Так, надо быстро Миклухе сказать, чтобы войско поднимал, а то будем мы с тобой Степа отсиживаться где-нибудь в лесу, — встревоженно произнес Мирон и быстрым шагом направился в Панифекс.

Новость о том, что кто-то, вроде бы, собирается раздавать золото в один миг облетела весь город, и людей на улице стало еще больше чем было на вчерашней ярмарке. Джек с Марком не спеша шли, уже по переполненным улицам, и останавливаясь возле каждого выступающего, разыгрывали небольшой спектакль: полностью поддерживая плешивого, и еще больше разжигали страсти среди местного населения; а Ломоносов так тот собрал вокруг себя около трехсот человек — разъяснял суть бытия с религиозной точки зрения: на пагубное действие материальных вещей, а особенно золота и драгоценных камней, на духовное начало...

Пропаганда среди широких масс населения, имела безусловный успех, с одной стороны... что могло сделать безоружное населения против хорошо вооруженного войска Миклована... а другая сторона медали, с учетом протонных винтовок, которые имелись на вооружении у бандитов — все это не укладывалось в голове Сильвера; но такое было планирование Шарика — процесс был запущен и стремительно набирал обороты.

Глава 4

Мирон вырвал блюдо, с жареным трюфелями под сметанным соусом, прямо из-под носа Миклована.

— Хорош жрать! Ты видел, что там на улице твориться?

— Я сегодня с утра еще ничего не ел. Что там, камни что ли с неба падают?

— Какие камни... намного хуже... против тебя бунт устраивают! Давай собирай войско, надо это быстро подавить пока не переросло во что-нибудь большее.

— А я то думал! Побузят и разойдутся, — сказал Миклован и забрал блюдо обратно. — И какое там у меня войско... все давно разбежались, осталось человек двести с гаком, которые мне должны, вот и отработывают.

— Я вижу, ты Миклуха, совсем страх потерял. Говорю же тебе, что тебя хотят сместить! Это в лучшем случае. Государственный переворот на носу, а ты все не нажрешься, лучше бы ты так охране платил, как жрешь!

Миклован громко засмеялся: «Как же меня можно сместить, ведь я же император, а не какой-нибудь...»

— Миклуха у тебя со слухом нормально? Тебе же сказали: это в лучшем случае, — пытался достучаться до его сознания Степа, но тот только подморгнул ему в ответ — продолжал смаковать грибочками.

Тут Мирон понял, что объяснять этому типу бесполезное дело, и что решать проблему придется самому. «Распылить этих сиамских близнецов: к чертовой матери, и на виду у всех, чтобы другим было не повадно. Нет так нельзя, тогда их солидарность к идее плешивого только усилится, а массовые беспорядки мне тут ни к чему, а то еще так беду с Земли можно накликасть... Еще это войско...эх!» — размышлял Твердохлебов, и не находил себе места. Взял кувшин с вином и хлебнул прямо с горла: три раза подряд.

— Мирон! Ты сильно в голову не бери, это все пустое, погудят немного и разойдутся, — проямлил и еще больше набил рот Миклован.

Посмотрев в окно и увидев уже многотысячные толпы людей, что скандировали: Даешь выборы! Твердохлебов повернулся к императору и очень спокойным голосом сказал: «Не разойдутся! Так что, Миклуха, готовь вазелин! — и подумал: — И откуда он взялся этот плешивый». Все то благополучие, которое было еще вчера, растворялось с каждым мгновением сердечного ритма, и теперь жизнь Мирона зависела только от благоприятных стечений обстоятельств, на которые при сложившейся ситуации, ну никак, нельзя было полагаться.

— Степан, а ну идем почирикаем. А ты Леха останься здесь, — сказал Мирон и остановил рукой, пытавшегося идти вместе с ними пехотинца.

Они прошли во внутренний двор где было озеро с теми чудами, что секционировал Миклуха, и плюхнулись на вычурный диван. Степан тут же поклацал и посвистел, в сторону озера, стараясь подражать императору. На что Мирон со словами: «Хорош прикалываться», — отпустил ему подзатыльник.

— Да ладно тебе... пошутил... говори, что надумал.

— Здесь Степа и думать нечего. Пришла мне одна интересная мысль... — заулыбался Мирон.

— Давай говори, чего тянешь.

— Если хотят они Миклуху, то они его и получают.

— Ну и что это значит?

- А то, что, отдадим мы его: на тарелочке с голубой каемочкой, этому плешивому, а я...
- Станешь императором? — недослушав мысль до конца, бухнул Степан.
- Ну наконец-то, до тебя дошло.

— Ты конечно это хорошо придумал, но когда заработают порты и земляне повалят сюда толпами, то слух что в Надане новый император быстро дойдет и до верховного правления Тронплекса, и тогда ...

Этого Мирон не предусмотрел, ведь сменить ДНК и свою физиономию он мог только на Земле, а поскольку порты не работали, то это план тоже оказался нежизнеспособный.

— Тогда будем запасаться харчами... и побольше, отсидимся в «Голиафе»: на орбите, — сказал он и через секунду добавил: — Пока Степа! Пока! Ты же говоришь, что он полностью невидим, со своей там... как ты говорил ...

— Ну по документации так оно и есть, я же на нем не воевал, и вроде бы пока все работает.

Тут во внутренний двор вбежал Леха и взволновано, еще с далека крикнул:

— Войско окружило город.

Мирон с Степаном даже встали с дивана, от такой новости.

— И что они говорят? — спросил тихим голосом Мирон.

— Никто ничего не знает. Миклуха перепугался до смерти, ели заставил его послать гонца, чтоб разузнать: что да как.

Дубовые ворота в Надан вмиг были закрыты на большой засов, и выставлена многочисленная охрана.

Войско Василия остановилось в двадцати метрах от десяти метровой стены, которая окружала город. По своим каналам Василий уже знал, и про «Голиаф» и про прибытие чужаков, которые как он думал и есть те самые демоны. Он дал ультиматум Микловану, чтобы тот в течении суток выдал им демонов, а если он этого не сделает, то тогда он возьмет город штурмом, а после: не оставят и камня на камне. Петицию на двух рукописных листах с рисунками подразделения и Шарика в сопровождении гонца он послал к Микловану. Сам же дал указ войску окружить город и разбить шатры. Вооруженная до зубов пятитысячная орда, что собралась на войну с нечистым, плотным кольцом окружила столицу миклованской империи¹

Джек и его команда быстро взобрались на стену города, чтобы, как и другие тысячи любопытствующих, посмотреть, что происходит с другой стороны; но увиденное не прибавило хорошего настроения; как и говорил Шарик: «...предугадать нелогичное поведение арианского народа — непростая задача».

— По наши души, — сказал Стив и сразу добавил: — Бежать не куда.

— А никто бежать и не собирается. Мирон со своей компанией, такой же демон, как и мы, и вдобавок все видели когда приземлялся «Голиаф». Поэтому ... — обнадежил Сильвер, и его слова придали большей уверенности всему подразделению.

— Нам бы замаскироваться, и где-нибудь притаится, — предложил Федор. — Шарик что говорил?

— Притаиться то можно... а вот как... и где?... представление рыжего о маскировке по сравнению с нами... — покачала головой Джина.

— Если я бы смог, то бы в кота замаскировался, — захихикал Марк. — А лучше бы протонную винтовку мне дали... они бы тогда у меня сами маскировались.

— Если да кабы — это одно, но если будут по одному с города выпускать и проверять как следует... маскируйся, не маскируйся... все равно повесят, — подытожил Стив и через секунду добавил: — Если конечно не замаскируешься, как та тетушка-дедушка: хрен знает, что, — и засмеялся. — Интересно, где, то чудо лазит.

— А ты видел, как он в бабу замаскировался — прямо шпионский прохфессор... если бы та бабенка, мне под пиво попалась... ты только прикинь... — толкнул Стива вбок Марк и рассмешил всю команду; на что Джина ему сказала, что думает бог знает о чем, только не о том чем надо.

Джек поддержал Марка и сказал, что тут о чем хоть не думай, если поймают, то пиками заколют однозначно или порубают мечами — без суда и следствия, а то что боевой дух в их подразделении остался непоколебим так это только им плюс.

Но реальность происходящих событий понемногу откладывала груз на их души и картина «Войско перед боем» — заставила каждого из команды призадуматься о происходящем; Шарик как всегда был по делам и спросить, что делать дальше было не у кого.

Бригады Василия начали разбивать шатры и разводить костры для приготовления пищи. И сразу стало понятно, что они здесь надолго и всерьез.

После долгих и нудных, поисков Миклована, Мирон нашел его в погребе, где он вместе с Вероникой сидел в полной темноте. Подвал по приказу императора был забит едой и вином, а также сюда были снесены все сундуки с золотом и другими драгоценностями; Миклован Передириевич натянул на себя дырявый мешок и подпоясался веревкой — рыжие волосы помазал сажей.

— Миклуха, а что ты тут делаешь?

— Закрывай, Мирон... закрывай быстрее двери.

Сейчас этот император вызывал весьма жалкое чувство, и Мирону очень хотелось, чтобы он здесь и остался: до конца своих дней, но Передириевич был ключевой фигурой, и до всего этого, еще и оставался действующим императором.

— Миклуха вылазь с погреба... дело есть.

— Какое еще дело? Скажите им что я бедный и золота у меня нет.

После этих слов, до Мирона, однозначно дошла вся озабоченность этой личности, и в ответ он только звонко рассмеялся.

— А помнишь сколько раз, я тебе говорил... нечего понты колотить... нечего?! — ткнул он его пальцем в голову. — Ну и чудо ты!.. — не мог остановиться Твердохлебов. — Сплавят все твое золото в слитки, а тебя скормят твоим окуням... — глумился он над Миклованом, и тот зарыдал как маленький ребенок.

Вероника сидела рядом с императором на сундуке золота, и ничего не могла понять, что на самом деле происходит.

Степан стоял рядом, с масляным фонарем и тоже умирал со смеху. Миклован совсем раскис, и Мирон решил больше его не трогать, и ему стало даже его немного жаль, ведь он был тем самым, что сделал из него сам Твердохлебов: за многие годы сотрудничества; хотя гнилые гены императора играли, тоже не последнюю роль.

— Миклуха, я пошутил, давай выходи, они пришли не за твоим золотом.

Но Миклован не верил ни одному слову и на отрез отказался покидать погреб, тогда Мирон дал ему рисунки, которые передал гонец:

— Вот они пришли за кем, а ты им на хрен не нужен.

Передириевич взял пачку портретов с рук Твердохлебова и начал один за другим их просматривать. Вероника искоса пялилась на незнакомые лица подразделения, и вдруг перед ней показался портрет Сильвера. «И Джек здесь. Значит помощь не за горами», — подумала она и рисунок придал уверенности в ее спасении. Она сразу накинулась на всю ту еду, которой Миклован набил погреб, и от которой она сначала отказывалась: ввиду ее протеста, против таких условий содержания заложников.

— Аппетит появился? Ешь! Ешь! До тебя очередь еще дойдет, — кинул ей Твердохлебов.

— Непонятно, а кто это... и зачем?.. — не мог врубиться император. — И к какому делу, здесь дворовая собака?

— Вылазь! Вылазь, поговорим в нормальных условиях.

Миклован перестал плакать, и с огромным недоверием, что это пришли не за его золотом, все-таки покинул погреб.

— Я так и знал... непрост этот парень... непрост... — разбирало Мирона смешанное чувство: радоваться или горевать, но по крайней мере он теперь знал, что надо делать, чтобы войско покинуло миклованскую империю.

— Если только в этом вопрос... отдадим и дело с концами! — воскликнул Миклован.

— Ух, какой же ты умный, только срать не просишься... Выдать, выдать...это уже дело времени: город в кольце... никуда они не денутся, — сказал Мирон в более приподнятом настроении, и был очень рад, что войско пришло не по его душу. «Отдадим демонов, и Вася отвалит, а там и порты откроют. Только вот что с плешивыми... даже и не знаю», — думал он закуривая сигарету.

— Интересно, чем они ему дорогу перешли... демонами называет, — размышлял в слух Степан.

— Да мало ли чего. Ходили наверно по большим дорогам и грабили, а потом еще и убивали... Вот тебе и демоны! У них ведь как, если не такой как они, значит демон.

— Насчет этого Мирон... ты прав: на все сто прав... слышь, Миклуха, что у вас за такой знаменитый кузнец Серкутан, говорят... даже с соседних империй люди к нему идут? — неожиданно вспомнил Степан, тот разговор у ворот.

— Не знаю такого.

— Припомни, припомни! Может и забыл.

— Ты думаешь, что я дам ковать золотые подковы кому-либо?! Я знаю всех кузнецов за тысячу километров! Нет здесь такого.

Братья Твердохлебовы переглянулись, и Степа тут же заулыбался:

— Я сразу понял...брешет! Столько заказов бывает только весной.

— Все-таки заслали.

— Ты это о чем?

— А ты разве не заметил, что их компания, все как на подбор: кузнецы, и баба там такая что если врежет то мало не покажется, — сказал Мирон а потом озабоченно замолчал и через минуту добавил: — Значит «Голиаф» все-таки шлет... эти бесовы координаты: куда надо.

— А ты думал... военный корабль, у них там все...

Миклован сидел и только моргал и не сильно понимал о чем разговор.

— Миклуха, ты бы пошел проверил, что там с твоим золотом. А то может его уже давно украли... пока ты тут... демоны раз... — заулыбался Твердохлебов.

— Ты что! Укуси себя за язык, — сказал он и быстро встал с дивана, последовал к двери.

— Леха, проводи его, а то он там еще нашу репортершу случайно выпустит.

План по отсидке на орбите автоматически отпадал. Страх от спецслужб, и тех парней что заслали с Земли, и к которым в случае необходимости, в любую минуту, может прийти подкрепление в виде неограниченного количество бойцов — прочно засел в голове Мирона. Теперь им и вправду, было что: по-настоящему бояться; если эти ребята пришли за ними, думал Твердохлебов, то они их по любому достанут.

— Слушай Степа внимательно... пока этих нет. От корабля надо избавиться, и как можно скорее... чтобы не было беды... а эти рыла, — указал он головой на раскиданные на столе рисунки, — Объявим хорошее вознаграждение и думаю долго они не продержаться... город то блокирован.

— И плешивых надо бы заодно, — добавил Степан.

— Вот видишь: одна голова хорошо, а две лучше. Жаль конечно... эх! Придется отсюда отвалить... засветились по полной программе, и все за «Голиафа» ... сейчас бы... Ну ладно, ничего страшного: отсидимся пока в пещере... там по-моему и диван и шкуры... если не украли, должно быть. Вина побольше с собой возьмем... — обнял он брата — И сам черт нас не сыщет, а порты: рано или поздно заработают, и тогда все наладиться.

Степан полностью доверял старшему брату, и его план не вызывал противоречий. И то что это просто неблагоприятное стечение обстоятельств, которое когда-нибудь кончится, и как говорит Мирон, что «...жизнь по-любому наладиться», — не вызывало и малейшего сомнения.

— Ну и напугал, же ты меня...все на месте, — выпалил с порогу, запыхавшийся Миклован.

— Никто тебя не пугал, но проверять... а как без этого, — прикалывался он с Передиревича. — Мало ли чего там. И еще, Миклуха, нам бы пару килограмм золота: для дела надо.

— Ты что такие деньги, я и так стараюсь экономить.

— Я вижу, как ты экономишь... все войско разбежалось. Ну если не хочешь то и не надо. Заберут они тогда у тебя все задаром.

— Мирон, Мирон, ты же знаешь, что я пошутил. Для какого, такого еще дела, надо золото?

— Вот за эти головы, надо объявить вознаграждение, хотя бы пару кило: за всех, — и подвинул, по столу, в его сторону: стопку портретов.

— И что если отдадим этих демонов, то войско уйдет?

— Уйдет или уедет, какая разница, главное, что их здесь не будет. Твое дело профинансировать. Дошло до тебя или нет?

— Дошло, чего бы и не дойти... но...

— Что, но?..

— Золото дам, но финсисировать не буду!

— Ха-ха-ха... Ну, и император: цирк уехал Миклуха остался!

Миклован не обращал внимания на насмешки со стороны братьев, он в глубине души очень обрадовался такой новости, и сказал, что даст, немного немало, а по килограмму за каждого; и тотчас добавил, что за плешивых ни даст ни клепки, а про переворот с выборами сказал, что он ему просто-напросто не интересен, и это пустая трата блестящего метала.

После принятия консолидированного решения — Мирон послал гонца к Васе, чтобы сообщить, что демонов отдадут в срок, а может и раньше, и что даже объявили за их поимку вознаграждение: по килограмму золота за каждого. Такой ответ вполне устроил Василия, но время на их поимку осталось тем же, и если они не отдадут демонов в срок, то он штурмом возьмет город и сам их поймает — бесплатно.

Подразделение «Барьер» не знало о всех тех закулисных играх, что устроил Мирон с Василием; и на одной из улиц города, за столиком одного из многочисленных баров, но опять-таки на улице: в помещении не было свободных мест — спокойно обсуждали дальнейший ход событий. Весь тот запас продуктов что был приготовлен для захвата корабля оказался очень кстати.

Обстановка в городе, даже при виде войска за стенами, отличалась праздничной суетой и по воздуху веял бунтарский дух, который подорвал сознание доверчивых горожан, и сделал революционную борьбу: против их императора — делом всей жизни. Все только и говорили, о том лысоватом человеке, — а мысль, что это было бы очень справедливо: забрать у ненасытного и жадного узурпатора все золото и поделить между собой — считалась самой, что ни наесть: на белом свете, справедливой.

*Сверкнет искра и вспыхнет пламя
Пройдется душами людей*

*Изгонит тьму, подымет знамя:
Во благо мира и детей*

Но такое настроение присутствовало только у горожан Надана (и уже птицей летела по округам), и не распространялось на Миклована Передериевича, который на все дуновения, вокруг его персоны — забил, и плыл на своей волне, и ему даже в голову не могла прийти мысль, что судьба империи давно уже предрешена; и что его чрезмерная жажда легкой наживы и непомерная любовь до богатства, как заразная болезнь, передалась всему населению его империи; и каждый был готов получить свой грамм золота — на халяву.

Сотни лысоватых людей с козлиной бородкой, заполонили Надан, собирая немногочисленные скопления людей; они по всем правилам создания революционного движения, вели разъяснительную работу; и никого из жителей города не удивлял тот факт, что все эти люди, как под копирку, похожи друг на друга.

Банзай же тем временем, приняв образ молодой и привлекательной жительницы соседнего села, ходил по лагерю противника и продавал отравленное вино — цена на малиновую наливку была очень привлекательной и устоять было просто невозможно, но у тех, у кого не было денег он наливал в долг. Бочки со спиртным напитком были закуплены за счет того самого мешка денег, которое подразделение оставило у него в блиндаже — на яд пришлось тоже немного потратиться.

И это было только начало.

Киборг всю ночь был волком, пугая лошадей противника, на вой собралось еще с десятка три серых помещиков с ближайших лесов и полей, так что ночь у подопечных Василия оказалась непростой, и под утро было обнаружено что больше половины лошадей бесследно пропало. Но с ядом получилась заминка, то ли то яд оказался несвежий, то ли то был совсем не тот яд, что написан на этикетках; войско хоть и не окочурилось, но оказалось полностью небоеспособным. В радиусе трех километров от города, было все «заминировано», так что и ногой ступить нельзя. И девяносто девять, процентов от личного состава бригад, лежало с покрученными животами.

В городе, с самого раннего утра, солдаты Миклована ходили по улицам и заведениям: расклеивая портреты подразделения, внизу рисунка было написано, что за любую информацию о демонах, можно получить один килограмм золота: за каждого — портрет лысоватого мужика, тоже там присутствовал.

Подразделение «Барьер» так и дремало за тем же столиком: возле бара. Движение по городу не кончались до самого утра, и только с третьими петухами народ начал расходиться по домам, чтобы хоть немного отоспаться, но многие так и продолжали наливаться самогоном и вином.

Джек услышал шарканье ног и сразу открыл глаза — сон не шел и он только делал вид что спит; до их столика, подошли два человек и быстро, прямо напротив, на стену, наклеили все семь портретов: включая Шарика — один из солдат обернулся и спросил:

— А ты, браток, нигде их не видал — целое состояние дают?!

Сильвер, под больших бортов шляпы, искоса глянул на охранника:

— Да нет не видел... а деньги и вправду хорошие.

— Ну ты смотри, если увидишь, где-либо этих демонов, сразу беги в Панифлекс... Миклован расщедрился не на шутку. Только то, что ты их видел, никому больше не говори, кроме императора или Мирона, а то... — хихикнул вояка и пригладил свои шикарные усы.

Остальные члены подразделения, положив головы на стол, тоже делали вид что спят, но на самом деле, каждый из них, был готов к любому повороту событий. Солдаты справившись с очередным местом пошли дальше, и остановившись через сорок семь метров начали опять расклеивать физиономии «демонов».

— Килограмм за каждого не хило, хоть иди и сам сдавайся — не подымая головы высказался Ломоносов.

— Если хочешь, Федя, то я могу тебя отвести, мне килограмм золота не помешает? — усмехнулся Марк. — Сэр, ну что уже ушли?

— Толку что ушли... сейчас бы хоть одну протонную винтовку... — с грустью сказал Джек, и был очень недоволен, обстоятельствам с оружием, которые связывали его по рукам и ногам, а ведь он никогда не ждал с моря погоды, и предпочитал сам принимать решения, а не ждать пока над ним и за него...

— В этом вы в яблочко, и еще бы, штук пять протонных гранат, то показали мы бы этим умникам где раки зимует, — поднял голову Стив и оглянулся по сторонам.

И тут все начали говорить, что им не хватает для полного счастья в данной обстановке, но не успев как следует помечтать, Джек в краткой форме, поставил все на свои места: «А так как всего этого у нас нет, то значит будем действовать по старой армейской тактике. Разобьемся на группы... нет на группы то много, по одному, а ты Федор со мной... и затеряемся в городе... вам я думаю объяснять: что и как не надо; а когда стемнеет, если конечно продержимся до этого времени, то собираемся в этом самом месте».

— Просто так они меня не возьмут, — сказал Стив и сверкнул армейским ножом.

— Это уже по обстоятельствам, но советую до самого последнего момента не раскрывать себя, — сказал Сильвер и через секунду добавил: — И этот агитатор, что-то пропал.

— Значит так у него спланировано...

— Федя, ты лучше сейчас за свою шкуру переживай. А за Шарика ты не бойся, он не пропадет, — обломала его Джина.

Не успела команда разойтись по сторонам, как их план был с треском провален, с обоих концов улицы приближались солдаты. Тот охранник, что клеил рядом с их столом портреты, узнал разыскиваемых, и не подав виду — сразу после того как скрылся с зоркого глаза Джека, кинулся собирать сослуживцев.

Бежать было не куда, и команда оказалась в ловушке. Солдаты гремя сбруей, легким бегом двигались в их сторону. Джек дернул за ручку близлежащей двери, входа в дом, но она оказалась закрыта. Подразделение пробежалось по улице: дергая двери всех домов подряд, но те тоже были закрыты и тревожная обстановка накалялась все больше и больше. И вдруг одна из дверей, позади, скрипнула и открылась, и оттуда выглянула небритая морда с опухшими глазами: «Демократия — мать порядка! — закричал человек и выйдя полностью из дома, махнул рукой в сторону Джека. — Давай быстрее сюда!» Это был один из тех: немногих, кто проникнулся революционным движением — до самих корней своих волос. Все быстро вбежали в дверь, и тот «товарищ» сразу, следом закрыл ее на мощный засов. «Давай на крышу!» — крикнул он опять. И подразделение не говоря ни слова устремилась по деревянной лестнице вверх. Не прошло и минуты как послышались тяжелые удары в дверь: то со стороны улицы, солдаты принялись ломать дверь; не обращая на это внимания, Сильвер и его команда а за ними и тот мужик — быстро вбежали на последний этаж трехэтажного дома и по крутой лестнице: сначала местный повстанец, потом и остальные взобрались на чердак, и через голубиное окно вылезли на крышу.

— Куда дальше? — спросил Джек.

— Только три этажа, плюс чердак... все! — пожал плечами «товарищ».

— Тьфу, блядь! — выругался Марк и сплюнул. — Ты наверное думал, что мы можем летать?!

— Не уверен, что он, вообще что-то думал? — ухмыльнулся Ломоносов.

Снизу уже слышался топот солдат, которые выбили дверь, и стремительно двигались вверх по лестнице.

— А ну давай, за мной! — крикнул Сильвер и побежал в сторону края крыши.

Рядом стоял такой же трехэтажный дом и их чердаки были словно сросшиеся; команда под шум цокающей черепицы устремилась вперед, на другую кровлю, но с каждым последующим домостроением расстояние между крышами увеличивалось все больше и больше.

Джек вошел в такой азарт, с этими прыжками по домам, что и сам уже не замечал, как перепрыгивал десятиметровые расстояния, а от последнего дома он так сильно оттолкнулся, что перелетев три крыши по воздуху, он приземлился на краю десятиметровой стены, что окружала город; потом по инерции прыгнул прямо в гущу вражеского войска; где учинил немалый переполох: вояки бежали — кто куда, задудела труба и в воздухе завитали громкие возгласы: «Атас! Демоны окружают!»

Сильвер приземлился возле палатки, с которой вышел мужик в трусах и с куском туалетной тряпочки в правой руке.

— Слышь, братец! Что, за шум? — горестным голосом произнес вояка.

— Тебе, туда! — сказал Джек и указал в сторону леса, а сам быстро огляделся по сторонам, и заметив в десяти метрах запряженного скакуна, что стоял на привязи возле шатра военачальников — не долго думая рванул в сторону лошади, чтобы быстрее убраться: подальше от греха.

Но стартовая скорость, его усилий, оказалась, просто невероятной, что он и сам не успел ничего понять, и в один миг, был уже на расстоянии более трех километров от города. Он только оглянулся в след: стремительно удаляющемуся Надану и подумал: «Вот это класс! И приземляться теперь можно аккуратно, а как бежать прикольно!..» — и не прекращая бега, с мальчишеским задором, придал «газку».

Поля и деревни пролетали одно за другим, также мелькали города и империи, что он даже не успевал ничего рассмотреть, и даже неожиданно появившееся впереди его река, тоже осталась позади — пробежал он по ней что по ровному полю. Джек все бежал и бежал, и не мог остановиться, все те чувства что переполняли его с ног до головы только разжигали азарт; решающим аргументом в пользу того чтобы прекратить бег, стали, внезапно появившиеся, на горизонте, горы.

«Так, надо тормозить, — подумал он и остановился прямо в двух метрах от каменной подошвы горы, чьи пики терялись глубоко в облаках. — Хорошая, все-таки, эта экспериментальная нервная система, да еще со своим интеллектом. Теперь можно всем пользоваться без страха, что покалечусь, — и развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошел обратно».

После такого кросса, сильный голод одолел не на шутку. Денег были полные карманы, но поблизости не было видно ни одного населенного пункта.

Сильвер брел по широкой тропе, которую протоптали дикие животные и даже не обращал на это внимание; он все раздумывал по поводу его ног и нервной системы и находился под непомерным впечатлением. И даже, ради эксперимента, два раза подпрыгивал, чтобы посмотреть в дупло гигантского дерева, которое находилось на приличной высоте; там перепуганный: лесной брок, чуть не умер со страху видя довольную физиономию инопланетянина.

Джек все шел и шел, и даже была мысль: опять пробежаться. Но куда? Ведь пока он и не догадывался, как далеко оказался от Надана; и в какую сторону держать путь — был очень большой вопрос.

Неожиданно, сбоку, в кустах, послышался шум — что-то большое пробиралось прямо на него: напролом через кусты. Джек вытащил нож и приготовился, к встрече трапантена, или на крайний случай, как он думал — не дай бог арианский кабан³⁶. Сильвер еще с тех времен, когда биология была не сильно любимым его предметом — четко усвоил одно: арианского кабана, может остановить, только арианский кабан, или протонная винтовка. Но на его удивление с зарослей тремьяна вылез старик, диковинной национальности: черный как уголь, и с желтыми пятнами будто у оленя — по всему лицу, а вместо волос иголки, как у дикобраза. Джеку даже

36 Арианский кабан — одно название, и не имеет ничего общего... самый опасный зверь на планете.

стало немного не по себе, от вида странного туземца. Конечно когда он служил в межгалактическом спецназе, то много повидал разных существ, и даже более устрашающего вида и размера, чем этот. Но там он был готов к такому, и вдобавок был при полном боевом... но что этот тут делает — ответа на это не было.

*Пути судьбы звездой сияют
Изведать их священный долг
Они нас сводят, искушают
Друзей, врагов, чтоб выбрать смог*

Старик держал в руках большое копье, а за его спины торчал самодельный лук, колчан стрел, был накинутый на плечо, на поясе болтался крупный тутушок, которого как думал Джек он наверно только подстрелил.

— Не стрелял, а ходил силки проверять, вот этот диковинный зверь и поймался... зато плоть... трибунцы оближешь, — внезапно всплыло в голове у Сильвера и это еще больше удивило, ведь так общались только гелты. «На Ариане так точно никто не общается», — подумал он.

— Да тут и общаться не с кем. Планета без интеллектуально развитых существ. А ты тоже потерпел здесь крушение? — опять всплыло в голове.

Как потом выяснилось, что этот бириец, как она сам себя называл, еще двести лет назад потерпел крушение на Ариане, и все это время дальше чем на сто километров, не отходил от обломков своего корабля, так как там остался еще исправный транво... и не выговоришь — который отсылает сигнал бедствия в космос; все эти годы старик надеялся, что вот-вот за ним прилетят и спасут. «Как же я далеко забежал», — подумалось Сильверу.

— А куда ты, сынок, бежал?

— За зайцем бежал, — подумал он в ответ, чтобы долго не объяснять.

Старый бириец, так был рад: что теперь он не один, и будет хоть с кем пообщаться, что даже не заметил, как с заду подкрался левонский кракозябр и схватив старика, быстро затащил его в лес. Джек с ножом в руках мигом прыгнул вслед кракозябру, и неожиданно, сам для себя, оказался у него не спине. Это животное с размерами огромного медведя скинуло Сильвера с себя на землю и развернувшись кинулось в его сторону — большие клыки хищника были уже почти возле шеи, но тут кракозябр издал громкий, грудной рык, рухнул всем своим весом, придавив Сильвера к земле. Как ни пытался Джек вылезти под тяжелой туши кракозябра — придавила она его, что лотонная плита: дышать стало трудно и в глазах зарыбились красные круги; Джек только подумал... как ноги, сами согнулись в коленях, и мощный толчок, с такой силой откинул хищника — хруст ломающихся веток, а затем оглушающий шлепок... толстенный ствол квазилипта, расплющил кракозябра в лепешку; множество зопок снарядами полетели с дерева, набив Сильверу не одну шишку. Джек потер лоб тяжело переводя дыхание и сразу подошел к старику: хотел оказать ему первую помощь, но рана оказалась очень глубокой и с нее лилась, неприятная на запах, желтая жидкость. Он присел возле бирийца и воткнул окровавленный нож в землю: хотел приподнять голову туземца, но его колючки... Лицо старика изображало странную умиротворенность, и задушевная улыбка на его физиономии всем видом показывала, что он как будто был готов к смерти и очень давно этого ждал.

— Вот и мой последний пункт назначения, сынок! — всплыло в голове.

Джек молча смотрел как жизнь стремительно покидает тело странника, но он ничего не мог поделать, вся левая часть шеи вместе с плечом была вырвана, хищным животным.

— А ты тут сам не горюй, я здесь все обустроил, и мяса засушил так что тебе хватит до следующего... — подумал он и закашлялся желтым.

Потом ничего не думая, полез в карман, и достал оттуда странную вещь, которая не была ни на что похожа, из ранее виданого Сильвером.

Это был круглый диск с золотистого метала, а посреди его эллипсовидный кристалл, который пульсировал загадочным, зеркальным светом: по кругу; на диске, четко прорисовались: то ли фигурки... или то письменность такая — бириец сунул вещьцу в руку Джека и крепко сжал своей, трехпалой клешней.

— Береги (вместо названия всплыл булькающий щелчок), это очень... — и не передав мысль до конца, бириец умер.

Сильверу стало очень жаль этого старика, который ждал двести лет, о своей помощи, и тут вдруг, так глупо, был убит кракозябром.

Настроение сразу испортилось и неприятное чувство загрызло желудок. «А ведь я был тем самым, кого он так долго ждал, и его спасение было не за горами», — думал он рассматривая ту штуковину, что дал ему старик. Но так и не поняв, что это такое Джек сунул ее во внутренний карман плаща. Хотя у Сильвера и не было никаких родственных отношений с этим существом, и учитывая, что у него никогда не было родителей, то он как-то, все-таки, по-человечески проникся, незнакомым для его натуры чувством, к старому бирийцу: «Могу обещать тебе только одно, что сберегу то что ты мне дал... отец», — подумал он и одинокая сле-за предательски скользнула по щеке; глянув последний раз на бездыханное тело он вытащил нож с земли, и встав с корточек, вышел с леса на дорогу. Лопаты, чтоб закопать странника не было, а рыть ножом двухметровую яму тоже не хотелось, сейчас была дорога каждая минута и надо было как-то выбираться с этой глуши.

На тропе Сильвер обернулся вокруг себя, на триста шестьдесят градусов, и в голову сразу закралась провокационная мысль: «А куда же идти?» — ведь когда он бежал то и не думал куда бежал, просто петлял в разные стороны и оббегал вокруг неизвестных городов по два раза, пугая при этом местных жителей.

— Ну и долго, ты, тут, собираешься стоять? — всплыло у него в голове, и Джек с большим чувством эмоций, мгновенно, обернулся.

Но то был Шарик, который оказался весьма кстати; и чувство горького осадка на душе, сменилось более радостным настроением.

— А как же плешивый... конец агитации? С этим, что с козлиной бородой, ты ловко придумал.

— Там и без меня обойдутся. Нашлось немало людей, которым можно доверить: продолжение начатого дела, а ввиду масштабности... так будет более естественно, — подробно прояснил Шарик. — Ну, а ты готов? — опять пробежала мысль по извилинам.

— К чему готов? Готов! Будем спасать заложников?!

— Сейчас речь, о более важном... готов ли ты, Джек Сильвер, взять бразды правления миклованской империи, в свои руки? Ваше правительство, полчаса назад, единогласно, утвердило твою кандидатуру.

Джек не знал, что и ответить, по крайней мере в его планы: за последнюю неделю, это не входило и сначала он принял это за шутку; тем более не за горами возвращение на службу: под командования генерала Оуэна. Но мысль, что не плохо бы было осесть и жениться, детей завести, где-то в отдаленных уголках — словами генерала — точила мозги; и только сбивала с толку: дезадаптировав все мысли — четкого ответа на щекотливый вопрос у него не было.

— Ввиду... на твоём решении будет строиться мое дальнейшее планирование.

— Шарик, ты там уже сам: планируй, как знаешь — тебе видней, а сейчас лучше скажи в какую сторону Надан, а то там мой... и надо бы по скорее что-нибудь предпринять... и еще, если тебя это не затруднит, — тут Джек полез за то штуковиной, что дал бириец...; но в ответ получил только детальные подробности о составе сплава и точно такую же информацию о камне; про надпись рыжий, как-то странно сказал, что она не имеет к людскому роду никакого отношения и то что там написано, это никем не проверено, а значит информация не правдивая.

На следующую попытку, все-таки разузнать, что за надпись, и прояснить... он услышал: «Нельзя знать все то, что от любопытства желаешь узнать — чем больше знаешь, тем огромней желание познать... конечную мессатонию превосходящего квантума: самой сущности понятия...; любая информация источник чужой мысли, и она как вирус разъедает разум непосвященного в тайны новых и опасных знаний — и я не хочу, чтобы ты этим заразился».

Философия рыжего хоть была не совсем понятной, но логичность и убедительность его высказываний не вызвала сомнений. Джек только шмыгнул носом и хотел было сказать... как сразу получил ответ, на еще даже: не сформировавшеюся до конца мысль — он еще и сам не знал, что скажет — такой подход удивил, и немного обескуражил; ведь со всей своей продуктивностью: «Этого» — раньше за ним такого не наблюдалось.

— Сейчас тебе надо сосредоточить... а там и без тебя, есть кому, что делать.

Шарик имел ввиду Сикофанта, которому была поставлена боевая задача: поднятие всего города на блокирование Панифекса, агитация среди немногочисленного войска Миклована, изготовление транспарантов с соответствующими лозунгами, а также, раздача бесплатных алкогольных напитков и другие мелочи. По поводу Василия, беспокоиться, тоже особо не стоило: та дизентерия, что господствовала в войске, на девяносто с лишним процентов ослабила его мощь, но на всякий случай у рыжего было еще четыреста двадцать семь, вариантов развития событий, на остальные: всевозможные, непредвиденные обстоятельства.

— Твоя ближайшая задача... и цель у нас другая...

— Какая еще... пока не решу с командой и заложниками... ни каких других задач?!

— Сейчас первостепенно захватить «Голиаф», а потом займешься заложниками, а за подразделение... можешь не переживать им сейчас ничего не угрожает.

Джек конечно понимал, что боевой корабль — это принципиально для всего земного правительства, и им там, не сильно интересна судьба заложников и все остальное, но его команда, Вероника, Волков... конъюнктура цены за... разрывала на части саму суть принципиальных ценностей Сильвера, и он уже чуть было не поддался соблазну: действовать спонтанно, уступив место эмоциям; но после очередной лекции Шарика, с дополнительным разъяснением и напоминанием взятых обязательств... и что у рыжего, как и предполагалось: спланировано от и до, то Сильвер решил, до конца и без всякой самостоятельности — действовать согласно его планированию. «Дешевле обойдется», — утвердилась четкая мысль и подумалось, как он мог отойти от этого плана.

— «Голиаф» ... «Голиаф» то «Голиаф» ... только где ты его видел?..

— Космолет стоит на орбите Арианы — охрана два человека, на вооружении одна протонная винтовка и два помповых ружья: пятой мировой войны, склад с оружием космической пехоты заблокирован на тридцать земных суток...

— Что склад заблокирован, это радует, но мне достаточно и одной протонной винтовки и даже дробовика, и если ты еще не заметил, то у меня кроме ножа больше ничего нет.

— А ноги?

— А что ноги?

Хотя Джек еще полностью не научился пользоваться всем тем богатством, что поставили ему гелты, и даже не совсем понимал, какая мощь заключается в его нижней части тела, а учитывая еще и такой же позвоночник, и то что если нервная система имеет свой интеллект... он знал только одно — все это, чертовски полезная и прикольная вещь.

— Или ты хочешь, чтобы я прыгнул прямо на корабль, который как ты говоришь, стоит на орбите?

— Не надо никуда прыгать. Это было бы очень глупо. Там ведь нет воздуха и ты сразу умрешь, и этим подставишь нашу миссию под угрозу срыва.

— Так, онтош! — сделал Джек акцент на своей правоте.

— Я могу тебя туда переместить.

Сильвер, сначала, хотел разузнать: что да как, но передумал, но это никак не спасло его от комментария Шарика, по этому поводу; после маленькой лекции, рыжий сказал, чтобы он взялся за него руками и на две секунды закрыл глаза.

Как только Джек за него взялся — не было ни розовых облаков, ни каких-либо других спецэффектов, они почти сразу оказались в одном из многочисленных отсеков «Голиафа»; а моргание глаз, прокатило, за их двухсекундное закрытие.

Сильвер отпустил руки от собаки и выпрямился, он даже не ощутил этого перемещения, только подумал: «Да уж! Наши технологии... точно отдыхают».

Вынув нож, он медленно начал продвигаться в сторону отсека, управления кораблем; Джек был здесь ни один раз, и ориентировался очень хорошо. Вдали послышался громкий разговор и музыка; запах табачного дыма, что как казалось: пропитал весь корабль — поддержал желание закурить. Плана по захвату корабля не было и Шарик ничего не стал объяснять. «И что можно сделать ножом, даже и таким, против протонной винтовки», — мелькнула такая мысль и он прокрутил рукоятку ножа. Звуки разговора слышались все громче и громче — теперь Сильвер мог различить минимум как пять голосов, среди которых был и женский. «Что за ерунда, ведь рыжий говорил, что там только два человека и один заложник», — подумал он и аккуратно, выглянул из-за угла: глянул в командирский отсек управления «Голиафом».

То, что предстало его взгляду не сильно и удивило. В отсеке, на полу лежало два тела, возле которых валялся разбитый кувшин вина — дым от сигарет: стоял столбом, а на весь отсек раздавался громкий звук плазматрона, который транслировал спутниковый канал с Трон-плекса. Внимательно, с далека, осматривая отсек Джек сразу увидел протонную винтовку, что подпирала стол, который был завален множеством разнообразной еды. «Вот, что мне и надо», — и как по повелению мысли метнулся в сторону оружия. Через пол секунды он уже был возле стола, и держал в руках протонную винтовку. «Ну а теперь, можно и повоевать», — и сильно сдвинул рукоять протонки. Датчик проверки аутентификации замигал зеленым, считав его ДНК — теперь все было, как и раньше когда он служил в межгалактическом спецназе, и ему не надо было убегать и прятаться, это надо было теперь делать тому, кто мог стать у него на пути.

«Так, а ну бегом встали!» — сказал Джек и ударил, тяжеленным сапогом, по печени одного из лежавших на полу, но тот что буркнув, продолжал лежать дальше. Как потом выяснилось, что были они мертвецки пьяны, ведь после того как Степан доставил сюда эти запасы продовольствия — пили они пока не попадали.

Сильный голод, напомнил Джеку о себе, журчанием в животе, и нездоровый аппетит отбил остальные мысли, вся та пробежка отняла много энергии; сунув в рот кусок копченного мяса, он решил, что надо бы сначала Серегу освободить, а потом можно и подкрепиться, но с этой мыслью рука потянулась за куском пирога и он набив себе полный рот, отправился на поиски Волкова.

Да именно поиски, ведь если бы, любого из любых: несведущего человека закинуть на борт «Голиафа» и без всяких карт и расспросов попросить сходить, например, в комнату отдыха инженерного подразделения и позвать главного кибернетика, то раньше чем через неделю можно было бы и не ожидать. Но так как Сильвер превосходно ориентировался в множественных хитросплетениях пролетов и четко знал: иерархическую расположенность всех ярусов «Голиафа», то он уже догадывался, где приблизительно искать корефана.

Волков сидел в карцере — весь побитый; едой его не баловали, так что видок у него был: еще тот. Начальник не сразу узнал Джека, и хотел через решетку схватить его рукой.

— Разве можно так на товарищей кидаться?

— Арианский кабан тебе товарищ! — грубо ответил Волков, все еще думая, что это один из бандитов.

— Серега, вижу ты тут совсем плохой стал.

Волков внимательно присмотрелся к тому лицу что стояло перед ним, за решеткой, и в тот миг, его щетинистая с кровавыми подтеками физиономия, расцвела в добрейшей улыбке.

— Сильвер! Космический ты черт. Неужели это ты?!

— Я, Серега! Я! Сейчас я тебя оттуда вытащу, — сказал Джек и в тоже время пытался угадать код оропонного замка, но тот был как заколдованный.

— А ну отойди в бок.

— Что взрывать будешь? — вдохновенно спросил Волков и отошел в сторону.

— У меня есть кое-что посерьезней, — ответил ему Джек, а сам подумал: «Надо только выбить решетку, а не пробить прошивку корабля», — и с мыслями о силе удара, резко бухнул ногой по металлической двери.

Решетка вылетела с огромным шумом: звеня и подпрыгивая она рикошетом прошла по всему карцеру и только хорошая реакция спасла Серегу от еще одной отметины. Волков только открыл рот от удивления, как Джек ему сразу сказал, что у него вместо ноги протез и сейчас такие делают и что технологии тоже не стоят на месте, и что он там на своем Марсе совсем отстал от жизни, на что тот полностью согласился.

Джек по дружески обнял Волкова и они похлопав друг друга по спине, еще не верили, что такое может быть — встреча так встреча: и еще где. Потом Сильвер предложил пройти в отсек управления кораблем, и продолжить там их беседу. За все те годы, что они не виделись, у каждого из них накопилось очень много вопросов друг к другу — они быстро отправили тех пьяниц в карцер (Чего-чего, а карцеров на «Голиафе» тоже хватало), уселись за стол, который был приготовлен как будто специально для их встречи, и глотнув по глотку арианского вина, пятидесятилетней выдержки, ударились в ностальгию.

Глава 5

Радость Мирона, по поводу поимки демонов, граничила с эйфорией, и мысль что весь этот кошмар с войском Василия: вот-вот должен кончиться — бодрила. Похожую рыжею собаку словили, на одной из помоек города — не хватало только Джека; подразделение «Барьер» было заперто в погребе: в том самом погребе, где сидела Вероника — другого места не было.

— Для полного комплекта, только твоего знакомого, и не хватает, — усмехнулся Степан.

— Он такой же мой, как и твой. У него же на лбу не написано, что он засланный.

— И где мы теперь будем его ловить? Эти говорят, что он с крыши полетел прямо за стену.

— Степа! Ну что ты несешь?! Куда он там мог полететь?! Сорвался, и лежит где-нибудь с поломанными ногами. Найдем! Далеко не уползет... если живой конечно, — сказал Мирон и радостно потер ладошки, а потом добавил: — А если что, то отдадим вместо него ту репортершу, ведь она по-ихнему такой же демон... — и громко рассмеялся. — Мы, с тобой, братуха... тоже демоны... от уже чуды... не дай бог!

— Лучше быть демоном, чем колхарем.

— Это ты точно приметил, — и в один голос обсмеяли арианских жителей, с выдаванием разных реплик в их сторону.

Настроение было замечательное, единственное что омрачало, так это тысячные толпы под Панифексом, что вооружившись транспарантами, которые искусно сделал Сикофант — толкали разные, революционные лозунги.

Сам же «дедушка», в толпе не наблюдался: он находился на секретном задании, где под четким руководством Шарика, организовывал подпольный, диверсионный отряд, из числа бывших каторжан.

Но, то что, чья та невидимая рука руководила всем этим спектаклем, на площади, явно просматривалось: в четкой организации митинга.

— Ты вот, лучше скажи, что с этим делать? — сказал Мирон глядя в окно, на протестующих.

Степан промолчал, так как ничего дельного в голову не приходило, ведь теперь это не сто или двести человек, а весь большой город восстал против правления Миклована.

— Правильно ты думаешь, Степа. Отваливать надо и побыстрей. Вот только войско отправим, и ходу в пещеру, а этот Миклован Передириевич, пускай сам расхлебывается... мы свое потом... наверстаем.

Но Миклован, сильно не переживал, по поводу всего того, что затеял его народ, он был в очень хорошем настроении, и твердо знал одно, что как только они отдадут демонов, Василию, так на этом все его страхи и кончатся; а сейчас у него по расписанию было принятие ванны с ароматизированными маслами.

Джек и Серега Волков сидели за переполненным вкуснятиной столом, в командном отсеке: управления «Голиафа», и праздновали свою встречу. Скажи кому-нибудь из них раньше, что они встретятся в такой обстановке, то они бы ни за что в это не поверили, как и в то что их дороги разойдутся на много лет, и именно до этой встречи.

Говорили они и о том, и сем: Волков рассказал ему как погорел на контрабанде Сеня Модельгест, который много лет был капитаном «Голиафа» и с которым у Сильвера сложились

дружеские отношения; на что Джек недоверчиво качал головой и все еще не хотел в это верить; он в свою очередь, ему рассказал, про старого бирийца, и о той штуковине, что завещал старик — но Волков только с удивлением посмотрел на амулет, и сказал, что ничего подобного не видел.

Неожиданно их разговор перебил диктор с экрана:

«...Срочные новости: чрезвычайное происшествие в дикой зоне...»

Джек с Волковым одновременно повернули головы в сторону плазматрона.

«...Если, вы смотрите наш канал с детьми — просьба: увидите их в другую комнату... то, что случилось в дикой зоне, — продолжал диктор, — повергло в шок не только наших корреспондентов. Даже, выдавшие виды, работники полиции не смогли сдержать свои эмоции... — на экране замелькало изуродованное тело женщины, которое полиция вытащила из реки: где-то, далеко, за периметром Тронплекса».

— По-моему, если человек: болван, то это на долго... только, что разве, новорожденный... дураков так тех не пускают за стену — не знает, что выходить в дикую зону без гида: опасно для жизни... если конечно, с протонной винтовкой на перевес... то это другое дело, — ухмыльнулся Сильвер.

— А я уже совсем забыл, когда Землю топтал.

— Вот возьмешь отпуск, и мы с тобой ...

«...Как было установлено по ДНК... — сказала диктор и на секунду замолчала: прошлась платочком по глазам, — ...извините не смогла удержаться. Это была наша коллега с Сб: Вероника Джонсон, а как она там оказалась...»

Друзья прекратили общение, и удивленно смотрели на экран. И то что рассказывал диктор, о якобы несчастном случае в дикой зоне, произвело на них такое же впечатление, что и на всех жителей города — второе за неделю, громкое происшествие, в относительно благополучном Тронплексе: не на шутку разожгло эмоции простых людей.

«...Трептондил, как всем известно, очень ревностно охраняет свою территорию, и это животное, если не заходить... а вот послушайте, что по этому поводу думает профессор Сун Пень Вань... — Местом обитания трептондилов является, водоем: речка, озеро — но берег, и как правило, глубина меньше метра... не является его территорией, а только...»

— Что за нахрен трептондил?! Она была ведь со мной: здесь, и ее потом куда-то забрали, а меня в карцере оставили... — удивлялся Волков.

Теперь Джек понял, что имел прокурор, когда говорил «А репортершу эту, доставишь мне в кабинет, лично!» Все эти слова крутились в голове, и постоянно повторялись, и надо было что-то срочно предпринимать, пока там не переиграли и не отправили кого-нибудь по ее душу. «Нет, консервная банка! Веронику я тебе не отдам!» — подумал Джек и резко встал из-за стола. Волков что-то еще возмущенно говорил, но Сильвер, его уже не слушал, и даже забыл, что хотел действовать полностью по планированию Шарика; но и Волкову он пока не стал ничего рассказывать.

— Серега! Давай заводи этот ... — антикварный хлам, хотелось сказать, но язык не повернулся, ведь «Голиаф» хоть и был очень старым кораблем, все-таки он был «живой» легендой, и был еще способен на многое.

- А что, случилось: что?
- Случилось, случилось... и давно случилось!
- Я с тобой.

— А куда ты денешься! — сказал Джек и на его лице появилась улыбка, он по дружески хлопнул Волкова по плечу: — Давай заводи!

— Ну по космосу, мы вдвоем полетать, допустим, не сможем, а вот приземлиться я точно смогу.

«Голиаф» слегка дернуло, и он плавно пройдя атмосферу, горным орлом, беззвучно запарил над землями Арианы — взяв курс в Надан. Программа координат последнего приземления, сводила управления кораблем, только с ответом на вопрос о подтверждении места назначения.

Внизу показались пустынные улицы Эдема, мелькнул дом Банзая, затем «Голиаф» пролетел над Верхней Балаболовкой, где Джек увидел похоронную колонну на все село, впереди которой виднелось три гроба — один из них был белый. Пролетев большой лес, и множество полей и сел — дисплеи управления, все быстрее и быстрее отбивали расстояние в километрах до города, а когда цифры замигали красным и перешли отсчитывать метры — Волков переключил на ручное управление.

Большая тень от боевого корабля полностью накрыла город и раздался громкий скрежет металла — шпиль колокольни, с искрами и визгом, обломался, об днище «Голиафа». Горожане бросили свой митинг, и быстро полезли на стены города, чтобы лучше рассмотреть чудо, поскольку крестьяне уже видели космолет раньше, то особого страха никто не испытывал. Но войско Василия же, наоборот, одолела паника: кто кидал копья, кто просто убегал, но везде слышалось только одно: «Демоны! Демоны! Демоны!»

— Слышь, Серега, как бы нам шугануть этих вояк?! Да и по-взрослому: чтобы как следует ... чтобы просрались там: как надо.

— Не вопрос! Сейчас сделаем.

Через семнадцать секунд, раздался, одновременный залп, с тридцати пяти, пятисот мегатонных пушек — выстрел был направлен в лес и по соседним холмам, но и этого хватило с головой, чтобы войско и горожане кинулись убегать; крестьян охватила непомерная паника: народ бежал, кто куда, не думая ни о чем; зарево от вспышки злое затмило Зирка и от взрывной волны задрожала земля — близлежащий лес горел, а пыль с холмов, накрыла весь город и округу; свет померк утопая в клубах пыли.

Мирон от такого шума, мигом выглянул в окно, и увидев, как «Голиаф» меркнет в тонах пыли, что поднял его залп — тут же, закашлялся от едкого привкуса: грязи и навоза, что клубом ворвался в окно, он быстро закрыл ставню и с довольной физиономией выпалил:

— А ты, Степа, на Баклана бочку катил... видишь, как он вовремя!

— Ну!.. — почесал затылок Степан.

— Что, ну! Валерчик надежный пацан и не раз ... — переполненный радостных чувств сказал Мирон, при этом ходил со стороны в сторону, и одно приоткрывал ставню, выглядывая наружу; он думал, что Баклан каким-то невиданным образом узнал, или увидел что твориться в Надане — сверху то оно всегда видней, или мало что там за оборудование: на том корабле; и быстро поспел им на помощь; а то что его товарищ за праздником души, даже неизвестно где, задел свой единственный фонотрон, и без всякой на то причины отрывался по полной программе: глуша вино, с другим, таким же джельтеменом удачи; и то что в данный момент тело, самого надежного человека, под сильной дозой алкоголя, валялось на полу карцера: в луже собственной блевотины — он даже и не догадывался.

Волков открыл шлюз для выброса десанта, и Джек с протонной винтовкой в руках прыгнул на отлогую крышу колокольни, и сразу перепрыгнул на соседнюю, близстоящего дома; уловив тонкости управления, своим телом он с точностью до миллиметра прыгнул с дома на дом, и уже через минуту стоял на золотой крыше Панифекса.

Где обследовав каждый уголок, так и не нашел ни одного входа в середину. «Ну ладно! Сделаем сами себе вход», — думал он, когда криптонитовый нож прошелся по кругу ослепляющей обшивке крыши; золотой диск, по инерции, отковырнутый лезвием ножа, зазвенел, и отскочив отливной трубы: полетел вниз.

Джек быстро нырнул в середину и оказался на чердаке, где было что в хорошем музее и все то время пока он там бродил в поисках выхода — даже и не мог подумать, что бывают такие чердаки; в хоромы Миклована свет золота и вычурный интерьер ослепили глаза: «Да, уж!» — сказал он вполголоса и продолжил обследовать каждое помещение: продвигаясь все дальше и дальше; через минуту слышались голоса, что слившись воедино лились с нижнего этажа. Сильвер бросил взгляд на протонную винтовку в его руках и с мыслями, что надо заканчивать с этим дерьмом, твердой походкой пошел на звуки голоса. Протонка, которой он владел, лучше, чем ложкой, по матерински грела его душу.

— Так, всем на пол: руки за голову, ноги скрестить! — сказал Джек ворвавшись в комнату, где находилась вся интересующая его публика.

По иронии судьбы, даже пехотинец, у которого была привилегия на пользование протонной винтовкой, не обезопасил Мирона; он вывалившись на половину в окно, смотрел вверх: на «Голиаф» — напрочь забыв об охране двери. Твердохлебов же, не ожидая такого поворота событий, стоял как маленький ребенок: с открытым от удивления ртом.

— Мне что повторять?! Быстро ...

Не успев договорить, Джек получил сзади, сильный удар в затылок — в глазах в ту же секунду поплыло и он потерял сознание.

Очнувшись, он ощутил сильную боль в голове, руки были связаны, а чьи то большие ладони, с осязательной, силой хлопали его по щекам.

— Очнулся? — услышал он знакомый голос, и увидел улыбающееся лицо Малыша.

Даже то, что он был связан, не сильно уже и беспокоило, увидев Гарри Сильвер сразу подумал, что сейчас он его развяжет и на этом все кончиться, но следующая фраза, поставила растрепанное чувство к боевому другу под сомнение:

— Не обижайся, Джек! Ничего личного: просто работа.

— Когда же ты успел продаться?

— Ну знаешь ...

— Тебе тоже предлагали... и все могло быть по-другому! — громко сказал Мирон, с другого края комнаты, и выглянул в окно. — Где же этот Баклан, что он там ...

— Если ты думаешь, что тебе помогут: те два алкоголика с «Голиафа», то ты глубоко заблуждаешься. Предлагаю сдать: тебе и твоей компании, — сказал Джек и сплюнул кровь, прямо на бергемскую плитку, но Миклован вероятно этого не заметил, а то бы точно получил разрыв сердца. — Билет в Элизиум тебе уже забронирован! Голиаф, под контролем Волкова, — продолжал Сильвер.

Когда Мирон услышал, про билет в Элизиум, у него от нервного тика, задергался правый глаз, и это прозвучало как смертный приговор; ведь дорога на Марс была ему заказана, и он там: «спалил все мосты». А от мысли, что начальник контролирует «Голиаф», то его вообще затрусило так, что он сразу покрылся холодным потом, и липкие ладони только напомнили о давно потерянном чувстве страха; ведь это было как четыре козырных туза в одной руке — противостоять мощи, военного, межгалактического корабля: бессмысленно, тот в считанные секунды, мог оставить от Надана один пепел.

«Вот для чего нужна репортерша. Вот мой билет, только совсем в другую сторону», — мелькнуло в голове Твердохлебова, и он тут же, шепнул что-то, Лешику на ухо.

Через десять минут Леха затолкал ободранную и жмурящуюся от света, Веронику.

— А что ты на это скажешь?

Джек поднял голову и его взгляду предстала, до смерти перепуганная Джонсон, которая сразу его узнала и тут же крикнула: «Джек!» Потом рванулась в его сторону, но Мирон грубо схватил ее за руку, и дернул так, что девушка упала на колени.

— Куда ты, козушка, разогналась?! — проговорил Твердохлебов и за волосы потянул вверх: поставил ее на ноги.

Вероника стерпела всю ту боль, от которой казалось, что и скальп слезет, тотчас развернувшись и с глубокой ненавистью к этому подонку — двумя руками, вонзила свой дорожный педикюр, прямо ему в лицо. Как она думала, что терять теперь ей нечего, а позволить унижать себя, этому уроду, что поднял руку на женщину, да еще и при Джеке — это было ниже ее достоинства. Мирон громко закричал, и его лицо заточило множеством красных ручейков, а репортер будто дикая кошка — сжимала так, что многие ногти ломались от такого напора.

Но отвести душу по полной не получилась, она не успела и глазом моргнуть, как сильный удар в голову, от Малыша, мгновенно отключил — и ее тело отлетев на три метра, как большой кусок мяса, плюхнулось недалеко от Сильвера.

Мирон стонал, от заливающей глаза крови, обломки ногтей Вероники были у него по всему лицу.

— Сука я тебя ... — шипел он от злости, и протирая глаза, двинулся в сторону лежащей репортерши, но Степан крепко схватил его за руку, и одернул назад:

— Наш билет в счастливое будущее, или как ты там говорил?! Пускай пока живет.

От гнева, Мирон, не находил себе места: ходил взад-вперед, не зная, что и придумать — психофизическая атака со стороны Вероники, завела его нервы до предела и мысли: как те жучки, наскакивали друг на друга, не давая сосредоточиться.

— Так, этого в шляпе — теперь он нам не нужен, к окуням! — сказал Твердохлебов, а сам глянул на Веронику, и подумал, что не избавиться ли, за разом, и от нее.

Как только, Миклован услышал о своих подопечных, он, довольный как слон: после купания, вскочил с кресла, и потирая ладошки, начал насвистывать детскую песенку и тут же пританцовывал:

*Спи Миклуша спи сынок
Повернись на левый бок
Глазки чубик и глаза
Золотые волоса....*

— Ты, придурок, вали на хрен, со своими свистами и гребаными танцами! — со злости крикнул Мирон, и тотчас отпустил ему сильный подсрачник.

Тот что-то буркнул в ответ, запетушился, но сразу заулыбался и округлил глаза, потом три раза: в ритм, отбил свистом, подпрыгнул вприсядку и защелкал пальцами — затем с довольной физиономией, козлом, выпрыгал из помещения.

— Ну точно, придурок! — не находил себе места Мирон.

— А ты что, только узнал?! — заливался Степа.

— Да, Степа, только узнал... а ты чего лыбился... бери этого и за мной?! Только сначала ту козу свяжи! Я ей потом...ух... ну и сука!

Малыш, быстро управился с Вероникой, потом схватил Джека за ногу и потащил через весь Панифекс, вслед за Мироном: до «окуней» — там он его кинул перед решеткой, где Миклован, что-то возился с замком.

— Развяжи его! Все равно не куда не денется, — буркнул Твердохлебов.

Малыш развязал Джека, и отошел к дивану — стал с заду.

— Последнее слово, не хочешь сказать?

Сильвер встал с травы, и немного отряхнув штаны, поднял свой взгляд в сторону лихой компании:

— Мирон, ты вроде бы, и не дурак, а ведешь себя: будто маленький ребенок.

Твердохлебов потянулся за дробовиком, но Степан одернул, и сказал, что это его последние слова, пускай говорит.

— Ты еще не понял, что это твой конец? — продолжал Джек.

— А что я должен был понять?! — сильно нервничал Мирон, и думал только об плохом, ведь с самого начала все пошло: не так и дурное предчувствие не покидало его ни на минуту, с тех пор, когда он впервые ступил на Ариану.

— Планета заблокирована. Корабль под нашим контролем, а то что ты собираешься меня убить, тебе ничего не даст. Завтра сюда закинут полицейский спецназ, а те точно с тобой разговаривать не будут.

— И что ты предлагаешь?

— Я тебе уже сказал. Сдавайся! И полет в первом классе на Марс, я тебе гарантирую.

— Да мне что здесь... как ты говоришь, что в Элизиуме... — сказал он с комом в горле, и мысли про Бубуинов и оставленного на произвол судьбы Удава, пленили его сознание. — Вы меня еще попробуйте возьмите! — и кивнул Малышу с намеком на Джека. — Поговорили и хватит. Миклуха, давай зови своих «окуней».

— Ты хотел сказать Стр...

— То, что я хотел сказать, сказал!!! — громко закричал Твердохлебов перебивая Передиревича, и даже встал с дивана.

— А ты что стоишь... отрабатывай давай... все им блядь, надо разжевывать?!

Малыш трусцой подбежал до Джека, и сразу, начал толкать его за решетку.

— А я думал мы друзья, — сказал Сильвер, с большим чувством разочарования.

— Дружба дружбой, а деньги врозь! Мне кто платит, тот мой и друг.

— Как же ты, Гарри, изменился!

— Джек, давай заходи, и не заставляй меня применять силу.

Сильвер попятился назад и сильный толчок от Малыша, заставил сделать его, еще, шаг назад: за золотую решетку — лязгнул засов и Миклован с дурацкой улыбкой на все лицо, быстро накинуд замок. Джек с чувством, будто ему в рот напихали собачьего дерьма, подумал: «Вот и друга только что потерял... а был ли он мне другом? Или просто так... вместе служили? А ведь он меня тогда ...» — горький осадок от этого предательства был огромен, и подумавши, что теперь он уже точно не даст, себя... Как, неожиданные щелчки и посвистывание со стороны Миклована, отвлекли его от мрачных мыслей, и даже развеселили.

Этот уже давно не молодой и чрезмерно полный человек, что-то там насвистывал, пощелкивал и неуклюже пританцовывал, и вдобавок был наряжен словно рождественская елка в день тысячелетия.

— Ты что решил, меня до смерти, смехом довести? — спросил Джек, и громко рассмеялся.

На что тот ничего не ответил, и как в ничем не бывало продолжал свой ритуал.

Тут с дверей Панифекса, которые вели во внутренний двор, послышался голос охранника:

— Миклован Передириевич, вам гонец, от Василия.

Но императору, было не до этого, он так увлекся своим ритуалом, что не обратил на эти слова никакого внимания.

— Давай веди сюда! Своего гонца, — приказал Мирон.

Через минуту, в сопровождении охранника, во двор, вошел мужчина крепкого телосложения, лет под сорок; вязаная шапка на голове, маленькие усики — и вообще: что одежда, что он сам, были обычны и без ярко выраженных примет. Рядом с крестьянином крутился рыжий кобель.

— Давай сюда, свое послание.

— Батюшка Василий просил передать на словах, что если вы не отдадите ему демонов: в течении часа, то он подпалит весь город.

— Что прямо так и сказал, что подпалит весь город?! — издевался Мирон, ведь он четко видел, как войско Василия: напуганное «Голиафом», в панике разбежалось в разные стороны.

— Да! Так и сказал «Подпалю, а потом и камня на камне не оставлю».

— Можешь передать своему батюшке, что не пошел бы твой батюшка на ... — сказал Мирон и громко рассмеялся, а дружный смех беспардонной компании, только подтвердил его слова.

— Ваши батюшки с мамушками и все... вы уже у меня в печенках сидите, — дал волю чувствам Твердохлебов, и полностью забил не все этикетки и порядки; ведь прятаться и тихариться больше смысла не было, а та протонная винтовка — даже две, потому что, при необходимости Леха смог бы стрелять с обеих рук, могли навести не меньший переполох чем «Голиаф», и разгромить не одно такое войско.

— И чего это ты... — тут он подумал, что посыльный ни при чем, и не стоит обижать человека, — с бродячей собакой по императорским палатам ходишь... привязал что ли бы, возле входа?!

— Собака не моя.

— Ух, как я не люблю бродячих собак! — пробурчал Гарри и направился в сторону Шарика.

— Слышь, Малыш, брось эту дворнягу, тоже к «окуням», — крикнул ему в след Мирон.

Гарри быстрым шагом подошел к Шарiku, тот стоял как вкопанный. Потом эта черная, здоровенная детина, схватила рыжего за хвост и потянула, что есть мочи, но бобс как стоял, так и остался стоять на своем месте; Малыш еще сильнее напрягся и со всей силы, накрутив хвост на руку, дернул в свою сторону, при этом изобразил такую гримасу: будто собирается поднять целую тонну.

— Да ты попробуй двумя руками, или ты еще сегодня не ел своих стероидов?! — крикнул за решетки Джек и ему вспомнился, разговор с Далатяном о пятидесяти тоннах.

Малыш зло глянул на Сильвера, а вся компания, включая Мирона, смеялась выдавая шутки в сторону Гарри, думая при этом, что он просто прикалывается. Только одному Малышу было не до шуток, он не понимал в чем дело, и все сильнее и сильнее тянул Шарика за хвост, потом даже взялся двумя руками.

Прерывая веселье, на берег искусственного озера выпрыгнуло два «окуня» и попрыгало в сторону Миклована; громкое щелканье и насвистывание с их стороны отвлекло Сильвера от спектакля, что устроил рыжий. «Ты смотри, рыбу дрессирует. Большой человек! А я с него смеялся», — виновато подумал Джек, и продолжил наблюдать чем кончиться дело: с неоправданной агрессией, к четвероногим друзьям.

Малыш опустил одну руку, и потянулся ей за спину — в ту же секунду сверкнул армейский нож; и он все еще таща Шарика за хвост: одной рукой, другой замахнулся, чтобы отрезать кобелю хвост. И в тот миг, принимая странную и неизвестную, текучую форму, по руке, на глазах у всех — собака влилась в середину тела Малыша.

Смех тотчас прекратился: все с удивлением смотрели на этого огромного негра, который тут же выпустил нож из рук, и сразу схватил себя за голову — начал громко кричать; а с его ушей, как с кипящего чайника, пошел: то ли пар, то ли дым, и через пять секунд его уже пустая шкура, сложилась на траву.

Компания, на диване, испуганно переглянулась, и Мирон дал маяк Лехе что бы тот глянул, что там стало с Малышом. Пехотинец не спеша подошел к тому, что осталось от злонаправного живодера, и протонной винтовкой приподнял шкуру. Все это напоминало большой, кожаный комбинезон, который можно было одеть, и сразу стать Малышом — если конечно размер подходит.

«Окуня» в это время начали громко реветь и дуться, что сразу привлекло внимание Сильвера. Присмотревшись повнимательнее он понял, что никакие это не окуня. Существа распухли до своих максимальных размеров и показали зубы. «Надо что-то делать», — подумал Джек и резко подбежал до одного из страшил — отфутболил его на ту сторону решетки; чудо-юдо перелетев ограду упало прямо в руки Миклована; другой же зубастик, не теряя времени, атаковал Сильвера: впился ему в правую ногу. Джек ощутил легкую боль, которая прошла через две секунды, и послышался скрежет ломающегося металла — игловидные клыки чудовища сломались в секунду, усеяв траву возле его ног: сверкающими иголками. Монстро, отпустило ногу и покатилося в сторону озера, но Джек прыгнул в сторону убегающего стрептокиназа и приземлился прямо на него: подсознательно придавив двумя ногами — раздался звук лопнувшего шарика и зелено-фиолетовая слизь окрасила сапоги и нижнюю часть его брюк.

Миклован под сильным впечатлением: великого счастья, держал «сынка» в руках, и от переполняющего края экстаза — залился соловьем на весь двор; но это никак не отразилось на кровожадного «окуня», который разделался с кормильцем, беспощадно: жесточайшим образом — единственным что имелся в его арсенале. И теперь эта большая куча фарша... сверкала от золотого прикида императора, а на ее верхушке красовалась золотая корона, с драгоценными камнями.

*Прошла удача стороной,
Но сбылось, то мечтанье:
Свистел душой, топтал ногой,
Держал он мрака созиданье*

*А демон, клал и свистел:
С едой он так общался,
Быть сыном папе не хотел:
Отправил представляться*

Увидев такой неожиданный разворот событий, Мирон быстро шмыгнул в Панифекс, а Леха пытаясь обезвредить кровожадное существо, так волновался, что все те два раза, что он успел пальнуть — промазал, и только проплавил большую дыру в золотой решетке.

Стрептокиназ в минуту разделался с Лехой, а следом и со Степаном, который пытался бить чудо табуретом и даже успел пырнуть разок его ножом.

Один гонец стоял, как в ничем небывало, и даже шагу не сделал чтобы убежать. Чудище разделавшись с теми двумя, напало на гонца — послышался срежет метала, и через двадцать секунд, посланец Василия, стоял уже полностью без одежды; и сверкал на Большом Зирке:

своей полированной поверхностью — эта «консервная банка» оказалась не по зубам диковинному монстру.

Стрептокиаз оставил Сикофанта кинулся на Сильвера, который в это время выходил с дыры: проплавленной Лехой в золотой решетке. Джеку не очень понравились все те сопли, что остались от предыдущего существа, и он перепрыгнув через стремительно катящегося на него зубастика, быстро поднял протонную винтовку — и с развороту, пальнул в сторону чуда-юда; яркая вспышка заряда поглотила существо.

— Семьдесят седьмой, почему не уничтожил?.. — и винтовкой указал в сторону озера.

— Для моих функциональных способностей, оно безвредно, — услышал Сильвер, и сразу понял у кого мог он этого научиться.

Шарик опять как всегда был по делам; и Джек дав указание киборгу найти и освободить пленных, сам отправился по следам убегающего Мирона.

За два прыжка, со двора, он впрыгнул на крышу Панифекса, и с высоты оглянул главную площадь, на которой потихоньку начали появляться перепуганные: залпом «Голиафа», люди; крепко сжимая протонную винтовку Сильвер, запрыгал по крышам Надана и остановился, только на самом краю: десятиметровой стены, что окружала город.

Легкий ветер обдувал его со всех сторон, раздувая края кожаного плаща. Вид близлежащей местности был как на ладони, везде виднелись брошенные шатры войска Василия; поле: вдоль и поперек, было усеяно военным снаряжением — бригады военных спасались бегством как будто после всемирного пожара, только кое-где виднелись солдаты, которые по неизвестным Джеку причинам что-то там делали.

Вдруг, вдали, его взгляд уловил одинокого всадника, с чем-то большим на перевес, который подымая клубы пыли — стремительно удалялся вдаль. Джек стоял на стене и смотрел как лошадь удаляется все дальше и дальше, по направлению к лесу. После пятисекундного раздумья, он поднял голову, посмотрел на «Голиаф»: «Видишь ты там или инет», — и махнув рукой, продолжил всматриваться вдаль.

«Он не он... может и не он... эх, пробежусь... попугаю!» — с чувством азарта подумал Джек и спрыгнув с стены, резко набрал скорость.

Уже через восемь секунд он бежал в тридцати метрах за лошадью, и был рад что вовремя заметил Мирона, а то бы еще чуть-чуть и ищи ветра в поле. Лес приближался все быстрее и быстрее, а Твердохлебов только подгонял лошадь. Джек не знал, что и делать, ведь Вероника была без сознания и лежала поперек коня, поэтому о стрельбе не было и речи. Он придал еще газку и забегая сбоку от лошади громко крикнул: «Давай тормози! А то будет хуже». Мирон повернул голову и явно не ожидая такого... — очень удивился: рядом бегущим Джеком. «А может и правда, демон», — подумал он и еще не веря своим глазам, скинул с плеча помповое ружье, передернул прямо, навесу и направил на «демона». Но не успел Мирон даже глазом моргнуть, как Сильвер, бежал уже с другой стороны лошади; громкий хлопок сопровождая заряд картечи — эхом пролетел вдаль Арианской степи; Джек делал один и тот же маневр: постоянно перебегал со стороны в сторону не давая Твердохлебову как следует прицелиться — выстреляв все патроны, Мирон кинул в сторону Сильвера само ружье.

До леса оставалось не больше ста метров и на раздумье... маневрировать вокруг коня по лесу... да и загнать коня своим преследованием Джек не собирался; хотя поначалу такая идея присутствовала. И тут его согрела стоящая мысль, он хорошо прицелился и одним метким прыжком прыгнул на коня, и сразу оказался за спиной Твердохлебова. Мирон не успел даже ничего понять, как Джек мощным движением рук выкинул его с седла: прямо на скаку, а сам быстро прыгнул на его место — враз остановил скачущую лошадь.

Твердохлебов кубарем полетел по пыльной дороге и чуть не свернул себе шею — отделался легким испугом, но при попытке: резко встать, подвернул ногу и с криком: «Вот, черт!» — тут же упал.

Джек развернул коня и шагом, подъехал к лежащему в дорожной пыли Мирону.

— Я же тебя предупреждал...

— Да пошел ты!

— Предлагал я тебе полет на Марс первым классом, теперь обойдешься карцером.

На что Мирон ничего не ответил, только громко закричал: проклиная все на свете — уперся лицом в придорожную траву, и остервенело забил руками по земле.

*Сегодня царь с тремя перстнями³⁷
В лучах ты славы в теплом сне
А завтра ты мешок с костями,
Гниешь на поле, в белене*

*Но кости эти не забвеньё:
Подарок царский всем червям
Как долг, расплата: на прощанье
И польза злаковым степям*

Сикофант тем временем, нашел пленников и перепугал их до смерти, и не только своим видом: сейчас он не был похож ни на дедушку, ни бабашку, или... — но и тем как он вырвал двери с погреба: вместе с металлической луткой... и зловеще засверкал в свете масляного фонаря. Но потом когда выяснилось: кто да что — смеялись наверное полчаса. Киборг сказал, что задание по их освобождению выполнено, и они могут оттуда выбираться, но команда не сильно то и спешила выходить с такого схрона; и как сказал Марк, что он остался бы там жить, а когда они покидали подвал, он громко всем объявил, что берет — это только как сувенир: на память — и напихал полные карманы драгоценностей.

Вооружившись протонной винтовкой, подразделение последовало к воротам города, так как со слов киборга было уже ясно чем все кончилось.

На улицах Надана, сплошь и рядом, висели портреты Джека, под которым была надпись. «Я ваш новый император, и обещаю вам, что...» — предвыборный спич новоиспеченного правителя, был составлен в лучших традициях предвыборной компании.

— А сказал, что не останется здесь и дня, — удивлялся Марк.

Но Джек и сам еще этого не знал, ведь свой выбор он оставил на Шарика, а так как тот всегда: планировал, только с самым наилучшим окончанием, то вот...

— Наверное, придется и мне здесь остаться, — как бы невзначай проронил Ломоносов и почесал маковку.

И тотчас, три пары глаз, удивленно пронзили Федора насквозь.

— А что! Если император свой человек. Как ты там Марк говорил «Жизнь проходит мимо», вот я решил ...

— Ну и оставайся! Кому ты ... — перебил его Марк, но не досказав до конца: то что хотел сказать, тут же похлопал его по плечу: — Кому ты здесь помешаешь. Может бабу себе найдешь, в таком месте знаешь какие...

Горожане шли в метрах сорока за подразделением и удивленно перешептывались, а многие и крестились — нет, их не смущал вид этих людей, больше всего их пугал сверкающий блеск зинтольской стали Банзая, который шел вместе с подразделением и переливался на Большом Зирке, словно большой кусок зеркала.

37 Стих «Памятка олигарха», автор А. А. Протасов

Волков долго раздумывать не стал, спустил корабль на то самое поле капусты и открыв посадочный шлюз с нетерпением ходил по трапу: взад-вперед — в ожидании Джека. Он сверху наблюдал, как Сильвер, обезвредил бандита и сначала очень переживал, чем все кончиться, потому что кроме как превратить город в пыль он больше ничем не мог помочь. Но когда врубился, что протезы то протезы, а догнать коня и перелететь через стену... ему сразу, очень захотелось, для себя, это уточнить.

Подразделение в сопровождении любопытствующих зевак и тысячных взглядов со стены города, вышло за ворота Надана и в сопровождении киборга направилось к «Голиафу». Стив дал Сикофанту понести протонную винтовку, и сказал, что теперь он будет вместо Ломоносова, и тут же повернув голову до Феди, сказал, что пошутил. Семьдесят седьмой, с видом заядлого пехотинца крутанул винтовкой и со словами: «Команду понял», — закинул протонку на плечо; винтовка замигала зеленым и характерный щелчок дал всем понять, что она работает. Но никто не стал заострять на этом внимания; после всех событий что с ними произошли на Ариане — удивляться особо чему не было...

— Всегда мечтал, на таком корабле полетать! — замечтался Стив.

— Я тоже, — поддержал Марк.

— А я ...

— Ты тут остаешься! — перебил Федора Марк, и влил ему легкий подзатыльник: — И я может останусь... — добавил он и эта тема понравилась и остальным; и как весеннее солнце, как мороженое для ребенка: согрела души утомленному подразделению и сразу же превратилась в сладкую дискуссию о жизни императора, и о том, как они заживут... «И полный подвал золота с бриллиантами», — размечтался больше всех...

Мирон ехал в тридцати метрах, вперед, от Джека, и управлял лошадей сам: будто он не был пленником, а просто прогуливался в сопровождении этой компании — бежать было некуда, а протонная винтовка в руках, Сильвера, была только этому подтверждением.

Джек с Вероникой медленно шли в сторону города и говорили о разном, и больше это было похоже на встречу закадычных друзей, которые сто лет были знакомы и давно не виделись, вся эта история только сблизила родственные души. Он рассказал ей все то, что увидел по новостям, а она при этом сильно плакала и одно повторяла: «Как это они могли со мной?! Ведь я ...» — и еще больше плакала.

Крепко обняв Веронику, Джек твердым шагом шел к своей судьбе, и не переживал уже ни о чем — план по дальнейшему развитию событий, сам созрел в его голове. И тот прибор по нанесению флузелиновой маски, что был обнаружен у Банзая, играл в нем не последнюю роль; вдали уже можно было различить лица родного подразделения, и Волков махал им рукой с трапа «Голиафа». Сильвер еще ближе прижал к себе плачущую Веронику, и сам думая о всех тех событиях, что произошли с ним за последнюю неделю, всерьез задумался о планировании, которое ему надо было теперь уже спланировать лично для себя, и сделать это тоже надо было самому — в таких делах Шарик был уже не подсказчик, хотя...

*Бежит строка и льется речь
Параграф бьет как острый меч
И за главой летит глава
Моргают — спать хотят глаза
И враг убит — прошел дурман;
Сюжет раскрыт и спал туман
Победа правды на коне
Роман зажег — конец войне*

Эпилог

*Прошла судьба: спиной широкой,
Но не сломался сильный дух
Характер стал еще прочнее,
Развился к бедам острый слух*

*Судьба граничит с жизнью, с смертью
Стараясь низко нас нагнуть
И только личность выживает,
Что может выбрать верный путь*

*Но путь — начало к совершенству!
Награда избранных судьбой
Кому все боги преклонятся,
И подтолкнут к мечте большой*

Конец

